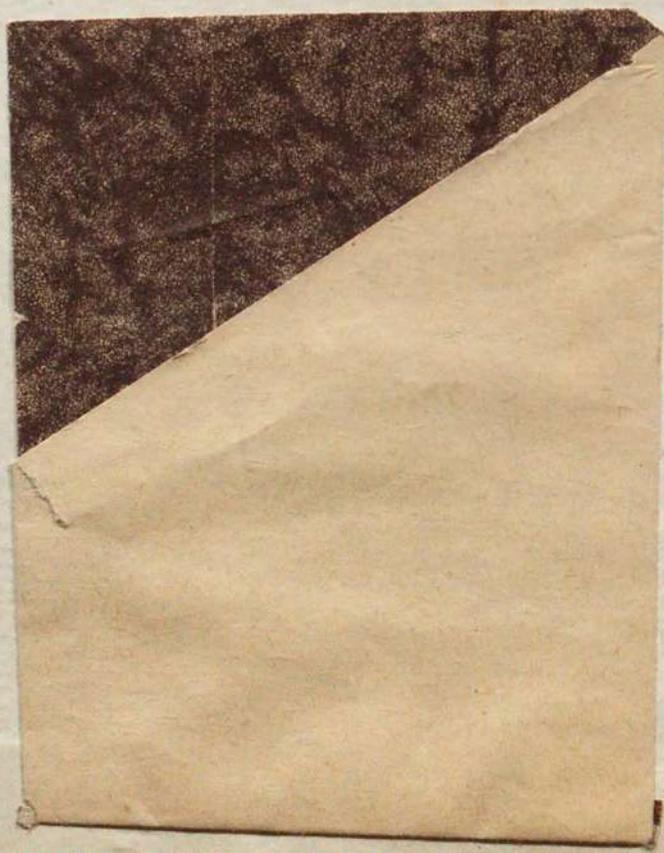
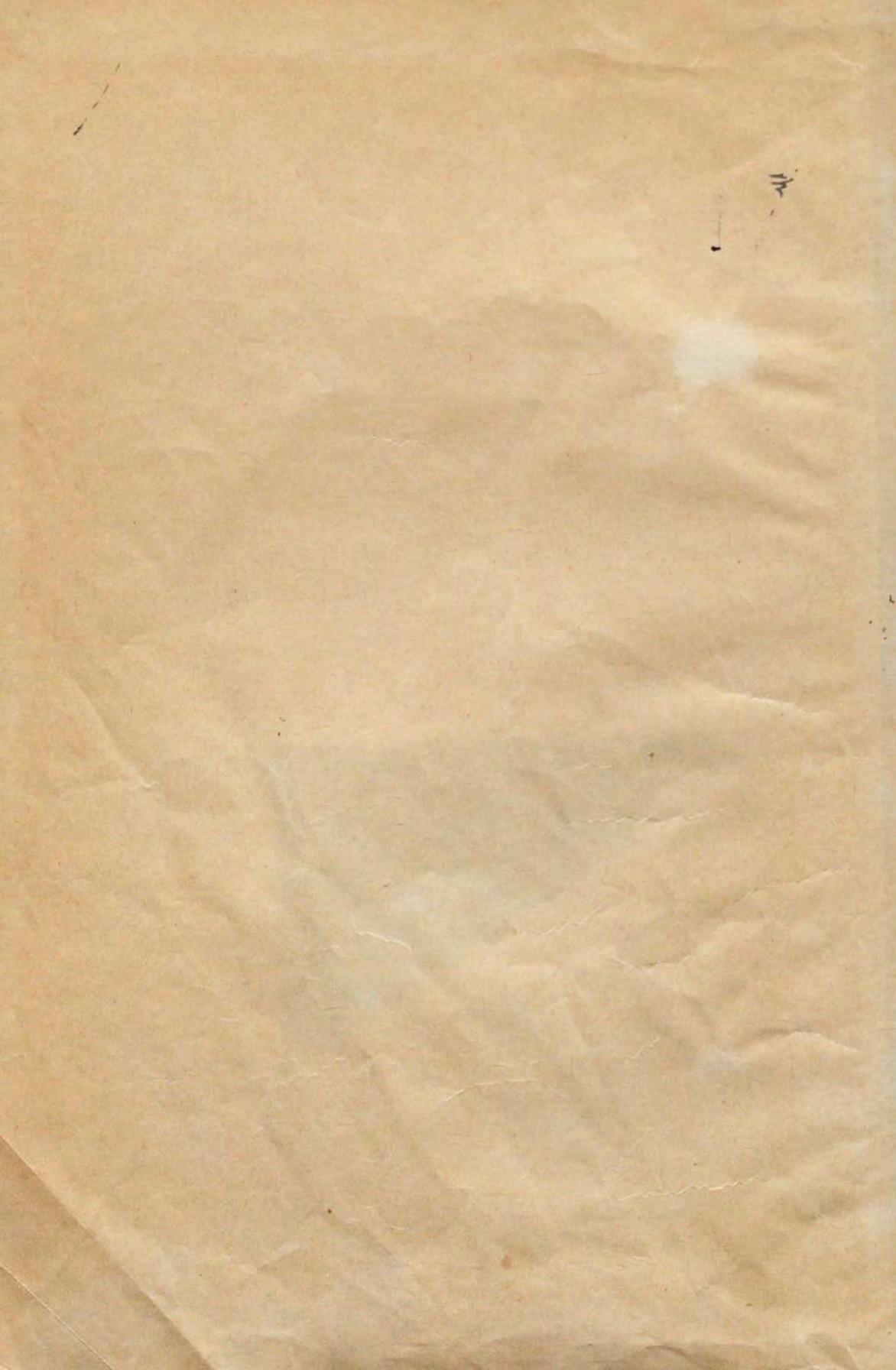

g $\frac{88}{213}$
2.1

G $\frac{88}{213}$

988
215

ЖИВОЕ СЛОВО

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА
часть I
для учениковъ I класса средней
общеобразовательной школы

Составилъ

А. Я. Острогорскій

Директоръ Пенишевскаго
Училища въ С. П. Б.

Съ оригинальными рисун-
ками **И. Билибина**, **В. За-**
мирайло, **Д. Кардовскаго**,
Б. Кустодіева, **В. Левит-**
скаго, **Н. Рериха**, **М. Чем-**
берсъ-Билибиной, **В. Чем-**
берса и **С. Чехонина** и
снимками съ картинъ **Ва-**
сильева, **Васнецова**, **Жуков-**
скаго, бар. **Клодта**, **Леви-**
тана, **Остроухова**, **Переплет-**
чикова, **Перова**, **Рѣпи-**
на, **Саврасова**, **Сѣрова**,
Шишкина и др.

И. БИЛИБИНЪ
1907

1

900
213

ЖИВОЕ СЛОВО

88
9
213

КНИГА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА

часть I

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ I КЛАССА СРЕДНЕЙ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Составилъ

А. Я. Острогорскій

Директоръ Пенишевскаго Училища въ С. П. Б.

Съ оригинальными рисунками

И. Билибина, А. Гольмстрема, В. Замирайло, Д. Кардовскаго, Н. Кустолева, В. Левитскаго, Н. Рериха, М. Чемберсъ-Билибиной, В. Чемберса и С. Чехонина

и снимками съ картинъ

А. Васнецова, Ф. Васильева, С. Врифельта, С. Жуковскаго, барона М. Кледта, А. Корзухина, И. Левитана, Ш. Остроухова, В. Переплетчикова, В. Серова, И. Прядинникова, А. Ржевской, И. Рѣпина, А. Гаврасова, В. Стрѣлова и И. Шишкина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Т-во Художественной Печати“, Икановекаа, 14.

1907.

2015147603

Дорогой памяти

Князя Вячеслава Николаевича

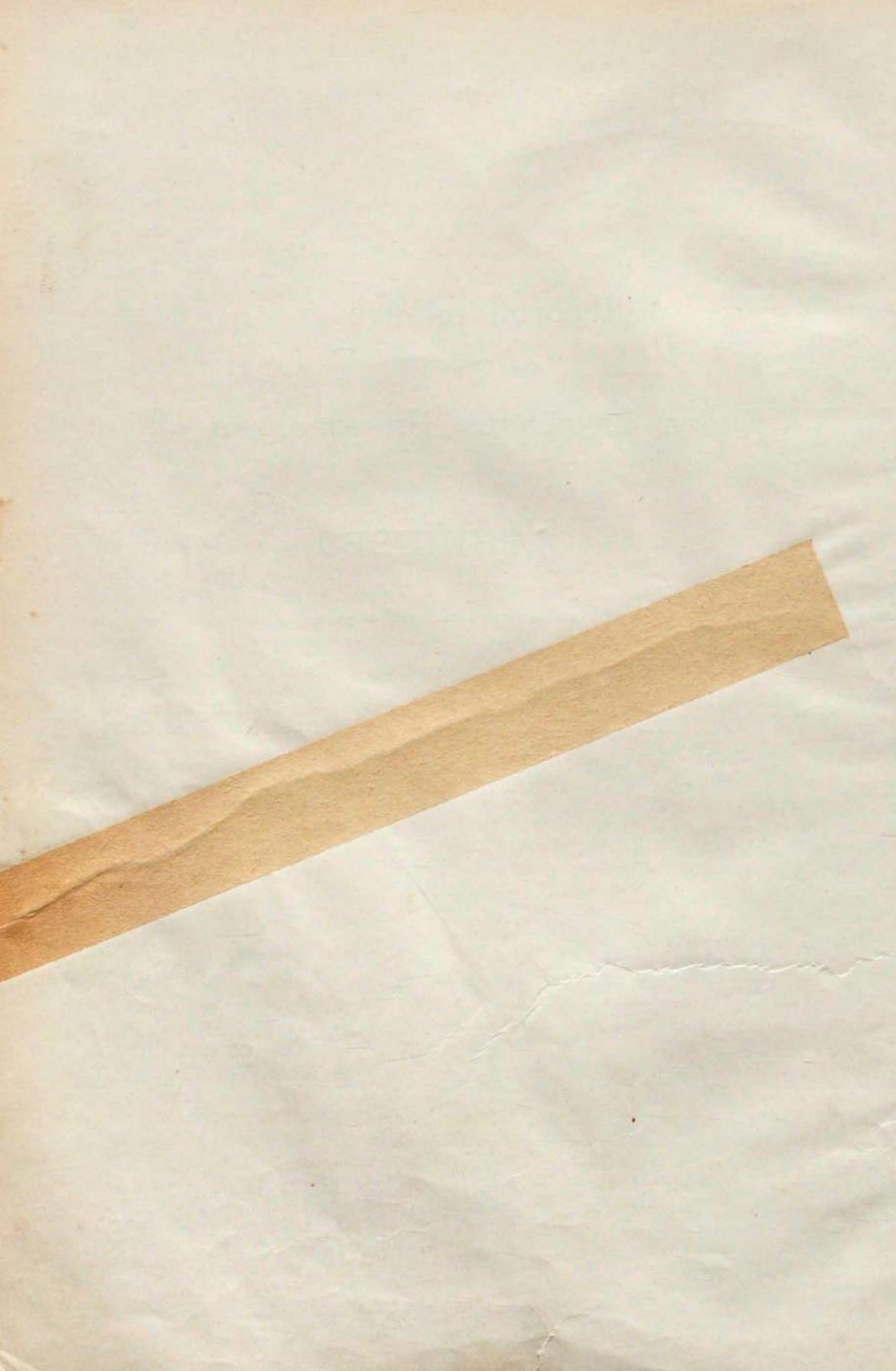
Тенишева,

основателя Тенишевскаго училища,

въ знакъ общественной признательности

посвящаетъ свой трудъ

составитель.

Содержаніе.

I. ОСЕНЬ.

	СТР.
Предисловіе	ix
1. Осень. Стихотвореніе <i>г-р. А. Толстого</i>	13
2. Осень. Стихотвореніе <i>К. Бальмонта</i>	—
3. Осень. Стихотвореніе <i>А. Фета</i>	—
4. Два товарища. Разсказъ <i>г-р. Л. Толстого</i> , съ портретомъ	14
5. Левъ и мышь, съ 4 рисунками	—
6. Перелетная птичка. Стихотвореніе <i>А. Пушкина</i> , съ портретомъ	16
7. Лисичка и кувшинъ. Народная сказка, съ рисункомъ <i>И. Билибина</i>	17
8. Колыбельная пѣсня. Стихотвор. <i>А. Майкова</i> , съ портретомъ автора	18
9. *)	19
10. Тигръ и буйволы, съ 2 рисунками	—
11. Воронъ и сорока	20
12. Тихе ѣдешь, дальше будешь. Разсказъ <i>К. Ушинскаго</i>	21
13. Прибаутка	—
14. Олень. Басня <i>г-р. Л. Н. Толстого</i> , съ рисункомъ	22
15. Гвоздь	—
16. Осень. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i> , съ портретомъ автора	23
17. Славная осень. Стихотвореніе <i>Н. Некрасова</i> , съ портретомъ автора	24
18. Бѣлка и волкъ. Басня <i>г-р. Л. Н. Толстого</i>	—
19. Лѣстница. Басня <i>А. Измайлова</i> , съ портретомъ автора	25
20. Насѣдка. Басня <i>А. Измайлова</i>	26
21. Бѣлка. Басня <i>И. Крылова</i> , съ портретомъ автора	—
22. Дикій и ручной осель. Басня <i>г-р. Л. Н. Толстого</i> , съ рисункомъ	27
23. Лошадь и хозяева. Басня <i>г-р. Л. Н. Толстого</i>	28
24. Лошадь и осель. Басня <i>И. Хемницера</i> , съ портретомъ автора	—
25. Лгунъ. Басня <i>г-р. Л. Н. Толстого</i>	29
26.	—
27. Народные анекдоты	30
28. Обезьяна. Басня <i>И. Крылова</i> , съ рисункомъ <i>И. Билибина</i>	—
29. Трудолюбивый медвѣдь. Басня <i>И. Крылова</i>	31
30. Плавающая вѣтка. Стихотвореніе <i>И. Мятлева</i>	32
31. На пожарѣ. Отрывокъ <i>А. Пушкина</i>	—
32. „Не все сразу, господа!“	33
33. Счастье. Сказка <i>В. Даля</i> , съ портретомъ автора	34
34. Осень въ деревнѣ и въ городѣ. <i>К. Ушинскаго</i> , съ портретомъ автора	36
35. Лутонышка. Народная сказка, съ 2 рисунками <i>И. Билибина</i> **)	38
36. Докучныя сказки	40
37. Лисица и виноградъ. Басня <i>И. Крылова</i> , съ 4 рисунками	42
38. Тетеревъ и лисица. Басня <i>г-р. Л. Толстого</i> , съ 2 рисунк.	43
39. Дѣтская пѣсенка	44
40. Кукушка. Басня <i>А. Измайлова</i> , съ рисунк.	45
41. Лебедь, щука и ракъ. Басня <i>И. Крылова</i> , съ рисунк. <i>Д. Кардовскаго</i>	46
42. Трусливый Ваня. Народная сказка	47
43. Знаемъ. Корейская сказка <i>Н. Гарина</i>	—
44. Крошечка Хаврошичка. Народная сказка, съ рисунк.	48
45. Ворона и лисица. Басня <i>И. Крылова</i> , съ 8 рисунк.	51

*) Многогочіе обозначаетъ разсказъ безъ заглавія, которое предоставляется подыскать самому ученику.

**) Заимствованы изъ изданія Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

46.	Солдатская загадка. Народная сказка	53
47.	Народные анекдоты	54
48.	Передь дождемъ. Стихотвореніе <i>Н. Некрасова</i>	56
49.	Въ октябрѣ. Стихотвореніе <i>Л. Модзалевскаго</i>	—
50.	Наши животныя. Огрывокъ <i>Ө. Достоевскаго</i> , съ портрет. автора и 2 рис.	—
51.	Крестыянинъ въ бѣдѣ. Басня <i>И. Крылова</i>	60
52.	Осень. Стихотвореніе <i>А. Пушкина</i> , съ рисунокъ <i>В. Левитскаго</i>	61
53.	Коть, козелъ да баранъ. Народная сказка	63
54.	Пѣсня. Стихотвореніе <i>А. Кольцова</i> , съ портретомъ автора	68
55.	Хорошо да худо. Народная сказка	—
56.	Бѣлячокъ. Изъ разсказа <i>А. Смицкаго</i> , съ рисунокъ	69
57.	Несжатая полоса. Стихотвореніе <i>Н. Некрасова</i>	72
58.	Изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“. <i>А. Пушкина</i> , съ рисунокъ <i>И. Билибина</i> **)	73
59.	Изъ „Сказки о мертвой Царевнѣ“. <i>А. Пушкина</i>	74
60.	Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жарѣ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ. Народная сказка, съ 3 рисунокъ <i>И. Билибина</i> **)	75
61.	Аеня-дурачекъ. Сказка <i>В. Даля</i>	86
62.	Садко, богатый гость. Былина, съ рисунокъ <i>И. Билибина</i>	92
63—66.	Народныя пѣсни: Колыбельная.—Дѣтская.—Хороводная.—Свадебная	103

II. ЗИМА.

67.	Къ зимѣ. Стихотвореніе <i>К. Бальмонта</i>	109
68.	Зима. Стихотвореніе <i>А. Пушкина</i> , съ рисунокъ <i>С. Чехонина</i>	110
69.	„Гдѣ сладкій шопоть...“. Стихотвореніе <i>Е. Баратынскаго</i>	111
70.	Вѣтеръ и солнце. <i>К. Ушинскаго</i>	—
71.	Зима. <i>К. Ушинскаго</i>	112
72.	Волкъ и собака, съ рисункомъ	113
73.	Деревенскій сторожъ. Стихотвореніе <i>Н. Огарева</i> , съ рисунокъ <i>В. Замирайло</i>	114
74.	Морозко. Народная сказка, съ рисунокъ <i>М. Чемберсъ-Билибиной</i>	115
75.	Два мороза. Народная сказка.	119
76.	Бѣдный Гнѣдко. Разсказъ <i>Кн. В. Одоевскаго</i> , съ рисунокъ <i>В. Чемберса</i>	121
77.	Катанье съ горь	123
78.	Вожатый. Разсказъ <i>А. Пушкина</i>	124
79.	Друзья. Басня <i>И. Хемницера</i> , съ рисункомъ	130
80.	Зимній день. Стихотвореніе <i>С. Дрожжина</i> , съ портрет. автора	131
81.	Кошка и соловей. Басня <i>И. Крылова</i>	—
82.	„Чудная картина“. Стихотвореніе <i>А. Фета</i> , съ портрет. автора	132
83.	Изба. Стихотвореніе <i>Н. Огарева</i> , съ рисунокъ <i>С. Чехонина</i>	133
84.	Ваня шарманщикъ. Разсказъ <i>Кн. В. Одоевскаго</i> , съ рисунокъ <i>В. Чемберса</i>	134
85.	Дѣтство. Стихотвореніе <i>И. Сурикова</i> , съ портрет. автора	139
86.	Зайнька. Стихотвореніе <i>Ө. Берга</i>	140
87.	Ванька. Разсказъ <i>А. Чехова</i> , съ портрет. автора и рисунокъ <i>Д. Кардовскаго</i>	141
88.	Зимняя дорога. Стихотвор. <i>А. Пушкина</i> , съ рисунокъ (съ карт. <i>В. Сѣрова</i>)	146
89.	Зимой. Стихотвореніе <i>Н. Морозова</i>	147
90.	Мальчикъ у Христа на елкѣ. Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	—
91.	Дорога. Стихотвореніе <i>Н. Огарева</i> , съ рисунокъ <i>Д. Кардовскаго</i>	151
92.	Зимовье на Студеной. Разсказъ <i>Д. Мамина-Сибиряка</i>	152
93.	Зимнее утро. Стихотвореніе <i>А. Пушкина</i>	162
94.	Коля и Колька. Разсказъ <i>Е. Чирикова</i>	—
95.	Береза. Стихотвореніе <i>А. Фета</i>	175

**) Заимствованы изъ изданія Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

95.	Бурянь въ степи. <i>С. Аксакова</i> , съ портр. автора	177
96.	Колокола. Стихотвореніе <i>К. Р.</i>	181
97.	Ночевка въ лѣсу. <i>А. Печерскаго</i> , съ портр. автора и рисунок.	182
98.	Млечный путь. Стихотвореніе <i>К. Бальмонта</i>	185
99.	Бѣлоголовый. Разсказъ <i>А. Чехова</i> , съ рисунокъ <i>Д. Кардовскаго</i>	—
100.	Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Чистый понедѣльникъ. <i>К. Ушинскаго</i>	194
101.	„Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ“. Стихотв. <i>гр. А. Толстого</i>	—
102.	„Зима не даромъ злится“. Стихотвореніе <i>Ө. Тютчева</i>	195

III. ВЕСНА.

103.	Весна. Стихотвореніе <i>А. Майкова</i>	198
104.	Весна. Стихотвореніе <i>И. Бунина</i>	199
105.	Весной. Отрывокъ <i>А. Чехова</i>	200
106.	Весна. Стихотвореніе <i>А. Майкова</i>	—
107.	„То было раннею весною“. Стихотвореніе <i>гр. А. Толстого</i>	201
108.	Весеннія воды. Стихотвореніе <i>Ө. Тютчева</i>	—
109.	Появленіе весны. Стихотвореніе <i>А. Пушкина</i>	202
110.	Весенняя гроза. Стихотвореніе <i>Ө. Тютчева</i>	—
111.	По дорогѣ. Стихотвореніе <i>И. Сурикова</i>	204
112.	Что думаетъ деревенская лошадка. <i>В. Водовозова</i>	206
113.	„День вечерѣтъ...“ Стихотвореніе <i>Ө. Тютчева</i>	—
114.	Орелъ и кошка. Разсказъ <i>К. Ушинскаго</i>	207
115.	Весна. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	—
116.	„По гнѣзда, по яйца!“ <i>М. Богданова</i>	209
117.	Садъ. Народная пѣсня.	213
118.	Народная пѣсня.	—
119.	Мельникъ. Басня <i>И. Крылова</i>	214
120.	„Была чудесная весна!“ Стихотвореніе <i>Н. Огарева</i>	215
121. <i>гр. Л. Н. Толстого</i>	216
122.	Скворецъ и кукушка. Басня <i>И. Хемницера</i>	218
123.	Мартышка и очки. Басня <i>И. Крылова</i>	219
124.	Казачья колыбельная пѣсня. Стихотвореніе <i>М. Лермонтова</i>	220
125.	Любопытный. Басня <i>И. Крылова</i>	222
127.	Птичка. Стихотвореніе <i>Ө. Туманскаго</i>	—
128.	Слонъ и моська. Басня <i>И. Крылова</i>	224
129.	Дѣти въ рошѣ. Разсказъ <i>К. Ушинскаго</i> , съ рисунокъ <i>М. Чемберсъ-Билибиной</i>	—
130.	Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Вербное Воскресенье. <i>К. Ушинскаго</i>	227
131.	На волю. Изъ разсказа <i>К. Баранцевича</i> , съ рисунокъ	228
132.	Ручеекъ. Стихотвореніе <i>К. Бальмонта</i> , съ рисунокъ <i>В. Левитскаго</i>	232
133.	Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Свѣтлое Воскресенье. <i>К. Ушинскаго</i>	234
134.	Христось Воскресе! Стихотвореніе <i>А. Майкова</i>	235
135.	„Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ.“ Стихотвореніе <i>К. Фофанова</i>	—
136.	Материнская любовь. <i>И. Тургенева</i> , съ портрет. автора	236
137.	Убитая птичка. Разсказъ <i>Д. Кайгородова</i>	237
138.	„Колокольчики мои“. Стихотвореніе <i>гр. А. Толстого</i> , съ портрет. автора	239
139. <i>гр. Л. Толстого</i>	240
140.	Дождевыя капли. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	241
141.	Мой садикъ. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	—
142.	Муму. Изъ разсказа <i>И. Тургенева</i>	242
143.	Розы. Стихотвореніе <i>И. Мятлева</i>	252
144.	Поймалъ вора. Разсказъ <i>В. Даля</i>	253
145.	Сигналь. Разсказъ <i>В. Гаршина</i> , съ портрет. автора	256
146.	Степанъ Ежикъ. Изъ разсказа <i>И. Ивановича</i>	264

IV. ЛѢТО.

147.	Лѣтомъ. Стихотвореніе <i>Н. Грекова</i> .	277
148.	Сѣнокосъ. Стихотвореніе <i>А. Майкова</i> , съ рисунокъ <i>Б. Кустодіева</i> .	278
149.	Козель и лисица. Басня <i>А. Измайлова</i> , съ 6 рисунокъ.	279
150.	Чужой разумъ. Разказъ <i>В. Далъ</i> .	282
151.	„Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы“. Стихотвореніе <i>гр. А. Толстого</i> .	284
152.	Лѣтній вечеръ. Стихотвореніе <i>Н. Некрасова</i> .	286
153.	Пѣсня птички. Сказка <i>Андерсена</i> , въ перев. <i>К. Ушинскаго</i> , съ рисунокъ <i>В. Левитскаго</i> .	—
154.	Совѣтъ мышей. Басня <i>А. Измайлова</i> , съ рисунокъ <i>М. Чемберсъ-Билибиной</i> .	290
155.	Пѣсня. <i>А. Мерзлякова</i> .	291
156.	Пріемышь. Изъ разказа <i>Д. Мамина-Сибиряка</i> .	292
157.	Гномы. Стихотвореніе <i>К. Бальмонта</i> , съ 2 рисунокъ <i>В. Замирайло</i> .	294
158.	Акула. Разказъ <i>гр. Л. Толстого</i> .	296
159.	Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Троицынъ день. <i>К. Ушинскаго</i> .	298
160.	Скворецъ. Басня <i>И. Крылова</i> , съ рисунокомъ.	—
161.	Урожай. Стихотвореніе <i>Н. Некрасова</i> .	299
✓ 162.	Рѣченъка. Стихотвореніе <i>Н. Цыганова</i> , съ рисунокъ <i>С. Чехонина</i> .	300
163.	„ <i>К. Ушинскаго</i>“	301
164.	„Ни тучи, ни вѣтра“. Стихотвореніе <i>И. Никитина</i> , съ рисунокъ <i>Н. Рериха</i> и портретъ автора.	302
165.	Передъ грозой. Отрывокъ <i>С. Гусева-Оренбургскаго</i> .	303
166.	Засуха. Стихотвореніе <i>Н. Огарева</i> , съ портретъ автора.	304
167.	Наступленіе ночи. Отрывокъ <i>В. Вересаева</i> .	—
168.	Перепелка. Разказъ <i>И. Тургенева</i> .	305
169.	Старый колодезь. Разказъ <i>Н. Гарина</i> .	310
170.	Вечеръ. Стихотвореніе <i>И. Аксакова</i> , съ портретъ автора.	319
171.	Касьянъ съ Красивой Мечи. Изъ разказа <i>И. Тургенева</i> .	—
172.	Нива. Стихотвореніе <i>Ю. Жадовской</i> .	325
173.	Слѣпой и его подруга. Отрывокъ <i>В. Короленко</i> , съ портретъ автора.	—
174.	За грибами. Стихотвореніе <i>К. Бальмонта</i> .	333
175.	Кусака. Разказъ <i>Леон. Андреева</i> , съ 3 рис. <i>В. Замирайло</i> и 1 рис. <i>А. Гольмстрема</i> .	—
176.	Дѣтство Ильи. <i>М. Горькаго</i> .	346
177.	Примѣты осени. Стихотвореніе <i>Н. Грекова</i> .	358
	Алфавитный указатель словъ, къ которымъ даны объясненія	359
	Алфавитный указатель авторовъ	365
	Алфавитный указатель статей	367

Картинки безъ текста для составленія разказовъ.

Два козлика	41
Лиса и журавль	65—66
Веселая минута, съ картины <i>А. Ржевской</i> .	176
Мальчикъ изъ лавки „ „ <i>И. Рѣпина</i> .	196
Возвращеніе съ ярмарки, съ картины <i>И. Прянишникова</i> .	318
Возвращеніе рыбака, рисунокъ <i>М. Чемберсъ-Билибиной</i> .	344—345
Пожарная собака, рисунокъ <i>В. Чемберса</i> .	356—357

Предисловіе.

Недостатки въ построеніи нашей школы отразились неблагопріятнымъ образомъ и на преподаваніи родного языка. До очень недавняго времени при изученіи его преобладали чисто формальныя требованія и цѣли: въ курсѣ средней школы русскій языкъ занималъ подчиненное положеніе, какъ пособіе къ лучшему усвоенію древнихъ языковъ, въ низшей школѣ изученіе языка заслонили схоластическое прохожденіе грамматики и необходимость сообщенія различныхъ знаній по естествознанію, географіи и исторіи, не нашедшихъ себѣ самостоятельнаго мѣста въ курсѣ этой школы.

Неудивительно, что въ результатѣ такой постановки преподаванія родного языка оказалось совершенное его незнаніе нашей молодежью. А между тѣмъ какое же знаніе, какъ не своего родного языка, должна прежде всего сообщить школа. И точно также очевидно, что, вѣдь, не въ изученіи правилъ правописанія и даже не въ методическомъ веденіи объяснительнаго чтенія задача преподаванія родного языка,—она гораздо шире и глубже: преподаватель, желающій, дѣйствительно, научить *языку*, долженъ озаботиться о двухъ вещахъ—объ уясненіи своему ученику *духа* языка и внушеніи ему любви къ родной литературѣ. Если это сдѣлано, учитель можетъ быть спокоенъ: и правописаніе и грамматика—все приложится постепенно и, можетъ быть, само собой, помимо стараній учителя.

И нельзя сказать, чтобъ только что высказанное положеніе было чѣмъ-нибудь новымъ, недостаточно извѣстнымъ: съ нимъ согласны многіе преподаватели, и, по мѣрѣ своихъ силъ, поскольку имъ не мѣшали формальныя требованія нашей школы, они стремились его осуществлять. Но, къ сожалѣнію, весьма часто къ примѣненію этого принципа на практикѣ обращались слишкомъ поздно; почему-то существуетъ мнѣніе, что внушить пониманіе духа языка и любовь къ литературѣ можно только въ старшихъ классахъ средней школы. Это—заблужденіе, глубоко печальное и пагубное. Ученикъ, котораго въ младшихъ классахъ постоянно держали на мертвомъ формальномъ матеріалѣ грамматическихъ правилъ и скучнаго „объяснительнаго чтенія“ (особенно еще такъ наз. дѣловыхъ статей), въ большинствѣ случаевъ не способенъ уже понимать красоты русской рѣчи, въ немъ трудно возбудить и развить любовь и интересъ къ литературѣ. Его не приучили чувствовать живое бѣеніе пульса въ языкѣ и не показали, какъ ярко отражается жизнь въ литературѣ. А между тѣмъ какъ важно и необходимо раскрыть эту жизнь на первыхъ же ступеняхъ изученія ученикомъ родного языка. Насколько легче, интереснѣе и даже просто полезнѣе дать сразу ученику образцы живой рѣчи и постепенно раскрывать предъ нимъ внутреннія красоты языка,—этого ключа къ усвоенію ве-

ликихъ идей челоѣчества, выраженныхъ въ лучшихъ произведеніяхъ литературы каждаго народа. И для преподавателя родного языка именно въ младшихъ классахъ нѣтъ болѣе интересной и важной задачи. Только такимъ образомъ онъ подойдетъ къ своей обязанности изъ каждаго ученика воспитать гражданина, понимающаго и знающаго языкъ, литературу и исторію своего народа.

По этимъ соображеніямъ составитель книги „Живое Слово“, оставивъ въ сторонѣ всякія побочныя цѣли, преслѣдовавшіяся прежними составителями хрестоматій, поставилъ себѣ одну задачу—помочь преподавателю русскаго языка научить своихъ учениковъ **живой** русской рѣчи, развить въ нихъ пониманіе ея красотъ и приучить ихъ чувствовать **духъ** русскаго языка. Въ книгу „Живое Слово“ вошелъ только **литературный** матеріаль (въ ней нѣтъ такъ называемыхъ дѣловыхъ статей, часто только портящихъ русскій языкъ), и при томъ значительно обновленный. Составитель стремился дать по возможности цѣльныя произведенія, избѣгая переводовъ и передѣлокъ. При выборѣ матеріала онъ руководился слѣдующими требованіями: произведеніе должно быть художественно, доступно пониманію учащагося и способно возбудить въ немъ добрыя чувства.

Весь матеріаль, вошедшій въ книгу „Живое слово“, раздѣленъ на четыре отдѣла, соотвѣтственно временамъ года. Это, по моему мнѣнію, единственно естественное и простое дѣленіе. Мнѣ казалось излишнимъ и даже нежелательнымъ подгонять всѣ статьи книги подъ различныя отвлеченныя рубрики, напоминающія часто нарочитую мораль всѣмъ извѣстныхъ „книгъ для дѣтей“. Истинную мораль всякаго художественнаго разказа дѣти сами поймутъ, безъ такихъ искусственныхъ приемовъ.

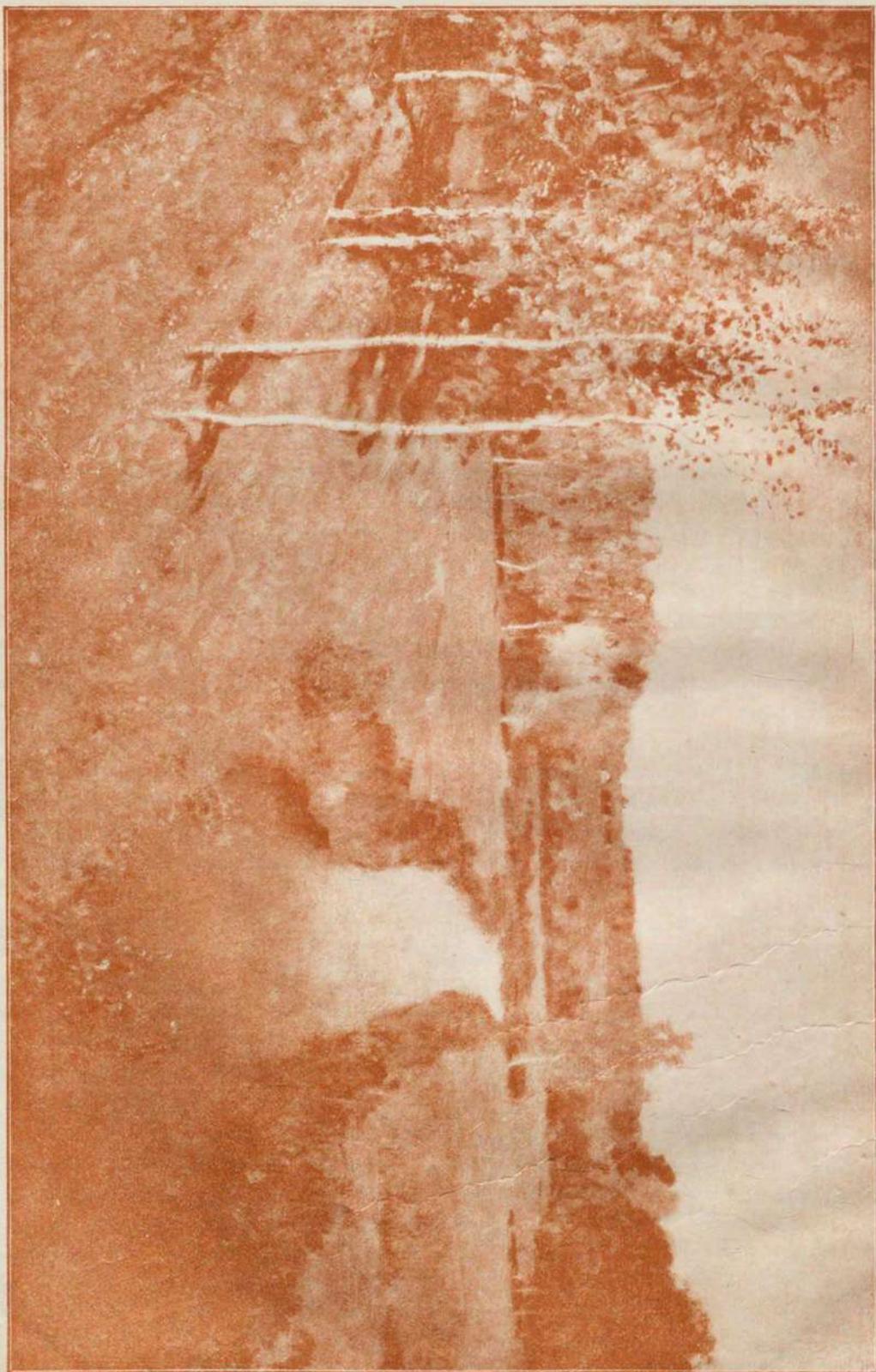
Для наиболѣе успѣшнаго достиженія основной задачи книги „Живое Слово“, всѣ статьи этой книги сопровождаются подробными толкованіями, съ большимъ количествомъ различныхъ примѣровъ, выражений, пословиць и загадокъ, на которые позволяю себѣ обратить особенное вниманіе гг. преподавателей.

Книга „Живое слово“, кромѣ указанныхъ задачъ, преслѣдуетъ также эстетическія цѣли: составитель стремился дать такую книгу, которая и своимъ внѣшнимъ видомъ воспитывала бы въ учащихся чувство изящнаго. Въ виду этой цѣли, весьма часто, къ сожалѣнію, упускаемой у насъ изъ виду, книга иллюстрирована множествомъ снимковъ съ лучшихъ нашихъ картинъ и оригинальными рисунками, спеціально для этого изданія исполненными нашими извѣстными художниками.

Заботу объ иллюстрированіи книги любезно принялъ на себя И. Я. Билибинъ, положившій не мало труда на это важное дѣло, за что съ особеннымъ удовольствіемъ выражаю ему искреннѣйшую признательность. Равнымъ образомъ приношу благодарность И. И. Ѳеоктистову за оказанное имъ мнѣ содѣйствіе при печатаніи этой книги.

А. Острогорскій.

I. ОСЕНЬ.

Осень.

Съ картина И. Репина.

1. Осень.

Стихотвореніе *гр. А. К. Толстого.*

Осень!... Осыпается весь нашъ бѣдный садъ,
листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ,
лишь вдали красуются,—тамъ, на днѣ долинъ,
кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.

Пословица: *Въ сентябрь одна ягода, и то горькая рябина.*

2. Осень.

Стихотвореніе *К. Бальмонта.*

Поспѣваетъ брусника,
стали дни холоднѣе,
и отъ птичьяго крика
въ сердцѣ только грустнѣе.
Стаи птицъ улетають
прочъ, за синее море.

Всѣ деревья блистають
въ разноцвѣтномъ уборѣ.
Солнце рѣже смѣется,
нѣтъ въ цвѣтахъ благовонья.
Скоро осень проснется
и заплачетъ спросонья.

3. Осень.

Стихотвореніе *А. Фета.*

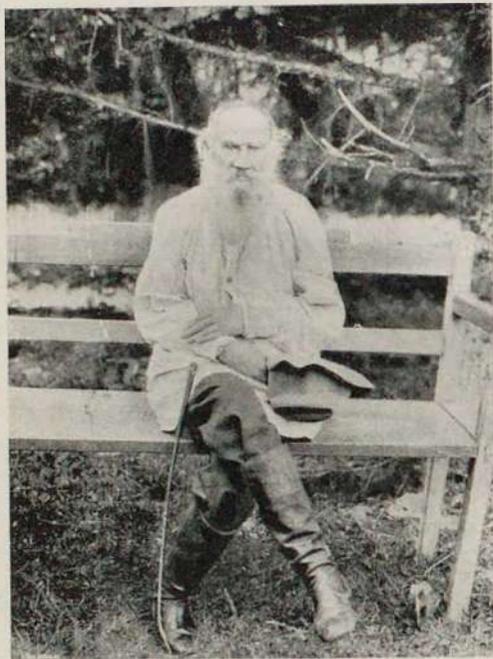
Ласточки пропали,
а вчера съ зарей
все грачи летали
да какъ сѣть мелькали
вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спитя;
на дворѣ темно;
листь сухой валитя;
ночью вѣтеръ злитя
да стучить въ окно.

4. Два товарища.

Басня гр. Л. Н. Толстого.

Гр. Левъ Николаевичъ Толстой.
(род. 1828).

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ. Дѣлать было ему нечего— онъ упалъ на землю и притворился мертвымъ. Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ. Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ. Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и смѣется: „ну что, — говоритъ, — медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?“ — „А онъ сказалъ мнѣ, что плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ“.

Шутки: „Медвѣдя поймалъ!“ Веди сюда! „Да нейдетъ!“ Такъ самъ иди! „Да не пускаетъ“.—Кто видалъ, чтобы медвѣдь леталъ: онъ пѣшій, какъ лѣшій!—Что значить, медвѣдь черезъ колоду скачетъ? Значить—либо пенъ не высокъ, либо медвѣдь сердитъ.

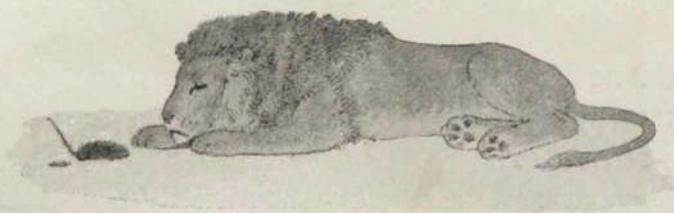
Поговорки: *Хозяинъ въ дому, что медвѣдь въ бору.—Медвѣдь по коровѣ съдаетъ, да голоденъ бываетъ; кура по зерну клюетъ, да сыта живетъ.—Не правъ медвѣдь, что корову съль; не права корова, что въ лѣсъ зашла.—Не продавай шкуры, не убивъ медвѣдя.*

*

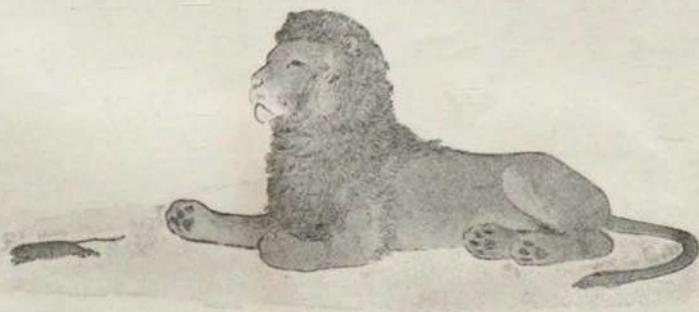
5. Левъ и мышъ.

Левъ спалъ. Мышь пробѣжала ему по тѣлу. Онъ проснулся и поймалъ ее. Мышь стала просить, чтобы онъ пустилъ ее; она сказала: „если ты меняпустишь, и я тебѣ добро сдѣлаю“. Левъ

засмѣялся, что мышь обѣщаетъ ему добро съѣдать, и пустилъ ее. Вскорѣ охотники поймали льва въ разставленныя ими сѣти. Сколько

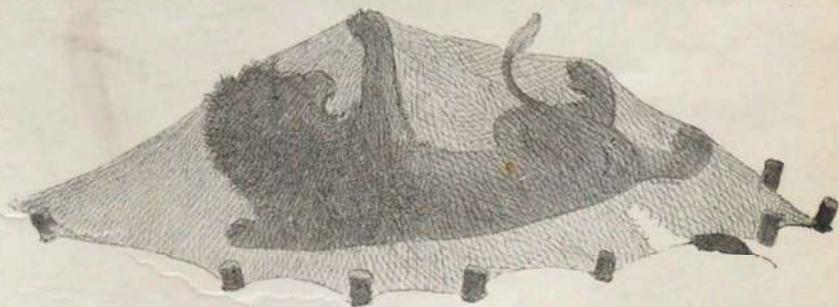

левъ ни старался, онъ не могъ выпутаться изъ сѣтей. Мышь услышала лъвиный ревъ, прибѣжала, перегрызла сѣти и сказала: „помнишь,

ты смѣялся, не думалъ, чтобы я могла тебѣ добро съѣдать, а теперь видишь,—бываетъ и отъ мыши добро“.

Опредѣлить различныя значенія слова „добро“: У нихъ пропасть добра по сундукамъ. — За добро зломъ не платятъ. — Приходи же. Добро, приду. — Добро пожаловать! — Убирайся по добру, по здорову. — Съ нимъ добромъ не раздѣлаешься. Пословицы: *При солнцѣ тепло, при матери добро. — Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому. — Много желать добра невидать.*

Подберите пословицы, поясняющія смыслъ этой басни.

6. Перелетная птичка.

Стихотвореніе А. Пушкина.

Птичка Божія не знаетъ
ни заботы, ни труда;
хлопотливо не свиваетъ
долговѣчнаго гнѣзда.

За весной, красой природы,
лѣто знойное пройдетъ,
и туманъ, и непогоды
осень поздняя несетъ:

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
солнце красное взойдетъ —
птичка гласу Бога внемлетъ,
встрепенется и поетъ.

людямъ скучно, людямъ горе:
птичка въ дальнія страны,
въ теплый край, за сине море,
улетаетъ до весны.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
(1799—1837).

Долговѣчный—продолжающійся или существующій многіе годы. Это строеніе не долговѣчно.—Теперь весна, жаль только, что ея краса не долговѣчна (А. Толст.).

Внимать, внять кому, чему—слышать и слушать. Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ, ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы („Бор. Год.“) Что значитъ: **внимательный** и **внятный**?

Встрепенуться—(отъ сл. трепеть)—прійти внезапно въ движеніе. Сердце встрепенулось отъ радости.—Орелъ встрепенулся и полетѣлъ.

Краса—красота и украшеніе. *Коса—дьячья краса.*—Вода краса природы. Назовите слова отъ того же корня.

7. Лисичка и кувшинъ.

Народная сказка.

Вышла баба въ поле жать и спрятала въ кусты кувшинъ съ молокомъ. Подобралась къ кувшину лисичка, всунула въ него голову и вылакала молоко; пора бы ей и домой, да вотъ бѣда: головы изъ кувшина вытащить не можетъ. Ходитъ лисичка, голо-

вой мотаетъ и говоритъ: „Ну, кувшинъ, пошутить да и будетъ; отпусти же меня, голубчикъ! Будетъ ужъ тебѣ баловаться. Поигралъ немножко и довольно“. Не отстаетъ кувшинъ, хоть ты что хочешь. Разсердилась лиса. „Погоди жъ ты, кувшинъ; не отстанешь честью, такъ я тебя утоплю!“ Побѣжала лисица къ рѣкѣ и давай кувшинъ топить. Кувшинъ утонуть утонулъ, да и лисицу за собой потянулъ.

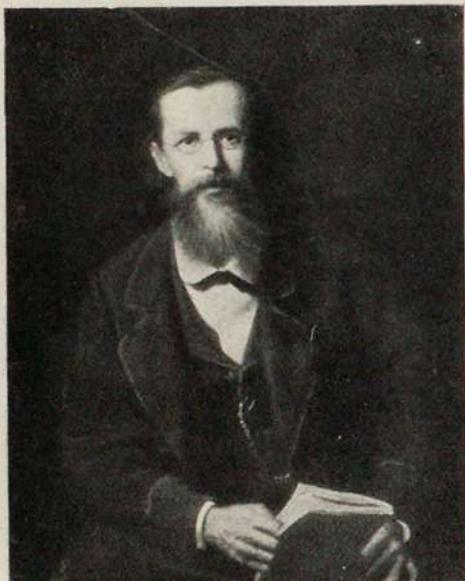
Опредѣлить различныя значенія слова **мотать**: мотать голевой, мотать шелкъ, мотать на усъ, мотать деньги. Что значить **мотъ**, **мотокъ** **мотовество**?

Честью, какъ сказать иначе? Что значить просить честью?

8. Колыбельная пѣсня.

Стихотвореніе А. Майкова.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ
(1821—1897).

Спи, дитя мое, усни!
сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я къ тебѣ взяла
вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;
солнце скрылось подъ горой;
вѣтеръ послѣ трехъ ночей
мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
„гдѣ изволилъ пропадать?
али звѣзды воевалъ?
али волны все гонялъ?“

Не гонялъ я волнъ морскихъ,
звѣздъ не трогалъ золотыхъ,
я дитя оберегалъ,
колыбелечку качалъ.

Составьте примѣры на слѣд. слова: **манить**, заманить, взманить, выманить, сма-
нить, переманить, приманка, маніе, мановеніе, маньякъ.

Опредѣлите значеніе слова: **мчатъ**, мчатся по слѣд. выраженіямъ: помчали
кони, мчатся тучи, пыль мчится по дорогѣ, домчались до-дому,
примчалась буря, промчались годы, умчалась молодость моя.
Назовите еще другія выраженія.

Воевать кого, что, съ кѣмъ, противъ кого. Когда царь Горохъ съ гри-
бами воевалъ.

Составьте примѣры на слѣд. слова: **беречь**, сберечь, оберегать(ся), приберегать,
уберечь(ся). Пословицы. сюда относящіяся: *Береги платье снову, а здоровье или (честь)
смолоду.—Береженого Богъ бережетъ.—Нѣтъ друга, такъ ищи, а нашель, такъ береги.*

Загадки: *Безъ рукъ, безъ ногъ, подъ окномъ стучитъ, въ избу проситъ.—
Шумитъ, гудитъ, а не человѣкъ. — Выше лѣса, тоньше колоса.—Что безъ
огня горитъ?—Не стукнетъ, не брякнетъ, ко всякому подойдетъ.*

9.

Одинъ муравей увидалъ на дорогѣ зерно и хотѣлъ унести его въ муравьиную кучу. Но зерно было тяжело, и муравей не могъ поднять его. Тогда онъ побѣжалъ и привелъ съ собою товарищей. Чего не могъ сдѣлать одинъ, то легко сдѣлали четверо. Они перенесли зерно въ муравьиную кучу.

Задача: Какое можно дать заглавіе этому разсказу?

Загадки: *Ходили мужики въ лѣсъ безъ топоровъ, срубили избу безъ угловъ.*

Пословицы: *Въ лѣсу котелокъ—кипитъ, кипитъ, а укипи нѣтъ. Муравей не великъ, а горы копаеть.*

10. Тигръ и буйволы.

Мальчикъ лѣтъ восьми пасъ въ лѣсу стадо буйволовъ. Вдругъ изъ чащи выскочилъ тигръ и бросился на мальчика. На отчаянные крики ребенка сбѣжались буйволы, и одинъ изъ нихъ на-

палъ на тигра. Разбойнику пришлось выпустить добычу и защищаться самому. Онъ схватилъ было буйвола за ногу, но тотъ на-

несъ ему такой ударъ рогами, что тигръ обратился въ бѣгство. А другой буйволъ стоялъ въ это время возлѣ мальчика и охранялъ его. Мальчикъ былъ сильно израненъ, но его все-таки вылѣчили, и онъ вернулся къ своему стаду.

Обратите вниманіе на различныя значенія слова *пасты*. У насъ скотины не пасутъ, а пускаютъ зря.—Все до травинки выпасли.—Запаслись на дорогу (чѣмъ?). Я припасъ тебѣ пирожка.—Спаси васъ, Богъ!—Все потонули, а одинъ я спасся.—Одинъ всего не упасешь.—На васъ не напасешься.—Составьте примѣры на слова: *запасъ, припасы, пастухъ* (какъ въ женск. родѣ?), *пастбище, подпасокъ, пастырь*.

Чаша—отъ какого слова происходитъ? Что значить зачастить? *частоколь?* частая рѣшетка, частая ткань, частый дождичекъ, частый ельничекъ?

Пословицы: *Коровки съ поля—пастуху воля. Волкъ въ пастухахъ, лиса въ птичникахъ, свинья въ огороdnикахъ. Безъ пастуха овцы не стадо.*

II. Воронъ и сорока.

Пестрая сорока прыгала по вѣткамъ дерева и безъ-умолку стрекотала. Воронъ сидѣлъ молча и глядѣлъ на нее.

— Что жъ ты молчишь, куманекъ? — спросила сорока. — Или ты не вѣришь тому, что я тебѣ рассказываю?

— Плохо вѣрю, кумушка! — отвѣчалъ воронъ. — Кто такъ много болтаетъ, тотъ, навѣрное, мало правды говоритъ.

Стрекотать — 1) издавать рѣзкій, трескучій звукъ; кузнечикъ, сверчокъ, сорока стрекочетъ, 2) болтать безъ умолку.

Загадка: *Бѣль какъ снѣгъ, зеленъ какъ лукъ, черенъ какъ жукъ, повертка въ лѣсъ, а поеть какъ бѣсъ.*

Пословицы: *Сорока-бѣлобока, зеленый хвостъ, долгій носъ!—Затвердила (заладила) сорока Якова—одно про всякаго.*

12. Тише ѣдешь, дальше будешь.

К. Ушинскаго.

Катить баринъ въ своей бричкѣ, на тройкѣ, во всю мочь, и спрашиваетъ у встрѣчнаго мужика: далеко ли до города? Посмотрѣлъ мужичокъ на колеса и говоритъ: „а какъ тише, баринъ, поѣдешь, то къ ночи доѣдешь“. Разсердился баринъ на глупый отвѣтъ и велѣлъ кучеру погонять лошадей. Не проѣхалъ баринъ и трехъ верстъ, переднее колесо разлетѣлось, а желѣзная ось съ размаху вѣхала въ землю и лопнула пополамъ. Къ счастью, неподалеку отъ дороги была кузница; кое-какъ дотащили туда бричку и чинили ее цѣлый день. Только на другой день къ ночи попалъ баринъ въ городъ.

Мочь, мощь—сила тѣлесная и духовная, здоровье, могущество. Пахарю вашему моченьки нѣтъ (Некрасовъ). Нѣтъ мочи терпѣть.—Какія знаете еще слова отъ корня **мочь**?

Поговорка: *Сбилъ, сколотилъ,—вотъ колесо! Слѣь да поѣхалъ, ахъ хорошо! Оглянулся назадъ—однѣ спицы лежатъ.*

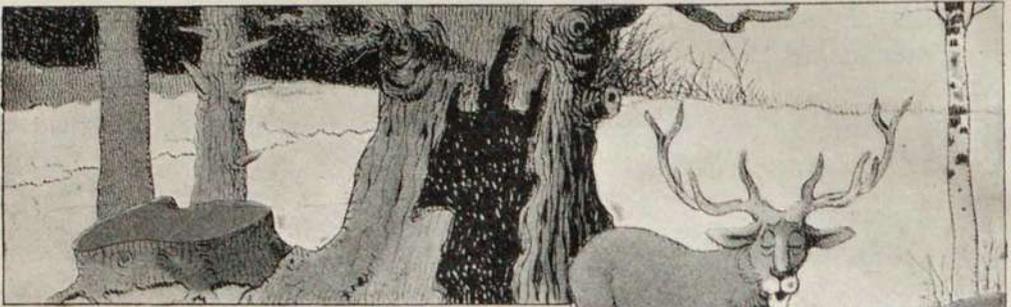
Загадка: *Два братца спереди бѣгутъ, два братца сзади догоняютъ.—Чего среди дороги не поставишь?—Ѣдемъ-ѣдемъ, не объѣдемъ.*

13. Прибаутка.

Трахъ, трахъ, тарарахъ, ѣдетъ баба на волахъ. Постой, баба, не бѣги, гдѣ твои пироги? Въ Москвѣ на доскѣ, на горячемъ пескѣ. Ну, бей въ доску, поминай Москву. Какъ у насъ въ Москвѣ вино по три денежки ведро—хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся.

14. Олень.

Басня *гр. Л. Н. Толстого.*

Олень подошелъ къ рѣчкѣ напиться, увидаль себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говорить: „только ноги мои плохи и жидки“. Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходиль, а какъ пришелъ въ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватиль его. Какъ пришло погибать оленю, онъ и говорить: „То-то глупый я! Про кого думаль, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропаль“.

Радоваться—обыкновенно говорятъ чему? Не радуйся чужой бѣдѣ. Только наравдаться на кого: не наравдуюсь я на него.

Развилистый—отъ слова вила. О чемъ говорится извилистый?

15. Гвоздь.

Одинъ купецъ выгодно устроиль дѣла на ярмаркѣ, все товары распродаль и набиль кошелекъ золотомъ и серебромъ. Онъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться въ обратный путь, чтобы при наступленіи ночи быть уже дома. Въ обѣдъ прибылъ онъ въ какой-то городъ. Когда онъ собирался ѣхать дальше, трактирный слуга

подвелъ ему коня и сказалъ: „Сударь, на лѣвой задней ногѣ вашей лошади въ подковѣ не хватаетъ одного гвоздя“.—„Ну, и пускай его!—отвѣчалъ купецъ.—Мнѣ не болѣе шести часовъ быть въ пути; подкова продержится. А я тороплюсь“.

Часа черезъ три заѣхалъ онъ въ другую гостиницу и велѣлъ покормить лошадь. Конюхъ вошелъ къ нему въ комнату и сказалъ: „Сударь, у вашей лошади на лѣвой задней ногѣ не хватаетъ подковы. Прикажете свести ее къ кузнецу?“—„А пускай не хватаетъ,—говоритъ купецъ.—Часа три лошадь выдержитъ, а тамъ и дома будемъ. Я тороплюсь“.

Онъ поѣхалъ дальше, но вскорѣ лошадь стала хромать. Хромала она, хромала и начала спотыкаться. Спотыкалась она, спотыкалась, упала на землю и сломала себѣ ногу. Тогда купецъ бросилъ лошадь, отвязалъ свой чемоданъ, взвалилъ его на плечи и пѣшкомъ отправился домой, куда добрался поздней ночью. „Во всемъ несчастіи,—говорилъ онъ самъ себѣ,—виноватъ проклятый гвоздь!“

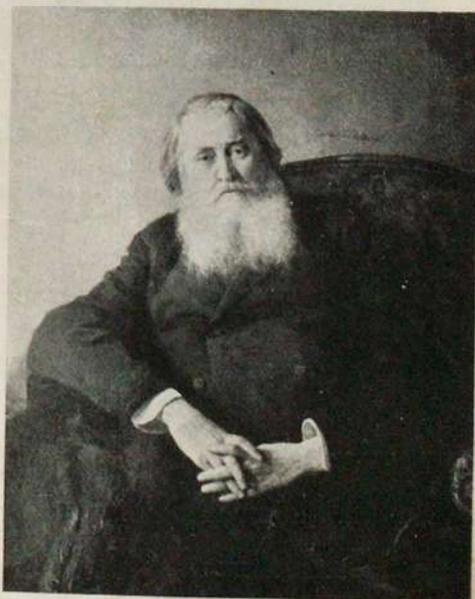
Пословицы. *И готово—да безтолково.—Зацѣпившись за пень, просто ялъ весь день.—Скоро очень горитъ, да вода бѣжитъ.—У меня дядя все спѣшилъ—да и померъ.—Авось до добра не доведетъ.—Авось, небось, да третій какъ-нибудь.—Русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: авось, не бось да какъ-нибудь.—Держался авоська за небоську, да оба упали.*

16. Осень.

Стихотвореніе А. Плещеева.

Скучная картина!
Тучи безъ конца,
дождикъ такъ и льется,
лужи у крыльца...
Чахлая рябина
мокнетъ подь окномъ;
смотритъ деревушка
сѣренькимъ пятномъ.
Что ты рано въ гости,
осень, къ намъ пришла?
Еще просить сердце
свѣта и тепла!

Алексе́й Николаевичъ Плещеевъ
(1825—1891).

Чахлый—отъ слова чахнуть—сохнуть, вянуть, блѣднѣть, слабѣть.—Что такое чахотка?

Составьте примѣры на слово **смотре́ть** въ различныхъ его значеніяхъ: смотре́ть что? на что? за чѣмъ? во что? Прибавьте къ слову смотре́ть 15 различныхъ приставокъ и дайте на эти слова примѣры.

17. Славная осень.

Стихотвореніе *Н. Некрасова*.

Славная осень! Здоровый, ядреный
воздухъ усталыя силы бодрить;
ледъ неокрѣпшій на рѣчкѣ студеной
словно какъ тающій сахаръ лежить.

Около лѣса, какъ на мягкой постели,
выспаться можно. Покой и просторъ!
Листья поблекнуть еще не успѣли,
желты и свѣжи лежать какъ коверъ.

Славная_осень! Морозныя ночи,
ясные, тихіе дни...

Ядреный—крупный, большой, здоровый, крѣпкій (ядреный орѣхъ, ядреный скотъ) свѣжій, сочный (ядренная рѣпа, ядреный парень, ядреная ночь, ядреный воздухъ).

Бодрить (ободрять) придавать бодрости, духу; что значить бодриться? Садился—бодрился, а свѣль—свалился. Дайте примѣры на слова: бодрый, подбодрить, бодрствовать.

Опредѣлите различныя значенія слова **покой**: отъ ребятъ покоя нѣтъ, жить на покой, надъ вѣчнымъ покоемъ, пріемный покой. Какія слова знаете отъ того же корня?

18. Бѣлка и волкъ.

Басня *гр. Л. Н. Толстого*.

Бѣлка прыгала съ вѣтки на вѣтку и упала прямо на соннаго волка. Волкъ вскочилъ и хотѣлъ ее съѣсть. Бѣлка стала просить: — Пусти меня. Волкъ сказалъ:—Хорошо, я пушу тебя, только ты скажи мнѣ, отчего вы, бѣлки, такъ веселы. Мнѣ всегда

скучно, а на васъ смотришь, вы тамъ, вверху, все играете и прыгаете. Бѣлка сказала:—Пусти меня прежде на дерево, я оттуда тебѣ скажу, а то я боюсь тебя. Волкъ пустилъ, а бѣлка ушла на дерево и оттуда сказала:—Тебѣ оттого скучно, что ты золь. Тебѣ злость сердце жжетъ. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не дѣлаемъ.

Бѣлка (народн. названіе — векша) отъ какого слова? Составьте примѣры на слова: бѣлизна, бѣлокъ, бѣльмо, бѣлуга, бѣлье, бѣлила, бѣлить, бѣличій. Назовите составныя слова, какъ бѣлоручка, бѣлогрудка, бѣлокурый и т. п. Что значить выраженіе: какъ бѣлка въ колесѣ?

Загадка: *Съровато, зубовато, по полю рыщетъ, телятъ, ребятъ ищетъ.*

19. Лѣстница.

Басня А. Измайлова.

Стояла лѣстница однажды у стѣны. Хотя ступени всѣ между собой равны, но верхняя ступень предъ нижними гордилась.

Шелъ мимо человѣкъ, на лѣстницу взглянулъ, схватилъ ее, перевернулъ, и верхняя ступень внизу ужъ очутилась.

Пословицы: *Сатана гордился, съ неба свалился; фараонъ гордился, въ морь утонулъ; а мы гордимся, куда гонимся? — Гордымъ быть, глупымъ слыть. — Руки въ боки, глаза въ потлоки. — Гроша не стоитъ, а глядитъ рублемъ.*

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.
(1779—1841).

20. Насѣдка.

Басня *А. Измайлова.*

„Куда какъ я ужасно похудѣла!“ насѣдка хвастала передъ сестрой своей: „подумай, двадцать дней на яицахъ сидѣла, все время ни пила, ни ѣла: скажу, что много было дѣла!..“

— А много ль у тебя, скажи, цыплятокъ всѣхъ? подруга у нея спросила.

„Да нѣтъ ни одного; попуталь какъ-то грѣхъ—всѣ яйца передала“.

Какъ эта курица, точь въ точь, иной твердитъ: сижу за дѣломъ день и ночь! И подлинно сидитъ, отъ мѣста не отходить, да перья попусту съ бумагой переводить.

Насѣдка—отъ слова насѣдать. Определите значеніе слова насѣсть по слѣд. примѣрамъ: сколько ихъ насѣло! (куда?), пыль насѣла, онъ на меня насѣдаетъ. Что значить **насѣсть**? Пѣтухи на насѣсть садятся, а старые люди на печь валяются.

Переводить или перевести—имѣетъ нѣсколько значеній: перевести въ смыслъ перемѣщать (назовите примѣры), перевести долгъ на него, перевести (что?) на камень, перевести духъ, перевести съ французскаго на русскій, всѣхъ гадовъ не переведешь. Что значить **переводиться**, **перевестись**. Въ нашихъ лѣсахъ водилась куница, да перевелась.

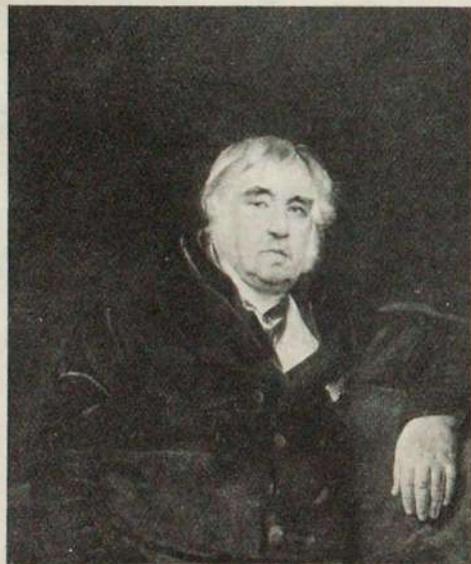
21. Бѣлка.

Басня *И. Крылова.*

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ помѣщичьихъ хоромъ народъ толпился: на бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился. Вблизи съ березы ей дивился тоже дроздъ: такъ бѣгала она, что лапки лишь мелькали, и раздувался пышный хвостъ.

— „Землячка старая“, спросилъ тутъ дроздъ: „нельзя ли сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?“

— „Охъ, милый другъ! тружусь день весь я подѣламъ гонцомъ у

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.
(1768—1844).

барина большого: ну, некогда ни пить, ни ѣсть, ни даже духу перевестъ“.

И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.

— „Да“, улетая дроздь сказалъ: „то ясно мнѣ, что ты бѣ-
жишь, а все на томъ же ты окнѣ“.

Хоромы—просторный домъ, большія комнаты. Залетѣла ворона въ вы-
сокія хоромы. (Что это значить?)

Дивиться—удивляться чему-нибудь, диву даваться. Что значить не на-
дивлюсь?

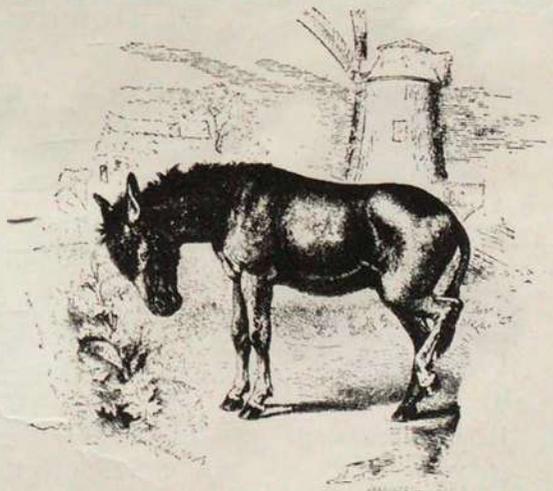
Мелькать, мелькнуть—показываться на мигъ, появляясь исчезать. Найдите при-
мѣры на слова: замелькать, промелькнуть, мелькомъ. Что значить
тебѣ все мелькается?

22. Дикій и ручной осель.

Басня гр. Л. Н. Толстого.

Дикій осель увидалъ ручного
осла, подошелъ къ нему и сталъ
хвалить его жизнь: какъ и тѣ-
ломъ-то онъ гладокъ, и какой
ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ
навьючили ручного осла да какъ
сзади сталъ погонщикъ погонять
его дубиной, дикій осель и гово-
рить: „Нѣтъ, братъ, теперь не
завидую: вижу, что твое житье
тебѣ потомъ достается“.

Доставаться—выпадать кому-ниб. на долю, напр.: мнѣ досталось на-
слѣдство. Что значить: Ему за это досталось. Не доставайся жѣ
никому! Назовите слова того же корня, какъ напр.: достатокъ, недоста-
ча и т. п., и составьте примѣры.

Загадка: *Родился—не крестился, умеръ—не спасся, а Христа носилъ.*

23. Лошадь и хозяева.

Басня гр. Л. Н. Толстого.

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевномъ дворѣ кониныя шкуры, она и завывала: „Охъ, горе мнѣ бѣдной! Лучше бѣ у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперъ ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру“.

Загадка: *Не пахарь, не столяръ, не кузнецъ, не плотникъ, а первый на сель работникъ.*

24. Лошадь и осель.

Басня И. Хемницера.

Иванъ Ивановичъ
Хемницеръ.
(1745—1784).

Добро, которое мы дѣлаемъ другимъ, добромъ же служить намъ самимъ, и въ нуждѣ надобно другъ другу всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ, и лошадь шла порожнякомъ, а на ослѣ поклажи столько было, что бѣднаго подъ нею задавило. „Нѣтъ мочи“, говоритъ: „я, право, упаду, до мѣста не дойду“. И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье хоть часть поклажи снять съ него. „Тебѣ не стоитъ ничего, а мнѣ бѣ ты сдѣлала большое облегченье“, онъ лошади сказалъ.— „Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!“ сказала лошадь, отказалась.

Осель потуда шелъ, пока подъ ношей палъ. И лошадь тутъ узнала, что ношу раздѣлить напрасно отказала, когда ее одна съ ослиной кожей несть была принуждена.

Порожнякомъ, порожнемъ или порожня—безъ поклажи, безъ сѣдоковъ. Что значить: порожнее мѣсто, порожняя бутылка, опорожнить?—*Переливать изъ пустого въ порожнее.*

25. Лгунъ.

Басня гр. Л. Н. Толстого.

Мальчикъ стерегъ овецъ и, будто увидавъ волка, сталъ звать: „помогите, волкъ! волкъ!“ Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось—и вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: „сюда, сюда скорѣй, волкъ!“ Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывается,— не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ все стадо.

Шутки: Батка, ты пирогъ съѣлъ? „Ей Богу, не я“. А хочешь еще? „Хочу“.—Какъ станеть врать, такъ его въ два охвата не обнять.—Мели, Агаша: изба-то наша (т.-е. унять некому).

Пословицы: *Разъ солгалъ, а въкъ въры не имуть (а на въкъ лгуномъ сталъ). Вранье, что дранье: того гляди, руку занозишь. Не съ вътру говорится, что лгать не годится.*

Поговорки: *Вретъ, что по писаному. Вретъ не поперхнется. Вретъ, и глазомъ не мигнетъ. Вретъ—людей не стыдится и Бога не боится. Лжетъ и не краснѣетъ. Ложь на тараканьихъ ножскахъ (того и гляди, подломится).*

26.

Огородникъ да мѣдникъ проходили однажды мимо огорода съ капустой. „Посмотри-ка, — сказалъ мѣдникъ, — какіе большіе кочаны въ этомъ огородѣ!“ — „Нашелъ чему удивляться, — возразилъ огородникъ, — однажды я вырастилъ кочанъ капусты величиною съ домъ!“ Мѣдникъ отвѣчалъ: „Все это можетъ быть! Только я сдѣлалъ однажды котель величиною съ церковь“. Зохохоталъ огородникъ и говоритъ: „Какой же ты хвастунъ: лжешь и не краснѣешь! Ври, да знай же мѣру. Ну скажи, пожалуйста, къ чему же тебѣ нуженъ былъ такой котель?“ — „Я хотѣлъ въ немъ сварить твой огромный кочанъ“, отвѣчалъ мѣдникъ.

Какъ озаглавить этотъ рассказъ?

Пословицы: *Не ищи правды въ другихъ, коли въ тебѣ ея нтъ.— Ложь на охотника—а не любо, не слушай!*

27. Народные анекдоты.

Прибили одного дурня ночью и стали еще на другой день смѣяться. „Ну, говоритъ онъ: молитѣ Бога, что ночь была свѣтлая, а то я выкинулъ бы вамъ штуку“. — „Какую? скажи, пожалуй“. — „Я бы спрятался!“

*
* *

Трое прохожихъ пообѣдали на постояломъ дворѣ и отправились въ путь. „А что, ребята! вить мы, кажется, дорого за обѣдъ заплатили?“ — „Ну, а хоть и дорого заплатили, сказалъ одинъ, зато не даромъ!“ — „А что?“ — „А развѣ вы не примѣтили? только хозяинъ засмотрится, я сейчасъ схвачу изъ солоницы горсть соли, да въ ротъ! да въ ротъ!“

*

28. Обезьяна.

Басня И. Крылова.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой надъ полосой своей трудился: трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него капался: мужикъ работникъ былъ прямой. Зато, кто мимо ни про-

ходить, отъ всѣхъ ему спасибо, исполать! Мартышку это въ зависть вводить. Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать! Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ во-

зиться! Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесетъ, то такъ, то сякъ его обхватитъ, то поволочетъ, то покатитъ; рѣкой съ бѣдняжки лется потъ; и наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ, а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ. И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Исполать (греческ. слово, буквально значить—на многія лѣта)—слава, хвала тебѣ, ай да молодецъ, славно!

Хлопоты—заботы, возня, всякаго рода дѣла. Хлопотилки съ ногъ сбили. Дѣло хлопотъ не стоитъ. Она по-уши въ хлопотахъ.

Чурбанъ—или чурка, чурбашка—короткій обрубокъ дерева: также—глупый, непооротливый человѣкъ.

Пыхтѣть—коротко, отрывисто дышать, запыхавшись или трудясь надъ чѣмъ. Ср.: онъ долго пыхтѣлъ надъ работой; онъ пыхтитъ злобою; паровозъ пыхтитъ.

Пословица: *Много поту—мало проку. Много трудился—мало добился.*

29. Трудолюбивый медвѣдь.

Басня И. Крылова.

Увидя, что мужикъ, трудясь надъ дугами, ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ (а дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ), медвѣдь задумалъ жить такими же трудами. Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу. Орѣшника, березняка и вязу мой Мишка погубилъ несмѣтное число, а не дается ремесло. Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта, и говоритъ: „Сосѣдь, что за причина эта? Деревья я таки ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“—„Въ томъ,—отвѣчалъ сосѣдь,—чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ—въ терпѣньѣ“.

Сбывать, сбить—спускать съ рукъ, освободиться, развязаться, продать. Въ хъ бѣдѣ не сбудешь. А что значить сбываться? Предчувствіе мое сбилось.—Кому вынется, тому сбудется, не минуется.

Проказа значить: 1) кожная болѣзнь и 2) шалости, проделки (чаще употребляется во множ. числѣ). Что значить проказничать, проказникъ? Кто въ басняхъ называется проказницей?

Несмѣтный—чего нельзя смѣтить, исчислить: безчисленный. Что значить смѣтливый и смѣта расходо́въ?

Пословицы: *Терпѣніе даетъ умѣніе.—За одинъ разъ дерево не срубишь.—Дай срокъ, будемъ мы и сами съ усами.—Исподволь и сырыя дрова загораются.*

30. Плавающая вѣтка.

Стихотвореніе *И. Мятлева.*

Что ты, вѣтка бѣдная,
ты куда плывешь?
Берегись сердитаго
моря,—пропадешь!
„Для чего беречься мнѣ?“
вѣтки былъ отвѣтъ:
„я уже изсохшая,
во мнѣ жизни нѣтъ.
Отъ родного дерева
вѣтеръ оторвалъ;
пусть теперь несетъ меня.
куда хочетъ, валъ“.

Валъ имѣеть различныя значенія: 1) земляная насыпь для защиты мѣста; 2) большая волна, подымающаяся гребнемъ; 3) круглое бревно на мельницѣ у колеса, и 4) вообще часть многихъ машинъ. Что значитъ валить-валомъ?

31. На пожарѣ.

А. Пушкина.

Въ одну минуту пламя охватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались искры, пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлей. Вскорѣ вся деревня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись.

Новое явленіе привлекло всеобщее вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, недоумѣвая, куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное съ жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь. Мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаянье. „Чему смѣтесь, бѣсенята?—сказалъ кузнецъ.—Бога вы не боитесь; Божія тварь погибаетъ, а едуру радуетесь!“ И, поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою. Она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой

благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей слѣзъ внизъ.

Пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ, унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители.

Высыпать имѣеть три значенія: высыпать песокъ, высыпала корь, народъ высыпалъ на улицу.

Рухлядь—пожитки, скарбъ, имущество.

Метель (отъ сл. мести)—вѣтеръ со снѣгомъ, иногда съ пылью, съ пескомъ. Почему здѣсь употреблено сл. „метель“?

Недосумѣвать—не понимать; не знать, что дѣлать.

Свирѣпствовать отъ сл. свирѣпый—лютый, жестокой. Буря, вода, огонь, моръ свирѣпствуетъ.

Унять, унимать—успокоить, остановить. Буря унялась; когда этотъ сорванецъ уймется; боль унимается.

Бродить—какія имѣеть значенія это слово? Что бродишь безъ дѣла? Такъ слабъ, что еле бродить.—Квашня бродить, не ушла бы.—Отколѣ, умная, бредешь ты, голова?

Загадки: *Четыре четверки, двѣ растопырки, одно помело, два какъ яхонты горять.—Сидитъ кошка на окошкѣ,—и хвостъ какъ у кошки, а все не кошка.*

32. „Не все сразу, господа!“

У трактирщика былъ ручной попугай. Въ тѣ дни, когда дѣла шли хорошо, когда посѣтители толпились къ прилавку и нетерпѣливо требовали, чтобы имъ поскорѣе подавали, попугай радовался не меньше самого хозяина. Его клѣтка висѣла тутъ же, у прилавка, и онъ относился ко всему происходившему съ большимъ интересомъ. Онъ зналъ въ лицо всехъ постоянныхъ посѣтителей, зналъ, что нѣкоторые изъ нихъ непременно ударятъ кулакомъ по столу и крикнуть: „Поскорѣй!“ А трактирщикъ отвѣтитъ имъ своею неизмѣнною фразою: „Не все сразу, господа! По очереди пожалуйста!“

Скоро попугай выучилъ эти слова наизусть и, какъ только поднимался шумъ, кричалъ посѣтителямъ раньше хозяина: „Не все сразу, господа! По очереди пожалуйста!“

Въ одно прекрасное утро попугай пропалъ. Онъ ушелъ изъ клѣтки и отправился разгуливать по полямъ, радуясь случаю расправить крылья. Но какъ только попугай встрѣтился съ простыми

птицами, яркій и нарядный костюмъ его сразу обратилъ вниманіе. Воробьи трещали между собою, зяблики взволнованно чирикали о неслыханномъ чудѣ, а старый грачъ, проходившій мимо въ своемъ черномъ сюртукѣ, прямо таки плюнулъ на попку. Потомъ съ негодующимъ крикомъ онъ взлетѣлъ на вершину высокаго вяза, чтобы сообщить новость своимъ домашнимъ.

Между тѣмъ трактирщикъ замѣтилъ пропажу попугая и отправился на поиски. На лугъ онъ пришелъ какъ разъ во время. Попку со всѣхъ сторонъ окружали грачи, а онъ, весь исклеванный, растопыривъ крылья и сердито разинувъ клювъ, даже не отбивался отъ нихъ, а только кричалъ во все горло: „Не всѣ сразу, господа! По очереди, пожалуйста!“

Трактирщикъ—хозяинъ трактира, небольшой гостиницы, харчевни (происходитъ отъ французск. сл. *traiter*—угощать).

Прилавокъ—длинный столъ въ лавкѣ, за которымъ стоитъ купецъ. Сидѣльцы стоятъ за прилавкомъ.

Толпиться—собираться въ толпу, толкаться. См. басню „Бѣлка“ на стр. 26.

Неизмѣнный—всегдашній, вѣрный, надежный. Незимѣнный другъ.

Негодующій—отъ сл. **негодовать** на кого, на что: быть недовольнымъ, роптать, съ сердцемъ выражать жалобу.

Растопырить—расширить, разставить. Индюкъ и хвостъ и крылья растопырилъ.

✱

33. Счастье.

Сказка В. Дала.

Въ тридесятомъ царствѣ, за тридевять земель, у славнаго, могучаго и богатаго царя была однимъ - одна дочь, въ которой онъ души не чаялъ; а на ту страну напало, поущеніемъ Божиимъ, злое повѣтріе, отъ котораго многое множество народа погибло. Вотъ и дочь царская заболѣла отъ этого мороваго повѣтрія, отъ котораго не могъ избавиться зеліями и снадобьями ни одинъ человѣкъ: а кто заболѣетъ, тотъ и помретъ.

Сталъ царь вызывать со всѣхъ концовъ царства знахарей,

Владиміръ Ивановичъ Даль.
(1801—1872).

которые собираютъ зелья, и травы, и коренья цѣлебные, и обѣщаль осыпать золотомъ того, кто выльчить его дочь. Одинъ, никому неизвѣстный, старикъ явился къ царю и сказалъ ему: „Коли хочешь, чтобы дочь твоя жива была, то прикажи найти въ своемъ царствѣ довольнаго и счастливаго человѣка, который былъ бы доволенъ и счастливъ своею судьбою и ничего бы болѣе не просилъ; съ этого человѣка сними рубаху и надѣнь ее на царевну, и она оживетъ“.

И побѣждали гонцы во все концы царства, извѣздили все города, палаты и дворцы, все барскія усадьбы и крестьянскія избы, все углы и закоулки, все улицы и переулки, торные пути и захолустья, рѣдники и трущобы, города и пригороды, села, приселки и выселки—нѣтъ у сильнаго, могучаго царя счастливаго и довольнаго подданнаго. Кто и доволенъ бы судьбой, да денегъ мало; кто и богатъ, да хотѣлось бы еще быть побогаче; у кого семья хороша, да сосѣди не годятся; кто работы проситъ, кто до-сужества; кто знати, кто богатства, кто здоровья!

Царь неутѣшно скорбѣлъ и въ отчаяніи уже прощался съ дочерью своею, какъ вдругъ раздался крики: „нашли, нашли!“ Дворецъ царскій ровно снова ожилъ, и стѣны, и простѣнки, и золоченая кровля, и богатые подвалы — все и всюду ожило; все радовались, что царевна спасена будетъ—и все тѣснились и толпились, чтобы видѣть блаженнаго и счастливаца. Кто онъ? Гдѣ онъ? Подайте его сюда, покуда еще время; да гдѣ его отыскали, отколѣ онъ взялся?.. Что нужды до этого—благо нашли и привели: онъ здѣсь, и царевна будетъ спасена. Ни въ каретѣ онъ, ни въ шелку—а нищій, въ худой одеждѣ.

— Я тебя озолочу, сказалъ ему царь, и покупаю одну только рубашку твою, за какую хочешь цѣну: проси, что хочешь.

— Да у меня и рубахи-то нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ нѣтъ? Рубахи нѣтъ? сыми съ себя, отдай мнѣ послѣднюю, я тебя за это золотомъ засыплю!

— Да то-то нѣтъ ея, нѣтъ ни на мнѣ, ни за мною! Была когда-то давно, да вся истлѣла, износилась—я ее и кинулъ...

Загадка. Кто всѣхъ богаче на свѣтъ?

Чаять—думать, полагать, надѣяться, ожидать. Чаю воскресенія мертвыхъ. Чай—вѣроятно. Чай, ты усталъ? Чай, самъ знаешь, что у меня силы больше твоей.—Что значить **отчаяться**, **отчаянный**, **нечаянный**? Сверхъ чаянья, паче чаянья—сверхъ ожиданія. Составьте примѣры на выраженія:

по нечаянности. отчаянная голова. отчаяніе. Души не чають въ комъ-нибудь— то же, что очень любить; сравни: онъ отъ нея безъ души, она въ немъ души не слышитъ.

Попушеніемъ Божиимъ (отъ слова по(до)пускать) — волей Божіей.

Повѣтріе—состояніе воздуха, приносящаго болѣзнь,—повальная болѣзнь.

Моровой—отъ слова морить, умерщвлять, мучить. Отсюда **моръ** — повальная смерть, смертная зараза; моровая язва, моровая чума, моровой годъ. Что значить **уморить, переморить, заморить, намориться?** Дайте примѣры на эти слова.

Зелѣ—травя (сорная), снадобье, лѣкарство, ядъ, отравя.

Усадьба (усадить)—господскій домъ въ деревнѣ съ садомъ, огородомъ и пр.

Закоулокъ—темный, глухой переулокъ или просто уголь. Ср. проулокъ.

Торный—отъ слова торить (прокладывать дорожку). Торная дорога—сильно укатанная ѣздой.

Захолустье — глухое или отдаленное и малонаселенное мѣсто.

Рѣднякъ—рѣдкій лѣсъ.

Трущоба—густой, непроходимый лѣсъ, вообще глушь, захолустье.

Досужество (отъ слова досугъ)—умѣнье, ловкость, способность къ мастерству.— Обратите вниманіе на слова досужный и досужливый (мало занятой, свободный) и досужій—способный, искусный. Что значить удосужитьсья? Какую знаете пословицу на слово **досугъ?**

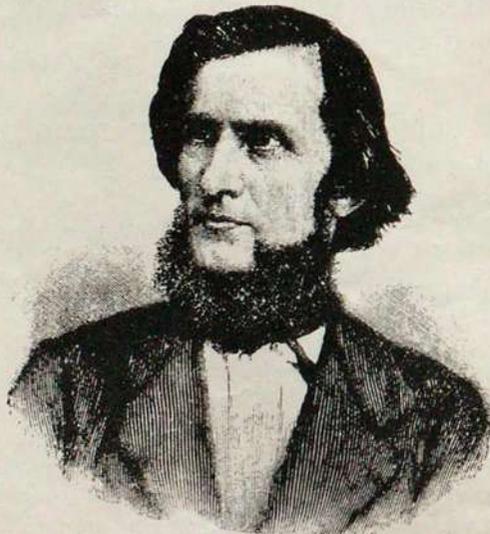
Блаженный—счастливый, а также—юродивый, дурачокъ.

Пословицы: *Глупому счастье, а умному; Богъ даетъ.—Счастье безъ ума—дырявая сума. —Счастье, что волкъ: обманетъ да въ лѣсъ уйдетъ.—Счастье вольная птичка: гдѣ захотѣла, тамъ и съла.—Счастье, что палка о двухъ концахъ.—Соболино одняльце въ ногахъ, да потонули подушки въ слезахъ.*

✱

34. Осень въ деревнѣ и въ городѣ.

К. Ушинскаго.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.
(1824—1870).

Съ конца августа въ воздухѣ начинается холодѣть. Свѣжесть замѣчается особенно по утрамъ, а въ сентябрѣ появляются иногда и легкіе морозы. Просыпаясь по утру, вы видите, какъ побѣлѣла трава или крыша сосѣдняго дома. Еще немного—и лужи, которыхъ осенью довольно всегда, начинаютъ по ночамъ замерзать. Мелкіе осенніе дождики совѣмъ непохожи на лѣтніе грозовые дожди: они идутъ безпрестанно, и земля уже не просыхаетъ скоро, какъ бывало

лѣтомъ. Вѣтеръ дуетъ безъ устали, далеко разнося созрѣвшія сѣмена деревьевъ и травъ и доставляя мальчику удовольствіе высоко запустить бумажнаго змѣя.

Листъ на деревьяхъ начинается кое-гдѣ желтѣть еще въ концѣ августа; въ сентябрѣ вы замѣчаете, какъ на березѣ, все еще зеленой, появляются тамъ и сямъ совершенно желтыя, золотистыя вѣтки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла ихъ мимоходомъ. Первая распустилась береза, она и первая начинаетъ желтѣть. Съ каждымъ днемъ все больше и больше становится желтыхъ листьевъ. Еще два-три дня, и трепетная осина стоитъ вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенній вѣтеръ срываетъ и это послѣднее убранство: крутя въ воздухѣ легкіе, высохшіе листья, устилаетъ онъ ими мокрую землю.

Поля мало по малу пустѣютъ; даже копны хлѣба уже свежены, и только высокіе стога сѣна обнесены плетнемъ, остаются зимовать на лугахъ. Цвѣты исчезли, и пожелтѣвшая, перезрѣвшая трава, гдѣ ее оставили, клонится къ землѣ и какъ будто проситъ снѣга. Одна только озимъ поднимается ровнымъ, зеленымъ бархатомъ. Но этимъ молодымъ запоздавшимъ побѣгамъ суждено скоро погибнуть. Зато корешки хлѣбовъ сохраняются невредимо подъ снѣгомъ и весною выглянуть снова на свѣтъ Божій зелеными стебельками.

Все гложетъ, пустѣетъ, темнѣетъ, теряетъ яркіе цвѣта лѣта, а пріобрѣтаетъ однообразный, грязноватый, сѣрый видъ осени. Въ это время природа похожа на усталого, много поработавшаго чело-вѣка, котораго одолеваетъ сонъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней, и она, накрывшись пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, заснетъ на цѣлую зиму.

Въ городахъ тоже замѣтна осень. Безъ зонтика, шинели и калошъ нельзя выглянуть на улицу. Сверху мороситъ мелкій холодный дождикъ; съ мокрыхъ блестящихъ крышъ каплетъ вода. Нога скользитъ по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшіе заборы смотрятъ уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестахъ. Вездѣ моютъ окна и вставляютъ двойныя рамы. Въ комнатахъ становится темно и глухо. Уличнаго шума не слышно; а по вечерамъ свиститъ и завываетъ въ трубахъ вѣтеръ, нагоняя тоску.

Мертвить — умерщвлять, лишать жизни. Тоска мертвить душу.—**Мертвѣть**—умирать, замирать, принимать видь мертваго. Земля зимой мертвѣеть. Домъ помертвѣль.

Трепетный, отъ трепетать—дрожать, вздрагивать. Что значить трепетный свѣтъ, трепетная лань? Почему осина названа трепетной; какое существуетъ преданіе по этому поводу?

Убранство—нарядъ, украшеніе. А что значить **уборь**, уборка, **уборная**?

Устилать—устлатъ, устелить, постелить что — покрывать. Устлатъ дворъ булыжникомъ, лѣстницу коврами. Какія знаете производныя отсюда им. существит.?

Озимь—хлѣбъ, сѣмый по осени и зимующій подъ снѣгомъ. Тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ.

Глохнуть—становиться глухимъ. Аль ты оглохъ? Часто употребл. въ переносномъ значеніи: цвѣты глохнуть въ тѣни; молва прошла и заглохла; садъ заглохъ.

Одолѣвать—переселить, побѣдить, овладѣть, докучать, затруднять. Одолѣла меня старость. Комары одолѣли. Меня бессонница одолѣваетъ.

Моросить—употребл. безлично: **моросить** — идетъ мелкій дождь.

35. Лутонюшка.

Народная сказка.

Жиль-быль старикъ со старухой; былъ у нихъ сынокъ Лутоня. Вотъ однажды старикъ съ Лутонею занялись чѣмъ-то на дворѣ, а старуха была въ избѣ. Стала она снимать съ грядъ полѣно, уронила его на загнетку и тутъ превеликимъ голосомъ закричала

и завопила. Вот старикъ услыхалъ крикъ, прибѣжалъ поспѣшно въ избу и спрашиваетъ старуху, о чемъ она кричитъ? Старуха сквозь слезы стала говорить ему: „Да вотъ если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него былъ сыночекъ, да если бы онъ тутъ сидѣлъ на загнеткѣ—я бы его вѣдь ушибла полѣномъ-то!“ Ну, и старикъ началъ вмѣстѣ съ нею кричать о томъ, говоря: „И то вѣдь старуха! ты ушибла бы его!..“ Кричатъ оба что ни есть мочи! Вотъ бѣжитъ Лутоня и спрашиваетъ: „О чемъ вы кричите?“ Они сказали о чемъ: „Если бы мы тебя женили, да былъ бы у тебя сыночекъ, и если бъ онъ давеча сидѣлъ вотъ здѣсь, старуха убила бы его полѣномъ: оно упало прямо сюда да таково рѣзко!“ — „Ну, сказалъ Лутоня, исполать вамъ!“ Потомъ взялъ свою шапку въ охапку и говоритъ: „Прощайте! если я найду кого глупѣе васъ, то приду къ вамъ опять, а не найду—и не ждите меня!“—и ушелъ...

Шолъ, шолъ, и видитъ: мужики на избу тащатъ корову. „Зачѣмъ вы тащите корову?“ спросилъ Лутоня. Они сказали ему: „Да вотъ видишь, сколько выросло тамъ травы-то!“ — „Ахъ, дураки набитые!“ сказалъ Лутоня, взялъ-залѣзъ на избу, сорвалъ траву и бросилъ коровѣ. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы онъ у нихъ пожилъ да поучилъ ихъ. „Нѣтъ, сказалъ Лутоня: у меня такихъ дураковъ еще много по бѣлу свѣту!“—и пошелъ дальше.

Вотъ въ одномъ селѣ увидалъ онъ толпу мужиковъ у избы: привязали они въ воротахъ хомутъ и палками вгоняютъ въ этотъ хомутъ лошадь, умаяли ее до полусмерти. „Что вы дѣлаете?“ спросилъ Лутоня.— „Да вотъ, батюшка, хотимъ запречь лошадку.“ — „Ахъ, вы, дураки набитые! пустите-ка, я вамъ сдѣлаю.“ Взялъ и надѣлъ хомутъ на лошадь. И эти мужики съ дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтобы остался онъ у нихъ хоть на недѣлку. Нѣтъ, Лутоня пошелъ дальше.

Шолъ, шолъ, усталъ и зашелъ на постоялой дворъ. Тутъ увидалъ онъ: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на столъ своимъ ребятамъ, а сама то и дѣло ходитъ съ ложкою въ погребъ за сметаной. „Зачѣмъ ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?“ сказалъ Лутоня.— „Какъ зачѣмъ! возразила старуха охриплымъ голосомъ. Ты видишь, батюшка, саламата-то на столѣ, а сметана въ погребѣ.“ — „Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дѣло пошло бы по масличку!“— „И то, роди-

мый!“ Принесла въ избу сметану, посадила съ собою Лутоню. Лутоня наѣлся донельзя, залѣзь на полати и уснулъ. Когда онъ проснется, тогда и сказка моя далѣ начнется, а теперь пока вся.

Загнетка или **загнетъ**—мѣсто на русской печкѣ, куда сгребается жарь.

Давеча, отъ слова давно—не такъ давно, не задолго (но въ тотъ же день).

Исполать см. стр. 31.

Охалка—отъ слова обхалать, обнять руками. Всего въ охалку не забере шь. Дай охалку дровъ.

Набитый дуракъ—отъ сл. набивать въ значеніи наполнять; отсюда набитый то же, что полный, круглый.

Маять—морить, мучить, утомлять. Что значить промаяться, умаяться. Разгадайте загадку: *Мается, мается—придетъ домой, растянется.*

Саламата—мучная кашаца.

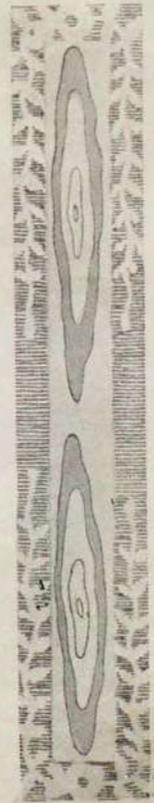
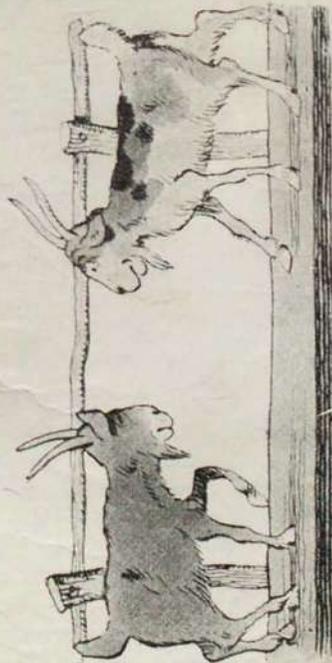
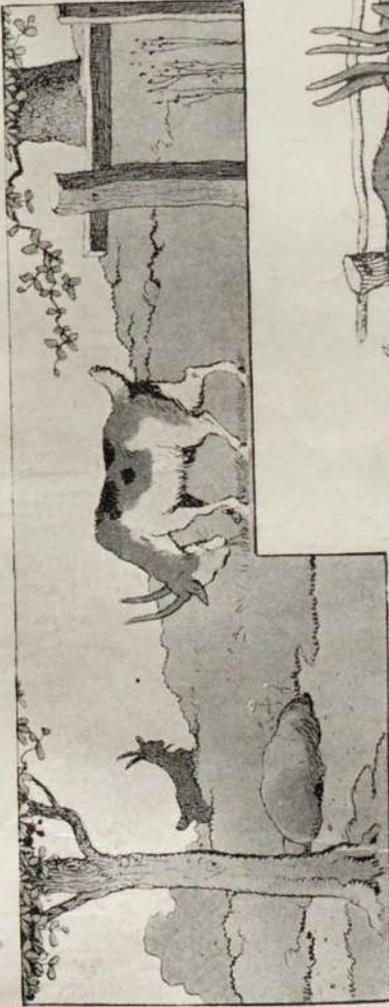
36. Докучныя сказки.

Жили-были два братца, два братца—куликъ да журавль. Накосили они стожокъ сѣнца, поставили среди поляца. Не сказать ли сказочку опять съ конца?

Жилъ-былъ царь, у царя былъ дворъ, на дворѣ былъ колъ, на колу мочало; не сказать ли сначала?

За тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ царствовалъ царь на царствѣ, государствовалъ государь на государствѣ, и были у этого царя палаты такія, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Кругомъ палатъ онъ насадилъ сады, а въ садахъ напрудилъ пруды, а въ прудахъ развелись караси; во дворѣ росла береза, а на березѣ висѣла мочала—не сказать ли сказочку сначала?

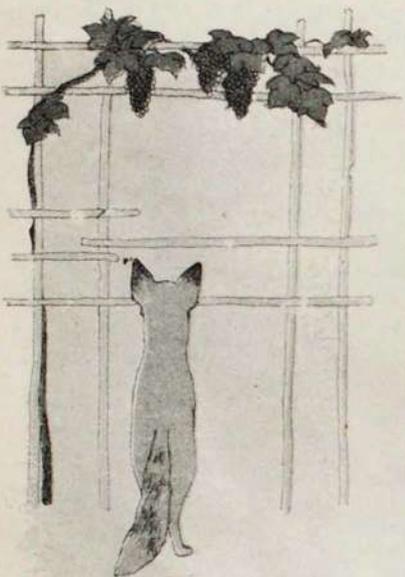
Два козлика.

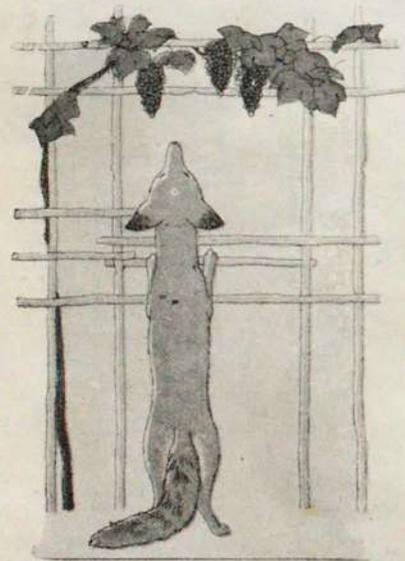
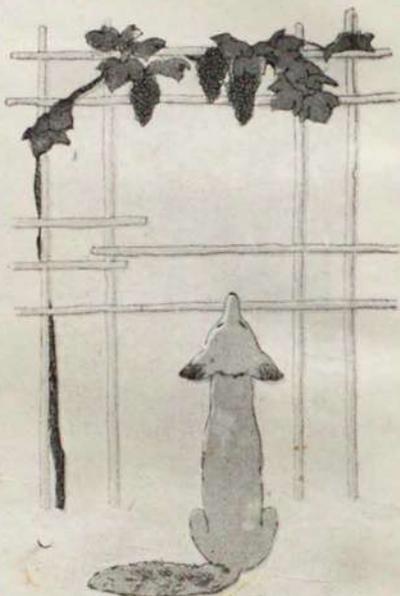
Что здесь нарисовано? — Составьте рассказ.

37. Лисица и виноградъ.

Басня И. Крылова.

Голодная кумалиса залѣзла въ садъ; въ немъ виноградукисти рдѣлись. У кумушки глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты, горять; лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко: отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хоть видитъ око, да зубъ нейметъ. Пробившись попусту часъ цѣлый, пошла и говорить съ досадою: „ну, что жъ! На взглядъ-то онъ хорошъ, да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь!“

Рдѣть, рдѣться — краснѣть, ярко алѣть, зрѣть. Заря зардѣлась. Зардѣлся небосклонъ.

Назовите тройное значеніе слова кисть.

Разгорѣться, разгораться — постепенно горѣть сильнѣе. Запомните различныя выраженія: дрова разгораются, щеки разгорѣлись, глаза разгорѣлись, душа разгарается, споръ разгарается, страсти разгорѣлись. Отсюда слово **разгаръ**. Пожаръ въ самомъ разгарѣ. Ярмарка въ разгарѣ.

Нейметъ, отъ глаг. *неимать*—не хватать. Что значить ему *неймется*?

Пробиться, *пробиваться* имѣеть различныя значенія: изба *пробивается* мохомъ; вода *вездѣ* пробьется; *пробиться* сквозь толпу; усь *едва* пробивается. Назовите другіе примѣры.

Оскомина—непріятное ощущеніе на зубахъ отъ незрѣлыхъ плодовъ. Смородина *набьетъ* оскомину. Что значить: *Пришелъ* спастъ, *оскомину* принесъ.

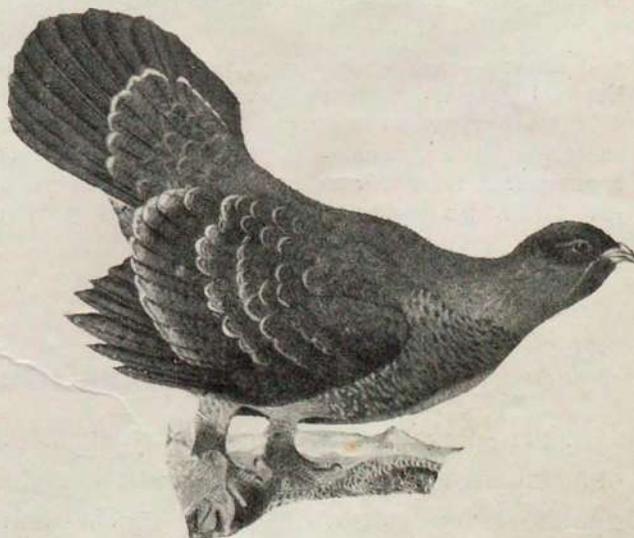
Пословицы. *Близко локоть, да не укусишь.—Око видитъ, да зубъ нейметъ.—Глазами окинешь, да тутъ же покинешь.—Умъ есть сладко съесть, да языкъ коротокъ.—Чуетъ котъ въ кувшинъ молоко, да рыло коротко.*

38. Тетеревъ и лисица.

Басня гр. Л. Толстого.

Тетеревъ сидѣлъ на деревѣ. Лисица подошла къ нему и говорить: „здравствуй, тетеревочекъ, мой дружокъ, какъ услышала твой голосочекъ, такъ и пришла тебя *провѣдать*“.— „Спасибо на добромъ словѣ“, сказалъ тетеревъ. Лисица притворилась, что не разслышала и говорить: „что говоришь? не слышу. Ты бы, тетеревочекъ, мой дружокъ, сошелъ на травушку погулять, поговорить со мной, а то я съ дерева не разслышу“. Тетеревъ сказалъ: „боюсь я сходить на траву. Намъ, птицамъ, опасно ходить по землѣ“. — „Или ты меня боишься?“ сказала лисица.— „Не тебя, такъ другихъ звѣрей боюсь“, сказалъ тетеревъ: „всякіе звѣри бываютъ“. — „Нѣтъ, тетеревочекъ, мой дружокъ, нынче указъ объявленъ, чтобы по всей землѣ миръ былъ. Нынче ужъ звѣри другъ друга не трогаютъ“. — „Вотъ это хорошо“, сказалъ тетеревъ, „а то вотъ собаки бѣгутъ, кабы по старому, тебѣ бы уходить надо, а теперъ тебѣ бояться нечего“. Лисица

услыхала про собакъ, навострила уши и хотѣла бѣжать. „Куда же ты?“ сказала тетеревъ: „вѣдь нынче указъ, собаки не тронуть“. — „А кто ихъ знаетъ“, сказала лиса: „можетъ, они указа не слышали“. И убѣжала.

Спасибо — сокращ. спаси Богъ!
Спасибо за что-нибудь или на чемъ-нибудь.

Указъ—письменное приказаніе, распоряженіе, исходящее отъ какой-ниб. власти. Что значитъ: никто мнѣ не указъ.

Навострить или наострить что—точить сдѣлать острымъ. Наострить уши—внимательно вслушиваться, наострить лыжи — убѣжать. Что значитъ **навостриться**? А жаль, что не знакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ. Еще бѣ ты болѣ навострился, когда бы у него немножко поучился.

39. Дѣтская пѣсенка.

Ужъ какъ шла лиса по тропкѣ, нашла грамоту въ охлопкѣ; она по лѣсу ходила, громкимъ голосомъ вопила. Лиса лычко драла, себѣ лапки плела. Онѣ сѣла на пенекъ и читала весь денекъ, будто небо провалится и земля загорится; лисѣ негдѣ будетъ жить, пришло съ горя утопиться.

40. Кукушка.

Басня А. Измайлова.

„Послушайте меня, я не совру!“ кукушка говорила птицамъ, чижамамъ, щеглятамъ и синицамъ. „Была я далеко, въ густомъ бору; тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала, какъ соловей поетъ.

„Ужъ не по нашему!

„Я хорошо пѣвала, да все не то — такъ сердце и замретъ отъ радости, когда во весь онъ голосъ свистнетъ, а тамъ защелкаетъ иль тихо пуститъ трель, — забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ. Ну что противъ него свирѣль! Дивилась, право, я дивилась...

„Однакоже, не по-таю, — по соловьиному и я пѣть научилась. Для васъ. извольте, пропою точнехонько, какъ онъ — хотите?“

— Пропой, послушаемъ!

„Чуръ не шумѣть, молчите! Вотъ выше сяду на суку. Ну слушайте жъ теперь:

„Ку-ку, ку-ку, ку-ку!“

Пословицы: *Всѣ равны бобры, одинъ я соболекъ. — Хвастать не косить, спина не болитъ. — На словахъ, что на гусяхъ, а на дѣль, что на бала-лайкѣ. — Размахнула широко, почерпнула глубоко, да та же вода. — Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ.*

Басня И. Крылова.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
 на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
 и выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
 Однажды лебедь, ракъ да щука
 везти съ поклажей возъ взялись,
 и вмѣстѣ трое все въ него впряглись;
 изъ кожи дѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу.
 Поклажа бы для нихъ казалась и легка:
 да лебедь рвется въ облака,
 ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
 Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
 да только возъ и нынѣ тамъ.

Ладъ,—что значить это слово и какія оно имѣеть различныя значенія: дѣло пошло на ладъ; не въ ладъ играютъ; не надобенъ и кладъ, коли въ семьѣ ладъ; старая погудка на новый ладъ; никакихъ ладовъ съ нимъ нѣтъ; ни ладу, ни складу; сядемъ рядкомъ да побоемъ ладкомъ.—Не смѣшивать слово **лады**, **ладушки**, отъ ладонь, въ известной пѣсенкѣ Ладушки, ладушки, гдѣ были? у бабушки! что вы ѣли? кашку! что вы пили? бражку!

Что значить: ему нѣтъ ходу или не даютъ ходу? Дайте примѣры на выраженія: въ ходу, на ходу, въ ходъ, ходъ въ.

Загадка: *Ноги многи, усы длинны, а хвостомъ брыкъ-брыкъ.*

41. Трусливый Ваня.

Народная сказка.

Замѣсила мать Вани тѣсто въ квашнѣ и поставила на печь киснуть, а сама ушла къ сосѣдкѣ.

Въ сумеркахъ пришелъ Ваня домой, окликнулъ—никого въ избѣ нѣтъ. Вотъ и хотѣлъ онъ огонька вздуть, какъ слышитъ: кто-то на печи пыхтитъ. „Видно, домовой!“ подумалъ Ванюша; затрясся отъ страху, выпустилъ изъ рукъ лучину—да бѣжать. Въ потьмахъ наступилъ Ваня на кочергу, а она его по лбу. „Ай-ай, батюшки, помогите! помогите!“ завопилъ Ваня и хотѣлъ было вонъ изъ избы. На ту бѣду разулся у него лапоть, и Ванюша прихлопнулъ дверью оборку отъ лаптя: растянулся въ сѣняхъ и вопить благимъ матомъ: „Ай, батюшки! ай, сосѣдушки! помогите! отымите!—держите меня домовой!“

Прибѣжали сосѣди, подняли Ванюшу ни жива, ни мертва; а какъ узнали, въ чемъ дѣло, то и стали надъ нимъ смѣяться. Долго потомъ всѣ дразнили Ванюшу и спрашивали его: какъ это онъ испугался тѣста въ квашнѣ, кочерги въ углу, лаптя на своей ногѣ?

Мѣсить—мять, говорится о тѣстѣ и глинѣ.

Квашня—кадка, въ которой квасятъ тѣсто, ставятъ хлѣбъ. *Есть въ квашнѣ, будетъ и въ мошнѣ.* О какомъ человѣкѣ говорится: онъ у насъ такая квашня.

Вздутъ огня—добыть, зажечь.; Вѣтеръ вздуваетъ пыль. У меня вздуло щеку. Что значить—вздутъ кого?

Оборка на лаптѣ—завязка; оборка на платьѣ, на занавѣси—обшивка, складки.

Вопить (или кричать) **благимъ матомъ**—кричать что есть силы. Определите различныя значенія слова **мать** 1) въ работѣ напр. позолотчиковъ, 2) въ шахматной игрѣ и 3) ему пришелъ мать.

Загадки.—*Не живой, а дышитъ?—Безъ рукъ, безъ ногъ въ гору лѣзетъ?—Сплетень липовый кустъ; ночью отпертъ, а днемъ запертъ.*

※

42. Знаемъ.

Корейская сказка Н. Гарина.

Жили себѣ мужъ и жена, хорошіе люди, но только никогда никого до конца не дослушивали и всегда кричали:—знаемъ, знаемъ! Разъ приходитъ къ нимъ одинъ человѣкъ и приноситъ халатъ.

— Если надѣть его и застегнуть на одну пуговицу,—сказалъ. человекъ—то поднимешься на одинъ аршинъ отъ земли, на двѣ пуговицы—до полунеба улетишь, на три—совсѣмъ въ небо улетишь!

Мужъ, вмѣсто того, чтобы спросить, какъ же назадъ возвратиться, закричалъ:—знаемъ! Надѣлъ на себя халатъ, застегнулъ сразу на все пуговицы и полетѣлъ въ небо.

А жена его бѣжала и кричала: „смотрите, смотрите: мой мужъ летитъ!“ Такъ бѣжала она, пока не упала въ пропасть, которой не видѣла, потому что смотрѣла все въ небо. На днѣ пропасти протекала рѣка. Говорятъ, онъ превратился въ орла, а она въ рыбу.

И это, конечно, еще очень хорошо для такихъ разинь, какъ они.

Разиня (отъ сл. разинуть, разѣвать ротъ—зѣвать)—зѣвака, ротозѣй. Про кого говорятъ: онъ веронь считаетъ.

Загадка: *Сидитъ Арина, ротъ разиня.*

Крошечка-Хаврошичка.

Народная сказка.

Вы знаете, что есть на свѣтѣ люди и хорошіе, есть и похуже, есть и такіе, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся: къ такимъ-то и попалась Крошечка-Хаврошичка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свѣтѣ Божій не пустили, надъ работою каждый день занудили, заморили: она и подаетъ, и прибираетъ, и за всѣхъ и за все отвѣчаетъ. А были у ея хозяйки три дочери большія. Старшая звалась Одноглазка, средняя—Двухглазка, а меньшая—Триглазка; но онѣ только и знали у воротъ сидѣть, на улицу глядѣть, Крошечка-Хаврошичка на нихъ работала, ихъ обшивала, для нихъ и пряла и ткала, а слова добраго никогда не слышала. Вотъ то-то и больно—ткнуть да и толкнуть ея кому, а привѣтитъ да пріохотитъ нѣтъ никого!

Выйдетъ однажды Крошечка-Хаврошичка въ поле, обниметъ свою рябую корову, ляжетъ къ ней на шейку и рассказываетъ, какъ ей тяжело жить хозяйкамъ: „Коровушка-матушка! меня бьютъ, журуютъ, хлѣба не даютъ, выкачать не велятъ. Къ завтраму дали пять пудовъ напирать, въ трубы покатать“. А коровушка ей въ отвѣтъ: „Красная дѣвица! влѣзь ко мнѣ въ одно ушко а въ другое вылѣзь—

все будетъ сработано“. Такъ и сбывалось. Вылѣзетъ красная дѣвица изъ ушка—все готово: и наткано, и побѣлено, и покатано. Отнесетъ къ мачехѣ; та поглядитъ, покряхтитъ, спрячетъ въ сундукъ, а ей еще больше работы задастъ. Хаврошичка опять придетъ къ коровушкѣ, въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ и готовенькое возьметъ-принесетъ.

Дивится старуха, зоветъ Одноглазку: „Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! доглядись — кто сиротѣ помогаетъ: и ткеть, и прядетъ, и въ трубы катаетъ?“ Пошла съ сиротой Одноглазка въ лѣсъ, пошла съ нею въ поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышкѣ, разлеглась на травушкѣ; а Хаврошичка приговариваетъ: „Спи глазокъ, спи глазокъ“. Глазокъ заснулъ; пока Одноглазка встала, коровушка и наткала и побѣлила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышкѣ распеклась и на травушкѣ разлеглась, материнино приказаніе забыла и глазки смежила; а Хаврошичка баюкаетъ: „Спи глазокъ, спи другой!“ Коровушка наткала, побѣлила, въ трубы покатала, а Двуглазка все еще спала. Старуха разсердилась, на третій день послала Триглазку, а сиротѣ еще больше работы дала. И Триглазка, какъ ея старшія сестры, попрыгала, попрыгала и на травушку пала. Хаврошичка поетъ: «Спи глазокъ, спи другой!» а о третьемъ забыла. Два глаза заснули, а третій и все видитъ, все— какъ красная дѣвица въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла и готовые холсты подобрала. Все, что видѣла Триглазка, матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла къ мужу: „Рѣжь рябую корову!“ Старикъ такъ-сякъ: „Что ты, жена, въ умѣ ли? корова молодая, хорошая!“—„Рѣжь, да и только!“ Наточилъ ножикъ...

Побѣжала Хаврошичка къ коровушкѣ: „Коровушка-матушка! тебя хотятъ рѣзать“.—„А ты, красная дѣвица, не ѣшь моего мяса, косточки мои собери, въ платочекъ завяжи, въ саду ихъ разсади и никогда меня не забывай—каждое утро водой ихъ поливай“. Хаврошичка все сдѣлала, что коровушка завѣщала; голодомъ голодала, мяса ея въ ротъ не брала; косточки каждый день въ саду поливала, и выросла изъ нихъ яблонька, да какая — Боже мой! Яблочки на ней висятъ наливныя, листвицы шумятъ золотыя вѣточки гнутся серебряныя; кто ни ѣдетъ—останавливается, кто проходитъ близко—тотъ заглядывается.

Случилось разъ—дѣвушки гуляли по саду; на ту пору ѣхалъ по полю баринъ, богатый, кудреватый, молоденькій. Увидѣлъ яб-

лочки, затрогаль дѣвушекъ: „Дѣвицы-красавицы!—говорить онъ,—которая изъ васъ мнѣ яблочко поднесетъ, та за меня замужъ пойдетъ“. И бросились три сестры одна передъ другой къ яблонькѣ. А яблочки-то висѣли низко, подъ руками были, а то вдругъ поднялись высоко-высоко, далеко надъ головами стали. Сестры хотѣли ихъ сбить—листья глаза засыпаютъ, хотѣли сорвать—сучья косы расплетаютъ, какъ ни бились, ни метались—ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошичка, и вѣточки приклонились. Баринъ на ней женился, и стала она въ добрѣ поживать, лиха не знавать.

Занудить, зануживать—принуждать. Происходитъ отъ слова нуда—принужденіе, неволя. **Нуда**—значить тошнота. Что-то нездоровится, съ утра все нудить. **Нудный**—невольный, а также вызывающій тошноту, противный. Мнѣ нудно—дурно, тошно; нудно жить тутъ—трудно, тяжело. Нудный человекъ—скупной. Отсюда же слово—**нужда**.

Заморить.—См. стр. 36.

Привѣтить—привѣтствовать, принять ласково. Что значить: **привѣтъ**, **привѣтливый**? Каковъ привѣтъ, таковъ и отвѣтъ. Различнаго рода привѣтствія: Какъ живете, поживаете? Какъ васъ Богъ милуетъ? Спали-почивали, весело ль вставали?—Хлѣбъ да соль! Милости просимъ!—Чай да сахаръ!—Милости прошу къ нашему шалашу: и пироговъ покрошу и откушать попрошу.—Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Пріохотить—возбудить охоту, ободрить.

Журить кого—бранить, выговаривать. Журить—бранить есть кому, миловать некому.

Пригожій—пригодный на что-ниб. Онъ на это дѣло пригожъ. Не пригоже ему дѣлать такъ.—Угодный на видъ, красивый, пріятный. Лицомъ пригожій.

Дознаться—допытываться, узнавать подробно.

Смежать, смежить что, соединить, сблизить, сомкнуть—говорится о глазахъ, сомкнуть глаза, смежить очи. Отсюда же **смежный** съ чѣмъ—соприкасающійся раздѣленный одной межей. Смежныя владѣнія.

Завѣщать что кому—за (при)казывать, отказывать послѣ смерти.—**Завѣтъ**—все что завѣщано, заповѣдано, свято наказано. Что значить—Новый завѣтъ? **Завѣтный**—завѣщанный, хранимый по завѣту, задушевный, тайный; завѣтное желаніе, завѣтная дума. Что значить **завѣщаніе**, **завѣщатель**?

Затрогать, затро(а)гивать—прикасаться, дразнить.

Приклонить и преклонить—какая разница?

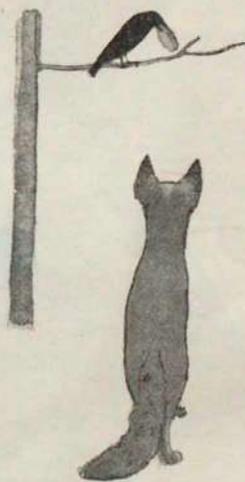
Лихо—зло. Не поминайте лихомъ.—Лихо помнится, а добро забывается.—Что значить: лихо прокачу на тройкѣ.

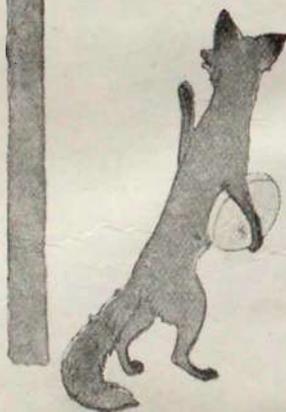
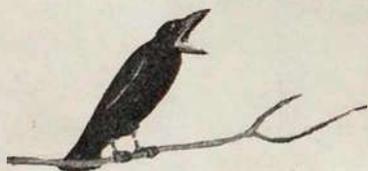
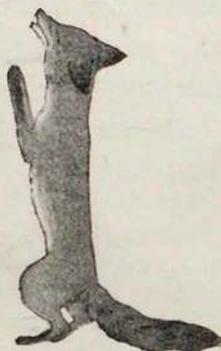

Ворона и лисица.

Басня И. Крылова.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.
На ель ворона взгромоздясь,
позавтракать было совѣмъ ужъ собралась,
да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
лисица видитъ сыръ, — лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,

вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводить,
и говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
„голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать—такъ, право, сказки!
Какія перышки! Какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!

Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
при красотѣ такой, и пѣть ты мастерица,
вѣдь ты бѣ у насъ была царь птица!“
Вѣщуньяина съ похвалъ вскружилась голова,
отъ радости въ зобу дыханье сперло,—
и на привѣтливѣ лисицины слова
ворона каркнула во все воронье горло:
сыръ выпаль—съ нимъ была плутовка такова.

Опредѣлите различныя значенія слова **духъ** по слѣд. выраженіямъ: злой духъ; обратиться съ духомъ; перевести духъ; испустить духъ; здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ; падать духомъ; быть въ духѣ; во весь духъ; ни духу, на духу. Составьте примѣры на эти выраженія, а также на слѣд. слова, производныя отъ сл. „духъ“: **духовный, духовой, духота, душа, душисть, душистый, душный**. Не знаете ли какихъ-нибудь составныхъ словъ: напр. **душегрѣйка** и т. д.

Плѣнить—взять въ плѣнъ, захватить, прельстить, привлечь къ себѣ.—Въ какой баснѣ говорится: „И сѣли на лужокъ подѣ липки плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ“? Что значить **плѣниться**? Не плѣняются красотой, а плѣняются у момъ и сердцемъ.—Какія еще слова можно образовать отъ сл. „плѣнить“?

Вѣщунья, отъ сл. вѣщунъ, вѣщунья—колдунъ, знахарь, предсказатель. Изъ птицъ вѣщуньей называется ворона (зловѣщая птица), иногда сорока.

Пословицы: *Воронъ каркаетъ къ несчастью, ворона къ ненастью.—
Попался какъ ворона въ супъ.—Пугана ворона и куста боится.
Лестью и душу вынимаютъ.*

Солдатская загадка.

Народная сказка.

Шли солдаты прохожіе, остановились у старушки на отдыхъ. Попросили они попить да поѣсть, а старуха отзывается: „дѣтоньки! Чѣмъ же я васъ буду подчивать? У меня ничего нѣту“. А у ней въ печи былъ вареный пѣтухъ—въ горшкѣ, подѣ сковородой. Солдаты это дѣло смекнули; одинъ—вороватый былъ! Вышелъ на дворъ, раздергалъ возъ со снопами, воротился въ избу и говоритъ: „бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скоть-ать у тебя хлѣбъ ѣсть“.

Старуха на дворъ, а солдаты тѣмъ времячкомъ заглянули въ печь, вынули изъ горшка пѣтуха, на мѣсто его положили туда ошметокъ, а пѣтуха въ суму спрятали. Пришла старуха: „дѣтоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, дѣтоньки, пакостите? Не надо, миленьки!“ Солдаты помолчали-помолчали, да опять попросили: „дай же, бабушка, поѣсть намъ!“—„Возьмите, дѣтоньки, кваску да хлѣбца; будетъ съ васъ!“

И вздумала старуха похвалиться, что провела ихъ, и загнула имъ загадку: „А что, дѣтоньки! вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мнѣ: нынѣ въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сквороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ-Курухановичъ?“—„Нѣтъ, бабушка!“—„А кто же, дѣтоньки, вмѣсто его?“—„Да Липанъ Липановичъ“.—„А гдѣ же Куруханъ Курухановичъ?“—„Да въ Суминъ городъ переведень, бабушка“.

Послѣ того ушли солдаты.

Пріѣзжаетъ сынъ съ поля, просить ѣсть у старухи, а она ему: „поди-ка, сынокъ! Были у меня солдаты да просили закусить, а я имъ, дитяtko, загнула загадочку про пѣтуха, что у меня въ печи, они не сумѣли отгадать-то“.—„Да какую ты, матушка, загнула имъ загадку?“—„А вотъ какую: въ Пенскомъ, Черепенскомъ, подъ Сквороднымъ, здравствуетъ ли Куруханъ Курухановичъ? Они не отгнали; нѣтъ, бають, бабушка! Гдѣ же онъ, родимые? Да въ Суминъ городъ переведень. А того и не знаютъ, что у меня въ горшкѣ-то есть!“

Заглянула въ печь, анъ пѣтухъ-то улетѣлъ; только лапоть вытащила. „Ахти, дитяtko, обманули меня проклятые!“—„То-то, матушка! Солдата не проведешь, онъ—человѣкъ бывалый“.

Отзываться—откликаться, отвѣчать. Что значить: онъ нехорошо о тебѣ отзывается, или это мясо отзывается рыбой.

Вороватый—плутоватый, хитрый.

Ошмѣтокъ—истоптанные лапти.

Провести, проводить—имѣетъ двойное значеніе: 1) вести черезъ что, напр. провести черту, границу, дорогу; провести черезъ болото; газъ проведенъ въ квартиру; проводить праздники весело, день и ночь въ молитвѣ; 2) обмануть, не исполнить обѣщанія, напр. меня не проведешь.

Пословица: *Что есть въ печи, все на столѣ мечи. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.*

Народные анекдоты.

Эй, служба, не видаль ли теленочка? „А какой, онъ былъ?“ Рыженькій. „И съ обрывочкомъ на шеѣ?“ Да, да. „И бочокъ потерть?“ Ну, да, онъ и есть! „Нѣтъ, не видаль!“

А что, братъ, хорошо ли бьетъ твое новое ружье? „Очень хорошо: сегодня съ полки упало и пять горшковъ разбило“.

Въ октябрѣ.

Съ картины В. Сьерова.

Передъ дождемъ.

Стихотвореніе *Н. Некрасова.*

Заунывный вѣтеръ гонить
стаю тучъ на край небесъ.
Ель надломленная стонетъ,
глухо шепчетъ темный лѣсъ.

На ручей, рябой и пестрый,
за листкомъ летитъ листокъ,
и струей сухой и острой
набѣгаетъ холодокъ.

Полумракъ на все ложится;
налетѣвъ со всѣхъ сторонъ,
съ крикомъ въ воздухъ кружится
стая галокъ и воронъ.

Заунывный—тоскливый, грустный, печальный, наводящій уныніе. Назовите слова отъ того же корня.

Надломить. надламывать — сгибать вещь такъ, чтобы она въ сгибѣ треснула, но не сломалась; отламывать часть.

Въ октябрѣ.

Стихотвореніе *Л. Модзалевскаго.*

Солнце спряталось за тучки,
вѣтеръ сильный, холодно.
Листья сыплются, и въ кучки
вѣтромъ всѣ ихъ намело.

Рѣчка ходитъ такъ сердито,
лѣсъ такъ жалобно шумитъ;
небо тучами закрыто,
небо дождикомъ грозитъ.

Птички всѣ прижались въ полѣ,
рыбки спрятались на дно.
Всѣмъ и въ волѣ, какъ въ неволѣ
холодно всѣмъ, холодно.

Намести, наметать—сгребать метлой, нанести вѣтромъ. Намели столько сору, будто и вѣкъ не мели.

Опредѣлите различныя значенія слова **ходить** по слѣд. примѣрамъ: кто-то ходитъ по чердаку.—Онъ не ходитъ въ церковь.—Здѣсь вѣтеръ ходитъ.—Мельница не ходитъ.—Я не умѣю ходить за цвѣтами.—А что значить: ходить вотъмъ.—Онъ у меня по стрункѣ ходитъ.—Составьте 17 примѣровъ на сл. „ходить, хаживать“ съ различными приставками.

Наши животныя.

Изъ записокъ арестанта.

Ө. Достоевскаго.

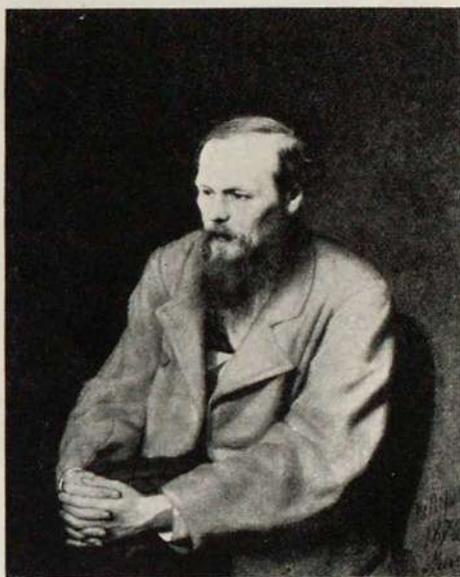
Не знаю, откуда у насъ взялся, и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій, прехорошенькій козле-

нокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили, и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было преграціозное и прешаловливое созданіе. Онъ бѣжалъ на кличку; вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ.

Разъ, когда уже у него прорѣзались порядочные рожки, однажды вечеромъ лезгинъ Бабай, сидя на казарменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ нимъ бодаться. Они уже долго стучались лбами,—это была любимая забава арестанта съ козломъ,—какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца, и только что Бабай отворотился въ сторону, мигомъ поднялся на дыбки, прижалъ къ себѣ переднія копытца и со всего размаха ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ кувыкомъ съ крыльца, къ восторгу всѣхъ присутствующихъ и перваго Бабая.

Однимъ словомъ, Ваську всѣ ужасно любили. Да и кормили его точно на убой. Наконецъ выросъ прекрасный, большой козелъ, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало, идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу для увеселенія арестантовъ и встрѣчающейся публики. Всѣ знали осторожнаго козла Ваську.

Проживалъ у насъ нѣкоторое время въ острогѣ орель, изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и раздвѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромя, прискакивая на

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.
(1821—1881).

одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла.

Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. „Звѣрь! — говорили они: — не дается“. Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравляли, изловчился хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изъ всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ

его бросили и забыли, и однакожь каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ.

Мнѣ случалось издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль палъ, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ... Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромя и перескакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, оцетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ глазомъ.

Одинокю и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ, и хотъ никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла: „пусть хотъ околѣбеть, да не въ острогъ“, говорили одни.

Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Донесли до вала. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно сами они получали свободу. Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокой осенью, въ холодный, сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ, куда глаза глядятъ.

Очутиться гдѣ—появиться внезапно, вдругъ, случайно.

Пре—приставка при им. прилагат. означаетъ высшую степень: весьма, очень.

Развлечение—забава, потѣха.

Отрада—утѣха, утѣшеніе, то, что облегчаетъ бремя, скорбь. **Дѣти отрада моя.**

Граціозный—исполненный граціи, т.е. умѣнья легко и красиво двигаться.

Дыбы, уменьш. дыбки—положеніе животнаго, становящагося на заднія лапы; употребл. только выраженіе „на дыбы“.

Каторга—что значить въ буквально́мъ смыслѣ и въ переносномъ? Не жизнь, а каторга.

Ковылять—хромать, припадать на ногу, ходить въ перевалку.

Пáля—свая.

Натравить—натравлять, натравливать кого, подстрекать къ нападенію. **Натравить зайцевъ**—значить много затравить ихъ, убить.

Ошетиниться на кого—поднять шерсть, въ готовности напасть, озлиться.

Пронзительный—отъ сл. пронзить, пронизать; какая разница между словами **пронзительный**, **пронзенный** и **пронизывающій**. Дайте примѣры.

Сумрачный—отъ сл. сумракъ, сумерки, смеркаться; сумрачная погода, сумрачный взглядъ, сумрачный нравъ.

Клочковатый или **клочистый**—состоящій изъ клочевъ или обильный ими.

Крестьянинъ въ бѣдѣ.

Басня *И. Крылова.*

Къ крестьянину на дворъ залѣзъ осенней ночью воръ; забрался въ клѣть и на просторѣ, обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ, покралъ безсовѣстно, что могъ; и то сказать, какая совѣсть въ ворѣ! Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ, богатымъ легъ, а съ голью всталъ такую, хоть по-міру поди съ сумою: не дай Богъ никому проснуться худо такъ!

Крестьянинъ тужить и горюеть, родню сзываетъ и друзей, сосѣдей всѣхъ и кумовей. „Нельзя ли“, говоритъ: „помочь бѣдѣ моей?“ Тутъ всякій съ мужикомъ толкуеть и умный свой даетъ совѣтъ.

Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ! Не надобно было тебѣ по міру славить, что столько ты богатъ“. Свать Климычъ говоритъ: „Впередъ, мой милый свать, старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить“.—„Эхъ, братцы, это все не такъ“, сосѣдъ толкуеть Фока: „не то бѣда. что клѣть далека, да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ; возми-ка у меня щенка любого отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогого отъ сердца надѣлить, чѣмъ ихъ топить“.

И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ, кто сколько могъ, а дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

Клѣть—кладовая, амбаръ, холодная половина избы.

Обшарить—ощупать, обыскать. **Обшарить всѣ углы.**

Совѣтъ—чувство внутреннее, побуждающее къ добру и къ истинѣ. Что значить: совѣстливый человекъ; мнѣ совѣстно тебя беспокоить; я сталъ его усовѣщевать?

Голь—имѣеть три значенія: 1) нагота, 2) голое мѣсто, безъ лѣсу, безъ травы, 3) нищета. Голь на выдумки хитра. Голь перекатная. Ъхать голью—безъ снѣга.

Тужить о чемъ—горевать, сокрушаться. Кто служить, тотъ и тужить. Жиль—ни о чемъ не тужиль; померъ—по немъ не тужать.

Славить—восхвалять. Славить Христа. Что значить славиться, прославиться, разславить?

Надѣлить кого чѣмъ—снабжать, давать кому-либо или вѣсть долю, часть. Его Богъ надѣлилъ умомъ. Что значить: великъ ли его надѣль?

Сравни ниже басню Хемницера „Друзья“.

Пословицы: *На обѣдъ всѣ сосѣди; а пришла бѣда, они прочь какъ вода.*

Осень.

Стихотвореніе А. Пушкина.

Ужъ небо осенью дышало;
ужъ рѣже солнышко блистало;
короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь
съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
ложился на поля туманъ;
гусей крикливыхъ караванъ
тянулся къ югу: приближалась
довольно скучная пора—
стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
на нивахъ шумъ работъ умолкъ;
съ своей волчихою голодной
выходить на дорогу волкъ;
его почуя, конь дорожный
храпить, — и путникъ осторожный
несется въ гору во весь духъ;
на утренней зарѣ пастухъ
не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
и въ часъ полуденный въ кружокъ
ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
трещитъ лучина передъ ней.

Осенью дышало—сравни: вѣтерокъ дышитъ прохладю. Лицо его дышитъ злобою.

Сѣнь—то же, что тѣнь. Подъ сѣнью деревь. Иногда сѣнь значить защита. Птенцы подъ сѣнью материнскихъ крыль. Отсюда происходятъ слова: осѣнить крестомъ, берега рѣчки осѣнены лѣсами. Отъ того же корня слово сѣни: ахъ, вы сѣни мои, сѣни, сѣни новыя мои! Въ старину словомъ сѣни обозначался просто домъ; въ сказкахъ и въ пѣсняхъ упоминаются сѣнныя дѣвушки, т. е. горничныя (отъ слова горница, комната).

Караванъ—арабское слово, значить обозъ, поѣздъ, сборище въ движеніи, напр. караванъ верблюдовъ. Что значить водяной караванъ, караванъ съ хлѣбомъ, золотой караванъ?

Стоялъ ноябрь—сравни выраженія: все лѣто стояла засуха; дни стояли пасмурные; цѣны стояли высокія, дымъ стоитъ; мы стояли въ Твери; рѣка еще стоитъ; стоять за правду, стоять на своемъ, стоять на молитвѣ. Назовите еще подобныя выраженія.

Трещать—1) издавать звукъ, будто трескается; 2) болтать. Ледъ трещитъ подъ ногами. Сырыя дрова трещать. Морозъ трещитъ.

Коть, козель да барань.

Народная сказка.

Жили-были на одномъ дворѣ козель да барань; жили промежь себя дружно: сѣна клокъ — и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ — такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ: за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ — тутъ у него брюхо болить.

Вотъ однажды лежатъ себѣ козель да барань и разговариваютъ промежь себя; гдѣ ни взялся котикшко-мурлышко, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козель да барань и спрашиваютъ: „Коть-котокъ, сѣренькій лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?“ — „Какъ мнѣ не плакать? Била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала.“ — „А за какую вину такая тебѣ погибель?“ — „Эхъ, за то погибель была, что себя не опозналъ да сметанку слизалъ“. И опять заплакалъ котъ-мурлыко. „Коть-котокъ, сѣрый лобокъ! о чемъ же ты еще плачешь?“ — „Какъ не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? Э: неволю придется колоть козла да барана“. Заревѣли козель и барань: „Ахъ, ты, сѣрый котъ, безтолковый лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!“ Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? „А что, средний братъ баранко! спросилъ мурлыко, крѣпокъ ли у тебя лобъ: попробуй-ка о ворота“. Барань съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ козлище, разбѣжался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козель да барань, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ — сѣрый лобъ. Усталъ онъ и возмолился названнымъ братьямъ: „Ни то старшій братъ, ни то средний братъ! не оставьте меньшого братишку на сѣденіе звѣрямъ“. Взялъ козель, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. Долго бѣжали — и день и ночь, пока въ ногахъ силы хватило. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошенное поле, на томъ полѣ

стога что города стоять. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать, а ночь была осенняя, холодная. „Гдѣ огня добыть?“ думаютъ козелъ да баранъ, а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ бараномъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались: берестечко такъ и зарыдало. „Ладно, молвилъ сѣрый котъ, теперъ обогрѣмся“, да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

Не успѣли они путемъ обогрѣться, глядь—жалуетъ незванный гость, мужикъ-сѣрячокъ Михайла Ивановичъ. „Пустите, говоритъ, обогрѣться да отдохнуть: что-то неможется“.—„Добро жаловать, мужикъ-сѣрячокъ муравейничекъ! Откуда, братъ, идешь?“—„Ходилъ на пасѣку да подрался съ мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться“. Стали вчетверомъ темную ночь дѣлать: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыка на стогу, и козелъ съ бараномъ у теплыни *).

Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлый—и прямо къ стогу. „Фу-фу, говоритъ бѣлый волкъ, нерусскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытаться!“ Заблеяли козелъ и баранъ со страстей, а мурлышко такую рѣчь повелъ: „Ахти, бѣлый волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшого: онъ, помилуй Богъ, сердитъ!—какъ расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды? Въ ней-то и сила; бороною онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу снимаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ дескать поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежитъ“. Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился - крѣпился да какъ хватить на каждую лапу по волку, запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ да, поджавъ хвосты, подавай Богъ ноги!

Клокъ—имѣеть различныя значенія: клокъ сѣна, шерсти, земли, клочокъ бумаги. Снѣгъ валить клочьями.—Носъ крючкомъ, борода-клочкомъ.

Промыселъ—занятіе, состоящее въ добываніи чего-нибудь, напр. рыбный, звѣриный, золотой, соляной промыселъ,—или средство для заработковъ, напр. извозный промыселъ. Промысл. назыв. также самое мѣсто добычи, напр. Илецкій соляной промыселъ, Алтайскіе золотые промысла.—Промыселъ Божій—Провидѣнье, попеченіе о вселенной и человѣкѣ. Что значитъ: **промысловый, промышленный, промышленность, промышленникъ**? Составте примѣры на эти слова.

*) У огня.

Удавка, отъ сл. удавить—затяжная петля.

Припасать—заготовить. Что значить **припасы**, **припасливый**? *Лето припасиха, а зима прибериха.*

Опознать себя, опознаться—осмотрѣться, ознакомиться съ мѣстностью.

Заневолю—то же, что поневолю.

Приклониться—пригибаться, наклоняться къ землѣ.

Названный братъ—побратимъ или нареченный, по дружбѣ, съ обмѣномъ крестовъ.

Крутище,—отъ сл. крутъ, круча—обрывъ.

Становище—станъ, стоянка, мѣсто для привала, ночлега. **Станово**—отъ сл. становой, относящейся къ стану. Что такое **станъ**: стать станомъ въ полѣ; военный станъ, разбойничій станъ; уѣздъ дѣлится на три стана. А что такое **станокъ**?

Береста—верхній слой березовой коры.

За словомъ—сказавъ что-ниб. Что значить: онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

Затопить—разжигать дрова въ печкѣ. А о стогѣ какъ говорятъ обыкновенно: не затопить, а...? А какое еще значеніе имѣетъ это слово? напр. Нева затопляла берега.

Путемъ—какъ слѣдуетъ, толкомъ.

Жаловать—имѣетъ нѣсколько значеній; опредѣлите ихъ по слѣд. выраженіямъ: *Жалуетъ царь, да не милуетъ царь* (посл.).—Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу со своего плеча („Кап. дочка“).—За ученье жалуетъ мнѣ въ годъ десять рублей („Недоросль“).—Не робѣй, воробей: скоро въ чижи пожалуютъ (шут. погов.).—Жалуйте, сударь, къ намъ пожалуйте.—Добро пожаловать, люди добрые.—Прошу любить и жаловать.—За что они его жалуютъ, понять довольно трудно (Турген.).

Неможется кому—нездоровится. Можешь ли, каково тебѣ можется? Нѣтъ, не могу, что-то неможется. И хочется, да неможется. Здѣсь **неможется** имѣетъ два значенія, какія?

Хворь, отъ сл. хворать—болѣзнь; **прикинуться**, о болѣзни—значить внезапно пристать. А что значить онъ прикинулся больнымъ?

Расходиться, разойтись—имѣетъ нѣсколько значеній: 1) гости разошлись по домамъ; гроза расходится; 2) мы съ нимъ давно уже разошлись лучи расходятся; расходиться въ мѣніяхъ; 3) я къ нему, онъ ко мнѣ—и разошлись; вѣтви или дороги расходятся; 4) товаръ расходится; изданіе книги разошлось; 5) ледъ разошелся; 6) пароходъ разошелся и стукнулся; 7) ужъ очень онъ разошелся.

Несдобровать ему—не миновать бѣды, не пройдетъ это даромъ.

Дескать, де, молъ—частицы, употребляющіяся для передачи чужихъ словъ.

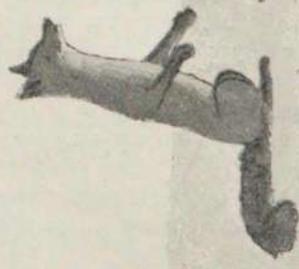
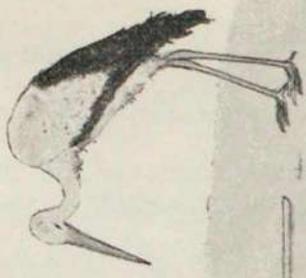
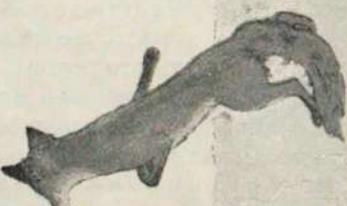
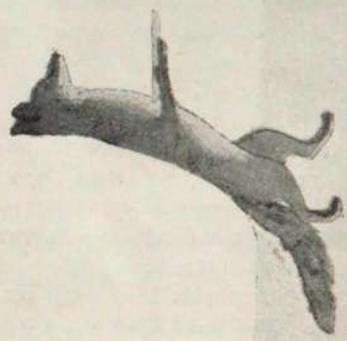
Кланяться—опредѣлить различныя значенія этого слова по слѣд. выраженіямъ онъ смѣшно кланяется, поклонитесь отъ меня брату; кланяемся тебѣ хлѣбомъ и солью;—мы съ нимъ не кланяемся.—Что значить поклониться, откланяться, раскланиваться. *Низко кланяется, а больно кусаетъ.*

Задирать—въ переносн. смыслѣ приставать къ кому-ниб., быть зачинщикомъ ссоръ. Отсюда **задоръ**, **задорный**. Что значить это слово въ буквальномъ значеніи? Приведите примѣръ. Какая разница въ значеніи этого слова въ выраженіяхъ: *Задирать ноги, задирать носъ. Тутъ ни сучка, ни задоринки, все гладко Задору много, да силы нѣтъ.*

Запѣть Лазаря—льстиво выпрашивать, канючить, жаловаться на затруднительное положеніе.

Лиса и журавль.

Расскажите, что здесь нарисовано.

54. Пѣсня.

Стихотвореніе А. Кольцова.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.
(1809—1842).

Дуютъ вѣтры,
вѣтры буйные;
ходятъ тучи,
тучи темныя.
Не видать въ нихъ
свѣта бѣлаго;
не видать въ нихъ
солнца краснаго.
Во сырой мглѣ,
за туманами,
только ночка
лишь чернѣется...
Въ эту пору
непогожую
одному жить —
сердцу холодно...

Буйный—непокорный, шумливый, бушующій. Некуда преклонить буйной головушки. Иногда употребляется въ значеніи крупный, рослый, напр. буйная пшеница. Отъ того же корня сл. **буянь**, **буянить**, **буйствовать**.

Непогожій, непогодный—ненастный. Собиралась туча грозная, непогожая.

Пословицы: *Другъ на друга гляючи—улыбнешься, на себя гляючи, только всплачешься. Живешь—не съ кѣмъ покалякать, помреть—не кому поплакать. О томъ и кукушка кукуетъ, что своего гнѣзда нѣтъ. И въ раю жить тошно одному.*

55. Хорошо да худо.

Народная сказка.

Бхали баринъ и мужикъ. „Мужикъ, откуда ты?“—„Издалеча, бачка! Изъ города Ростова, а барина Толстова“.—„А великъ ли городъ?“—„Не мѣрилъ“.—„А силенъ?“—„Не боролся“.—„А зачѣмъ бхаль?“—„За покупкой дорогою: за мѣрою гороха“.—„Вотъ это хорошо!“—„Хорошо, да не дюже!“—„А что же?“—„Бхаль пьяный, да разсыпаль“.—„Вотъ это худо!“—„Худо, да не дюже!“—„А что же?“—„Разсыпаль-то мѣру, а подгребь-то двѣ!“—„А вотъ это-то хорошо“.—

„Хорошо, да не дюже!“ — „Да что жъ?“ — „Посѣялъ, да рѣдокъ“. — „Вотъ это худо!“ — „Худо, да не дюже!“ — „А что жъ?“ — „Хоть рѣдокъ да стручиться!“ — „Вотъ это хорошо!“ — „Хорошо, да не со-вѣмь!“ — „А что жъ?“ — „Поповы свиньи повадились горохъ топтать, топтать—да и вытоптали“. — „Эдакъ худо!“ — „Худо, да не дюже!“ — „А что жъ?“ — „Я поповыхъ свиней убилъ, да два чана свѣжины насолилъ“. — „Вотъ это хорошо!“ — „Хорошо, да не дюже!“ — „А что жъ?“ — „Поповы собаки повадились свѣжину таскать, таскать—да повытаскали“. — „Вотъ это худо!“ — „Худо, да не дюже“. — „А что жъ?“ — „Я тѣхъ собакъ убилъ, да женѣ шубу сшилъ!“ — „Вотъ это хорошо!“ — „Хорошо, да не дюже!“ — „А что жъ?“ — „Пошла моя жена мимо попова двора, попъ-то узналъ да шубку снялъ“. — „Вотъ это худо!“ — „Худо, да не дюже!“ — „А что жъ?“ — „Я съ попомъ судился-судился, сиваго мерина да рыжую корову цапъ-царапъ! мое-то дѣло и выгорѣло!“

Бачка—сокращ. батюшка.

Дюже (отъ сл. дюжій—сильный, здоровый)—сильно, очень, весьма.

Свѣжина—свѣжее, несоленое мясо, свѣжая свинина.

Чанъ—большая посуда, кадка. *Голова, что чанъ—а ума ни на капустный кочанъ.*

Выгорѣть, выгорать—имѣеть различныя значенія: дрова въ печи уже выгорѣли; дѣло его, тяжба его выгорѣла; этотъ цвѣтъ быстро выгораетъ.

56. Бѣлячокъ.

Изъ разсказа *А. Сливцоваго.*

Стояла ненастная осень. Забѣжить зайчикъ въ поле,—грязь, да липкая такая, облѣпитъ лапы, еле бѣдняжка волочить ноги; въ лѣсъ зайдетъ, также безпокойно: вѣтеръ гудить, листья сыплются, шумятъ,—страшно зайкѣ. А тутъ еще на горе шубка выцвѣла: самъ бѣленькій какъ снѣгъ, а земля черная,—куда скроешься? Только и спасался Бѣлячокъ въ осокѣ да между болотныхъ кочекъ.

Разъ выдался тихій-тихій денекъ, пасмурно, а тепло, и дождя нѣтъ. Надоѣло зайкѣ въ осокѣ сидѣть, пошелъ онъ въ лѣсъ прогуляться. Наскакался вдоволь, прилегъ отдохнуть. Лежить себѣ заякъ, денекъ похваливаетъ, слышитъ: далече-далече собачки залаяли. Навострился Бѣлячокъ,—не видать никого. Вдругъ застучало что-то, захопало, шумъ, гвалтъ со всѣхъ сторонъ, отъ собачьяго лая въ ушахъ звенить... Видитъ Бѣлячокъ, несется пара зайцевъ... Шерсть на немъ дыбомъ стала, какъ разглядѣлъ онъ ихъ: до того перепуганы сердечные, что виду заячьяго въ

нихъ нѣтъ; глаза выпучены, вотъ-вотъ лопнуть; кличетъ ихъ Бѣлячокъ,—не слышатъ, мимо пронеслись... Кинулся и онъ за ними... Приостановились духъ перевести, спрашиваетъ Бѣлячокъ: что видѣли?

— Собакъ, собакъ... лошадей, а на лошадяхъ и невѣдомо кто!

Глядь, двѣ лисицы мимо нихъ трусятъ: присмирѣли, куда и прыть дѣвалась; а за лисицами и волкъ,—дрожить. зубъ на зубъ не попадаетъ... Зайки было отъ него, куда тамъ, онъ и не глядитъ: миноваль ихъ, обернулся, вздохнулъ, пошелъ дальше въ перевалку...

Вдругъ видитъ Бѣлячокъ... даже похолодѣлъ весь... собачья морда мелькнула, за ней другая, а дальше видимо ихъ невидимо... Пустились зайцы стрѣлой изъ лѣса... Лѣсъ порѣдѣлъ, а за нимъ кустарникъ, изъ кустовъ бѣжать страшно: чистое-чистое поле

разстиляется, мышь пробѣжить, такъ видно... До сосѣдняго лѣса не близко... Хотѣли, несчастные, въ кустахъ притаиться, но что-то спугнуло ихъ... И вылетѣли они въ поле... И ужь какъ бѣжалъ Бѣлячокъ, что вокругъ него дѣлалось, ничего онъ не понималъ. Да онъ и не бѣжалъ: собравши послѣднія силы, онъ порхалъ какъ птица, не касаясь земли... Стая борзыхъ летѣла прямо на него; вотъ ужь одна собака опередила всѣхъ... Но лѣсъ не далеко... Одна минута, и Бѣлячокъ спасенъ... Съежился онъ весь и, что было духу, шастнулъ въ сторону. Собака не ожидала этого и пронеслась далеко впередъ, остальные врѣзались въ кого-то. Бѣлячокъ только слышалъ, какъ со страшнымъ ревомъ началась свалка. Тутъ онъ угодилъ подъ гору, споткнулся и, какъ камень, кубаремъ покатился внизъ...

„Вотъ она смерть!“ подумалъ звѣрекъ. Въ глазахъ его потемнѣло, все заходило кругомъ... онъ потерялъ память... Но вотъ словно кто-то толкнулъ Бѣлячка; зайчикъ открылъ глаза... и какова же была его радость, когда онъ увидѣлъ, что лежитъ въ лѣсу, въ оврагѣ, у самаго ручейка... Ни лаю, ни крику не слышать, одни клесты да синицы посвистываютъ.

— „Эге! такъ значить поживемъ еще!“ смекнулъ Бѣлячокъ и векочилъ какъ встрепанный...

Липкій,—легко прилипающій, клейкій. Отсюда же сл. **облѣпить**—покрыть чѣмъ ниб. липкимъ.

Волочить, влачить—тащить, везти по землѣ. **Волочить** ноги—едва переступать, плестись нога за ногу. **Влачить** жизнь—маяться, жить не на радость себѣ.

Выцвѣсть, выцвѣтатъ—(о шерсти)—линять, блѣднѣть; что значить **расцвѣсть** и **отцвѣсть**?

Осока—рѣзучая болотная трава.

Кочка—кучка земли, затвердѣлая и обросшая мохомъ.

Выдаться, выдаваться—выступать, образовать выступъ; случаться, удаваться. У насъ капуста нынѣ выдалась хорошая.—И выдался ль когда на свѣтѣ хотя одинъ мнѣ радостный денекъ? (Крыл.). А что значить: такъ выдалось.

Пасмурный—темный, неясный, сумрачный.

Наострить или **наострить**—наточить лезвее; въ переносн. знач.: наострить уши—внимательно вѣлушиваться, наострить лыжи—убѣжать, дать тягу. См. также стр. 44.

Гвалтъ—крикъ, шумъ, гамъ.

Дыбомъ (нар.)—поднявшись вверхъ. Волосъ дыбомъ сталъ. См. также ст. „Наши животныя“ стр. 60.

Трусить, 1) трясти что ниб. сыпучее, напр. трусить по дорогѣ крупу, а также трусить сѣно или яблоки. 2) бѣжать рысцою, слегка трясясь. Кто то трусить по дорогѣ. А что значить: **трусить**?

Прить—быстрота, скорость; вообще удалство, проворство. Что значить **прыткій**?

Перевалка—качкая походка. въ перевалку—на ходу переваливаясь.

Сьежиться—сжаться, скорчиться как ежъ, клубкомъ.

Шастнуть—отъ сл. шасть—нечаянно, внезапно броситься. Что значить: Изъ лѣсу шастъ на нихъ медвѣдь. (Крыл.).

Врѣзаться, врѣзываться—ворваться, вонзаться.—Поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, и вагоны врѣзались въ насыпь.—Врѣзаться въ непріятельскіе ряды. Что значить: Это врѣзалось мнѣ въ память?

Свалка—общая драка.

Угодить куда—попасть. Шелъ ночью да и угодилъ въ яму. А что значить: угодить кому?

Кубарь—дѣтская игрушка, волчокъ; кубаремъ покатиться—быстро полетѣть, головою внизъ.

Смекнуть, смекать—понять, догадаться. Что значить **смекалка**?

Ветрепанный—оправившись, опомнившись, какъ ни въ чемъ не бывало.

Пословицы: *У страха глаза велики. У нашего Трошки задрожали ножки. У страха глаза, что плоски, а не видятъ ни крошки.—Заяцъ—судь, навидался онъ бѣдь.*

Загадки: *По лѣсу жаркое въ шубѣ бѣжитъ.*

57. Несжатая полоса.

Стихотвореніе Н. Некрасова.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
лѣсъ обнажился, поля опустѣли,
только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она...
Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
„скучно намъ слушать осеннюю вьюгу;
скучно склоняться до самой земли,
тучныя зерна купая въ пыли!
Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
всякой пролетной прожорливой птицы,
заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? Чего еще ждетъ?
чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?..“
Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
„вашему пахарю моченьки нѣтъ“.

Обнажить—оголеть, сдѣлать голымъ, нагимъ. Обнажить голову. Поля обнажены—жатва снята.

Тучный—жирный, обильный перегномъ. Тучный скотъ. Тучные луга.

Станица—стая или стадо. Гуси станицами летаютъ. А что такое казачья станица? см. также стр. 65.

Пролетная птица—отлетная, незимующая.

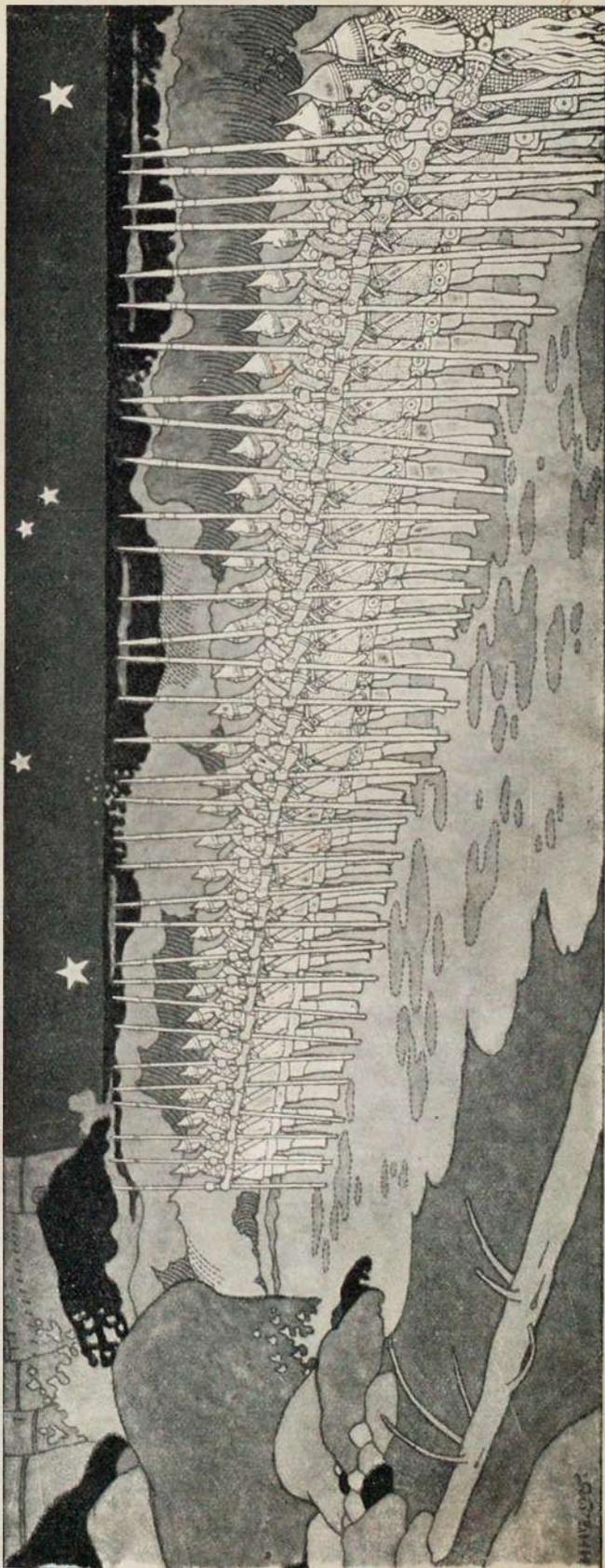
Развѣять, развѣвать—разнести, умчаты, раздувать. Развѣйте, буйны вѣтры, горе кручину мою!—Вѣтромъ развѣваетъ флаги, знамена.

58. Изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“.

А. Пушкина.

Царь Салтанъ гостей сажаетъ
за свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой-вы, гости-господа,
долго ль ѣздили? куда?
ладно за моремъ, иль худо?
и какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
за моремъ житье не худо,
въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
островъ на морѣ лежитъ,
градъ на островѣ стоитъ,
съ златоглавыми церквами,
съ теремами и садами;
ель растеть передъ дворцомъ,
а подъ ней хрустальный домъ;
бѣлка въ немъ живетъ ручная,
да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поеть,
да орѣшки все грызеть;
а орѣшки не простые,
скорлупы-то золотыя,
ядра—чистый изумрудъ;
бѣлку холятъ, берегутъ...
Тамъ еще другое диво:
море вздуется бурливо,
закипитъ, подыметъ вой,
хлынетъ на берегъ пустой,
расплеснется въ скоромъ бѣгѣ,
и очутятся на брегѣ,
въ чешуѣ, какъ жаръ, горя,
тридцать три богатыря,
всѣ красавцы удалые
великаны молодые,
всѣ равны, какъ на подборъ;

отвѣчаетъ мѣсяць ясный:
не видалъ я дѣвы красной,
на сторожѣ я стою
только въ очередь мою.
Безъ меня царица, видно,
пробѣжала.— „Какъ обидно!“
королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяць продолжалъ:
— погоди, объ ней, быть можетъ,
вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай;
не печалься же, прощай!
Елисей, не унывая,
къ вѣтру кинулся, взывая:
„вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
ты гоняешь стаи тучъ,
ты волнуешь сине море,

всюду вѣешь на просторѣ,
не боишься никого,
кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
ты царицы молодой?
Я женихъ ея“.—Постой,
отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
есть высокая гора:
въ ней глубокая нора:
въ той норѣ, во тѣмъ печальной,
гробъ качается хрустальный
на цѣпяхъ между столбовъ,
не видать ничьихъ слѣдовъ
вкругъ того пустого мѣста;
въ томъ гробу твоя невѣста.

Мудреный—замысловатый, странный, непонятный.

Запомните, какъ названы здѣсь солнце, мѣсяць, вѣтеръ, рѣчка.

60. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жарѣ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ.

Народная сказка.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь, по имени Выславъ Андроновичъ. У него было три сына царевича: первый—Дмитрій - царевичъ, другой—Василій - царевичъ, а третій—Иванъ - царевичъ. У того царя Выслава Андроновича былъ садъ такой богатый, что ни въ которомъ государствѣ лучше того не было; въ томъ саду росли разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблонѣ росли яблочки и все золотыя. Повалилась къ царю Выславу въ садъ летать жаръ-птица; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она въ тотъ садъ каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала съ нея золотыя яблоки и опять улетала. Царь Выславъ Андроновичъ весьма крушился о той яблонѣ, что жаръ-птица много яблокъ съ нея сорвала; почему призвалъ къ себѣ

трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „Дѣти мои любезныя! кто изъ васъ можетъ поймать въ моемъ саду жарь-птицу? кто изловить ее живую, тому еще при жизни моей отдамъ половину цар-

ства, а по смерти и все“. Тогда дѣти его царевичи возопили единогласно: „Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! мы съ великою радостью будемъ стараться поймать жарь-птицу живую“.

На первую ночь пошелъ караулить въ садъ Дмитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ которой жарь-птица яблочки

срывала, заснулъ и не слыхалъ, какъ та жарь-птица прилетала и яблоскъ весьма много ощипала. Поутру царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ своего сына Дмитрія-царевича и спросилъ: „Что, сынъ мой любезный, видѣлъ ли ты жарь-птицу или нѣтъ?“ Онъ родителю своему отвѣчалъ: „Нѣтъ, милостивый государь-батюшка! она эту ночь не прилетала“. На другую ночь пошелъ въ садъ караулить жарь-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту же яблонь и, сидя часъ и другой ночи, заснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ жарь-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выславъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ: „Что, сынъ мой любезный, видѣлъ ли ты жарь-птицу или нѣтъ?“— „Милостивый государь-батюшка, она эту ночь не прилетала“.

На третью ночь пошелъ въ садъ караулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій—вдругъ освѣтило весь садъ такъ, какъ бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ: прилетѣла жарь-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрался къ ней такъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако не могъ ее удержать: жарь-птица вырвалась и полетѣла, и осталось у Ивана-царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста, за которое онъ весьма крѣпко держался. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ-царевичъ пошелъ къ нему и отдалъ ему перышко жарь-птицы. Царь Выславъ весьма былъ обрадованъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ жарь-птицы. Это перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принесть его въ темную горницу, то оно такъ сіяло, какъ бы въ томъ покоѣ было зажжено великое множество свѣчъ. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ жарь-птица не летала уже въ садъ.

Царь Выславъ опять призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и говорилъ имъ: „дѣти мои любезныя! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите жарь-птицу и привезите ко мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то, конечно, получить тотъ, кто жарь-птицу ко мнѣ привезетъ“. Дмитрій и Василій-царевичи начали имѣть злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жарь-птицы изъ хвоста перо; взяли они у отца благословеніе и поѣхали двое отыскивать жарь-птицу. А Иванъ-царевичъ также началъ у родителя своего просить на то благословенія. Царь Выславъ сказалъ ему: „Сынъ мой любезный, чадо

мое милое! ты еще молодъ и къ такому дальнему и трудному пути не привыченъ; зачѣмъ тебѣ отъ меня отлучаться? Вѣдь братья твои и такъ поѣхали. Ну, ежели и ты отъ меня уѣдешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу подъ Богомъ; ежели во время отлучки вашей Господь Богъ отыметъ мою жизнь, то кто вмѣсто меня будетъ управлять моимъ царствомъ? Тогда можетъ сдѣлаться бунтъ и несогласіе между нашимъ народомъ, а унять будетъ некому; или непріятель подъ наши области подступитъ, а управлять войсками нашими будетъ некому“. Однако сколько царь Выславъ ни старался удерживать Ивана-царевича, по никакъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь—и ѣхалъ, самъ не зная, куда ѣдетъ.

Ѣдучи путемъ-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—наконецъ, пріѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ, а на столбу написаны эти слова: „Кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здоровъ и живъ, а конь его будетъ мертвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а конь живъ и здоровъ останется“. Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хотя конь его и убитъ будетъ, зато самъ живъ останется и со временемъ можетъ достать себѣ другого коня. Онъ ѣхалъ день, другой и третій—вдругъ вышелъ ему навстрѣчу пре-большой сѣрый волкъ и сказалъ: „Охъ, ты гой еси, молодой юноша, Иванъ-царевичъ! вѣдь ты читалъ на столбѣ написано, что конь твой будетъ мертвъ, такъ зачѣмъ сюда ѣдешь?“ Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ коня Ивана-царевича на-двое и пошелъ прочь въ сторону.

Иванъ-царевичъ вельми сокрушался по своемъ конѣ, заплакалъ горько и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлый день и усталъ несказанно, и только что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрый волкъ и сказалъ ему: „Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты пѣшь изнурился; жаль мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго коня. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и скажи, куда тебя везти и зачѣмъ?“ Иванъ-царевичъ сказалъ сѣрому волку, куда ему ѣхать надобно; и сѣрый волкъ помчался съ нимъ

пуше коня, и через нѣкоторое время какъ разъ ночью привезъ Ивана-царевича къ каменной стѣнѣ негораздо высокой, остановился и сказалъ: „Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня, съ сѣраго волка,

и полѣзай черезъ эту каменную стѣну: тутъ за стѣною садъ, а въ томъ саду жаръ-птица сидитъ въ золотой клѣткѣ. Ты жаръ-птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай: ежели клѣтку возьмешь, то тебѣ оттуда не уйти будетъ: тебя тотчасъ поймають!“

Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ камѣнную стѣну въ садъ, увидѣлъ жарь-птицу въ золотой клѣткѣ и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ клѣтки и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказалъ самъ себѣ: „Что я взялъ жарь-птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу?“ Воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку, то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду, ибо къ той золотой клѣткѣ были струны проведены. Караульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ жарь-птицею и привели къ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долмать весьма разгнѣвался на Ивана-царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: „Какъ не стыдно тебѣ, молодой юноша, воровать! Да кто ты таковъ, и которыя земли, и какого отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?“ Иванъ-царевичъ ему молвилъ: „Я есмь изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ. Твоя жарь-птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила; для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать жарь-птицу и къ нему привезть“. — „О ты, молодой юноша, Иванъ-царевичъ! молвилъ царь Долмать. Пригоже ли такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ жарь-птицу честью отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ объявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу: съѣдшишь за тридесять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ отъ царя Афона коня златогриваго, то я тебя въ твоей винѣ прошу и жарь-птицу съ великою честью отдамъ; а ежели не сослужишь этой службы, то дамъ о тебѣ знать во всѣ государства, что ты нечестный воръ“. Иванъ-царевичъ пошелъ отъ царя Долмата въ великой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго.

Пришелъ онъ къ сѣрому волку и рассказалъ ему обо всемъ, что царь Долмать говорилъ. „Охъ, ты гой еси, молодой юноша, Иванъ-царевичъ! молвилъ ему сѣрый волкъ: для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую клѣтку?“ — „Виноватъ я предъ тобою“, сказалъ волку Иванъ-царевичъ. — „Добро, быть такъ! молвилъ сѣрый волкъ. Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно“. Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, аки стрѣла, и бѣжалъ онъ долголи, коротко

ли наконецъ прибѣжалъ въ государство царя Афрона ночью. И пришедши къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ, сѣрый волкъ Ивану-царевичу сказалъ: „Ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣлокаменные конюшни (теперь караульные конюхи всѣ крѣпко спятъ), и бери ты коня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, ты ея не бери, а то худо тебѣ будетъ“.

Иванъ-царевичъ, вступая въ бѣлокаменные конюшни, взялъ коня и пошелъ было назадъ; но увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и только что снялъ, какъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были струны проведены. Караульные конюхи тотчасъ прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели къ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: „Охъ, ты гой еси, молодой юноша! скажи мнѣ, изъ котораго ты государства, и котораго отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?“ На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: „Я самъ изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ“.— „Охъ ты, молодой юноша, Иванъ-царевичъ, сказалъ ему царь Афронъ, честнаго ли рыцаря это дѣло, которое ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго съ честію отдалъ. А теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства объявить, какъ ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ. Однако слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу и съѣздишь за тридевять земель, въ тридевятое государство и достанешь мнѣ королеву Елену Прекрасную, въ которую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу, то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго съ золотою уздою честію отдамъ. А ежели этой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты нечестный воръ, и пропишу все, какъ ты въ моемъ государствѣ дурно сдѣлалъ“. Тогда Иванъ-царевичъ обѣщался царю Афрону королеву Елену Прекрасную достать, а самъ пошелъ изъ палатъ его и горько заплакалъ.

Пришелъ къ сѣрому волку и рассказалъ все, что съ нимъ случилось. „Охъ ты, гой еси, молодой юноша Иванъ-царевичъ! молвилъ ему сѣрый волкъ. Для чего ты слова моего не послушался и взялъ золотую узду?“— „Виноватъ я предъ тобою“, сказалъ волку Иванъ-царевичъ. „Добро, быть такъ! продолжалъ сѣрый волкъ. Сядишь на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно“. Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ

такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ, какъ бы въ сказкѣ сказать, недолгое время и, наконецъ, прибѣжалъ въ государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши къ золотой рѣшеткѣ, которая окружала чудесный садъ, волкъ сказалъ Ивану-царевичу: „Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ“.

Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрый же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшетки и дожидался, покуда пойдетъ прогуляться въ садъ королева Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться къ западу, почему и въ воздухѣ было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и съ придворными барынями. Когда она вошла въ садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрый волкъ сидѣлъ за рѣшеткою—вдругъ сѣрый волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку въ садъ и ухватилъ королеву Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣжалъ съ нею что есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле, подъ зеленый дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ дожидался, и сказалъ ему: „Иванъ-царевичъ! садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрый волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ государству царя Афрона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя, которыя гуляли въ саду съ прекрасною королевой Еленой, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобы догнать сѣраго волка; однако, сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назадъ.

Иванъ-царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною королевой Еленой, возлюбилъ ее сердцемъ, а она Ивана-царевича; когда сѣрый волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афрона, и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворецъ и отдать царю, тогда царевичъ весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрый волкъ спросилъ его: „о чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ?“ На то ему Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: „другъ мой, сѣрый волкъ! какъ мнѣ доброму молодцу не плакать и не крушиться? Я сердцемъ возлюбилъ прекрасную королеву Елену, а теперь долженъ отдать ее царю Афрону за коня златогриваго, а ежели ея не отдамъ, то царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ“.—„Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ, сказалъ сѣрый волкъ: сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ-царевичъ: я сдѣлаюсь прекрасной королевой Еленой, и ты меня

отвези къ царю Афрону и возьми коня златогриваго; онъ меня почтетъ за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона въ чисто поле погулять; и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми придворными боярынями, и я буду съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомяни—и я опять у тебя буду“.

Сѣрый волкъ вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сыру-землю и сталъ прекрасною королевною Еленой, такъ что никакъ и узнать нельзя, чтобы то не она была. Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афрону, а прекрасной королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться за городомъ. Когда Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афрону съ мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми обрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ. Онъ принялъ ложную королевну, а коня златогриваго вручилъ Ивану-царевичу. Иванъ-царевичъ сѣлъ на того коня и выѣхалъ за городъ, посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа путь къ государству царя Долмата. Сѣрый же волкъ живетъ у царя Афрона день, другой и третій вмѣсто прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афрону проситься въ чистомъ полѣ погулять, чтобъ разбить тоску-печаль лютую. Какъ возговорилъ ему царь Афронъ: „Ахъ, прекрасная моя королевна Елена! я для тебя все сдѣлаю, отпущу тебя въ чисто поле погулять“. И тотчасъ приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною итти въ чистое поле гулять.

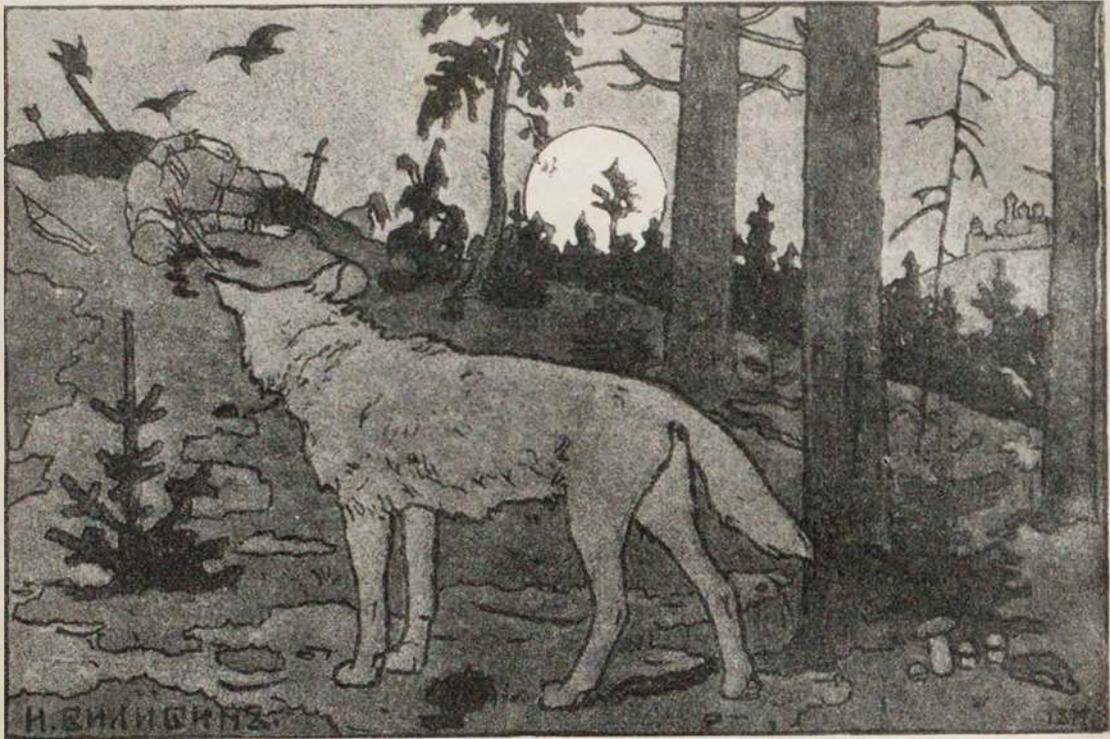
Иванъ же царевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забылъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: „Ахъ, гдѣ-то мой сѣрый волкъ?“ Вдругъ откуда ни взялся,—сталъ онъ предъ Иванъ-царевичемъ и сказалъ ему: „Садись, Иванъ-царевичъ, на меня, на сѣраго волка, а прекрасная королевна пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ыхали они долго ли, коротко ли и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: „Слушай ты, другъ мой любезный, сѣрый волкъ! сослужилъ ты мнѣ много службъ,—сослужи мнѣ и послѣднюю; а служба твоя будетъ вотъ какая: не можешь ли ты оборотиться въ коня златогриваго на мѣсто этого, потому что съ этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется“. Вдругъ

сѣрый волкъ ударился о сырую землю— и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ, оставя прекрасную королеву Елену въ зеленомъ лугу, сѣлъ на сѣраго волка и поѣхалъ во дворець къ царю Долмату. И какъ скоро туда пріѣхалъ, царь Долмать увидѣлъ Ивана-царевича, что ѣдетъ онъ на конѣ златогривомъ, весьма обрадовался, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его въ уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣлокаменные. Царь Долмать для такой радости велѣлъ сотворить пирь, и они сѣли за столы дубовые, за скатерти браныя; пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь Долмать вручилъ Ивану-царевичу жарь-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жарь-птицу, пошелъ за городъ, сѣлъ на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевой Еленою и поѣхалъ въ свое отечество, въ государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмать вздумалъ на другой день своего коня златогриваго объѣздить въ чистомъ полѣ; велѣлъ его осѣдлатъ, потомъ сѣлъ на него и поѣхалъ въ чистое поле, и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему въ сѣраго волка, побѣжалъ и нагналъ Ивана-царевича. „Иванъ-царевичъ! сказалъ онъ, садись на меня, на сѣраго волка, а королева Елена Прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ“. Иванъ царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довезъ сѣрый волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его коня разорвалъ, онъ остановился и сказалъ: „Ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою. Вотъ на семь мѣстъ разорвалъ я твоего коня надвое, до этого мѣста и довезъ тебя. Слѣзай съ меня, съ сѣраго волка— теперь есть у тебя конь златогривый, такъ ты сядь на него и поѣзжай, куда тебѣ надобно; а я тебѣ больше не слуга“. Сѣрый волкъ вымолвилъ эти слова и побѣжалъ въ сторону; а Иванъ-царевичъ заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасною королевою.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ съ прекрасною королевою Еленою на конѣ златогривомъ и, не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился, слѣзъ съ коня и вмѣстѣ съ прекрасною королевою легъ отдохнуть отъ солнечнаго зноя подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жарь-птицею поставилъ подлѣ себя. Лежа на мягкой

травѣ и ведя разговоры полюбовные, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича Дмитрій и Василій-царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ и не найдя жарь-птицы, возвращались въ свое отечество съ порожними руками; нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевною Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жарь-птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Дмитрій-царевичъ вынулъ изъ ножонъ мечъ свой, закололъ Ивана-царевича и изрубилъ его на мелкія части; потомъ разбудилъ прекрасную королеву Елену и началъ ее спрашивать: „Прекрасная дѣвица! котораго ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени зовуть?“ Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезахъ говорила: „Я—королева Елена Прекрасная, а досталъ меня Иванъ-царевичъ, котораго вы злой смерти предали. Вы тогда бѣ были добрые рыцари, если бѣ выѣхали съ нимъ въ чистое поле да живого побѣдили, а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите? Сонный человекъ — что мертвый!“ Тогда Дмитрій-царевичъ приложилъ свой мечъ къ сердцу прекрасной королевы Елены и сказалъ ей: „Слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы тебя достали, и жарь-птицу, и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сейчасъ тебя смерти предамъ!“ Прекрасная королева Елена испугалась смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Дмитрій-царевичъ съ Василюмъ-царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый. И жеребей палъ, что прекрасная королева должна достаться Василю-царевичу, а конь златогривый Дмитрію-царевичу. Тогда Василій-царевичъ взялъ прекрасную королеву Елену, посадилъ на своего добраго коня, а Дмитрій-царевичъ сѣлъ на коня златогриваго и взялъ жарь-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поѣхали въ путь.

Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, въ то время набѣжалъ на него сѣрый волкъ и узналъ по духу Ивана-царевича. Захотѣлъ помочь ему—оживить, да не зналъ, какъ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрый волкъ одного ворона и

двухъ воронячь, которые летали надъ трупомъ и хотѣли спуститься на землю и наѣсть мяса Ивана-царевича. Сѣрый волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного вороненка и хотѣлъ было разорвать его надвое. Тогда воронъ спустился на землю, сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка и сказалъ ему: „Охъ, ты гой еси, сѣрый волкъ, не трогай моего младого дѣтища, вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ“. — „Слушай, воронъ вороновичъ! молвилъ сѣрый волкъ, я твоего дѣтища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мнѣ сослужишь службу: слетаешь за тридесять земель, въ тридесятое государство и принесешь мнѣ мертвой и живой воды“. На то воронъ вороновичъ сказалъ сѣрому волку: „Я тебѣ службу эту сослужу, только не тронь ничѣмъ моего сына“. Выговоря эти слова, воронъ полетѣлъ и скрылся изъ виду. На третій день воронъ прилетѣлъ и принесъ съ собой два пузырька: въ одномъ—живая вода, въ другомъ—мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрый волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ вороненка надвое, sprыснулъ мертвою водою—и тотъ вороненокъ сросся; sprыснулъ живою водою—вороненокъ встрепе-

нулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрый волкъ sprыснулъ Ивана-царевича мертвою водою — его тѣло срослося, sprыснулъ живою водою — Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: „Ахъ, куды какъ я долго спалъ!“ На то сказалъ ему сѣрый волкъ: „Да, Иванъ-царевичъ, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вѣдь тебя братья изрубили и прекрасную королеву Елену, коня златогриваго и жаръ-птицу увезли съ собою. Теперь поспѣшай, какъ можно скорѣе, въ свое отечество: братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ — на прекрасной королевицѣ Еленѣ. А чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня, на сѣраго волка; я тебя на себѣ донесу.“ Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка; волкъ побѣжалъ съ нимъ въ государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли прибѣжали къ городу.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ и, пришедши въ дворецъ, засталъ, что братъ его Василій-царевичъ женится на прекрасной королевицѣ Еленѣ, воротился съ нею отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Иванъ-царевичъ вошелъ въ палаты, и какъ скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчасъ выскочила изъ-за стола, начала цѣловать его въ уста сахарныя и закричала: „Вотъ мой любезный женихъ Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, который за столомъ сидитъ!“ Тогда царь Выславъ Андроновичъ всталъ съ мѣста и началъ прекрасную королеву спрашивать: что бы такое то значило, о чемъ она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и какъ было: какъ Иванъ-царевичъ добылъ ее, коня златогриваго и жаръ-птицу, какъ старшіе братья убили его соннаго до смерти и какъ стращали ее, чтобъ говорила, будто все это они достали. Царь Выславъ весьма осердился на Дмитрія и Василья-царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной королевицѣ Еленѣ и началъ съ нею жить дружно, полюбовно, такъ что одинъ безъ другого ниже единой минуты пробыть не могли.

Повадиться—опредѣлите значеніе по пословицѣ: *Повадился кувшинъ по водуходитъ, тамъ ему и голову сложить.*

Хрусталь—чистое, бѣлое стекло, особ. граненое.

Крушиться—сокрушаться, огорчаться.

Возопить—начать вопить, кричать. Въ какомъ смыслѣ здѣсь употребл. это слово?

Милостивый государь—вѣжливое обращеніе къ кому-либо. А что значитъ вообще „милостивый“?

Горница—(отъ сл. горній, верхній)—кровля, комната (первоначально только въ верхнемъ жильѣ).

Благословеніе—пожеланіе всѣхъ благъ, соизволеніе на что, разрѣшеніе, оспене-

неніе крестнымъ знаменемъ или иконою. Дайте примѣры на различныя значенія этого слова.

Злобу имѣть—какъ говорится обыкновенно? Что значитъ воспалиться злобою, горѣть злобою, таить въ себѣ злобу.

Чадѡ—дитя, ребенокъ. Съ чадами и домочадцами. Милое чадушко мое!

Отлучка—отсутствие, отъездъ. Что значитъ **отлучиться**?

Гораздо—употребл. обыкновенно только при прилагат. для усиленія, напр. этотъ домъ гораздо выше, при глаголахъ же употребл. только въ народн. рѣчи (см. ниже) и значитъ: весьма.

Неотетупный—навязчивый, настойчивый.

Держать на умѣ—помнить. А здѣсь въ какомъ смыслѣ употреблено?

Вельми (въ народн. рѣчи и церковн. языкѣ)—весьма.

Несказанный—необъяснимый, невыразимый, неопикуемый.

Прельститься—соблазниться.

Одуматься—измѣнить мнѣніе, рѣшеніе, опомниться. Одумайся, что ты дѣлаешь?—Рѣшившись на это, онъ однако скоро одумался.

Пригожій—см. стр. 50. Не пригоже ему дѣлать такъ—нехорошо, неладно, зазорно.

Честію—см. стр. 17.

Рыцарь—такъ въ старину назывались конные витязи; теперь же употребл. въ значеніи смѣлый, честный и благородный заступникъ за правыхъ и слабыхъ.

Возлюбить—то же, что **полюбить**.

Обезчестить—опозорить, осрамить.

Почесть, почитать кого, чѣмъ, за кого—принимать, считать, признавать, чтить, уважать. Я его почитаю за отца.—Почту долгомъ быть у васъ.—Почитай старшихъ.—Его почтили приглашеніемъ.

Возрадоваться—обрадоваться.

Разбить—здѣсь въ смыслѣ разсѣять.

Лютый—свирѣпый, жестокий, мучительный, невмѣру тяжкій.

Оборотиться—превратиться. Что значитъ **оборотень**? Вѣдьма тотъ же оборотень.

Бранный (отъ сл. брать)—говорится объ узорчатыхъ тканяхъ, рисунокъ которыхъ составлялся (брался) при самомъ тканѣ.

Разъярить—привести въ ярость, бѣшенство. Подъ нимъ конь разъяряется—бодрѣетъ, воспаляется, ретивѣетъ.

Полюбовный—дружескій. Что значитъ любовная сдѣлка?

Убить до смерти—почему прибавлены слова „до смерти“? Не лишни ли они?

Ножны—чехолъ кожаный или металлическій для надѣванія на ножъ, кинжалъ или саблю.

Предать, предавать—опредѣлить различныя значенія по слѣд. примѣрамъ: Предаю животъ свой въ руки Твои!—Предать тѣло землѣ.—Предать городъ огню и мечу.—Предать дѣло забвенію.—Предать смерти, суду.—Онъ предалъ меня. А что значитъ **преданье, преданный, предатель**?

Пузырекъ (подразумѣв. стеклянный)—бутылочка.

Спрыснуть, спрыскивать—смочить, обдать прыскаая, брызгами. Спрыснуть цвѣты.

Ниже—ни даже.

Выпишите изъ этой сказки всѣ обратившія на себя вниманіе ваше выраженія.

Раздѣлите сказку на 7 частей и дайте каждой особое заглавіе.

61. Аюня-дурачокъ.

Сказка В. Даля.

Жили были три брата; двое—умныхъ, Кирила да Гаврила, а третій—дурачокъ-Аюня. Жили они дружно, и хоть старшіе братья меньшого журили, а бить не били: вѣдь въ дуракъ и Богъ не воленъ, ума къ кожѣ не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ; что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не полюдски, а по своему, по дурацкому разуму! Вотъ сидитъ онъ разъ на завалинкѣ да на своей рожѣ мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ ребенка и говорить:

— Охъ, охонюшки, не видалъ ли ты, Аюнюшка, моего Васьки?

— Видѣлъ,—говоритъ дуракъ.

— Ахъ ты мой, такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣлъ?

— А какъ невѣстка его била,—говоритъ дуракъ,—тогда видѣлъ!

— Твоя невѣстка моего Васютку била! да за что же это она на него, злодѣйка, взѣлась?

— А вотъ за что, говоритъ, по чужимъ огородамъ не ходи! да каково больно била-то,—прибавилъ дуракъ,—ажно жалко стало.

— А ты чего смотрѣлъ, не отнялъ?—приставала сосѣдка.

— Некогда было, невѣстка за веревкой въ клѣть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ахъ, батюшки свѣты!

Тутъ дуракъ испугался, что проговорился, и началъ бабу просить, чтобы она никому не сказывала, какъ невѣстка Ваську била, да на веревку посадила и отвязывать запретила.

— Аюнюшка, золотой мой паренекъ, хочешь рѣдечки?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиковъ съ квасомъ?

— Не хочу.

— Хочешь калачика съ медкомъ?

— Хочу, сказалъ дуракъ.

— Такъ послужи мнѣ службу, отвяжи ты моего Васеньку да выведи ко мнѣ.

— Ладно,—сказалъ дуракъ и побѣжалъ въ хлѣвъ.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ возился, а вышелъ таки на дворъ, вытянулъ за собой чернаго козла Ваську, да и говорить сосѣдкѣ:

— На, возьми, только невѣсткѣ не сказывай.

Разсердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцѣпилась Аѳонѣ въ волоса, да благо невѣстка вступилась. Баба плюнула на дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить; сварили, въ бочку слили да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться: „Ахъ кумушка, голубушка, какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво: не успѣли въ бочку слить, а оно ужъ бродить и играть стало!“

„Дай-ка, — думаетъ Аѳонюшка, — погляжу я, какъ пиво играетъ, чай въ свайку, въ лапту, аль въ чехарду?“ Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать; нагнулся къ ней и слышитъ, что въ бочкѣ, какъ въ ульѣ, гудитъ. „А-а! такъ вонъ оно какъ играетъ,—говоритъ Аѳоня,—звать сердится, что его въ бочку заперли, дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!“ Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь; бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залѣпила глаза дураку; пока онъ ихъ теръ-протираетъ, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребницу. Что дѣлать дураку! Взялъ колъ и ну хлестать по пиву, приговаривая: „Вишь, глупое, и на просторъ-то выпустить нельзя, полѣзай назадъ, доколѣ невѣстка не провѣдала!“ Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аѳоня, забранилъ пиво, захлесталъ его пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжались братья, увидали бѣду, выгнали дурака изъ погреба; звать, пословица правду говоритъ: „съ дураками пива не сваришь, а и сваришь, такъ не разопьешь“. Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка: „не хочу съ дуракомъ жить; пусть его въ люди идетъ уму-разуму учиться!“

Вотъ и отдали дурака въ работники, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирилой ударили за брата по рукамъ, выговорили ему харчей вволю, одежду: зипунъ, сапоги, шапку да красный кушакъ, да по три деньги въ день. Увезли дурака за тридевять верстъ; прожилъ тамъ дуракъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по Жучкѣ, по братьямъ да по сердитой невѣсткѣ; простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во свояси. Вотъ идетъ онъ путемъ-дорогой; летитъ грачъ, кричитъ:

„каръ-каръ, красны сапоги, красны сапоги“, а Аѡнѣ показалось, что грачь кричитъ: „крадены сапоги, крадены сапоги“. Онъ снялъ сапоги, бросилъ ихъ и пошелъ дальше. Летитъ синичка, кричитъ: „зинь, зинь, зинь!“ а Аѡнѣ показалось, что синичка кричитъ: „скинь, скинь, скинь!“ Онъ снялъ кафтанъ и бросилъ его на дорогѣ, а самъ пошелъ необутый, неодѣтый; погода же стояла куда какая морозная. Вотъ пришелъ домой; первая завидѣла его невѣстка.

— Здорово, братъ Аѡня, что больно налегкѣ пришелъ?—спросила она,—гдѣ одежда?

— На дорогѣ оставилъ.

— Что такъ?

— Да вотъ такъ и такъ,—тутъ дуракъ ей все рассказалъ.

Баба всплеснула на него руками:

— Эхъ, Аѡня, Аѡня, на головѣ-то густо, а въ головѣ пусто, тебѣ съ твоимъ умомъ только пугаломъ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все таки накормили и на печь спать уложили.

Журить—бранить, выговаривать кому-либо.

Вольный—свободный, кому дана воля, власть. Всякъ въ своемъ добрѣ воленъ.—Во хмелю, да во снѣ человекъ и самъ въ себѣ неволенъ.—Вольному воля, а спасенному рай.

Стлатъ—класть что-ниб. плоское, напр. постели, потолоки, скатерть, мостовую.

Завалинка—земляная насыпь вокругъ стѣнъ избы.

Падкій на что, до чего—жадный, лакомый.

Взъѣтсея, взъѣдаться на кого—напуститься на кого, разсердися.

Ажно—такъ что.

Клѣтъ—см. стр. 60.

Свѣтъ, свѣтикъ мой (ласкат.)—милый, любезный; во множ. свѣты вы мои! восклицаніе изумленія.

Ветупиться во что, за кого—заступиться, брать чью сторону.

Благо—благодаря тому, что; къ счастью; ср. съ сл. благо—добро.

Сущій—истинный, подлинный, настоящій.

Бродить—см. стр. 33.

Играть—опредѣлите различныя значенія этого слова: играть въ куклы, въ карты, въ жмурки; играть на скрипкѣ; играть „Горе отъ ума“; вино играетъ—бродить, пѣнится; солнышко играетъ. Какая разница: играть на деньги, играть за деньги? Онъ съ огнемъ играетъ. *Молодой квасъ и тотъ играетъ. Играетъ какъ котъ съ мышкой.*

Гудѣть—издавать гуль или протяжный звукъ. Метель гудѣла. Колокола гудятъ. Пчелы жужжатъ да гудятъ.

Оттыкать, ототкнуть (бочку)—выдергивать пробку, затычку.

Разгуляться—развеселиться, расходиться. Есть гдѣ разгуляться.—Волна разгулялась.—Погода разгуливается.

Дюжій—см. стр. 69.

Ударить по рукамъ—сойтись въ сдѣлкѣ, согласиться.

Выговорить—произносить, выражать голосомъ. Этому натошакъ не выговоришь.—Помѣщать въ число условій, включать въ договоръ. Я выговорилъ себѣ свободный день въ недѣлю.

Харчи—пища, ѣда, продовольствіе.

Деньга—полкопейки.

Безъ году недѣля (шуточн.)—очень недолго, недавно.

Своеси—свой домъ, родина. Отправился во своеси—домой.

Налегкѣ—не обременяясь поклажей, безъ большихъ сборовъ.

Пугало—чучело, выставяемое въ сараѣ и огородахъ для отгона птицъ.

62. Садко, богатый гость.

Былина.

Въ славномъ во Новѣградѣ
какъ былъ Садко-купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
однѣ были гусельки яровчаты;
по пирамъ ходилъ-игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
другой не зовутъ на почестенъ пиръ
и третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
садился на бѣль-горючъ камень
и началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася.
Тутъ-то Садко перепался,
пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
другой не зовутъ на почестенъ пиръ
и третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
садился на бѣль-горючъ камень
и началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
тутъ-то Садко перепался,
пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
другой не зовутъ на почестенъ пиръ
и третій не зовутъ на почестенъ пиръ.

По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
садился на бѣль горючъ камень
и началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
показался царь морской,
вышелъ со Ильменя со озера,
самъ говоритъ таковы слова:
— „Ай же ты, Садко новгородскій!
не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
за твои за утѣхи за великія,
за твою-то игру нѣжную:
аль безсчетной золотой казной?
а не то—ступай во Новгородъ
и ударь о великъ закладъ,
заложи свою буйну голову,
и выряжай съ прочихъ купцовъ
лавки товара краснаго,
и спорь, что въ Ильмень озерѣ
есть рыба-золоты перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
и поди, свяжи шелковой неводъ,
и приѣзжай ловить въ Ильмень-озерѣ:
дамъ три рыбины-золоты перья,
тогда ты, Садко, счастливъ будешь“.

* *
*

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
какъ приходитъ Садко во свой во Новгородъ,
позвали Садка на почестень пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскій
сталъ играть въ гусли яровчаты,
какъ тутъ стали Садка подпаивать,
стали Садку поднашивать,
какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
— „Ай же вы, купцы новгородскіе,
какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ:
а есть рыба-золоты перья въ Ильмень-озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы новгородскіе

говорятъ ему таковы слова:

— „Не знаешь ты чуда чуднаго,
не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба-золоты перья.

— „Ай же вы, купцы новгородскіе!

О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?

Ударимъ-ка о великъ закладъ:

я заложу свою буйну голову,

а вы залагайте лавки товара краснаго“.

Три купца повыкинулись,

заложили по три лавки товара краснаго.

Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый

и поѣхали ловить въ Ильмень-озерѣ.

Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,

добыли рыбку-золотыя перья;

закинули другую тоньку въ Ильмень-озерѣ,

добыли другую рыбку-золоты перья;

третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,

добыли третью рыбку-золоты перья.

Тутъ купцы новгородскіе

отдали по три лавки товара краснаго.

Сталъ Садко поторговывать,

сталъ получать барыши великіе.

Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ

устроилъ Садко все по небесному:

на небѣ солнце, и въ палатахъ солнце;

на небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ;

на небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

* * *

Потомъ Садко-купецъ, богатый гость,

завалъ къ себѣ на почестенъ пирь

тихихъ мужиковъ новгородскихъ:

и тихихъ настоятелей новгородскихъ

Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.

Всѣ на пиру наѣдалися,

всѣ на пиру напивалися,

похвальбами всѣ похвалялися.

Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,

другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,

который хвастаетъ добрымъ конемъ,
который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ,
умный хвастаетъ старымъ батюшкоймъ,
безумный хвастаетъ молодой женой.

Говорятъ настоятели новгородские:

— „Всѣ мы на пиру наѣдалися,
всѣ мы на почетномъ напивалися,
похвальбами всѣ похвалялися.

Что же у насъ Садко ничѣмъ не похваляется,
что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?“

Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:

— „А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
чѣмъ мнѣ, Садку, похваляться?

У меня ль золота казна не тощится,
цвѣтно платьице не носится,
дружина хоробра не измѣняется,
а похвастать-не-похвастать безсчетной золотой казной:
на свою безсчетну золоту казну
повыкуплю товары новгородские,
худые товары и добрые!“

Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
какъ настоятели новгородские
ударили о великъ закладъ,
о безсчетной золотой казнѣ,
о денежкахъ тридцати тысячахъ:
какъ повыкупить Садку товары новгородские,
худые товары и добрые,
чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣ не было.

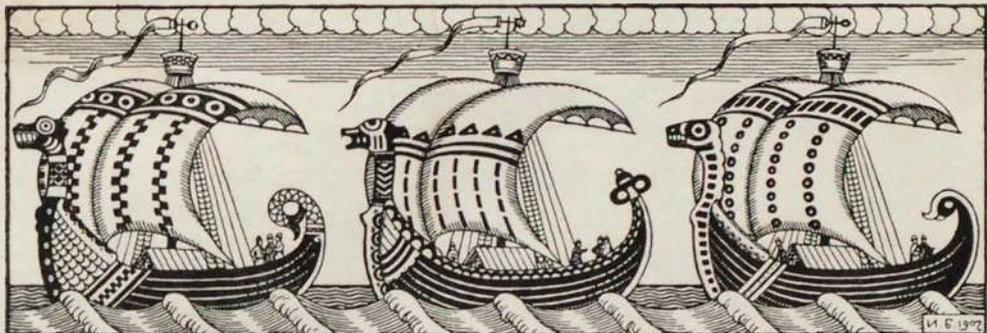
* *
*

Ставалъ Садко на другой день ранымъ рано,
будилъ свою дружину хоробрую,
безъ счета давалъ золотой казны
и распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
а самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
какъ повыкупилъ товары новгородские,
худые товары и добрые,
на свою безсчетну золоту казну.

На другой день ставаль Садко ранымъ рано,
будиль свою дружину хоробрую,
безъ счета даваль золотой казны
и распушаль дружину по улицамъ торговымъ,
а самъ-то прямо шель въ гостиный рядъ:
вдвойнѣ товаровъ принавезено,
вдвойнѣ товаровъ принаполнено
на тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупаль товары новгородские,
худые товары и добрые
на свою безсчетну золоту казну.
На третій день сталъ Садко ранымъ рано,
будиль свою дружину хоробрую,
безъ счета даваль золотой казны
и распушаль дружину по улицамъ торговымъ,
а самъ-то прямо шель въ гостиный рядъ:
втройнѣ товаровъ принавезено,
втройнѣ товаровъ принаполнено,
подоспѣли товары московскіе
на ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
„Не выкупить товара со всего бѣлаго свѣта:
още повыкуплю товары московскіе,
подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,—
побогаче меня славный Новгородъ“.
Отдаваль онъ настоятелямъ новгородскимъ
денежекъ онъ тридцать тысячей.

* *
*

На свою безсчетну золоту казну
построилъ Садко тридцать кораблей,
тридцать кораблей, тридцать черленихъ,
на ты на корабли на черленые
свалилъ товары новгородские,
поѣхаль Садко по Волхову,
со Волхова во Ладожско,
а со Ладожска во Неву рѣку,
а со Невы рѣки во сине море.

Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
воротилъ онъ въ Золоту орду,
продавалъ товары новгородскіе,
получалъ барыши великіе,
насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
поѣзжалъ онъ по синю морю.

На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
а волной-то бьетъ, паруса рветъ,
ломаетъ кораблики черленые;
а корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость
ко своей дружины ко хоробрыя:
— „Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
а морскому царю дани не плачивали:
видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
требуетъ дани во сине море.

Ай же, братцы, дружинушка хоробрая!
взимайте бочку сороковку чиста серебра,
спускайте бочку во сине море“.
Дружина его хоробрая
взимала бочку чиста серебра,
спускала бочку во сине море:
а волной-то бьетъ, паруса рветъ,
ломаетъ кораблики черленые;
а корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Тутъ его дружина хоробрая
брали бочку сороковку красна золота,

спускали бочку во сине море:
а волной-то бьетъ, паруса рветъ,
ломаеть кораблики черленые;
а кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:

— „Видно, царь морской требуетъ
живой головы во сине море.
Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны,
я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ,
всякъ свои имена подписывайте,
спускайте жеребья на сине море;
чей жеребей ко дну пойдетъ,
таковому итти въ сине море“.

Дѣлали жеребья волжаны,
а самъ Садко дѣлалъ на красномъ на золотѣ,
всякъ свое имя подписывалъ,
спускали жеребья на сине море;
какъ у всей дружины хоробрыя
жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
а у Садка-купца ключомъ на дно.

Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:

— „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этые жеребья неправильны:
дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
а я сдѣлаю жеребей волжаний“.
Дѣлали жеребья на красномъ на золотѣ,
а самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаний,
всякъ свое имя подписывалъ,
спускали жеребья на сине море:
какъ у всей дружины хоробрыя
жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
а у Садка-купца ключомъ на дно...

Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:

— „Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требуетъ
самого Садка богатаго въ сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
перо лебединое, листъ бумаги гербовый“.
Несли ему чернилицу вальяжную,

перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣннице отписывать:
кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
иное имѣние нищей братіи;
иное имѣнье молодой жены,
остатнее имѣнье дружины хоробря.

Говорилъ Садко-купецъ, богатый гость:
— „Ай же, братцы, дружина хоробря!
Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
поиграть-то мнѣ въ остатнее:
больше мнѣ въ гусельки не играть,
али взять мнѣ гусли съ собой во сине море?“
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
самъ говоритъ таковы слова:

— „Свалите дощечку дубовую на воду:
хоть я свалюсь на доску дубовую,
не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ“.
Свалили дощечку дубовую на воду,
потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
полетѣли какъ черные вороны.

* *
*

Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
во синемъ морѣ, на самомъ днѣ;
сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко: во синемъ морѣ
стоитъ палата бѣлокаменная,
заходитъ Садко въ палату бѣлокаменну:
сидитъ въ палатѣ царь морской;
голова у царя, какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
— „Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!
Вѣдь ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
мнѣ, царю, дани не плачивалъ,
а нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.

Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яровчаты
поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты“.
Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,
какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другія,
да игралъ еще Садко и третія,
а все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.—
во синемъ морѣ вода всколебалася,
съ желтымъ пескомъ вода смутилася,
стала разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
стало много гинуть имѣнницевъ,
стало много тонуть людей праведныхъ:
какъ сталъ народъ молиться Миколѣ Можайскому,
какъ тронуло Садка во плечо во правое:
— „Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть въ гусельшки яровчаты!“
Обернулся, глядитъ Садко новгородский:
ажно стоитъ старикъ сѣдатый.
Говорилъ Садко новгородский:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ,
приказано играть въ гусельки яровчаты“.
Говорилъ старикъ таковы слова:
— „А ты струночки повырывай,
а ты шпенечки повыломай.
Скажи: „у меня струночекъ не случилось,
а шпенечковъ не пригодилось,
не во что больше играть:
приломались гусельки яровчаты“.
Скажетъ тебѣ царь морской:
„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
на душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“
Говори ему таковы слова:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ“.
Опять скажетъ царь морской:
„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
выбирай себѣ дѣвицу-красавицу“.
Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
такъ перво триста дѣвиць пропусти,

и друго триста дѣвиць пропусти,
и третье триста дѣвиць пропусти:
позади идетъ дѣвица-красавица,
красавица-дѣвица Чернавушка,—
бери тую Чернаву за себя замужъ...
Будешь, Садко, во Новѣградѣ.
А на свою безсчетну золоту казну
построй церковь соборную Миколѣ Можайскому“.

* * *

Садко струночки въ гуселькахъ повыдернулъ,
шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— „Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь въ гусельки яровчаты?“
— „У меня струночки во гуселькахъ выдернулись,
а шпенечки въ яровчатыхъ повыломались,
а струночекъ запасныхъ не случилось,
а шпенечковъ не пригодилось“.
Говоритъ царь таковы слова:
— „Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
на душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?“
Говоритъ ему Садко новгородский:
— „У меня воля не своя во синемъ морѣ.“
Опять говоритъ царь морской:
— „Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
выбирай себѣ дѣвицу-красавицу“.
Вставалъ Садко поутру ранешенько,
поглядитъ—идетъ триста дѣвушекъ красныхъ:
онъ перво триста дѣвиць пропустилъ,
и друго триста дѣвиць пропустилъ,
и третье триста дѣвиць пропустилъ;
позади шла дѣвица-красавица,
красавица-дѣвица Чернавушка:
бралъ тую Чернаву за себя замужъ...
Какъ прошелъ у нихъ столованье почестенъ пиръ,
какъ проснулся Садко въ Новѣградѣ,
о рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;
какъ поглядитъ—ажно бѣжать

свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:
— „Не бывать Садку со синя моря!“
А дружина поминаетъ одного Садка:
— „Остался Садко во синемъ морѣ!“
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
встрѣчаетъ свою дружинишку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
— „Остался Садко во синемъ морѣ.
очутился впереди насъ во Новѣградѣ,
встрѣчаетъ дружина со Волхова!“
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
и повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена здрадовалася,
брала Садка за бѣлы руки,
цѣловала въ уста во сахарнія.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
имѣннице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыхъ кораблей,—
построилъ церкву соборную Миколѣ Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко за сине море,
сталъ поживать Садко въ Новѣградѣ.

Гость—такъ въ старину назывались иногородніе купцы, а потомъ вообще купцы первой статьи.

Гусельки, уменьш. отъ **гусели**—народный музыкальный инструментъ, родъ лежачей арфы

Ярвчатый—вмѣсто яворчатый, сдѣланный изъ явора—дерева, растущаго на югѣ.

Почетной—почетный; **почетной пиръ**—въ почетъ-кому либо, празднество.

Бѣль-горючъ камень—такъ въ былинахъ называется янтарь.

Перепасаться—испугаться, встревожиться.

Заложить, **закладывать**—значить здѣсь: дать въ залогъ; ударить о закладъ—то же, что биться объ закладъ, или, какъ обыкновенно говорится, держать пари.

Выряжать, **вырядить**—включать въ рядъ, въ уговоръ, въ условіе. Отсюда же **подрядить**—брать за условную плату, а также **подрядчикъ**.

Настоятель—здѣсь знач. старшина.

Тоня—одинъ заловъ, одна закладка, одна тяга невода.

Похвальба—хвастовство.

Отчество—здѣсь то же, что отчество, т. е. названіе по отцу.

Молодечество—удаль, удалство, отвага, особенно изъ похвальбы.

Тошаты—слабѣть, худѣть, истощаться.

Дружина—товарищество, артель, войско.

Раздуматься—то же, что задуматься.

Оше—еще.

Черленый или червленый—багряный, багровый, красный.

Сороковка—здѣсь то же, что сорокаведерная бочка.

Дань—подать, плата покореннаго народа побѣдителю, подарки или иной способъ выраженія уваженія.

Жеребій—условный знакъ для метанія и рѣшенія чего-либо спорнаго.

Волжжанный—сдѣланный изъ таволги, степной березки.

Гоголь—утка, нырокъ. Ходить гоголемъ—спесиво, самодовольно, поднявши голову.

Вальяжный—массивный, прочный, крѣпкій.

Отписывать—назначать по завѣщанію, а также отвѣтить письмомъ.

Остатній—оставшійся въ остаткѣ, остальной; въ остатнее—въ послѣдній разъ.

Страсть—здѣсь въ смыслѣ страхъ, испугъ. Еще какія значенія имѣеть это слово?—Страсти Христовы.—У хъ, какія страсти!—Страсть, какъ больно.—У нихъ страсть денегъ.—Страсть къ игрѣ.

Пекучись—пекчи—печь—палить. Солнце печеть.

Смутиться, смучаться—дѣлаться мутнымъ.

Гинуть—вмѣсто гибнуть.

Ажно, простонар. выраженіе—такъ что, даже. А здѣсь что значить?

Шпенекъ—шипъ, тычокъ, торчокъ для насадки, укрѣпы чего-ниб.

Столованье—званный обѣдъ, свадебный пиръ.

Кряжъ—горный хребетъ, цѣпь горъ, здѣсь просто гора.

Народныя пѣсни.

63. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

I.

Баю-баюшки-баю,
прилетѣли галочки
на попову пашенку,
поклевали пашенку.
Шелъ мужикъ бѣдный,
нашелъ котель мѣдный,
сдѣлалъ ложку большую,
сварилъ кашу крутую,
почерпнулъ со дна —
только крупочка одна.

II.

Ладушки, ладушки!
гдѣ были? У бабушки.
Что ѣли? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка сладенька,
бражка хмельенька,
бабушка добренька.
Попили, поѣли,
домой полетѣли,
сѣли на головку,
на маковку...

Крутой—1) густой нежидкій. Крутая каша, крутыя яйца; 2) почти отвѣсный, обрывистый, не пологій. Крутой подъемъ на гору, крутой берегъ. И крута гора, да миновать нельзя. А что значить крутой нравъ?

Черпать, черпнуть—брать жидкость, погружая въ нее какой-нибудь сосудъ. Черпни мнѣ ковшомъ кваску. Часто употр. въ переносн. значеніи: Онъ силу черпаетъ въ сознаніи долга.—Я исчерпалъ всѣ доводы свои.—По черпать знанія изъ книгъ.—Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ (Гриб.).

Ладушки—см. объ этомъ стр. 46.

Бражка, уменьш. отъ брага—домашнее пиво.

Хмельной—пьяный.

Маковка—1) маковая головка; 2) вершина, верхушка, темя человѣка. Была въ Москвѣ, видѣла золотыя маковки (главы церквей).—На маковкѣ березы послѣдній лучъ угасъ.

64. ДѢТСКАЯ.

За моремъ синичка не пышно жила,
не пышно жила, пиво варивала,
солоду купила, хмелю займы взяла,
черный дроздъ пивоваромъ былъ,
сизый орелъ винокуромъ слылъ.
Дай же намъ, Боже, пиво-то сварить,
пива-то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей—мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка нежданная пришла,
снѣгирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собою говорить:
что же ты, снѣгирюшка, не женишься?
Радъ бы жениться, да некого взять!
взялъ бы я пернатку, да матка моя;
взялъ бы я чечетку, да тетка моя;
взялъ бы я синичку—сестричка моя;
взялъ бы сороку—щекотливая;
есть за моремъ перепелочка,
та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
ту я люблю, ту за себя возьму.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяйкою,
съ малыми дитятами!

Пышный—роскошный, иногда значить—надутый, надменный.

Солодъ—проросшій хлѣбъ, въ которомъ образуется сахаръ, употребляется при варкѣ пива и кваса; отсюда слово солодкій, сладкій.

Хмель—растение, его цвѣтень идетъ въ пьяные напитки. Это же слово обозначаетъ состояніе опьяненія. Во хмелю да во снѣ чловѣкъ не волѣнь.—Онъ подъ хмелькомъ.—Онъ хмельного въ ротъ не беретъ.

Взаймы—заимообразно, вдолгъ, на время, съ отдачей, въ одолженіе.

Сизый—темный, черный съ синеватымъ отливомъ. Стонетъ сизый голубочекъ.

Винокуръ—мастеръ вино курить (гнать).

Слыть—быть у людей на хорошемъ или дурномъ счету, быть извѣстнымъ, считаться.

Пернатка—то же, что птица.

Чечѣтка—птица, а также родъ дерева, сортъ березы.

Щекотливый—кто боится щекотки. А что значитъ щекотливое дѣло, щекотливый вопросъ?

65. ХОРОВОДНАЯ.

Какъ у нашихъ у воротъ
стоитъ озеро воды,

ой люли, ой люли!

стоитъ озеро воды.

Молодецъ коня поилъ,

къ воротечкамъ приводилъ,

ой люли, ой люли!

къ воротечкамъ приводилъ.

Къ вереюшкѣ привязалъ,

красной дѣвкѣ приказалъ,

ой люли, ой люли!

красной дѣвкѣ приказалъ.

Красна дѣвица-душа,

сбереги добра коня,

ой люли, ой люли!

сбереги добра коня.

Сбереги добра коня,

коня тысячнаго,

ой люли, ой люли!

коня тысячнаго.

Не сорвалъ бы повода,

не сломалъ бы удила,

ой люли, ой люли!

не сломалъ бы удила.

Люли, люшеньки—припѣвъ веселыхъ пѣсень.

Верея—столбы, на которые навѣшиваютъ ворота.

Поводъ—во множ. поводья и поводы—какая разница?

Удило, чаще во множ. удила—чѣмъ зануздывается лошадь.

66. СВАДЕБНАЯ.

Красная дѣвица по садику гуляла,

цвѣты алые дѣвица собирала.

Мимо ѣхалъ тутъ гостиный сынъ:

„Ужъ Богъ помочь тебѣ, красна дѣвица,

цвѣты алые тебѣ, дѣвица, собирати“.

— Благодарствуй, сынъ гостиный, благодарствуй.
„Загадать ли тебѣ, красна дѣвица,
шесть мудреныхъ загадокъ загадать ли?“
— Загадай-ка, сынъ гостиный, загадай-ка,
шесть мудреныхъ загадокъ загадай-ка.—
„Ужъ какъ что у насъ, дѣвица, выше лѣсу?
Еще что у насъ, дѣвица, краше свѣту?
Еще что у насъ, дѣвица, чаще лѣсу?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ коренья?
Еще что у насъ, дѣвица, безъ умолку?
Еще что у насъ, дѣвица, безызвѣстно?“
— Отгадаю, сынъ гостиный, отгадаю,
шесть мудреныхъ загадокъ отгадаю.
Выше лѣсу, сынъ гостиный, свѣтель мѣсяць;
краше свѣту, сынъ гостиный, красно солнце;
чаще лѣсу, сынъ гостиный, часты звѣзды;
безъ коренья, сынъ гостиный, бѣлый камень;
безъ умолку, сынъ гостиный, сине море;
безызвѣстна, сынъ гостиный, Божья воля.—
„Отгадала, красна дѣвица, отгадала,
шесть мудреныхъ загадокъ отгадала.
Ужъ и, знать, тебѣ, дѣвица, быть за мною.
ужъ и, знать, быть тебѣ купеческой женою“.

Сынъ гостиный—сынъ гостя, т.-е. купца, купеческій сынъ.

Благодаретвовать кому—1) оказывать добро, благотворить; 2) благодарить. Выраженія: „благодарствуй, благодарствуйте“ получились изъ первоначальныхъ формъ благодарствуете, благодарствуешь, обозначавшихъ, что говорящій сознаетъ, что ему оказано добро.

Мудреный—см. стр. 75.

Умолкъ—отъ сл. умолкать. Нѣтъ на него умолку—не уймешь его. День и ночь кричитъ безъ умолку.

Безызвѣстный—неизвѣстный, невѣдомый.

Быть за мною—какое слово здѣсь подразумѣвается?

Знать—когда оно не обозначаетъ дѣйствія—употребляется въ смыслѣ: должно быть, видно, вѣроятно.

II. ЗИМА.

Зима.

Съ картина В. Переланчикова.

67. Къ зимѣ.

Стихотвореніе К. Бальмонта.

Лѣсъ совсѣмъ ужъ сталъ сквозистый,

рѣдки въ немъ листы.

Скоро будетъ снѣгъ пушистый

падать съ высоты.

Опушить намъ окна наши,

въ дѣтской и вездѣ.

Загорятся звѣзды краше,

ледъ прильнетъ къ водѣ.

На конькахъ начнемъ кататься

мы на звонкомъ льду.

Будетъ смѣхъ нашъ раздаваться,

въ паркѣ на пруду.

А въ затишьи комнатъ—прятки,

въ четъ и нечетъ—счетъ.

А потомъ настанутъ святки,

снова новый годъ.

Сквозистый—прозрачный, пропускающій свѣтъ, рѣдкій. Что значитъ **сквозить**—сквозной?

Опушить—обшить или обложить чѣмъ-либо мягкимъ, пушистымъ. Отсюда слово **опушка**—пушистый край, оторочка, обшивка или просто край, напр. опушка лѣса.

Прильнуть. прилипать къ чему—пристать, плотно прилечь. Смола прилипаетъ къ пальцамъ. — Грязь прилипаетъ къ колесамъ.—Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ? („Лѣсен. царь“).

Затишье—1) мѣсто, защищенное отъ вѣтра. 2) Уединенное, укромное мѣстечко. 3) Безвѣтріе. 4) Тишина, отсутствіе шума. Напр. Соловей поетъ въ затишьи сада.—Здѣсь у насъ затишье, уединенный уголокъ.

Четъ—или четное число, что дѣлится нацѣло, безъ остатку. Игра въ четъ и-нечетъ состоитъ въ отгадываніи, какое число—четное или нечетное—камешковъ или орѣховъ въ кулакѣ.

68. Зима.

Стихотвореніе А. Пушкина.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
на дровняхъ обновляетъ путь:
его лошадка, снѣгъ почуя,
плетется рысью какъ-нибудь;
бразды пушистыя взрывая,
летитъ кибитка удалая.
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
въ салазки Жучку посадивъ,
себя въ коня преобразивъ;
шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ.
Ему и больно и смѣшно,
а мать грозитъ ему въ окно...

Торжествовать—праздновать, сильно радоваться.

Дровни—крестьянскія сани, безъ короба, употребляемыя для перевозки тяжелыхъ или длинныхъ предметовъ.

Обновить—1) придать прежній новый видъ, возстановить; 2) пустить въ дѣло новую вещь. Дайте примѣры. Что значитъ **обновка**?

Плестись—опредѣлите буквальное и переносное значенія этого сл. по примѣрамъ: хмель плетется по плетню. Коса плетется въ три пряди. Старикъ чуть плетется. Какъ живете? „понамаленьку плетемся“.

Рысь—конская побѣжка. Крупная рысь, мелкая рысь. Пошелъ рысью. Что значитъ: покажи-ка рысь свою? Дайте примѣры на сл. **рысакъ**, **рыскать**.

Бразда—рѣдко употребляемое церк.-славянск. слово вмѣсто борозда: 1) длинный прорѣзъ, проведенный сохой или плугомъ; 2) вообще черта или слѣдъ отъ чего-ниб., напр. отъ полозьевъ саней.

Кибитка—тельга или сани съ верхомъ.

Облучокъ—край кузова въ саняхъ, въ телѣгѣ.

Дворовый—относящійся ко двору. Дворовые люди—крестьяне, жившіе на дворѣ помѣщика для службы ему и его семьѣ.

Салазки—ручные санки, для катанья съ горъ.

Преобразить, преобразать—дать иной видъ, превратить во что. Придумайте слова отъ того же корня, съ той же приставкой, но съ другими окончаніями.

Грозить, угрожать. Что значить: грозить пальцемъ, палкой? Это грозить гибелью всему народу?

69.

Стихотвореніе *Е. Баратынскаго*.

Гдѣ сладкій шопоть
моихъ лѣсовъ?
потоковъ ропоть,
цвѣты луговъ?
Деревья голы:
коверъ зимы
покрылъ холмы,
луга и доли.

Подъ ледяной
своей корою
ручей нѣмѣть;
все цѣпенѣть.
Лишь вѣтеръ злой,
бушуя, воетъ
и небо кроетъ
сѣдою мглой...

Какое заглавіе можно дать этому стихотворенію?

Отъ какихъ словъ происходят **шопоть** и **ропоть**? Не гнѣви Бога ропотомъ, молись ему шопотомъ.

Цѣпенѣть—приходить въ безчувствіе, въ неподвижность, леденѣть. Цѣпенѣть отъ стужи, отъ ужаса.

Бушевать—производитъ сильный шумъ. Не бушуйте, вѣтры буйные! (народн. пѣсня).

70. Вѣтеръ и солнце.

К. Ушинскаго.

Однажды солнце и сердитый сѣверный вѣтеръ затѣяли споръ о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили они и, наконецъ, рѣшились помѣряться силами надъ путешественникомъ, который въ это самое время ѣхалъ верхомъ по большой дорогѣ.

„Посмотри“, сказалъ вѣтеръ, „какъ я налечу на него; мигомъ сорву съ него плащъ!“ Сказалъ—и началъ дуть, что было мочи. Но чѣмъ болѣе старался вѣтеръ, тѣмъ крѣпче закутывался путешественникъ въ свой плащъ; онъ ворчалъ на непогоду, но ѣхалъ все дальше и дальше. Вѣтеръ сердился, свирѣпѣлъ, осыпалъ бѣднаго путника дождемъ и снѣгомъ; проклиная вѣтеръ, путешественникъ надѣлъ свой плащъ въ рукава и подпоясался поясомъ. Тутъ уже вѣтеръ и самъ убѣдился, что ему плаща не сдернуть.

Солнце, видя безсиліе своего соперника, улыбнулось, выглянуло изъ-за облаковъ, обогрѣло, осушило землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднаго полузамерзшаго путешественника. Почувствовавъ теплоту солнечныхъ лучей, онъ пріободрился, благословилъ солнце, самъ снялъ свой плащъ, свернулъ его и привязалъ къ сѣдлу.

„Видишь ли“, сказало тогда кроткое солнце сердитому вѣтру: „лаской и добротой можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ гнѣвомъ“.

Затѣять, затѣвать: 1) предпринять какое-ниб. дѣло. Мы затѣяли драку. Онъ затѣялъ рискованное дѣло. 2) Задумать что-ниб. Онъ затѣваетъ что-нибудь худое. Что значить **затѣя**? Еще какія слова знаете того же корня?

Помѣяться силой, ростомъ—испытать силы, потягаться.

Проклинать, проклясть—въ обыкновенной рѣчи: ругать, поносить, призывать на кого бѣдствія, желать зла; рѣже употребляется въ значеніи: лишить дома, наслѣдства и всякаго общенія. Отецъ проклялъ своего сына. Что значить **заклинать**? Заключая васъ всѣмъ, что есть святаго на свѣтѣ—скажите мнѣ правду.

Безсиліе—отсутствие или недостатокъ силъ.

Соперникъ—кто съ кѣмъ соперничаетъ, состязается, вступаетъ въ борьбу, противникъ.

Пріободрить—придать смѣлости, надежды.

Благословлять кого—1) восхвалять, превозносить словами. Благословляю Господа. 2) Надѣлять добромъ. Богъ благословилъ его здоровьемъ. 3) Давать согласіе. Отецъ благословилъ меня на это дѣло.

Свернуть, свертывать—свивать, скатывать трубкой. А что значить свернуть направо, свернуть гайку, свернуть голову? Молоко свернулось. Я свернулся калачикомъ.—Постелина день свертываются и убираются.

Кроткій—тихий, смиренный, многотерпѣливый. Кротокъ какъ голубь.—Кроткое слово гнѣвъ побѣждаетъ. Что значить **кротость** и **укрощать**? Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его.

Пословица: *Ласково слово—что весенній день.*

71. Зима.

К. Ушинскаго.

Весело зимою, особенно, когда солнышко свѣтитъ ярко, на снѣжныхъ поляхъ блестятъ миллионы искръ, а деревья точно убраны дорогимъ хрусталемъ! Но весело зимою только тому, у кого есть теплый домъ и теплое платье, кто въ сильную стужу можетъ сидѣть дома передъ ярко пылающимъ огонькомъ печи и спокойно ждть сытнаго ужина и теплой постели. Но каково бѣдному сѣдому старику нищему? Несмотря на стужу, долженъ онъ таскаться подъ окнами и ради Христа выпрашивать себѣ кусокъ хлѣба. На старикѣ нѣтъ теплаго тулупа, лапти его худы, армякъ

весь въ дырахъ; голосъ его дрожить отъ старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведетъ слѣпого старика: бѣдняга перескакиваетъ съ ноги на ногу, дуетъ себѣ въ околѣнныя пальцы; а сильный холодъ выжимаетъ у него слезы изъ глазъ. Пустите ихъ обогрѣться, накормите и подайте имъ, что можете!

Хрусталь—см. стр. 87.

Стужа—холодъ, морозъ. Найдите примѣры на слова: студеный, студень, студить (съ приставками на, за, про), стынуть, стыть (съ приставками о, про, за).

Коченѣть—цѣпенѣть, застывать, становиться неподвижнымъ.

72. Волкъ и собака.

Худой волкъ ходилъ подлѣ деревни и встрѣтилъ жирную собаку. Волкъ спросилъ у собаки: „Скажи, собака, откуда вы кормъ берете?“

Собака сказала: „Люди намъ даютъ!“

А волкъ спрашиваетъ: „Вѣрно, вы трудную людямъ службу служите?“

„Нѣтъ, наша служба не трудная. Дѣло наше—по ночамъ дворъ стеречь“.

„Такъ только за это васъ такъ кормятъ?—сказалъ волкъ.— Это я бы сейчасъ въ вашу службу пошелъ, а то намъ, волкамъ, трудно кормъ доставать“.

„Что жъ, иди, — сказала собака.— Хозяинъ и тебя такъ же кормить станетъ“.

Волкъ былъ радъ и пошелъ съ собакой къ людямъ служить.

Сталъ уже волкъ въ ворота входить, видитъ онъ, что у собаки на шеѣ шерсть стерта; онъ сказалъ: „а это у тебя, собака, отчего?“

„Да такъ,“ сказала собака.

„Да что такъ?“ еще разъ спросилъ волкъ.

„Да такъ, отъ цѣпи. Днемъ вѣдь я на цѣпи сижу, такъ вотъ цѣпью и стерло немного шерсть на шеѣ“.

„Ну, такъ прощай, собака!—сказалъ волкъ.— Не пойду къ людямъ жить. Пускай не такъ жиренъ буду, да на волѣ“.

Служить—1) Быть пригоднымъ, быть средствомъ или орудіемъ для чего. Са по ги эти служить мнѣ цѣлый годъ. 2) Занимать мѣсто съ извѣстными обязанностями. Онъ служить на почтѣ.—Служить вѣрой и правдой.—А что значить: служить обѣдню, служить за столомъ, собака служить. **Служба** имѣеть разныя значенія: Въ церкви служба кончилась.— Онъ вчера не былъ на службѣ.— На службѣ нѣтъ родни.— Не въ службу, а въ дружбу.—Дворъ со всеми службами.—Эй, служба, куда идешь?

73. Деревенскій сторожъ.

Стихотвореніе Н. Огарева.

Ночь темна, на небѣ тучи,
бѣлый снѣгъ кругомъ,
и разлитъ морозъ трескучій
въ воздухѣ ночномъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
злится вокругъ него,
на морозѣ побѣлѣла
борода его.

Вдоль по улицѣ широкой
избы мужиковъ;
ходитъ сторожъ одинокій,
слышенъ скрипъ шаговъ.

Скучно! Радость измѣнила,
скучно одному;
пѣснь его звучитъ уныло
сквозь метель и тьму.

Ходить онъ въ ночи безлунной, И, качаясь, завываетъ
бѣла утра ждетъ звонкая доска...
и въ края доски чугунной пуше сердце замираетъ,
съ тайной грустью бьетъ. тяжелѣй тоска!

Трескучій морозъ—жестокій, сильный морозъ, отъ котораго трещать бревна. Составьте примѣры на слова: **трещать, трескаться, трещина, трескъ, трескотня.**

Одинокій—уединенный, отдѣльный: одинокая жизнь, одинокій домъ. Одинокому жить тяжело. Ср. слова: одинокій и одиночный. Что значитъ: въ одиночку?

Измѣнить кому—отечеству, другу. Силы подъ старость измѣняютъ. Составьте примѣры на слова: **измѣнчивый, неизмѣнный** и другія отъ того же корня.

Пуше—больше, сильнѣе. Что его пуше унимаешь, то онъ пуше сердится.—У кого ничего, а у насъ пуше того.

Замирать—обмирать, лишаться чувствъ, сознанія. Вся природа на зиму замираетъ.—**Сердце замираетъ**—сильно бьется, сжимается отъ радости, страха, тоски и т. п.

Поговорки: *Ни роду, ни племени.*—*Бобыль бобылемъ.*—*Одинъ, какъ персть.*—*Одинъ, что верста въ поле.*—*Одна, какъ маковъ цвѣтъ.*

74. Морозко.

Народная сказка.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее глядятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ—ничѣмъ не угодить: все не такъ, все худо. А надо правду сказать, дѣвочка была золото,— въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить да затихнетъ, а старая баба расходится—нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать.

И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: „Вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ морозъ!“

Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой—и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочериной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творить. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красный носъ!“ — „Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную“. Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить; но полюбились ему ее умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: „Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красный носъ!“ — „Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную.“ Морозъ пришелъ совѣмъ не по душу: онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ.

А мачеха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ. „Ступай, мужъ! вези хоронить дочь“. Старикъ поѣхалъ. А собачка подь столомъ: „Тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, серебрѣ

М. Забелов-Труничанка 97.

везуть, а старухину женихи не берутъ!“— „Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!“ Собачка съѣла блинъ да опять: „Тявь! тявь! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везуть, а старухину женихи не берутъ!“ Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое: „Старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везуть, а старухину женихи не возьмутъ!“

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица—панья-паньей сіяетъ! Мачеха глянула—и руки врозь! „Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто“. Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто.

Пришелъ и Морозъ-красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ.

„Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!“ А собачка подь столомъ: „Тявь! тявь! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!“— „Не ври! на пирога, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!“

Растворилися ворота, старуха выбѣжала встрѣчать дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Угодать, угодить кому—дѣлать такъ, какъ другому угодно, пріятно. На всѣхъ не угодишь.—**Угодить куда**: Шелъ ночью да угодилъ въ яму. Дайте примѣры на сл. **угодный**. Поговорки, сюда относящіяся: *Нашему уроду все не въ уgodу*.— *Кто Богу угоденъ, тотъ и людямъ пригоденъ*. Что значить **угодья**? Всѣхъ угодьевъ не соберешь: вода близка, инъ лѣсъ далеко.

Расходиться см.—стр. 65.

Чесать зубы—пустословить. Языкъ чешетъся—болтаетъ вздоръ.

Бездомный—не имѣющій пристанища, безпріютный.

Сугробъ (отъ сл. сгребать)—бугоръ снѣга, нанесенный вьюгой.

Тукать (тюкать), тукнуть—стучать, колотить.

Поминки—помянутое умершаго, панихиды, угощенье въ день похоронъ или смерти, тризна. А что значить: и помину нѣтъ, и въ поминѣ не было.

Панья—мало употребит. слово ж. р. отъ пань—баринъ.

Заголосить—начать громко кричать.

Выпишите изъ этой сказки всѣ образныя выраженія, т.-е. картинно, мѣтко передающія мысль, какъ напр. слезами умывалась.

75. Два мороза.

Народная сказка.

Гуляли по чистому полю два мороза, два родныхъ брата; съ ноги на ногу поскакивали, рукой объ руку поколачивали. Говорить одинъ морозъ другому: „Братецъ, морозъ Синій-Носъ, какъ бы намъ позабавиться, людей поморозить?“ Отвѣчаетъ другой: „Братецъ, морозъ Красный-Носъ, коль людей морозить, не по чистому полю намъ гулять. Поле все снѣгомъ занесло, всѣ проѣзжія дороги замело; никто не пройдетъ, не проѣдетъ. Побѣжимъ-ка лучше въ лѣсъ: тамъ хоть меньше простору, зато забавы будетъ больше“.

Побѣжали два мороза въ лѣсъ. Бѣгутъ, дорогой тѣшатся, съ ноги на ногу попрыгиваютъ, по елкамъ, по сосенкамъ пощелкиваютъ; старый ельникъ трещитъ, молодой соснякъ поскрипываетъ. Вотъ слышали они съ одной стороны колокольчикъ, а съ другой—бубенчикъ: съ колокольчикомъ баринъ ѣдетъ, а съ бубенчикомъ—мужичокъ. Стали морозы судить да рядить: кому за кѣмъ бѣжать, кому кого морозить. Морозъ Красный-Носъ, какъ былъ помоложе, говоритъ: „Мнѣ бы лучше за мужичкомъ погнаться, его скорѣй дойму: полшубокъ, вѣрно, старый, заплатанный, шапка худая, на ногахъ однѣ лапти. А ужъ ты, братецъ, какъ посиленѣе меня, за бариномъ бѣги. На немъ шуба медвѣжья, шапка лисья, сапоги волчьи. Гдѣ ужъ мнѣ съ нимъ справиться!“— „Ладно,—говоритъ морозъ Синій-Носъ:—бѣги за мужикомъ, а я побѣгу за бариномъ. Какъ сойдемся подъ вечеръ, такъ и узнаемъ, кому какая была задача“.

Свистнули, шелкнули, побѣжали.

Только солнышко закатилось, они опять сошлись въ чистомъ полѣ. „Что, братецъ,—спрашиваетъ младшій,—намаялся ты съ бариномъ-то, а толку ужъ, навѣрное, не вышло никакого? Гдѣ его было пронять!“ А старшій посмѣивается и говоритъ: „Эхъ, братецъ, морозъ Красный-Носъ, молодъ ты и простъ! Я его такъ уважилъ, что онъ будетъ грѣться—не отогрѣется“.— „А какъ же шуба-то, да шапка, да сапоги?“— „Не помогли! Забрался я къ нему и въ шубу, и въ шапку, и въ сапоги, да какъ началъ знобить!.. Онъ-то ежится, жметя да кутается; думаетъ: дай-ка я ни однимъ суставомъ не шевельну, авось, меня морозъ не одолѣетъ. А мнѣ это на руку. Какъ принялся я за него, чуть живого въ городѣ изъ повозки выпустилъ. Ну, а ты что съ своимъ

мужичкомъ едѣлалъ?“—„Эхъ, братецъ морозъ Синій-Носъ, плохую ты со мной шутку шутилъ, что во-время меня не образумилъ. Думалъ, заморожу мужика, а вышло—онъ же мнѣ бока намялъ“.—„Какъ такъ?“—„Да такъ. Ъхалъ онъ дрова рубить. Дорогой началъ было я его пронимать, а ему и горя мало. Приѣхалъ онъ на мѣсто и принялся за топоръ. Я къ нему подъ полушубокъ, и давай его знобить. А онъ-то топоромъ машетъ, только щепки кругомъ летятъ; даже вспотѣлъ. Я прочь поскорѣе. Думаю: какъ быть? А мужикъ все работаетъ да работаетъ; стало ему совсѣмъ жарко. Гляжу, скидаетъ съ себя полушубокъ; а полушубокъ-то совсѣмъ мокрехонекъ. Обрадовался я, забрался въ полушубокъ, да и заморозилъ его такъ, что онъ сталъ лубокъ-лубкомъ. Кончилъ мужикъ свое дѣло, подошелъ къ полушубку и покачалъ головой. У меня сердце такъ и выиграло: то-то потѣшусь!.. Посмотрѣлъ мужикъ кругомъ, выбралъ полѣно подлиннѣе, да какъ приметя по полушубку бить! По полушубку бьетъ, а меня все бранить. Мнѣ бы бѣжать скорѣе, да ужъ больно я въ шерсти-то завязъ, выбратся не могу. А онъ-то колотить, онъ-то колотить! Насилу я ушелъ; думалъ, костей не сберу, до сихъ поръ бока ноютъ“.

Тѣшиться—потѣшаться, забавляться, радоваться. Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало. Что значать и какіе примѣры можете составить на слова **утѣшеніе, потѣшный**.

Донимать, донять—преслѣдовать, не давать покоя.

Заплатанный—отъ заплатать, зачинить заплаткой.

Пронять, пронимать—имѣть нѣсколько значеній: пронять словами; его ничѣмъ не проймешь.—Морозъ (или дождь) меня насквозь пронялъ.

Уважить кого, уважать—высоко цѣнить, принимать почетно. Что значить уважить просьбу?—Ну, братъ, уважили, спасибо! (угостили).

Образумить—обратить къ разуму, заставить опомниться, отклонить отъ безразсуднаго дѣла.

Лубъ, лубокъ—липовое подкорье, идущее на тесь, мочало.

Выиграть, выигратся—разыграться, взвеселиться. Сердце выигралось радостью.

Завязнуть въ чемъ—засѣсть въ чемъ-либо вязкомъ, топкомъ, либо въ тѣснотѣ. Обозъ завязъ въ грязи.—Толстякъ завязъ въ дверяхъ.

Ныть—1) болѣть (о боли длительной, тупой). Что значить: сердце ноетъ. Заныли ноженьки. 2) Жаловаться, плакаться на что-либо. Что значить: не унывай.

76. Бѣдный Гнѣдко.

Разсказъ кн. В. Одоевскаго.

Посмотрите, посмотрите, мои друзья, какой злой извозчикъ, какъ онъ бьетъ лошадку!.. Въ самомъ дѣлѣ, она бѣжитъ очень плохо... Отчего же это? Ахъ, бѣдный Гнѣдко, да онъ хромаетъ.

— Извозчикъ, извозчикъ! какъ не стыдно: вѣдь ты совсѣмъ испортишь свою лошадь, ты ее до смерти убьешь...

Но онъ не слушаетъ насъ, онъ уже далеко. Вотъ онъ на Невѣ и все погоняетъ бѣдную лошадь, а лошадь спотыкается, и что шагнетъ, то ей больно. Бѣдная лошадка! Какое ей мученье!

А еще ребяташки бѣгутъ за санями, да смѣются и надъ лошадкой, и надъ извозчикомъ. А онъ еще больше злится и вымещаетъ свою злость на лошадку.

Но скажите, сдѣлайте милость, какъ не стыдно этому толстому господину, который сидитъ въ саняхъ! Какъ онъ не запретитъ извозчику мучить бѣдную лошадку? Этотъ толстый господинъ завернулся въ шубу, нахлобучилъ на глаза шляпу и сидитъ сиднемъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— А мнѣ что за дѣло, — бормочетъ про себя толстый господинъ: — я спѣшу на обѣдъ. Пусть извозчикъ убьетъ свою лошадь; не моя лошадь, мнѣ что за дѣло.

Бѣдный Гнѣдко! какъ мнѣ жаль его! Я давно знаю эту лошадку. Я помню, какъ она была еще жеребенкомъ. Тогда, бывало, по веснѣ солнце свѣтитъ, птички чирикаютъ, роса блеститъ на лужайкахъ, въ воздухѣ свѣжо и душисто. Вотъ Сѣрко пашетъ землю, а нашъ жеребенокъ бѣгаетъ вокругъ матки: то подбѣжитъ къ ней, то отскочитъ, пощиплетъ молодую травку, и опять къ матери, и опять брыкнетъ: веселая тогда была его жизнь! Вечеромъ возвратится домой; его встрѣтятъ Ванюша съ Дашею, расчешутъ его коротенькую гривку, вытрутъ соломою. Ужъ какъ Ванюша съ Дашею любили своего жеребеночка! Бывало, вмѣсто того, чтобы бѣгать безъ всякаго дѣла, они нарвутъ молодой травки, положатъ въ коробокъ и кормятъ своего жеребеночка; на ночь натаскаютъ ему подстилки, да и днемъ кусочка хлѣба не съѣдятъ, чтобы не подѣлиться съ своимъ пріятелемъ. И какъ жеребенокъ-то зналъ ихъ! Бывало, издали увидитъ Ванюшу съ Дашею, пустится къ нимъ со всѣхъ ногъ, прибѣжитъ, остановится и смот-

рить на нихъ, какъ собачка. Въ такой холѣ подростъ нашъ же-
ребеночекъ, выровнялся и сталъ статною лошадкою. Вотъ отецъ
Ванюши подумаль, подумаль, погадалъ:—Жалко такую лошадь

въ соху запречь; сведу-ка я ее въ городъ, да продамъ: мнѣ за
нее цѣну двухъ лошадей дадутъ. Сказано, сдѣлано: свели Гнѣдка
на Конную, въ Петербургъ, продали извозчику. А ужъ какъ пла-

кали Ванюша съ Дашею, какъ они упрашивали извозчика беречь ихъ Гнѣдка, не заставляя его возить тяжести, не мучить его...

Они воротились домой очень печальные: чего-то имъ не доставало. Отецъ радовался, что получилъ за Гнѣдка хорошія деньги, дѣти же горько плакали.

Вымещать, выместить (метить, мечь)—отплачивать за обиду, за неприятность. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымещаетъ на станціонномъ смотрителѣ (Пушкинъ).

Нахлобучить—шапку налѣвать низко на лобъ. **Нахлобучка**—выговоръ, головной мойка.

Холя—см. стр. 74.

Статный (отъ сл. стать—стройность стана)—стройный, складный по сложенію. Статный конь.

77. Катанье съ горь.

По срединѣ двора
ледяная гора

возвышается.

И народъ молодой
на горѣ ледяной
потѣшается.

Всѣ хохочутъ, шумятъ.
Маша съ братцемъ сидятъ
на салазочкахъ.

И летятъ словно пухъ,
и у Машеньки духъ
занимается.

Маша труситъ, кричитъ.
а братишка сидитъ,
усмѣхается.

Говоритъ ей: „сестра!
перестать бы пора
быть трусихю...“

Вотъ и конченъ ихъ путь,
можно ей отдохнуть,
да не хочется.

Позабывши свой страхъ,
прокатиться въ саняхъ
снова просится.

Что значить **народъ молодой**? Въ какомъ смыслѣ обыкновенно употребл. сл. **народъ**?

Потѣшаться—веселиться. Отъ какого корня происходитъ это слово, какія знаете еще однокоренныя слова? См. также стр. 120.

Духъ занимается—духъ захватываетъ, трудно дышать, особенно отъ волненія.

Трусить и **трусить**—какая разница? См. объ этомъ стр. 71.

78. Вожатый.

А. Пушкина.

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и, наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время не надежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Что жъ за бѣда?

— А видишь тамъ что? (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ-вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало бурань.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

— Ну, баринъ, — закричалъ ямщикъ, — бѣда — бурань!..

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— Что же ты не ѣдешь? — спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать?—отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка.—Невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился.

— И охота была не слушаться, — говорилъ онъ сердито. — Воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!

Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во все стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

— Эй, ямщикъ! — закричалъ я. — Смотри: что тамъ такое чернѣется? Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, — сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: — возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно-быть, или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ.

— Гей, добрый человѣкъ, — закричалъ ему ямщикъ, — скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, — отвѣчалъ дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичокъ, — сказалъ я ему: — знаешь ли ты эту сторону? возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мнѣ знакомая, — отвѣчалъ дорожный; — слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода, какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поѣзжай.

— А почему ѣхать мнѣ вправо? — спросилъ ямщикъ съ недо-

вольствіемъ.—Гдѣ ты видишь дорогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой.

Ямщикъ показался мнѣ правъ.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я,—почему думаешь ты, что жило недалече?

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ,—отвѣчалъ дорожный,—и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил циновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

II.

Я проснулся. Лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

— Выходи, сударь; пріѣхали.

— Куда пріѣхали?—спросилъ я, протирая глаза.

— На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй да обогрѣйся.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался мужикомъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжимъ и бодрымъ. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобы готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый?—спросилъ я у Савельича.

— Здѣсь, ваше благородіе,—отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полаты и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

— Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ

тулупъ, да что грѣха таить — заложилъ вечеръ у цѣловальника: морозъ показался не великъ.

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волосы были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскія шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился.

— Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье.

Я съ охотой исполнилъ его желаніе.

Савельичъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или по-тамошнему уметъ, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойничью пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ, я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

III.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительною пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, а вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, поблагодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку.

Савельичъ нахмурился.

— Полтину на водку! — сказалъ онъ, — за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь, нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.

Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было до-

сдно, однакожь, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня, если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень не-приятнаго положенія.

— Хорошо,—сказаль я хладнокровно,—если не хочешь дать полтины, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

— Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ! — сказалъ Савельичъ. — Зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ въ первомъ кабацѣ.

— Это, старинушка, не твоя печаль,—сказаль мой бродяга,—пропью ли я или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойникъ,—отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. — Ты видишь, что дитя еще не смыслить, а ты и радъ его обобратъ, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.

— Прошу не умничать,—сказаль я своему дядкѣ:—сейчасъ носи сюда тулупъ.

— Господи Владыко! — простональ мой Савельичъ. — Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголтѣлому!

Однако, заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко для него узокъ. Однако, онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ:

— Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей.

Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячемъ тулупѣ.

Назначеніе—какія значенія имѣетъ это слово? Онъ получилъ новое назначеніе.—Назначеніе человѣка быть царемъ природы.

Ямщикъ—отъ татарск. слова ямъ—селеніе, крестьяне котораго занимались почтовой гоньбой, т.е. возили отъ одной почтовой станціи до другой.

Пороша—рыхлый снѣгъ, ровнымъ слоємъ покрывающій землю. Первая пороша не санный путь. Снѣгъ порохитъ—идеть рѣдкій снѣгъ.

Буранъ—вьюга въ степи.

Добро бы—см. стр. 15.

Сугробъ—см. стр. 118.

Улаживать, уладить—устроить, привести въ порядокъ. Дайте примѣры на это слово.

Жило—жилье, жилище. Лиса близъ жила пила въ большой морозъ. (Крыл.). *Живой не безъ жила, мертвый не безъ могилы* (послов.).

Пахнуло и пахнуло—какая разница?

Цыновка—рогожа чистой работы.

Погребецъ—дорожный ларецъ съ чайнымъ приборомъ.

Что грѣха таить—запомните это выраженіе—значить: правда, надо признаться. Составьте примѣры на слова: **утаить, затаить, притаиться**.

Цѣловальникъ—въ прежнее время такъ назыв. продавецъ или сборщикъ казеннаго имущества, принимавшій присягу (цѣловавшій крестъ). При введеніи казенной продажи вина, стали такъ называть сидѣльцевъ въ питейныхъ домахъ.

Заложить, закладывать—имѣть нѣсколько значеній. Определите ихъ по слѣд. выраженіямъ: Заложить зданіе.—У него имѣніе заложено.—Лошади уже заложены.—Я куда-то заложилъ свои очки.—Заложить руки за спину.—Мнѣ уши заложило.

Полати—помость для спанья въ крестьянской избѣ, отъ печки до стѣны.

Обобратъ, обирать—отнимать, грабить, обманнымъ образомъ выманить. Обобратъ какъ липку. О плодахъ: обирать яблоки, обирать вишню.

Простота—свойство человѣка, безъ хитрости, безъ большого ума. Простота хуже воровства.—Святая простота.—*На всякаго мудреца довольно простоты*. Что значить эта пословица?

Напаялить—натягивать вдоль и поперекъ, напр. ткань на пальцы.

Окаянный—проклятый, нечестивый.

Оголтѣлый, отъ сл. оголтѣть—шаловой, озорникъ, повѣса.

Зимній пейзажъ. Съ картины *В. Переплетчикова*.

79. Друзья.

Басня *И. Хемницера*.

Случилось мужику чрезъ ледъ переѣзжать, и возъ его сквозъ ледъ, къ несчастью, провалился. Мужикъ метаться и кричать: „Ой, батюшки! тону! ой! помогите!“

— „Ребята! что же вы стоите? Поможемте!“ одинъ другому говорилъ, кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.

„Поможемъ“, каждый подтвердилъ; но къ возу между тѣмъ никто не подходилъ; а должно знать, что все одной деревни были, друзьями межъ собою слыли, не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили, а сверхъ того между собой, для утвержденья ихъ дружбы круговой, крестами даже помѣнялись. Другъ друга братомъ всякъ зоветъ, а братнй возъ ко дну идетъ.

По счастью мужика, сторонніе сбѣжались и вытащили возъ на ледъ.

Утверждать, утвердить—укрѣпить. Часто употребляется и въ другихъ значеніяхъ: утвердить условія договора, утвердить правило, утвердить въ должности, онъ утверждаетъ то, чего не знаетъ; онъ утвердился въ своемъ намѣреніи.

Круговой—здѣсь употребл. въ смыслѣ общій, товарищескій.

Слыть—быть у людей въ хорошей или дурной славѣ, быть извѣстнымъ, считаться. *Кто какъ живетъ, такъ и слыветъ.*—Прослыть богачомъ.—Слыветъ городъ Нижнимъ, а стоитъ на горѣ.

Сторонній—чаще употребляется **посторонній**.

Пословицы: *Друзей-то много да друга нѣтъ.*—*Другъ познается въ несчастіи.*

Ср. басню „Крестьянинъ въ бѣдѣ“—стр. 60.

80. Зимній день.

Стихотвореніе С. Дрожжина.

По задворью злится
и трещить морозъ,
иней серебрится
на вѣтвяхъ березъ.

Край небесъ алѣетъ
утренней зарей,
Божій храмъ бѣлѣетъ
на горѣ крутой.

Въ улицѣ нѣмая
тишина кругомъ,
только галокъ стая
вьется надъ селомъ.

Задворье—задній дворъ, мѣсто позади двора.

Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ
(род. 1848 г.).

81. Кошка и соловей.

Басня И. Крылова.

Поймала кошка соловья, въ бѣдняжку когти запустила и, ласково его сжимая, говорила: „соловушка, душа моя! Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ и съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ. Мнѣ говоритъ лиса-кума, что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ, что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ всѣ пастухи, пастушки—безъ ума. Хотѣла-бъ очень я сама тебя послушать. Не трепещися такъ; не будь, мой другъ, упрямъ; не бойся: не хочу совѣмъ тебя я кушать. Лишь спой мнѣ что-нибудь: тебѣ я волю дамъ и отпущу гулять по рощамъ и лѣсамъ. Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю и часто, про себя мурлыча, засыпаю“.

Межъ тѣмъ мой бѣдный соловей едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.

„Ну, что же?“ продолжаетъ кошка: „пропой, дружокъ, хотя немножко“.

Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищаль.

„Такъ этимъ-то лѣса ты восхищаль?“ съ насмѣшкою она спро-

сила: „гдѣ жь эта чистота и сила, о коихъ все безъ умолку твердятъ? Мнѣ скученъ пискъ такой и отъ моихъ котятъ. Нѣтъ, вижу, что въ пѣньѣ ты вовсе не искусенъ. Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ!“ И съѣла бѣднаго пѣвца до крошки.

Сказать ли на ушко яснѣе мысль мою? Худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки.

Запустить, запускать—здѣсь въ смыслѣ вонзить когти. Кромѣ того: 1) не обращать вниманія, бросать на произволь судьбы. Онъ запустилъ хозяйство. Воспитаніе этихъ дѣтей совершенно запущено. Вижу снова нашъ старый запущенный садъ. Запустить болѣзнь. 2) бросать чѣмъ-ниб. въ кого-ниб. Онъ запустилъ въ собаку полѣномъ. 3) запустить удочку, особенно въ переносномъ значеніи.

Славить—см. стр. 61.

Безъ ума быть отъ кого или отъ чего—быть въ восторгѣ, поклоняться.

Трепетаться (рѣдко употребит. слово), то же, что трепетать—вздрагивать, дрожать.

Уступать, уступить—1) отдать свою вещь добровольно или изъ угоды. Онъ уступилъ мнѣ свое мѣсто въ театрѣ. 2) не спорить, соглашаться. Уступи ей, видишь, она маленькая. 3) уступать въ знаніи, въ умѣни, не быть въ силахъ равняться съ кѣмъ. 4) въ торговлѣ—просилъ гривенникъ, уступилъ за пятакъ.

Восхищать—приводить въ восторгъ, очаровывать.

✱

Аванасій Аванасъевичъ Феть
(1820 — 1892).

82. * * *

Стихотвореніе А. Фета.

Чудная картина,
какъ ты мнѣ родна!
Бѣлая равнина,
полная луна,
свѣтъ небесъ высокихъ,
и блестящій снѣгъ,
и саней далекихъ
одинокій бѣгъ...

✱

83. И з б а.

Стихотвореніе Н. Огарева.

Небо въ часъ дозора
 обходя, луна
свѣтитъ сквозь узора
 мерзлаго окна.
Вечеръ зимній длится...
 Дѣдушка въ избѣ
на печи ложится
 и ужъ спитъ себѣ.
Помоляся Богу,
 улеглася мать;
дѣти понемногу
 стали засыпать.

Только за работой
 молодая дочь
борется съ дремотой
 во всю долгу ночь.
И лучина блѣдно
 передъ ней горитъ;
все въ избушкѣ бѣдной
 тишиной томить.
Лишь звучитъ докучно
 болтовня одна
прялки однозвучной
 да веретена.

Дозоръ—обходъ въ ночное время, для удостовѣренія, что все въ порядкѣ. Настанетъ ночь, луна обходитъ дозоромъ дальній сводъ небесъ (Пушк. „Евг. Онѣг.“).

Сквозь узора—здѣсь сквозь употреблено въ необычномъ сочетаніи. Обыкновенно говорится не „сквозь чего“, а сквозь..?

Борется—сражаться, состязаться, стараться преодолѣть.

Томить—мучить, изнурять. Томить голодомъ, жаждой, работой.—Не томи меня неизвѣстностью. Въ какомъ значеніи здѣсь въ стихотв. употреблено это слово?

Докучный—наводящій скуку, надоѣдливый.

Болтовня—пустословіе, пустой разговоръ. А здѣсь что значитъ?

Веретено—ручное орудіе, на которое навивается пряжа; при верченіи его она обращается въ нить.

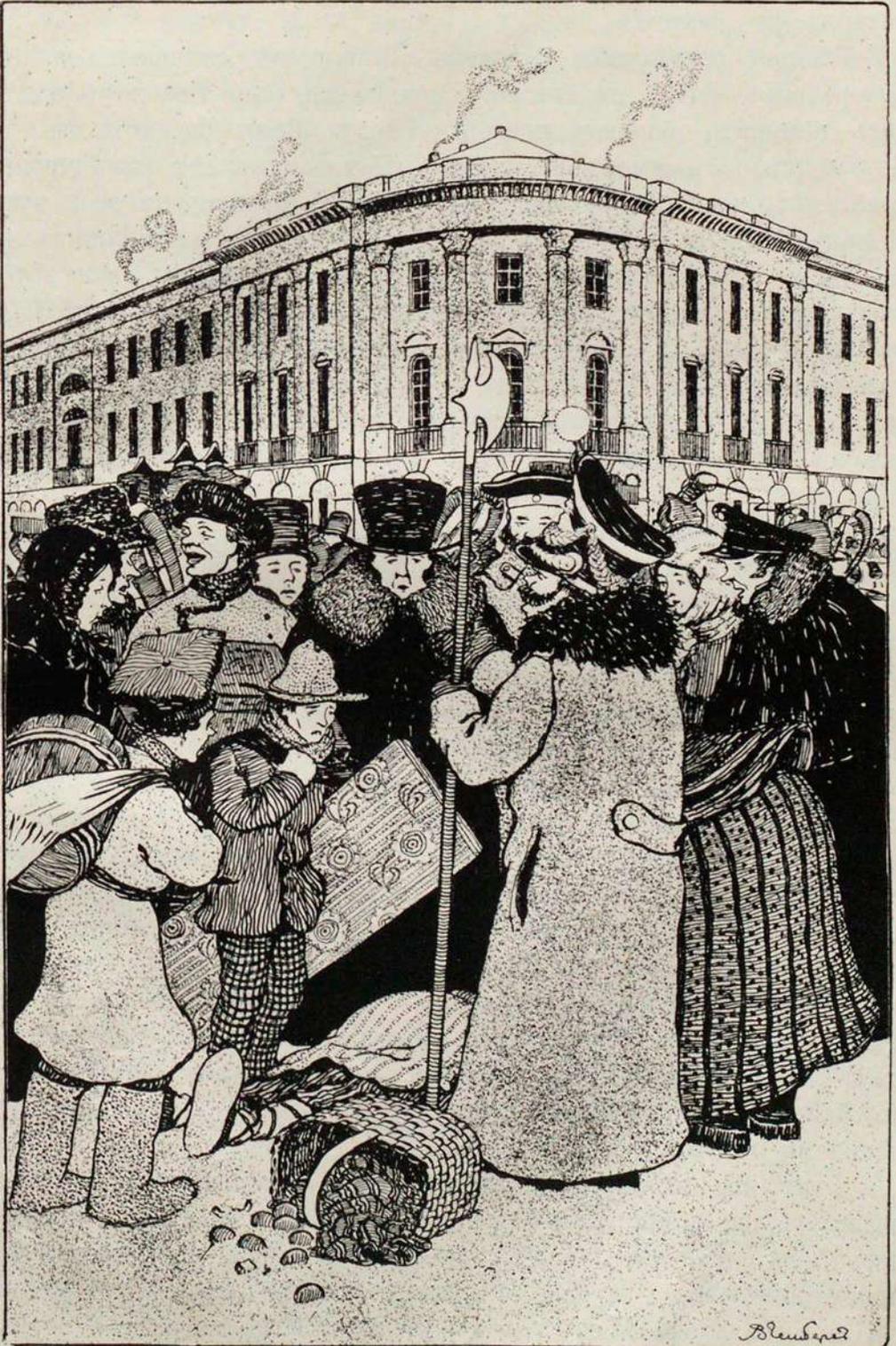
84. Ваня шарманщикъ.

Разсказъ кн. В. Одоевскаго.

Отецъ Вани въ молодости былъ музыкальнымъ учителемъ; онъ давалъ уроки на фортепiano и на скрипкѣ и тѣмъ добывалъ для себя и для семейства безнуждное содержаніе. Продолжительная болѣзнь лишила его учениковъ; когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, мѣсто его во всѣхъ домахъ было уже занято другими учителями; новыхъ учениковъ онъ не находилъ, ибо возобновлявшіеся припадки принуждали его опаздывать, а часто и совсѣмъ не приходилъ къ урокамъ. Мало-по-малу отецъ впадалъ въ нищету, мало-по-малу все его небольшое имущество распродано было для того, чтобъ достать денегъ на хлѣбъ, и, наконецъ, онъ принужденъ былъ приняться за ремесло уличнаго музыканта. Думая больше выручить денегъ по разнымъ городамъ, нежели въ Петербургѣ, онъ отправился въ путь вмѣстѣ со своею женою и Ванею. Они ѣздили по ярмаркамъ; отецъ съ сыномъ показывали маріонетки, мать вертѣла органъ. Иногда же на долю Вани доставалось вертѣть органъ; тогда мать играла на арфѣ, отецъ—на скрипкѣ. Переходъ отъ безнужднаго состоянія къ крайней нищетѣ въ конецъ разстроилъ здоровье стариковъ.

Впослѣдствіи, отъ трудовъ ли, отъ того ли, что часто принужденъ былъ отказывать себѣ во всемъ нужномъ, отъ недостатка ли въ пищѣ, въ одеждѣ,—отецъ Вани такъ занемогъ, что не былъ болѣе въ состояніи даже вертѣть органъ. Ваня съ матерью на послѣднія деньги купили лошадь съ телѣгою и на ней перевозили изъ города въ городъ больного музыканта, ибо когда они долго оставались въ одномъ городѣ, то скоро сборъ ихъ прекращался, и они принуждены были выѣзжать въ другое мѣсто; что они получали, то употребляли себѣ на пищу.

Какъ часто Ваня, оставляя отца своего безъ куска хлѣба, самъ голодный, дрожа отъ стужи, промоченный до костей, сквозь слезы заставлялъ куколъ своихъ хохотать или, показывая китайскія тѣни, рассказывалъ забавныя исторіи и тѣшилъ ими своихъ маленькихъ зрителей; а часто случалось, что зрители были недовольны имъ, находили картинки стертými, стекло не довольно свѣтлымъ. Смерть была на душѣ у Вани, а онъ принужденъ былъ выдумывать остроумные отвѣты, смѣшныя анекдоты, чтобы какъ-нибудь укротить гнѣвъ маленькихъ настоя-

Bleeker

чивыхъ судей своихъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь его отца, его матери, его самого.

Бѣдное семейство, наконецъ, рѣшилось возвратиться въ Петербургъ, гдѣ, по старой привычкѣ, они снова надѣялись получить больше пособія. Отецъ Вани не доѣхалъ до Петербурга; онъ умеръ на дорогѣ. Похоронивъ его, какъ могли, поплакавъ, погрустивъ, Ваня съ матерью продолжали свой путь и, наконецъ, дотащились до Петербурга. По счастью, нашли они на старой своей квартирѣ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ товарищей, которые съ радостью приняли ихъ въ свою артель. Ваня отъ природы былъ слабъ здоровьемъ; ему было уже лѣтъ двадцать восемь, но, смотря на него, можно было его принять за старика: такъ безпрестанная нужда и горестъ изнурили его; часто и самъ онъ не могъ выходить, часто не могъ и оставить мать свою. Товарищи на нихъ роптали, упрекая Ваню въ лѣности, и, когда онъ съ матерью садился за скудный обѣдъ, почти каждый кусокъ хлѣба дорого имъ доставался.

Однажды послѣ долговременной ея болѣзни, которая требовала безпрестаннаго присутствія Вани, сотоварищи его, объявили ему, что ежели онъ въ этотъ день не заработаетъ сколько-нибудь денегъ, то они не дадутъ ни крохи хлѣба ни ему, ни его матери, а на другой день егонять ихъ съ квартиры. Скрѣпя сердце, полубольной, Ваня съ трудомъ взвалилъ на плечи тяжелый органъ и вышелъ изъ дому на шумныя петербургскія улицы. Кто бы изъ проходящихъ подумалъ, слушая веселую пѣсню, которую онъ наигрывалъ на органѣ, что въ этомъ человѣкѣ жизнь боролась со смертью и что самыя черныя мысли проходили въ его головѣ и сердцѣ. Въ этотъ день Ваня былъ особенно несчастливъ: тщетно проходилъ онъ мимо домовъ, показывая сидѣвшимъ у окна дѣтямъ свои прыгающія куколки; тщетно входилъ во дворы и до изнеможенія силъ вертѣлъ рукоятку своего осиплаго инструмента,—никуда его не позвали, ни гроша денегъ ему не было брошено!

Уже поздно къ вечеру Ваня, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвращался домой; ужасная участь его ожидала: оставалось ему заложить свой органъ, единственное средство къ пропитанію, потомъ проѣсть вырученныя имъ за это деньги, потомъ умереть съ голоду. Когда Иванъ проходилъ черезъ перекрестокъ многолюдной улицы сквозь толпы народа, проска-

кали сани и зашибли женщину, шедшую подлѣ Вани. Женщина упала безъ памяти. Ваня, движимый чувствомъ состраданія, бросился къ ней на помощь. Столпился народъ, явились полицейскіе служители; сани были уже далеко. Одни въ толпѣ кричали, что сани задѣли женщину, другіе толковали, что органщикъ, попятившись, зашибъ ее своимъ органомъ; сама женщина была безъ языка, Ваня найденъ наклонившимся надъ нею; къ тому же онъ, какъ ближайшій свидѣтель, могъ точнѣе рассказать, какъ было дѣло, и полицейскіе служители разсудили взять вмѣстѣ съ зашибленною женщиною и органщика, Ваня зналъ свою невинность и былъ увѣренъ, что его продержатъ недолго, но это недолго могло быть дня два или три, а въ продолженіе этого времени что могло случиться съ его матерью? Въ этотъ день и такъ уже у нея не было ни куска хлѣба, а на завтра жестокосердые товарищи могли вытолкнуть на морозъ больную, едва дышащую мать его. Тщетно онъ увѣрялъ въ своей невинности, тщетно упрашивалъ—полицейскій служитель готовъ уже былъ связать ему руки назадъ, когда его остановилъ человѣкъ, хорошо одѣтый, который давно уже наблюдалъ всю эту сцену и приблизился въ ту минуту, когда для органщика не было уже спасенія. Онъ остановилъ полицейскаго служителя, сказалъ ему свое имя и квартиру, прибавилъ, что былъ свидѣтелемъ не только невинности, но даже великодушнаго поступка органщика, и, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдилъ блюстителя благочинія отдать ему Ивана на поруки. Убѣжденный ли его словами, или потому, что онъ зналъ въ лицо незнакомца, полицейскій служитель согласился на его предложеніе. Когда бѣдный Ваня избавился отъ рукъ своего страшнаго непріятеля, тогда незнакомецъ сказалъ ему:

— Ну, теперь ступай своей дорогой, да скорѣе.

Ваня, поблагодаривъ незнакомца за его участіе, сказалъ ему:

— Милостивый государь! Вы мнѣ сдѣлали благодѣяніе большее, нежели вы думаете; но оно будетъ для меня ничѣмъ, если вы мнѣ еще не поможете.

— Что тебѣ надобно?—спросилъ незнакомецъ.

— Вы, я вижу, человѣкъ добрый,—продолжалъ Ваня,—дайте мнѣ денегъ.

— Не стыдно ли тебѣ, молодому человѣку, просить милостыню? Ты можешь работать.

— Если бъ могъ, то не просилъ бы у васъ! Сегодня уже

поздно работать, а мнѣ деньги нужны сегодня!—отвѣчалъ Ваня отчаяннымъ голосомъ.

Этотъ голосъ поразилъ незнакомца.

— Гдѣ ты живешь?—спросилъ онъ.

— Въ Чекушахъ, въ домѣ мѣщанки Р**.

— Вотъ тебѣ пять рублей: постарайся завтра поутру быть дома, я приду къ тебѣ.

— Ко мнѣ?—вскричалъ въ изумленіи Ваня: такъ удивило его столь небывалое участіе въ судьбѣ его.

Они разстались.

На другой день Ваня печально сидѣлъ у постели своей больной матери. Вчерашняя его ходьба, случившееся съ нимъ происшествіе, все это такъ разстроило его, что онъ едва держался на полуразвалившейся скамьѣ. Пять рублей были отданы въ общую артель: они едва уплачивали то, что слѣдовало за прожитое матерью и сыномъ. Не надѣялся онъ на посѣщеніе незнакомца; не разъ уже съ нимъ бывали подобные случаи: часто люди, тронутые его выразительною фізіономіею, также спрашивали о его житьѣ-бытьѣ, его квартирѣ и... забывали, ибо много людей на свѣтѣ, которые и способны пожалѣть о судьбѣ несчастнаго, но много ли такихъ, которые будутъ помнить о ней и возьмутъ на себя трудъ докончить доброе дѣло?

Безнуждный—1) безбѣдный; 2) ненужный.

Маріонетка—кукла для представленій на дѣтскомъ театрѣ.

Органъ—музыкальный инструментъ: 1) съ большимъ количествомъ трубъ, замѣняющій оркестръ. Церковный органъ. 2) маленькихъ размѣровъ то же, что шарманка. Не смѣшивать со сл.: **органъ**—часть тѣла.

Анекдотъ—небольшой рассказъ о какомъ-ниб. любопытномъ случаѣ.

Укротить, укрощать—смирить, успокоить, обуздывать. Какія вы знаете выраженія съ этимъ словъ?

Артель—товарищество для работы сообща или для веденія общаго хозяйства. Я съ артелью взялся укупца передѣлать всѣ печи въ дому (Некрас.). —Мы живемъ артелью.

Скрѣпить, скрѣплять—1) накрѣпко соединить, напр. мостъ скрѣпленъ болтами; 2) скрѣпить тетрадь по листамъ, скрѣпить бумаги своею подписью; 3) скрѣпя сердце, дѣлаешь, что велятъ.

Заложить, закладывать—см. стр. 102 и 129.

Блюститель—исполнитель, хранитель какихъ-либо правилъ, закона, здѣсь стражъ.

Благочиніе—порядокъ, спокойствіе.

Фізіономія—лицо (греч. сл.).

Выразительный—понятный по выраженію, вѣрно изображающій. Выразительное чтеніе, выразит. лицо.

85. ДѢТСТВО.

Стихотвореніе *И. Сурикова*

Вотъ моя деревня,
вотъ мой домъ родной;
вотъ качусь я въ санкахъ
по горѣ крутой;
вотъ свернулись санки,
и я на бокъ—хлопъ!
кубаремъ качуся
подъ гору, въ сугробъ.

И друзья-мальчишки,
стоя надо мной,
весело хохочутъ
надъ моей бѣдой.

Все лицо и руки
залѣпилъ мнѣ снѣгъ...
Мнѣ въ сугробѣ—горе,
а ребятамъ смѣхъ!

Но межъ тѣмъ ужъ сѣло
солнышко давно;
поднялася вьюга,
на небѣ темно.

Весь ты переязбнешь,
руки не согнешь,
и домой тихонько,
нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
скинешь съ плечъ долой;
заберешься на печь
къ бабушкѣ сѣдой,

И сидишь ни слова...
Тихо все кругомъ,
только слышишь—воетъ
вьюга за окномъ.

Въ уголкѣ, согнувшись,
лапти дѣдъ плететь;

Иванъ Захаровичъ Суриковъ
(1841—1880).

матушка за прялкой,
молча, лень прядеть.
Избу освѣщаетъ
огонекъ свѣтца,
зимній вечеръ длится,—
длится безъ конца...

И начну у бабки
сказки я просить;
и начнетъ мнѣ бабка
сказку говорить:
какъ Иванъ-царевичъ
птицу-жарь поймалъ,
какъ ему невѣсту
старый волкъ досталъ.

Слушаю я сказку,—
сердце такъ и мретъ;
а въ трубѣ сердито
вѣтеръ злой поетъ.

Я прижмусь къ старушкѣ,
тихо рѣчь журчитъ,—
и глаза мнѣ крѣпко
сладкій сонъ смежить.

И во снѣ мнѣ снятся
чудные края.

И Иванъ-царевичъ—
это будто я.

Вотъ передо мною
чудный садъ цвѣтетъ,
въ томъ саду большое
дерево растеть.

Золотая клѣтка
на сучкѣ висить;
въ этой клѣткѣ птица,
точно жаръ, горить;
прыгаетъ въ той клѣткѣ,
весело поеть,
яркимъ, чуднымъ свѣтомъ
садъ весь обдаеть.

Вотъ я къ ней подкрался
и за клѣтку—хватъ!—

и хотѣлъ изъ сада
съ птицею бѣжать.

Но не тутъ-то было!
Поднялся шумъ, звонъ;
набѣжала стража
въ садъ со всѣхъ сторонъ.

Руки мнѣ скрутили
и ведутъ меня...

И, дрожа отъ страха,
просыпаюсь я.

Ужъ въ избу, въ окошко,
солнышко глядитъ;
предъ иконой бабка
молится, стоитъ.

Весело текли вы,
дѣтскіе года!

васъ не омрачали
горе и бѣда.

Свѣтець—родъ подсвѣчника для лучины.

Сердце мреть—т.е. замираетъ, см. стр. 115.

Журчать—издавать однообразный шорохъ; говорится чаще всего о чемъ?

Смежать—см. стр. 115.

Жаръ-птица—см. стр. 74.

Обдавать, обдать—обливать внезапно. Меня обдало жаромъ, холодомъ.

Не тутъ-то было—нѣтъ, въ смыслѣ неудачи.

Омрачать—дѣлать мрачнымъ, затемнять. Небо омрачилось.—Ночь омрачила землю.—Вѣсть эта омрачила его.—Чело его омрачилось думой (Пушк.).

86. Заинька.

Ө. Берга.

Заинька у елочки попрыгиваетъ,
лапочкой объ лапку поколачиваетъ:

„Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!

Елочки отъ холоду подъ инеемъ трещать,

елочки отъ холоду потрескивають,

лапочки отъ холоду совсѣмъ свело.

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть;

вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лаптяхъ ходить,

жить бы мнѣ да грѣться бы въ избушечкѣ
со своей хозяйюшкой сѣренькой;
пирогы бы ѣсть, да все съ капусткою,
пирогы бы съ сладкою морковкою;
на полатяхъ зимушку пролеживать,
по морозцу въ саночкахъ покатывать“.

Сводить, свести—буквально значить вести сверху внизъ. Это слово употребляется въ самыхъ различныхъ значеніяхъ. Определите ихъ по слѣд. выраженіямъ: Насъ свели въ этотъ домъ, и мы познакомились.—Сводить концы съ концами, сводить счеты.—Сведи его въ школу.—Столъ сдѣланъ изъ сырого лѣсу, его и свело всего.—У него отъ холоду, отъ боли свело руку, ногу.

Загадка: *Маленькій, бѣленькій по лѣсочку прыгъ-прыгъ! по снѣжочку тыкъ-тыкъ!*

Пословицы: *Воръ, что заяцъ: и тѣни своей боится.—Трусливъ какъ заяцъ.*

87. Ванька.

Разсказъ А. Чехова.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собой измятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ предъ скамьей на колѣняхъ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.
(1860—1904).

„Милый дѣдушка, Константинъ

Макарычъ!—писалъ онъ.—И пишу тебѣ письмо. Поздравляю васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ всего отъ Господа Бога. Нѣтъ у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня одинъ остался“.

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазами. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ или балагуритъ съ кухарками, ночью же, окутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку. За нимъ, опустивъ голову, шагаютъ старая Каштанка и кобелекъ Вьюнъ, прозванный такъ за свой черный цвѣтъ и тѣло, длинное какъ у ласки.

Теперь, навѣрно, дѣдъ стоитъ у воротъ, щуритъ глаза на ярко-красныя окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвязана къ поясу. Онъ всплескиваетъ руками, пожимается отъ холода и старчески хихикаетъ.

—Табачку нешто намъ понюхать?—говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку.

Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неописанный восторгъ, заливается веселымъ смѣхомъ и кричитъ:

— Отдирай, примерзло!

Даютъ понюхать табаку и собакамъ. Каштанка чихаетъ, крутитъ мордой и, обиженная отходить въ сторону. Вьюнъ же изъ почтительности не чихаетъ и вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозраченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренные инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами, и млечный путь вырисовывается такъ ясно, какъ будто его передъ праздникомъ помыли и потеряли снѣгомъ...

Ванька вздохнулъ, умокнулъ перо и продолжалъ писать:

„А вчера съ мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велѣтъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ

бьетъ, чѣмъ попадая. А ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или шей, то хозяева сами трескаютъ. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, а когда ребяенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣтъ никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру“...

Ванька pokrивилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

„Я буду тебѣ табакъ тереть,—продолжалъ онъ:—Богу молиться, а если что, то сѣки меня, какъ Сидорову козу. А ежели думаешь должности мнѣ нѣту, то я Христа-ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Ѳедьки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту

никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ-было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣтъ, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею.

„А Москва городъ большой. Дома все господскіе и лошадей много, а овецъ нѣту и собаки не злыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ и на клиросъ пѣть никого не пускаютъ, а разъ я ви-

далъ въ одной лавкѣ, на окнѣ, крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоящія, даже такой есть одинъ крючокъ, что пудоваго сома удержитъ. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто каждое... А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева, и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сицѣльцы не сказываютъ.

„Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи для Ваньки“.

Ванька судорожно вздохнулъ и опять усталъ на окно. Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое былое время! И дѣдъ крикалъ, и морозъ крикалъ, а глядя на нихъ, и Ванька крикалъ. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодые елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ которой изъ нихъ помирать? Откуда ни возмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ... Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть.

— Держи, держи... держи! Ахъ, куцый дьяволъ!

Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее... Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцовать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спроводили въ людскую кухню къ дѣду, а изъ кухни въ Москву къ сапожнику Аляхину...

„Пріѣзжай, милый дѣдушка, — продолжалъ Ванька: — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалѣй ты меня сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А наемни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропашая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алень, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой вѣвукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка пріѣзжай“.

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку... Подумавъ немного, онъ умокнулъ перо и написалъ адресъ:

На деревню дѣдушкѣ.

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: „Константину Макарычу“. Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу...

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоценное письмо въ щель...

Убаюканный сладкими надеждами, онъ, часъ спустя, крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босыя ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ...

Пузырекъ (подразумѣвается стеклянный)—бутылочка. Какія знаете значенія слова „пузырь“?

Колодка—деревяшка, выструганная по ступнѣ челоуѣка, для шитья по ней обуви. Дѣлать все на одну колодку—что это значитъ? **Колодки**—деревянные кандалы, отсюда **колодникъ**—узникъ, заключенный. Отъ этого же сл. происходитъ **колодезь**.

Юркій—бойкій, проворный, быстрый, живой.

Балагурить—шутить, дурачиться.

Колотушка или **колотокъ**—ударъ, толчокъ, а также чѣмъ колотятъ.

Шпандырь—ремень, которымъ придерживаетъ сапожникъ свою работу.

Трескать—жрать, жадно поѣдать, уписывать.

Подпасокъ—помощникъ пастуха.

Ходить со звѣздою—т.е. съ бумажнымъ изображеніемъ звѣзды въ день Рожд. Христова.

Леса, леска—нить на удочкѣ, обыкновенно изъ конскаго волоса.

Уставить, установить—имѣть разныя значенія: Всѣ окна уставлены цвѣтами. Всей посуды не поставить въ этомъ шкафѣ. Уставить глаза—устремить неподвижно на что-нибудь взоръ. Уставили глаза и приложили уши (Крыл.). **Уставиться** или **установиться**—смотря по смыслу, напр. зима еще не установилась; осель, уставясь въ землю лбомъ (Крыл.). Такой порядокъ установился давно.

Крыкать—трещать. Ледъ крякнулъ; кряхтѣть—всякъ выпеть, да не всякъ крякнетъ.—Утка крякаетъ.

Намедни (народн. **намедни, надьсь**)—недавно, незадолго, считая днями; **давѣ** или **давеча** относится къ тому же дню.

Очухаться—опомниться, прийти въ себя.

Съ картины *В. Сурова*.

88. Зимняя дорога.

Стихотвореніе *А. Пушкина*.

Сквозь волнистые туманы
пробирается луна,
на печальныя поляны
льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
тройка борзая бѣжитъ,
колокольчикъ однозвучный
утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
то разгулье удалое,
то сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
только версты полосаты
попадаются однѣ.

89. Зимой.

Стихотвореніе Н. Морозова.

Полно убиваться!
Полно тосковать!
Пусть снѣга кружатся
подъ окномъ опять.
Пусть метель ссыпаетъ
горы у воротъ —
лѣтомъ все растаетъ,
и снѣга и ледъ!

Полно—довольно, будетъ. А что значитъ полно?

Убиваться—грустить, горевать. Другія значенія этого сл: Дорожки убиваютъ щебнемъ.—Не лажь, убьешься!—При отлетѣ отсталые и хилые журавли убиваются прочими.

Сыпать—1) высыпать часть, 2) сыпать сверху, съ чего-ниб., 3) насыпать. Составьте примѣры.

90. Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Разсказъ Ф. Достоевскаго.

Еще очень маленькій мальчикъ, лѣтъ шести или даже менѣе, проснулся утромъ въ сыромъ и мокромъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Жильцы угловъ разбрелись, дѣло праздничное, а оставшійся одинъ халатникъ уже цѣлые сутки лежалъ мертво пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стояла отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему,

наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъ дохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣднихъ дверей. Но собаки уже не было, и вдругъ онъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откудава онъ пріѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ: одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькія домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется, никого, всѣ затворяются по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было зато такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь, Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются. „Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь“, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ.

Вотъ и опять улица,—охъ, какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавятъ навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ—комнаты, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки, а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія; смѣются и играютъ, и ѣдятъ, и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцевать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, и на ручкахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше, и вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги всякіе—миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре бога-

тыя барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копеечка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй, поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжить, бѣжить и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что жъ это опять такое? Стоять люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платья и совѣмъ-совѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совѣмъ говорятъ, — только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совѣмъ, что это куклолки — вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куклолокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно, смѣшно на куклолокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузь, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на земь, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, векочилъ и бѣжать, бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно“.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху, и вдругъ, совѣмъ вдругъ стало ему хорошо, ручки и ножки вдругъ перестали болѣть, и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, а вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть. „Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куклолокъ“, подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совѣмъ какъ живыя!“... И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю, ахъ, какъ тутъ спать хорошо!“

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ,—прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она; кто же это его позвалъ, онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ; а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ,—о, какой свѣтъ! О, какая елка! да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блестятъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки,—но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотритъ его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама! — кричитъ ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему рассказать имъ поскорѣй про тѣхъ куколокъ за стекломъ.—Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки?—спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это „Христова елка“,—отвѣчаютъ они ему.—У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки...

И узналъ онъ, что мальчики и дѣвочки всѣ были все такія же, какъ онъ, дѣти, но одни замерзли еще въ своихъ корзинахъ, въ которыхъ ихъ подкинули на лѣстницы къ дверямъ петербургскихъ чиновниковъ; другіе задохлись у чухонокъ отъ воспитательнаго дома на прокормленіи, третьи умерли у изсохшей груди своихъ матерей (во время самарскаго голода), четвертые задохлись въ вагонахъ третьяго класса, отъ смраду, и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь, какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же, въ сторонкѣ, и плачутъ: каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ, цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручками и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...

А внизу на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его.

Нары—досчатый широкій помостъ для спанья. Гдѣ они встрѣчаются?

Брюзжать—ворчать, быть всѣмъ недовольнымъ.

Картузъ—фуражка съ козырькомъ, а также бумажный мѣшочекъ. Картузъ та ба ку.

Тактъ—мѣрное движеніе въ музыкѣ, ладъ. Играть въ тактъ, сбиться съ такту—что это значить? **Тактъ** въ дѣлахъ, въ поступкахъ—умѣнье сказать или сдѣлать что кетати. Что значить: человекъ тактичный и безтактичный?

Обомлѣть—лишиться чувства, сознанія (но въ легкой степени).

Подворотня—доска, которой заставляютъ свободное пространство подъ воротами.

Смрадь—зловоніе, отвратительный запахъ, чадъ.

91. Дорога.

Стихотвореніе *Н. Огарева*.

Тускло мѣсяць дальній
свѣтитъ сквозь тумана,
и лежитъ печально
снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу,
вдоль пути, рядами,
тянутся березы
съ голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
колокольчикъ звонокъ,
напѣваетъ тихо
мой ямщикъ спросонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
ѣду да тоскую:
скучно мнѣ да жалко
сторону родную!

Тусклый—мутный, неясный, туманный. Что значить тусклые глаза? Свѣча тускло горитъ.

Сквозь тумана—см. сквозь узора (стр. 144).

Спросонокъ, чаще употребл. съ **просонья**—въ состояніи полусна

Валкій—шаткій, производящій качку или подверженный качкѣ. Ни шатко, ни валко, ни на сторону.—Валкая лодка.—Въ коляскѣ тряско, въ саняхъ валко!

92. Зимовье на Студеной.

Разсказъ *Д. Н. Мамина-Сибиряка.*

Старикъ лежалъ на своей лавочкѣ, у печи, закрывшись старой дохой изъ вылѣзшихъ оленьихъ шкуръ. Было рано или поздно—онъ не зналъ, да и знать не могъ, потому что свѣтало поздно, а небо еще съ вечера было затянуто низкими тучами. Вставать ему не хотѣлось: въ избушкѣ было холодно, а у него уже нѣсколько дней болѣли и спина, и ноги. Спать онъ тоже не хотѣлъ, а лежалъ такъ, чтобы провести время. Да и куда ему было торопиться? Его разбудило осторожное царапанье въ дверь,—это просился Музгарко, небольшая пестрая вогульская собака, жившая въ этой избушкѣ уже лѣтъ десять.

— Я вотъ тебѣ задамъ, Музгарко!..—заворчалъ старикъ, кутаясь въ свою доху съ головой.—Ты у меня поцарапайся...

Собака на время перестала скоблить дверь своей лапкой, а потомъ вдругъ взвыла протяжно и жалобно.

— Ахъ, чтобъ тебя волки съѣли!..—обругался старикъ, поднимаясь съ лавки.

Онъ въ темнотѣ подошелъ къ двери, отворилъ ее и все понялъ—отчего у него болѣла спина, и отчего завывала собака. Все, что можно было разсмотрѣть въ пріотворенную дверь, было покрыто снѣгомъ. Да, онъ ясно теперь видѣлъ, какъ въ воздухѣ кружилась живая сѣтка изъ мягкихъ, пушистыхъ снѣжинокъ. Въ избѣ было темно, а къ снѣгу все видно—и зубчатую стѣнку стояващаго за рѣкой лѣса, и надувшуюся, почернѣвшую рѣку, и каменный мысъ, выдавшійся въ рѣку круглымъ уступомъ. Умная собака сидѣла передъ раскрытой дверью и такими умными, говорящими глазами смотрѣла на хозяина.

— Ну, что же, значитъ конецъ!..—отвѣтилъ ей старикъ, на нѣмой вопросъ собачьихъ глазъ.—Ничего, братъ не подѣлаешь... Шабашъ!..

Собака вильнула хвостомъ и тихо взвизгнула тѣмъ ласковымъ визгомъ, которымъ встрѣчала одного хозяина.

— Ну, шабашъ, ну, что подѣлаешь, Музгарко! Прокатилось наше красное лѣтичко, а теперь заляжемъ въ берлогѣ...

На эти слова послѣдовалъ легкій прыжокъ, Музгарко очутился въ избушкѣ раньше хозяина.

Лѣсъ зимой.

Съ картины И. Шишкина.

— Не любишь зиму, а?—разговаривалъ старикъ съ собакой, растопляя старую печь, сложенную изъ дикаго камня.—Не нравится, а?..

Пока старикъ растоплялъ печь, уже разсвѣло. Сѣрое зимнее утро занялось съ такимъ трудомъ, точно невидимому солнцу было больно свѣтить. Въ избушкѣ едва можно было раземотрѣть дальнюю стѣну, у которой тянулись широкія нары, устроенныя изъ тяжелыхъ деревянныхъ плахъ. Единственное окно, на половину залѣпленное рыбьимъ пузыремъ, едва пропускало свѣтъ.

Музгарко сидѣлъ у порога и терпѣливо наблюдалъ за хозяиномъ, изрѣдка виляя хвостомъ. Но и собачьему терпѣнню бываетъ конецъ, и Музгарко опять тихо взвизгнулъ.

— Сейчасъ, не торопись,—отвѣтилъ ему старикъ, придвигая къ огню чугунный котелокъ съ водой.—Успѣешь...

Музгарко легъ и, положивъ остромордую голову въ переднія лапы, не спускалъ глазъ съ хозяина. Когда старикъ накиннулъ на плечи дырявый понитокъ, собака радостно залаяла и бросилась въ дверь.

— То-то вотъ у меня поясница третій день болитъ,—объяснилъ старикъ собакѣ на ходу.—Оно и вышло, что къ ненастью. Вона какъ снѣжокъ подваливаетъ...

За одну ночь все кругомъ совсѣмъ измѣнилось,—лѣсъ казался ближе, рѣка точно сузилась, а низкія зимнія облака ползли надъ самой землей и только не цѣплялись за верхушки елей и пихтъ. Вообще, видъ былъ самый печальный, а пушинки снѣга продолжали кружиться въ воздухѣ и беззвучно падали на помертвѣвшую землю.

— Скоро обозъ придетъ,—объяснилъ старикъ собакѣ.—Привезутъ намъ съ тобой и хлѣба, и соли, и пороху... Вотъ только избушка наша совсѣмъ развалилась, Музгарко.

Осенній день коротокъ. Старикъ все время проходилъ около своей избушки, поправляя и то, и другое, чтобы лучше ухорониться на зиму. Въ одномъ мѣстѣ мохъ вылѣзъ изъ пазовъ, въ другомъ бревно подгнило, въ третьемъ уголъ совсѣмъ оеѣлъ и, того гляди, отвалится. Давно бы ужъ новую избушку пора ставить, да одному, все равно, ничего не подѣлать.

— Какъ-нибудь, можетъ, перебыюсъ зиму,—думалъ старикъ вслухъ, постукивая топоромъ въ стѣну.—А вотъ обозъ придетъ, такъ тогда...

Выпавшій снѣгъ всѣ мысли старика сводилъ на обозъ, который приходилъ по первопутку, когда вставали рѣки.

Людей онъ только и видѣлъ одинъ разъ въ году. Было о чемъ подумать... Музгарко отлично понималъ каждое слово хозяина и при одномъ словѣ „обозъ“ смотрѣлъ вверхъ рѣки и радостно взвизгивалъ, точно хотѣлъ отвѣтить, что вонъ, молъ, откуда, придетъ обозъ-то, изъ-за мыса.

Кончивъ работу, старикъ сѣлъ на обрубокъ дерева подь окномъ избушки и задумался. Собака сѣла у его ногъ и положила свою умную голову къ нему на колѣни. О чемъ думалъ старикъ? Первый снѣгъ всегда и радовалъ его, и наводилъ тоску, напоминая старое, что осталось вонъ за тѣми горами, изъ которыхъ выбѣгала р. Студеная. Тамъ у него былъ и свой домъ, и семья, и родные были, а теперь никого не осталось. Всѣхъ онъ пережилъ, и вотъ гдѣ привелъ Богъ покончить вѣкъ: умереть—некому глаза закрыть. Охъ, тяжело старое одиночество, а тутъ лѣсъ кругомъ, вѣчная тишина и не съ кѣмъ слова сказать. Одна отрада оставалась: собака. И любилъ же ее старикъ, гораздо больше, чѣмъ любятъ люди другъ друга. Вѣдь она была для него все и тоже любила его. Не одинъ разъ случалось такъ, что на охотѣ Музгарко жертвовалъ своей собачьей жизнью за хозяина, и уже два раза медвѣдь помялъ его за отчаянную храбрость.

— А, вѣдь, старъ ты стаешь, Музгарко,—говорилъ старикъ, глядя собаку по спинѣ.—Вонъ и спина прямая стала, какъ у волка, и зубы притупились, и въ глазахъ муть... Эхъ, старикъ, старикъ, съѣдятъ тебя зимой волки!.. Пора, видно, намъ съ тобой и помирать...

Собака была согласна помирать. Она только тѣсенѣе прижималась всѣмъ тѣломъ къ хозяину и жалобно моргала. А онъ сидѣлъ и все смотрѣлъ на почернѣвшую рѣку, на глухой лѣсъ, зеленой стѣной уходившій на сотни верстъ туда, къ студеному морю, на чуть брезжившія горы въ верховьяхъ Студеной,—смотрѣлъ и не шевелился, охваченный своей тяжелой стариковской думой.

Стала и Студеная. Горная холодная вода долго не замерзаетъ, а потомъ ледъ вездѣ проѣдается полыньями. Это ключи изъ земли бьютъ. Запасалъ теперь старикъ и свѣжую рыбу, которую можно было сейчасъ морозить, какъ рябчиковъ. Лиха бѣда въ томъ, что времени было мало. Того и гляди, что подвалить обозъ.

— Скоро, Музгарко, харчъ намъ придетъ...

Собственно, хлѣбъ у старика вышелъ еще до заморозковъ, и онъ подмѣшалъ къ остаткамъ ржаной муки толченую сухую рыбу. Бѣтъ одно мясо или одну рыбу было нельзя. Дня черезъ три такъ

отобьетъ, что потомъ въ ротъ не возьмешь. Конечно, самоѣды и вогулы питаются одной рыбой, такъ они къ этому привычны, а русскій человѣкъ хлѣбный, и не можетъ по ихнему.

Обозъ пришелъ совершенно неожиданно. Старикъ спалъ ночью, когда заскрипѣли вozy, и послышался крикъ:

— Эй, дѣдушка, живъ ли ты?.. Принимай гостей... Давно не видались.

Старика больше всего поразило то, что Музгарко прокаркали дорогихъ жданныхъ гостей. Обыкновенно онъ чуялъ ихъ, когда обозъ еще былъ версты за двѣ, а нынче не слышалъ. Онъ даже не выскочилъ на улицу, чтобы полаять на лошадей, а стыдливо спрятался подъ хозяйскую лавку и не подаль голоса.

— Музгарко, да ты въ умѣ ли?—удивлялся старикъ. — Проспалъ обозъ... ахъ, нехорошо!

Собака выползла изъ-подъ лавки, лизнула его въ руку и опять скрылась; она сама чувствовала себя виноватой.

— Эхъ, старъ сталъ: нюхъ потерялъ,—замѣтилъ съ грустью старикъ.—И слышитъ плохо на лѣвое ухо.

Обозъ состоялъ изъ вozовъ пятидесяти... На Печору чердынскіе купцы отправляли по первопутку хлѣбъ, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свѣжую рыбу. Дѣло было самое спѣшное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше другихъ,—шла дорогая печорская семга.

Обозъ долженъ былъ сломать трудную путину въ двѣ недѣли, и ямщики спали только во время кормежекъ, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назадъ, тогда ужъ и спать почти не приходилось. А дорога черезъ Волокъ была трудная, особенно горами. Дорога скверная, каменистая, сани некованные, а по рѣчкамъ вездѣ наледи да промоины. Много тутъ погублено хорошихъ лошадей, а людямъ приходилось работать, какъ нигдѣ: вывозить воза въ гору на себѣ, добывать ихъ изъ воды, вытаскивать изъ раскатовъ. Только одни колвинскіе ямщики и брались за такую проклятую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда.

Въ зимовѣ на Студеной обозъ дѣлалъ передышку: вмѣсто двухчасовой кормежки, лошади здѣсь отдыхали цѣлыхъ четыре. Казарму старикъ подтопилъ заранѣе, ямщики, пустивъ лошадей къ корму, завалились спать на деревянныхъ нарахъ ямщицымъ мертвымъ сномъ. Не спалъ только молодой приказчикъ, еще въ

первый разъ ѣхавшій на Печору. Онъ сидѣлъ у старика въ избушкѣ и разговаривалъ.

— И не страшно тебѣ въ лѣсу, дѣдушка?

— А чего бояться, Христось съ нами! Привычное наше дѣло. Въ лѣсу выросли...

— Да какъ же не бояться: одинъ въ лѣсу...

— А у меня песикъ есть. Вотъ вдвоемъ и коротаемъ время. По зимамъ вотъ волки одолѣваютъ, такъ онъ мнѣ впередъ сказываетъ, когда придутъ они въ гости. Чуетъ... И дошлая: сама подманиваетъ волковъ. Они бросятся за ней, а я ихъ изъ ружья... Умнѣйшая собака: только вотъ не скажетъ, какъ человѣкъ. Я съ ней всегда разговариваю, а то, пожалуй, и говорить разучишься...

— Зачѣмъ же песикъ подъ лавкой-то лежитъ?

— А устыдился, потому обозъ прокараулилъ, старъ сталъ... Два раза меня отъ медвѣдя ухранилъ: медвѣдь-то на меня, а онъ его и остановилъ. Прежде я съ рогатиной ходилъ на медвѣдя, когда еще въ силѣ былъ, и какъ одинъ меня починилъ, ну, я ужъ изъ ружья поровлю его свалить. Тоже его надо умѣючи взять: смышлястый звѣрь.

— Ну, а зимой-то, поди, скучно въ избушкѣ сидѣть?

— Привычное дѣло... Вотъ только праздникъ когда, такъ скучновато. Добрые люди въ храмѣ Божьемъ, а у меня волки обѣдно завываютъ. Ну, я тогда свѣчку затеплю передъ образомъ, и самъ службу пою... Со слезами тоже молюсь.

Славный этотъ приказчикъ, молодой такой, и все ему надо знать. Старикъ обрадовался живому человѣку и все рассказывалъ про свою одинокую жизнь въ лѣсу.

— У меня по веснѣ праздникъ бываетъ, милый человѣкъ, когда съ теплаго моря птица прилетитъ. И сколько ея летитъ, туча... По Студеной-то точно ея насыпано... Всякаго сословія птица: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на зарѣ, такъ стонъ идетъ по Студеной. И нѣтъ лучше твари, какъ перелетная птица: самая Божья тварь... Большія тыщи верстъ летитъ, тоже устанетъ, затощаетъ и мѣсту рада. Прилетѣла, вздохнула денекъ и сейчасъ гнѣзда налаживать... А я хожу и смотрю: мнѣ Богъ гостей прислалъ. Одного только у меня не хватаетъ, родной человѣкъ,—который годъ прошу ямщиковъ, чтобы пѣтушка мнѣ привезли... Зимой-то ночи долгія, конца нѣтъ, а пѣтушокъ-то и сказалъ бы, который часъ на дворѣ.

— Въ слѣдующій разъ я тебѣ привезу самаго горластаго, дѣдушка; какъ дьяконъ будетъ орать.

— Ахъ, родной, то-то уважилъ бы старика... Встроимъ бы мы вотъ какъ зажили! Скучно, когда по зимамъ мертвая тишь встанетъ, а тутъ бы пѣтушокъ, глядишь, и вывеселилъ... Тоже не простая тваринка пѣтушокъ-то: другой такой нѣтъ, чтобы часы сказывала. На потребу человѣку пѣтушокъ сотворенъ.

Приказчика звали Флегонтомъ. Онъ оставилъ старому Елескѣ и муки, и соли, и новую рубаху, и пороху, а на обратномъ пути съ Печоры привезъ подарокъ.

— Я тебѣ часы привезъ, дѣдушка,—весело говорилъ онъ, подавая мѣшокъ съ пѣтухомъ.

— Ахъ, кормилецъ, ахъ, родной... Да какъ я тебя благодарить буду? Ну, пошли тебѣ Богъ всего, чего самъ желаешь. Поди и невѣста гдѣ-нибудь подгляжена, такъ любовь да совѣтъ...

— Есть такой грѣхъ, дѣдушка,—весело отвѣтилъ Флегонтъ, встряхивая русыми кудрями.—Ну, оставайся съ Богомъ.

Ушелъ обозъ въ обратный путь, и остался старикъ съ пѣтушкомъ. Радости-то сколько... Пестренкій пѣтушокъ, гребешокъ красненькій—ходить по избушкѣ, каждое перышко играетъ. А ночью какъ гаркнетъ... То-то радость и утѣшеніе. Каждое утро сталъ Елеска теперь разговаривать съ своимъ пѣтушкомъ, а Музгарко ихъ слушаетъ.

— Что, завидно тебѣ, старику?—дразнить Елеска собаку.—Только твоего и ремесла, что лаять... А вотъ ты по пѣтушинуму спой!

Замѣтилъ старикъ, какъ будто заскучалъ Музгарко. Понурый такой ходитъ... Неможется что-то еобака. Должно полагать, ямщики сглазили.

— Музгарушко, да что это съ тобой попритчилось? Гдѣ болитъ?..

Лежитъ Музгарко подъ лавкой, положилъ голову между лапами и только глазами моргаетъ.

Всполошился старикъ: накатилаясь бѣда неожиданная. А Музгарко все лежитъ, не ѣсть, не пьетъ и не подаетъ голосу.

— Музгарушко, милый?..

Вильнулъ хвостомъ Музгарко, подползъ къ хозяину, лизнулъ руку и тихо взвылъ. Охъ, плохо дѣло...

Ходитъ вѣтеръ по Студеной, наметаетъ саженные сугробы снѣга, завываетъ въ лѣсу, точно голодный волкъ, и избушка Елески

совсѣмъ потонула въ снѣгу. Торчитъ безъ малаго одна труба, да вьется изъ нея синяя струйка дыма...

Вотъ пурга уже двѣ недѣли, не выходитъ изъ своей избушки старикъ и все сидитъ надъ больной собакой. А Музгарко лежить и едва дышитъ: пришла Музгаркина смерть.

— Кормилецъ ты мой...—плачетъ старикъ и цѣлуетъ вѣрнаго друга.—Родной ты мой... ну, гдѣ болитъ?

Ничего не отвѣчаетъ Музгарко, какъ раньше. Онъ давно почувялъ свою смерть и молчитъ... Плачетъ, убивается старикъ, и помочь нечѣмъ: отъ смерти лѣкарства нѣтъ. Ахъ, горе какое лютое привалилось... Съ Музгаркой умерла послѣдняя надежда старика, и ничего, ничего не осталось для него, кромѣ смерти. Кто теперь будетъ искать бѣлку, кто облаетъ глухаря, кто выслѣдитъ оленя! смерть безъ Музгарки, ужасная голодная смерть.

Воетъ пурга, а старикъ воспоминаетъ, какъ жилъ онъ съ Музгаркой, какъ ходилъ на охоту и промыслялъ себѣ добычу. Куда онъ безъ собаки?

А тутъ еще волки... Учюяли бѣду, пришли къ избушкѣ и завыли. Цѣлую ночь такъ-то выли, надрывая душу. Некому теперь пугнуть ихъ, облаять, подманить на выстрѣлъ... Вспоминается старику случай, какъ одолѣвалъ его медвѣдь-шатунъ. Шатунами называютъ медвѣдей, которые во время не залегли съ осени въ берлогу и бродятъ по лѣсу. Такой шатунъ самый опасный звѣрь. Вотъ и повадился медвѣдь къ избушкѣ: учюялъ запасы у старика. Какъ ночь, такъ и придетъ. Два раза на крышу залѣзалъ и лапами разгребалъ снѣгъ. Потомъ выворотилъ дверь въ казармѣ и утащилъ цѣлый ворохъ запасенной старикомъ рыбы. Озлобился на него старикъ за озорство, зарядилъ винтовку пулей и вышелъ съ Музгаркой. Медвѣдь такъ и прынулъ на старика и навѣрно бы его смялъ подъ себя, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ бы въ него выстрѣлить, но спасъ Музгарко. Ухватилъ онъ звѣря сзади и посадилъ, а Елескина пуля не знала промаха. Да мало ли было случаевъ, когда собака спасала старика...

Музгарко издохъ передъ самымъ Рождествомъ, когда морозъ трещалъ въ лѣсу. Дѣло было ночью. Елеска лежалъ на своей лавочкѣ и дремалъ. Вдругъ его точно что-то кольнуло. Вскочилъ онъ, вздулъ огня, зажегъ лучину, подошелъ къ собакѣ—Музгарко лежалъ мертвый... Елеска похолодѣлъ: это была его смерть.

— Музгарко, Музгарко...—повторилъ несчастный старикъ, увидя мертвого друга.—Что я теперь буду дѣлать безъ тебя?

Не хотѣлъ Елеска, чтобы волки съѣли мертвого Музгарку, и закопалъ его въ казармѣ. Три дня онъ долбилъ мерзлую землю, сдѣлалъ могилу и похоронилъ въ ней вѣрнаго друга.

Оставался одинъ пѣтушокъ, который попрежнему будилъ старика ночью. Проснется Елеска и сейчасъ вспомнитъ про Музгарку. И сдѣлается ему горько и тошно до смерти. Поговорить не съ кѣмъ. Конечно, пѣтушокъ птица занятая, а все-таки птица, и ничего не понимаетъ.

— Эхъ, Музгарко!—повторялъ Елеска по нѣскольку разъ въ день, чувствуя, какъ все начинается у него валиться изъ рукъ.— Эхъ, брошу все, уйду домой на Колву, а то въ Чердынь проберусь!—рѣшилъ старикъ.

Поправилъ онъ лыжи, на которыхъ еще молодымъ гонялъ оленей, взялъ запасу дней на пять, простился съ Музгаркиной могилой и тронулся въ путь. Жаль было пѣтушка оставлять одного, и Елеска захватилъ его съ собой: посадилъ на котомку и несетъ. Отошелъ старикъ до каменнаго мыса, оглянулся на свое жилище и заплакалъ: жаль стало насиженнаго теплаго угла.

— Прощай, Музгарко...

Трудная дорога вела съ зимовья на Колву. Сначала пришлось идти на лыжахъ по Студеной. Это было легко, но потомъ начались горы, и старикъ скоро выбился изъ силъ. Прежде-то, какъ олень, бѣгалъ по горамъ, а тутъ на двадцать верстъ обезсилѣлъ. Хоть ложись и помирай... Выкопалъ онъ въ снѣгу ямку поглубже, устлалъ хвоей, развелъ огонька, поѣлъ и прилегъ отдохнуть. И пѣтушка закрылъ котомкой. Съ устали скоро заснулъ. Сколько онъ спалъ, долго ли, коротко ли, только проснулся отъ пѣтушинаго крика.

— Волки... мелькнуло у него въ головѣ.

Но хочеть онъ подняться, и не можетъ, точно кто его связалъ веревками. Даже глазъ не можетъ открыть. Еще разъ крикнулъ пѣтухъ и затихъ: его вмѣстѣ съ котомкой утащилъ изъ ямы волкъ. Хочеть подняться старикъ, дѣлаетъ страшное усиліе и слышитъ вдругъ знакомый лай: точно гдѣ-то подъ землей взлаялъ Музгарко. Да, это онъ... Ближе, ближе,—это онъ по слѣду чутьемъ идетъ. Вотъ ужъ совѣмъ близко, у самой ямы. Открылъ

Елеска глаза и видитъ, дѣйствительно. Музгарко, а съ ней и вогуль, бывшій хозяинъ собаки.

— Ты здѣсь, дѣдушка?—спрашиваетъ вогуль, а самъ смѣется. —Я за тобой пришелъ...

Дунуль холодный вѣтеръ, рвануль комья снѣга съ высокихъ елей и пихтъ, и посыпался онъ на мертваго Елеску: къ утру отъ его ямки и слѣдовъ не осталось.

Зимовье—изба для зимняго жительства, для пріюта путниковъ въ степяхъ и лѣсахъ.

Доха—родъ шубы шерстью вверхъ.

Скоблить—тонко строгать, скрести. Что можно скоблить?

Шабашъ (евр. шабашъ—суббота, праздникъ)—конецъ работъ, кончено. **Пошаба-шить**—кончить работу въ опредѣленный часъ.

Заниматься, **заняться**—имѣетъ много значеній: 1) работать—заниматься хозяйствомъ, музыкой; 2) учиться—онъ з. математикой; 3) заботиться о чемъ-ниб.—з. туалетомъ, заним. своей наружностью; 4) загораться—послѣ Иванова занялся Гаврилинъ дворъ; о зарѣ—заря уже занималась въ небѣ, когда оба пріятели вернулись домой (Тург.).—Бѣлый день занялся надъ столицей (Некр.). [А что значитъ: занялся духъ, сердце замерло? (Кольц.).

Плаха—бревно, расколотое пополамъ. Что значитъ: положить голову на плаху?

Понитокъ—зипунъ, кафтанъ изъ крестьянскаго сукна.

Пазъ—узкая и длинная скважина, щель между досками или бревнами избы.

Полынья—мѣсто на рѣкѣ или озерѣ, не замерзшее или не замерзающее зимой; мѣсто, гдѣ выколотъ ледъ, прорубь.

Харчъ, харчи—см. стр. 92.

Прокараулить—что обозначаетъ здѣсь приставка про?

Путина—то же, что путь.

Сломать—здѣсь въ значеніи одолѣть, осилить.

Наледь—незамерзшая, выступившая сверхъ льду вода.

Промоина—полынья, не замерзающая отъ ключей.

Коротать время—проводить. День дневать, ночь коротать.

Дошлый—хитрый, смысленный, тертый.

Норовить—намѣреваться, стараться.

Сословіе—люди одного занятія, однихъ правъ, напр. ?—Здѣсь въ какомъ смыслѣ употреблено?

Затошеть—то же, что и **отошеть**, изнуриться отъ недостатка пищи.

Горластый—широкій горломъ, у кого звучный голосъ; также крикливый человѣкъ.

Уважить—см. стр. 120.

Потреба—нужда, надобность. На всякую потребу не напасешься.

Любовь да совѣтъ—пожеланіе новобрачнымъ.

Сглазить—взглянуть недобрымъ глазомъ, испортить. Ребенка сглазили.—Какъ бы похвалить, да несглазить.

Попритчиться—случиться, приключиться (о болѣзни, о бѣдѣ), отъ сл. **притча**—бѣда, приключеніе; это же слово значитъ: басня, иносказательный рассказъ.

Пурга—буранъ, метель, вьюга.

Промышлять—добывать, заниматься чѣмъ, какъ средствомъ къ жизни. Пр. и з. в. о з. м. см. стр. 64.

Озорство—буйство, своевольничанье, дерзкія шалости.

Прянуть—прыгнуть, броситься.

Смять, сминать—помять, скомкать, притиснуть. Смять траву, платье.—
Меня смяли въ толпѣ.

Насиженный, отъ сл. насиживать, насидѣть—сидѣть долго на чемъ-ниб., при-
грѣвать мѣстечко, наживать сидя на мѣстѣ.

93. Зимнее утро.

Стихотвореніе *А. Пушкина*.

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
на мутномъ небѣ мгла носилась;
луна, какъ блѣдное пятно,
сквозь тучи мрачныя желтѣла,
а нынче... погляди въ окно:
подъ голубыми небесами,
великолѣпными коврами,
блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
и ель сквозь иней зеленѣетъ,
и рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вечоръ, вчерасъ, вчерась—вчера вечеромъ.

Вьюга—то же, что метель. Какъ говорится еще: вьюга злится, вьюга плачеть...?

Мгла—темнота; испаренія, дѣлающія воздухъ тусклымъ.

Мрачный—темный, угрюмый, задумчивый. Мрачный цвѣтъ, мрачное
лицо, мрачныя думы. Отъ этого же сл. **омрачиться**—однако чело и взоръ
(Олега) омрачилися думой (Пушк.).

Прозрачный—пропускающій свѣтъ, сквозь что можно видѣть. Прозрачный
воздухъ, прозрачное стекло.

94. Коля и Колька.

Разсказъ *Е. Н. Чирикова*.

Однако, дѣдушка-морозъ сердится не на шутку, разгуливая
по снѣжному, пустынному и безбрежному, какъ океанъ, полю...

На далекомъ горизонтѣ эти безлюдныя пустыни слились съ поту-
скнѣвшими уже облачными небесами, и нельзя отличить, гдѣ кон-
чаются снѣжныя сугробы и гдѣ начинаются причудливыя обла-

Зима.

Съ картины *Е. Эрнфельдта.*

ка... И небеса похожи на снѣжное поле. Куда ни погляди—вездѣ бѣло: и внизу, и вверху, и впереди, и позади, и вправо, и влѣво... Всюду снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ... Вѣтерокъ гуляетъ по полю, крутитъ снѣжной пылью и несется по снѣжнымъ цѣлинамъ, какъ бѣлый дымокъ... Не было бы бурана...

Жутко теперь ѣхать по полю одному... Зато какъ пріятно дѣлается вдругъ, когда слышишь вдали заунывный колокольчикъ встрѣчной тройки или нагонишь длинный длинный, скрипучій обозъ, гуськомъ плетущійся по дорогѣ! Какъ спокойно дѣлается на душѣ, когда увидишь этотъ длинный обозъ и рядомъ съ нимъ мужиковъ въ овчинныхъ, туго опоясанныхъ тулупахъ, съ перевальцемъ шагающихъ возлѣ своихъ побѣлѣвшихъ отъ инея лошадокъ! Разноголосые бубенчики булькаютъ и тенькаютъ какъ-то удивительно мягко и мелодично, словно рассказываютъ о чемъ-то грустномъ, миломъ сердцу... Мужики крѣпко похлопываютъ рукавицами, крикаютъ и разрываютъ мелодію бубенчиковъ своими поощрительно ласковыми окриками:

— Ого-го-го!.. Родимая!

Какъ радъ бываешь такой встрѣчѣ и какъ хочется, чтобы этотъ обозъ тянулся дольше-дольше, чтобы скрипъ саней-розвальней, бульканье разноголосыхъ бубенчиковъ и ласковыя „ого-го!“—не прекращались...

Не на шутку сердится дѣдушка-морозъ!..

Ухъ, какъ холодно! Хорошо бы теперь въ тепло, къ самоварчику!..

* *
*

Вечерѣтъ. По снѣжной, безбрежной равнинѣ труситъ пара запряженныхъ гусемъ лошадокъ. Глухо дребезжать колокольчики, скрипятъ сани, обтянутыя рогожей, фыркаютъ лохматыя, заиндевелшія лошадки... На облучкѣ сидитъ ящикъ лѣтъ тринадцати—Колька изъ села Ракова. На головѣ у него отцовская шапка необычайной величины, надвинутая до самыхъ плечъ. Эта шапка сползаетъ на носъ и закрываетъ Колькѣ глаза, и онъ то и дѣло поправляетъ ее и бранится.

На рукахъ у него большія рукавицы, а на ногахъ—громадные валеные сапоги, бѣлые съ горошкомъ. Сидитъ онъ бокомъ и держитъ въ лѣвой рукѣ вожжи, а въ правой кнутъ, длинный, похожій на змѣю...

А въ саняхъ, весь укутанный въ шубы, одѣяла и обложенный подушками, ѣдетъ Коля, гимназистъ второго класса, возвращающійся на рождественскія каникулы въ родной деревенскій домъ, на хуторъ „Отрадное“.

Дѣдушка-морозъ бѣжитъ за санями и беспокоитъ какъ Кольку, такъ и Колю... Колька разъ двадцать ругнулъ уже дѣдушку нехорошими словами; а онъ все-таки бѣжитъ, не отстаётъ и то щипнетъ Кольку за носъ, то подуесть ледянымъ дыханіемъ за валеный сапогъ, дернетъ за большой палецъ на рукѣ или заберется за шею и погладитъ по спинѣ. На Колькины сапоги онъ надѣлъ снѣжныя калоши, а выглядывающіе изъ-подъ шапки волосы сдѣлалъ сѣдыми, какъ у старика...

Колю дѣдушка-морозъ беспокоитъ меньше. Однако, и его не оставляетъ безъ вниманія. Ужъ, кажется, что до Коли нѣтъ никакой возможности добраться,—такъ нѣтъ тебѣ—отыщеть хитрый дѣдушка гдѣ-нибудь скважинку и начнетъ въ нее подувать...

— Колька!..

— Чаво еще тебѣ?

— Подоткни мнѣ сбоку... дуетъ!..

— Тпру!..

Колька вскакиваетъ съ облучка, сдвигаетъ съ глазъ шапку и идетъ къ санямъ. Снявъ громадную рукавицу, Колька начинаетъ подтыкать сбоку одѣяла...

— Зяблый ты!.. Ладно, что ли?.. Промерзъ?..

— Ну, поѣзжай!..

— Носъ-отъ спрячь! Пріѣдешь домой безъ носу... Вишь, какой онъ у тебя красный!..

— Не твое дѣло!.. Поѣзжай!..

Колька выбьетъ носъ, надѣнетъ рукавицу, вскочитъ на облучокъ, хлопнетъ длиннымъ кнутомъ и крикнетъ сиплымъ голосомъ:

— Нно! лихіе!..

И опять дребезжатъ колокольчики и скрипятъ сани, а передъ глазами Коли торчитъ Колька, очень похожій сзади на огородное чучело...

Коля боится шевельнуться: онъ чувствуетъ, что какъ только сдѣлаетъ это,—дѣдушка-морозъ отыщеть себѣ сейчасъ же гдѣ-нибудь новую дырочку и начнетъ опять надоѣдать и беспокоить. А Колѣ это будетъ очень неприятно. Теперь у него въ головѣ все такія веселыя, радостныя мысли! Онъ думаетъ о томъ, какъ до-

шади подбѣдутъ къ воротамъ большого дома, какъ весь этотъ домъ сразу засуетится, оживетъ отъ Колинаго появленія... Въ окнахъ замелькаютъ дѣтскія головы, и маленькія руки застучать въ стекла; забѣгаютъ по сѣнямъ, захлопаютъ дверями, на крыльцо выбѣжить Дуняша помогать ему вылѣзть изъ саней... Потомъ онъ увидитъ папу, милую мамочку, дядю Ваню и тетю Дуню, маленькихъ драчуновъ-братишекъ Леву и Борю и черноглазую сестренку Сашурку!..

Коля воображаетъ, какъ всѣ будутъ рады, довольны и счастливы!

— Какъ хорошо жить дома!.. Только вѣдь недолго жить-то: всего двѣ недѣли... А потомъ опять въ городъ, въ гимназію... Можно похворать съ недѣлку... Только бы согласился папочка!..

Одно смутно беспокоитъ Колю: онъ везетъ домой табель за вторую четверть, и тамъ есть двойка изъ ариѳметики... Проклятая двойка!.. Если бы не эта двойка, Коля былъ бы совершенно счастливъ!..

Какъ-нибудь обойдется... Коля скажетъ, что онъ не виноватъ тутъ нисколько: что у нихъ очень строгій учитель изъ ариѳметики и не даетъ хорошенько подумать, придирается...

И Коля самъ начинаетъ вѣрить, что учитель напрасно поставилъ ему двойку. Потомъ двойка забывается; Коля начинаетъ представлять, какъ будутъ рады подаркамъ, которые онъ везетъ братишкамъ и сестренкѣ на елку... Теперь уже наряжаютъ елку... Какая нынче выйдетъ елка? Интересно... Мама писала, что купили граммофонъ!.. Господи, сколько интереснаго!..

А безтолковый Колька ничего не понимаетъ. Колька кажется, что Колька ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, что ему — все равно... Выбьетъ носъ, пощелкаетъ сапогомъ о сапогъ, похлопаетъ рукавицами и гнусаво и хрипло закричитъ:

— Ну! лихіе!

А „лихіе“ еле тащатся и не обращаютъ никакого вниманія на маленькаго ямщика.

— Поѣзжай скорѣе! векачъ! сердито говоритъ Коля и тыкаетъ рукой Колькину спину.

Колька дергаетъ вожжами, хлопаетъ въ воздухъ кнутомъ и опять ежится.

— Говорятъ тебѣ, — скорѣй! повторяетъ Коля.

— Поспѣшь! чай, не на пожаръ? хладнокровно отвѣчаетъ Колька.—Надо тоже и скотину пожалѣть... Ты вотъ сидишь, а она тебя везетъ... Вечоръ бревна возили, седни тебя... Этакъ-то заморишь...

И Коля ничего не можетъ возразить на доводы Кольки. Онъ только еще больше сердится и на Кольку и на лошадей. Колѣ кажется, что лошади чуть-чуть тащатся, ползутъ, какъ тараканы...

— Ну, ужъ и лошади у тебя!.. У насъ Савраска одинъ перегонитъ твою пару...

— У васъ—овесъ жретъ, а у насъ—сѣно... А овса-то даютъ только понюхать... возражаетъ Колька.—Ты вотъ тоже какой гладкій!.. Поди, все сахаръ сосешь?..

Коля смѣется... Глупый Колька! Онъ думаетъ, что вкуснѣе сахару ничего нѣтъ на свѣтѣ!..

Уже совершенно стемнѣло. Навстрѣчу подуваетъ рѣзкій, рѣжущій лицо вѣтеръ; твердыя снѣжныя крупинки бьютъ въ щеки и колятъ ихъ, какъ острия иголки. У Коли уже течетъ изъ носу и изъ глазъ, начинаютъ мерзнуть и деревянѣть ноги: онъ старается шевелить ими въ валенкахъ, отдернуть ступни ногъ отъ подошвъ,—ничто не дѣйствуетъ.

Колька спрыгнулъ съ облучка, хлестнулъ коренного и побѣжалъ рядомъ съ санями.

Дѣдушка-морозъ сердится все сильнѣе. Гуляетъ онъ по чистому полю безъ пути, безъ дороги, носится злобнымъ вихремъ надъ снѣжными цѣлинами: то поднимется снѣжной пылью высоко вверхъ, засвиститъ, захохочетъ въ придорожныхъ березахъ, то опустится внизъ и помчится по равнинамъ такъ, что только бѣлый дымъ клубится у него подъ ногами...

Колѣ жутко. Того и гляди, выскочитъ откуда-нибудь волкъ: загрызетъ и лошадей и Колю; а то какойнибудь разбойникъ съ ножомъ нападетъ и убьетъ его... Какъ будутъ плакать тогда милая мамочка, папа, Лева, Боря и Сашурка!.. Небось и тетя Дуня поплачетъ!..

Коля озирается по сторонамъ и почти увѣренъ, что гдѣ-нибудь близко непременно спрятался и караулитъ разбойникъ либо волкъ... Моментами Колѣ чудится, что у березы что-то шевелится Коля закрываетъ глаза и думаетъ: „Что будетъ, то и будетъ... Господи!“

— Нно! лихѣ!

Коля открываетъ глаза и видитъ, что Колька по-прежнему сидитъ на козлахъ.

„Слава Богу!“ мысленно произноситъ Коля и спрашиваетъ:

— А ты не боишься?

— Чаво?

— Волкъ нападетъ...

— Какіе тутъ волки?.. Да коли онъ услышитъ колоколець, убѣжитъ окаянный!..

— А можетъ напасть разбойникъ...

— Разбойникъ?!. Окстись! Какіе тутъ разбойники?!. Тутъ все хорошіе люди проживаютъ... А ты вотъ чего бойся: передъ Рождествомъ по полямъ всякая нечисть рыскаетъ... дядя Макаръ сказывалъ, что когда онъ парнишкой былъ, вотъ этакъ же, какъ я, ѣздилъ,—видѣлъ, какъ въ полѣ лѣшій плясалъ!.. А ты не смѣйся!.. Подбодрился, проклятый, да въ присядку около березки!..

— Ну!..

— А онъ, дядя-то Макаръ, запѣлъ „Дѣву днесь“... Какъ это онъ услыхалъ,—кубаремъ, кубаремъ! А потомъ въ снѣжный буранъ оборотился и убѣгъ по полю.

— Это все враки!

— Вотъ тѣ и враки!.. А въ сочельникъ и не то бывать!.. Вѣдьмы въ ступѣ развѣзжаютъ, черные чертенята въ хороводы играютъ, визжать и дерутся... Вплоть до самой заутрени бѣсуются, проклятые; а какъ ударятъ въ колоколъ къ заутрени,—всѣ кубаремъ, кубаремъ!.. Кто въ оврагъ, кто въ сугробъ, кто въ дупло...

— Враки это... повторяетъ Коля, а самъ сжимается отъ страха и прислушивается. И ему чудится, что гдѣ-то кто-то свиститъ и смѣется потихоньку...

Небеса темная, облачныя... Коля ничего не видитъ: впереди колыхается темная спина Кольки, наверху, надъ глазами торчитъ какой-то темный клинъ: должно быть это кончикъ башлыка... Вотъ и все, что можетъ различить Колинъ глазъ. Колѣ чудится, что онъ плыветъ въ какомъ-то темномъ пространствѣ; что вотъ-вотъ лошади ступятъ въ раскрывшуюся передъ ними пропасть и все—и сани, и Коля, и Колька, и лошади—стремглавъ полетятъ внизъ... Ухъ, страшно! Коля удивляется, какъ это Колька правитъ лошадьми... Какъ онъ ухитряется разглядывать въ такую темноту дорогу, и какъ онъ можетъ запомнить, что по этой именно до-

рогѣ надо ѣхать въ „Отрадное“? Вотъ молодець! И недавняя пренебрежительность къ Колькѣ смягчается; Коля мало-по-малу начинаетъ чувствовать къ Колькѣ уваженіе.

Впереди моргнулъ красноватый огонекъ, другой, третій... Неужели это „Отрадное“?!

— Ямщикъ! что это свѣтитъ?.. съ замираніемъ сердца спрашиваетъ Коля.

— Чаво?.. Извѣстно—огонь! не понимаетъ безтолковый Колька.

— Я спрашиваю, какое село?..

— Не сяло... Оно это, Отрадное!..

Коля радостно вздрагиваетъ; его сердчишко начинаетъ безпокойно колотиться, и невольная улыбка шевелить ему застывшія губы... Коля емѣется сперва только сердцемъ, потомъ вслухъ, все громче и громче... Теперь Коль уже не холодно, а жарко; онъ ерзаетъ на мѣстѣ, вытягиваетъ шею и смотритъ на подмигивающіе огоньки. Одинъ изъ этихъ огоньковъ непременно у нихъ въ домѣ...

Вотъ и „Отрадное“! Знакомый оврагъ, мостъ... На мельницѣ огонекъ свѣтитъ. А на горѣ—господскій домъ!.. Ворота распахнуты настежь, словно приготовлены для Колиной встрѣчи. „Лихіе“ вѣжали во дворъ, и какъ Коля рисовалъ себѣ картину своего пріѣзда, такъ оно и вышло. По двору поднялась бѣготня; Гаврила, Михайла, Парашка—бѣгають, какъ угорѣлые, и кричатъ что-то: они въ однѣхъ рубахахъ, безъ шапокъ; у Гаврилы—фонарь въ рукѣ... Собаки визжатъ и лають отъ радости: и Полканъ, и Шарикъ!.. На крыльцо выскочила Дуня со свѣчой въ рукахъ, но вѣтеръ задулъ свѣчу... А лошади пофыркиваютъ и побрякиваютъ колокольчиками... Въ окнахъ дома—бѣгаетъ огонекъ... „Кто это тамъ съ лампой въ рукѣ?.. Господи, да это мамочка!“

— Ну, вылазь!..

— Ой, ногу отсидѣлъ!..

Спустя минутку Коля—за круглымъ столомъ, на которомъ пытитъ громадный самоваръ, такой знакомый, родной, что обнять его хочется... Вокругъ все дорогія лица... Господи! сколько радости, поцѣлуевъ, смѣха, разспросовъ, разсказовъ, новостей!.. Кажется, въ цѣлый годъ не перескажешь!..

— Мамочка, я послѣднюю станцію съ мальчишкой ѣхалъ!..

— Какъ съ мальчишкой?.. А развѣ не съ Никифоромъ?

— Съ Колькой!..

— Да неужели?..

— Ей-Богу!..

Папа разсердился на Никифора: какъ онъ смѣлъ отправить Колю съ молокососомъ?..

— Гдѣ опъ?..

— На кухнѣ, баринъ... Лошадямъ далъ сѣна, а самъ на кухнѣ грѣется...

Отецъ пошелъ въ кухню и за нимъ всѣ ребятишки...

Колька разулся, распоясался и сидѣлъ за столомъ. Кухарка поила его чаемъ. Лицо у Кольки было красное, носъ лупился, русые волосы лежали на большой головѣ на два ряда и были подстрижены въ скобку... Какъ есть мужикъ...

Папа улыбнулся...

— Какъ же это, братецъ мой, тебя отпустили?.. Да много ли тебѣ лѣтъ?..

— Чай, я не махонькій! отвѣтилъ Колька, отирая носъ указательнымъ пальцемъ.—Я въ Игумново ѣзжу, а не то, что досюда.

— Мало ли что можетъ случиться въ дорогѣ!.. Ты и съ лошадьми-то не справишься...

— Я-то?!—ухмыльнулся Колька.—На тройкѣ могу, а не то, что на парѣ!..

— Скажи, пожалуйста, какой молодецъ!

Лева, Боря и Сашурка смотрѣли на Кольку удивленными глазами и все ближе и ближе подходили къ нему, намѣреваясь заговорить...

— А у насъ будетъ елка!... сказалъ, наконецъ, Боря.

— Уходите! нечего вамъ тутъ дѣлать! сказалъ отецъ, и дѣтишки нехотя пошли вонъ изъ кухни...

Но какъ только отецъ ушелъ въ кабинетъ, Боря опять пробрался въ кухню разговаривать съ маленькимъ ямщикомъ.

— А у насъ будетъ елка!... сказалъ Боря.

— Ну, пушай, будетъ!... Скажи мамашѣ, чтобы прогоны прислала—рупь восемь гривенъ!..

Колька пилъ себѣ чай безконечно... Онъ вспотѣлъ, ухалъ, смотрѣлъ въ окошко и говорилъ:

— Эка непогодь! Придется заночевать... Ты, чай, меня не прогонишь? спросилъ Колька у кухарки.

— Колька у насъ ночуетъ! Колька ночуетъ!! радостно защебетать дѣтскій голосокъ, и эта вѣсть всполошила дѣтскіе умы, какъ событіе громадной важности...

— А ты гдѣ ляжешь? спрашивалъ Лева.

— На лавкѣ...

— А на чемъ? спрашивалъ Боря.

— На лавкѣ, говорю!...

— А подушки у тебя нѣтъ? освѣдомлялась Сашурка.

— А я валены сапоги положу... Принесъ-ка мнѣ сахару, малецъ! Я за твое здоровье пососу... попросилъ Колька у Бори.

Боря гдѣ-то раздобылъ сахару и принесъ Колькѣ. А Лева принесъ грецкій орѣхъ, Сашурка—сломанную куклу.

Ребята бѣгали изъ комнатъ въ кухню, а изъ кухни въ комнаты и сообщали матери, что сказалъ Колька, какъ онъ будетъ спать, какъ онъ икаетъ, словно тамъ, на кухнѣ, завелся какой-нибудь звѣрекъ...

Въ это время Коля возился уже съ граммофономъ, о которомъ мечталъ въ городѣ и особенно дорогой. Наконецъ граммофонъ наладился и шипя и постукивая началъ играть маршь, пѣть пѣсни и говорить...

— Коля! покажемъ Колькѣ!...

— Мамочка! позволь привести Кольку!..

— Зачѣмъ это?!

— Мы ему покажемъ граммофонъ!..

Всѣ ребята набросились на мать съ мольбами и радостно хлопали въ ладоши, когда мать разрѣшила пустить Кольку въ комнаты.

— Натопчетъ... Пусть сниметъ сапоги...

— У него валенки!.. Онъ снялъ ихъ...

Коля пошелъ за Колькой. Тотъ долго упирался и не шелъ.

— Чаво я тамъ не видалъ?! говорилъ онъ, глядя исподлобья на гимназиста.

— А вотъ и не видалъ!.. Я тебѣ лѣшаго покажу.

— Врешь ты все...

— А вотъ пойдемъ! увидишь!

— Ну, айда! пойдемъ, что ли...

Маленькій дикарь пошелъ слѣдомъ за Колей. Когда дверь въ столовую растворилась, Колька попятился назадъ; онъ увидалъ барыню...

— Ничего, голубчикъ, ничего... Иди!

— Смотри: шкатулка съ трубой, а въ шкатулкѣ сидитъ лѣшій...

— Врешь ты все...

— Вру? вру?.. обиженно повторялъ Коля и, повозившись около граммофона, пустиль его...

Колька вздрогнулъ и попятился: глухой, словно изъ шкатулки, голосъ запѣлъ вдругъ прямо въ ухо Колькѣ пѣсню, и музыка заиграла...

— Фу ты, окаянная сила! прошепталъ Колька, засматривая въ трубу...

Всѣ ребятишки засмѣялись дружно и весело, а Колька стоялъ, разиня ротъ, и не отрывалъ удивленнаго взора отъ ящика. На хохотъ ребятъ пришелъ папа, потомъ—мама...

— Что такое?

— Колька, папа, боится...

— А вотъ и не боюсь... Машина это... Сказывали у насъ про эту штуку-то!...

И Колька очистилъ носъ съ помощью пальцевъ.

Какъ только онъ это сдѣлалъ, мама состроила гримасу, переглянувшись съ папой и сказала, тронувъ Кольку за плечи:

— Ну, довольно! Иди, иди!..

— Мамочка! пусть побудеть!.. Я заведу „куда, куда, куда вы удалились“...

— Онъ ничего не понимаетъ... Все равно ему...

Колька пошелъ въ кухню. На порогѣ столовой онъ обернулся и сказалъ:

— Барыня! а ты мнѣ прогоны-то отдашь?...

— Конечно!..

— А ты теперь отдай, а то утресь чуть свѣтъ уѣду,—ты спать будешь...

— Иди, иди!... Пришлю съ кухаркой...

— А ты мнѣ отдай: оно вѣрнѣе... Чуть свѣтъ уѣду. Отецъ наказывалъ не ночевать. И то ругаться будетъ...

Въ столовую вышелъ Боря.

— Прощай, барчукъ! сказалъ Колька и протянулъ руку.

Боря протянулъ было ему свою, но раздумалъ и закинулъ за спину.

— Съ мужиками нельзя за руку... сказалъ онъ, наклоняя курчавую голову.

— А что же съ ними, за ногу, что ли, надо? тихо, съ усмѣшкой спросилъ Колька.

— Ну, будетъ тебѣ тутъ разсуждать! строго сказала барыня. — Мужикъ—такъ мужикъ и есть!.. Невѣжа!.. Убирайся!..

Колька, опустивъ голову, вышелъ изъ столовой.

— А видно, барыня-то у васъ злющая? спросилъ онъ кухарку.

— А что?..

— Зря ругается... Песъ съ ней—миѣ бы только прогоны получить... Ты попроси прогоны-то у ней!..

Прогоны Колька получилъ, завязалъ ихъ въ тряпку, сунулъ въ валеный сапогъ и успокоился... Растянувшись на лавкѣ, онъ прикрылся тулупомъ и смотрѣлъ на кухарку, которая приготовляла господамъ ужинъ.

— Чаво поджариваешь?

— Зайца разогрѣваю...

— Они все жрутъ... У насъ баринъ голубей жретъ... Ей-Богу!..

Когда господа поужинали, въ комнатахъ заиграли на рояли. Въ кухню глухо и мелодично доносились мягкіе звуки вальса, и Колька слушалъ и удивлялся.

— Эхъ, какъ зажариваютъ!.. Весело живутъ!.. А вѣдь вотъ на томъ свѣтѣ намъ лучше будетъ!

— А кто знать! сказала кухарка.

— Я тебѣ говорю!.. Помяни мое слово... Кто здѣсь смѣется, вотъ на томъ свѣтѣ плакать будетъ... Это ужъ повѣрь!..

Долго звучала музыка, и подъ эту музыку Колька думалъ о господахъ, о господской жизни, о томъ свѣтѣ. Кухарка погасила лампу...

— Съ ними и про лошадей-то забудешь... неожиданно вымолвилъ Колька, заворочался, застучалъ по полу босыми ногами и забренчалъ ведрами.

— Ты что тамъ дѣлаешь? тревожно спросила задремавшая было кухарка.

— Лошадей надо попоить!..

— Ведры-то эти у насъ чисты!..

— Все одно... Лошадь-то, чай, не заяцъ...

— Ну, ладно, пусть пьютъ себѣ!.. зѣвнувъ, промолвила кухарка.

Колька надѣлъ валеные сапоги, вышелъ на дворъ, напоилъ лошадей, поговорилъ съ ними, посмотрѣлъ на небо.

— Прояснять маленько... промолвилъ онъ и похлопалъ лошадку по крупу.

— Баловашь! строго сказалъ онъ, когда лошадь шевельнулась подь его рукой.

Коля спалъ крѣпко въ теплой постели, когда Колька выѣзжалъ изъ воротъ барскаго дома. Домъ какой-то темный, сердитый; все ставни въ его окнахъ были закрыты наглухо. Колька посмотрѣлъ на этотъ домъ, вспомнилъ Колю, Борю, машину, и когда его воспоминанія остановились на барынѣ, онъ крѣпко хлопнулъ кнутомъ, дернулъ возжами и крикнулъ:

— Нно! лихіе!..

И сани быстро покатались подь горку и ступшевались въ сумеркахъ. Только колокольчики долго еще динькали въ предразсвѣтной тишинѣ...

Причудливый—затѣйливый, игривый, особенной формы.

Цѣлина—земля, никогда не паханая. А здѣсь что значить?

Жуткій—внушающій страхъ. Жутко на душѣ, на сердцѣ.

Гуськомъ, гусемъ—одинъ за другимъ, вереницей.

Съ перевальцемъ—вперевалку, переваливаясь.

Тенькать—звонить, бречать.

Булькать—издавать звукъ, напоминающій паденіе камня въ водѣ или переливаніе жидкости.

Трусить—см. стр. 71 и 123.

Заиндевѣть—покрыться инеемъ (при сильномъ морозѣ).

Валеные сапоги, то же, что **валенки**—валеная (отъ сл. валать) войлочная обувь изъ овечьей шерсти.

Подтыкать, подоткнуть—совать подь низъ.

Зяблый—озябшій, кому холодно. А что значить зябкій?

Табель, то же, что таблица, въ данномъ случаѣ—свѣдѣнія объ успѣхахъ, отмѣтки.

Гнусаво—въ носъ.

Океститься—освѣтить себя крестомъ.

Нечисть—нечистая сила.

Кубарь—см. стр. 72.

Оборотиться—превратиться, измѣнить внѣшній видъ. См. стр. 88.

Стремглавъ—внизъ головой, опроретью.

Пренебрежительность—неуважительное отношеніе.

Моргать, моргнуть—мигать, открывать и закрывать вѣки. Здѣсь значить то же, что мелькнуть.

Ерзать—не сидѣть спокойно, шевелиться на мѣстѣ.

Распахнуть—раскрыть широко. Распахнуть шубу, дверь.

Нараспашку—открыто, широко. Выскочили второпяхъ, кто въ накидку, кто нараспашку, кто какъ. Что значить человекъ нараспашку?

Распоясаться—снять поясъ, верхнюю одежду. Что знач. **опоясать**, **подпоясать**?

Лупить—1) сдирать, снимать кожу; 2) брать немѣрно дорого; 3) бить; 4) бѣгать, улепетывать. Составьте различные примѣры.

Стрижка въ скобку—русская стрижка вокругъ головы, на лбу покорооче.

Прогонь (отъ сл. прогонять)—установленная плата при ѣздѣ на почтовыхъ.

Ухать—1) произносить ухъ! отъ усталости или страха; 2) бухнуть что-нибудь громоздкое, тяжелое; 3) налить чрезмѣрно. Онъ миѣ ухнулъ въ стаканъ.

Всполюшить—встревожить, возбудить. Что значитъ **переполохъ**?

Икать—вехлипывать судорожно, отъ сжатія глотки. Миѣ икается (когда нельзя удержаться).—Чтобъ ему на томъ свѣтѣ икалось.—Онъ вдругъ заикалъ. Что значитъ **заикается**?

Упираться—опереться, искать точку опоры, упрямиться. Упрись хорошенько ногами.—Уперся на своемъ.—Упнулся въ пень да и стоитъ день.

Наказывать—1) дать наказъ, приказъ, приказывать; 2) карать, подвергать наказанію.

Невѣжа—неучтивый, **невѣжливый**, не знающій приличій; **невѣжда**—неученый, необразованный, **невѣжественный**. Оба слова происходятъ отъ не вѣдать.

Зря—наобумъ, безтолково, безъ надобности (отъ сл. зрѣть, я зрю—вижу, гляжу).

Мелодично—согласно съ мелодіей, т.е. съ напѣвомъ, музыкальнымъ ладомъ, пріятно для слуха.

Зажарить, **зажаривать**.—Кромѣ буквального значенія употребл. еще, какъ и здѣсь, въ переносномъ: начать что-ниб. дѣлать усиленно, энергично, напр. о бѣготнѣ, объ игрѣ, о танцахъ, о ружейной пальбѣ. Приведите примѣры.

Стушеваться (отъ слова тушевать—класть тушью (черн. краской) на рисунокъ тѣни)—скрыться, уйти незамѣтно.

Раздѣлите этотъ рассказъ на части и дайте каждой заглавіе.

95 Береза.

Стихотвореніе А. Фета.

Печальная береза
у моего окна,
и прихотью мороза
разубрана она.

Какъ гроздья винограда
вѣтвей концы висятъ,

и радостень для взгляда
весь траурный нарядъ.

Люблю игру денницы
я замѣчать на ней,
и жаль мнѣ, если птицы
стряхнутъ красу съ вѣтвей.

Прихоть—желаніе того, безъ чего легко можно обойтись, баловство, затѣя.

Разубрать—разукрасить, разрядить.

Гроздь—кисть плодовъ, особ. о виноградѣ.

Траурный—печальный.

Нарядъ—красивая одежда. Какія знаете слова отъ того же корня?

Денница—утренняя заря. Блеснетъ заутра лучъ денницы, и заиграетъ яркій день („Евг. Он.“).

Стряхнуть, **стрихивать**—сбросить быстрымъ движеніемъ.

Краса—красота, украшеніе.

Веселая минута.

Съ картины *А. Ржевской.*

Разкажите, что здѣсь нарисовано.

95. Буранъ въ степи.

С. Аксакова.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, проселочной, неторной дорожкѣ или, лучше сказать, слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ снѣжнымъ пустынямъ. Пронзительно скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бѣжали мужики за своими возами. Запущенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокой сугробъ. Всѣ хохотали.

Въ такомъ положеніи находился веселый обозъ, состоявшій изъ восемнадцати подводъ и десяти возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ. Переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминуемая...

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца, уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался какъ будто отдаленный плачь младенца а иногда вой голоднаго волка. „Поздно, ребята!“ закричалъ старикъ: „стой, нечего гнать и мучить понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, — авось, Богъ помилуетъ. Петровичъ“, сказалъ онъ, обратясь къ высокому, плотному мужику, также немолодому: „поѣзжай сзади: твой Гнѣдко, хотя не боекъ, зато неистомчивъ, не отстанеть, да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ да въ сторону не отбился, а я поѣду передовымъ!“ Съ большимъ трудомъ перетаскивали стариковъ возъ впередъ, а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали, потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичъ

Сергѣй Т. Аксаковъ.

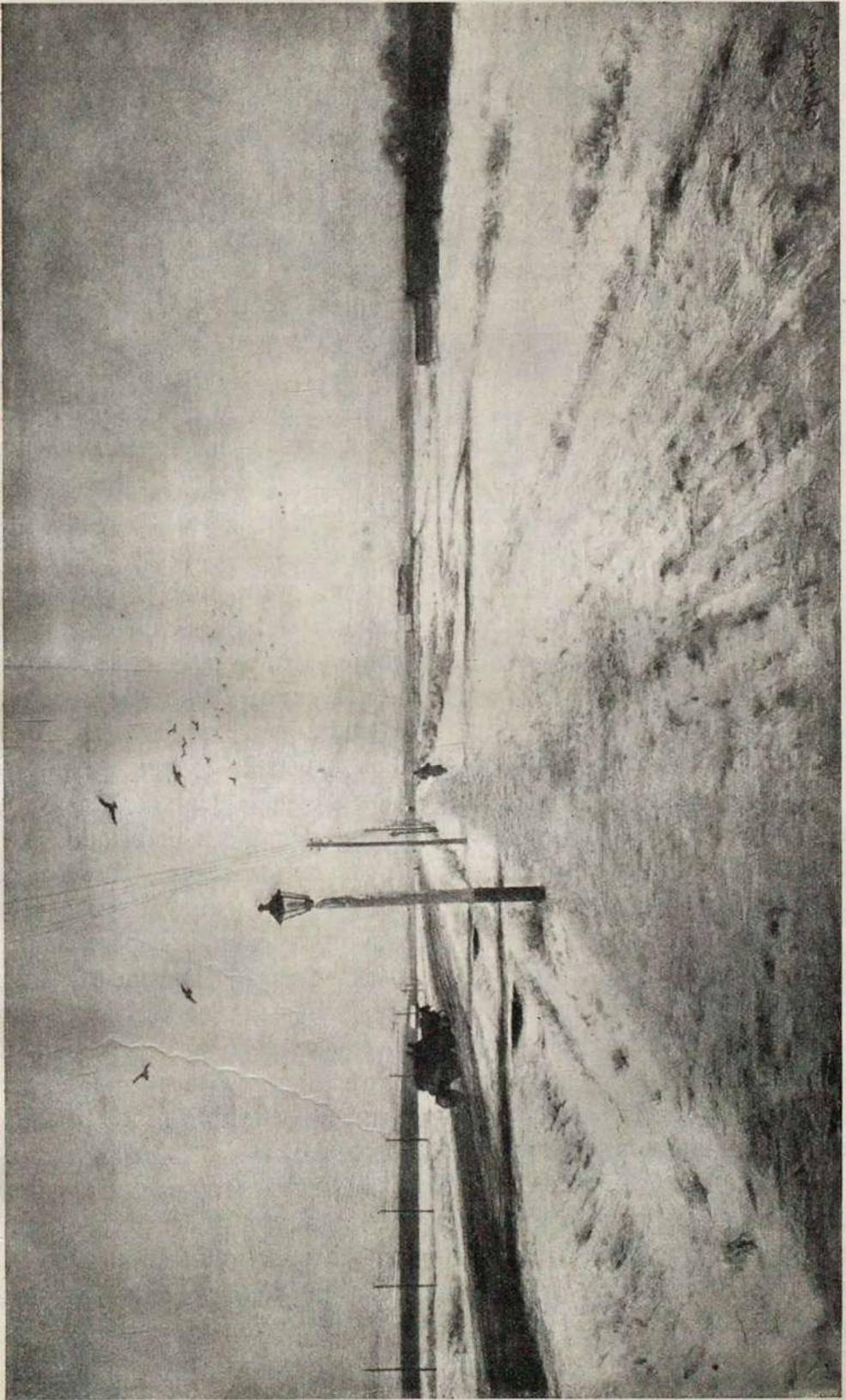
сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысѣй малахай, помолился Богу и, сѣвъ на возъ: „Ну, Сѣрко!“ сказалъ хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ, „выручалъ ты меня не одинъ разъ: послужи и теперь, не сшибись съ дороги“... и обозъ поѣхалъ шагомъ.

Снѣговая бѣлая туча, огромная, какъ небо, обтянула весь горизонтъ и быстро задернула густою пеленою послѣдній свѣтъ красной вечерней зари. Вдругъ настала ночь... наступилъ буранъ со всею яростью, со всеми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольѣ, взрылъ снѣговья степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ... Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо превратились въ пучину кипящаго снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханіе, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всехъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время бурановъ значительно уменьшается. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ... и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

Долго тащился нашъ обозъ со своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди по большей части шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу. Наконецъ все выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его Сѣрко, которому было всехъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги,—старикъ остановилъ обозъ. „Други“, сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всехъ мужиковъ: „дѣлать нечего: надо отдаться на волю Божію, надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними, какъ подъ шалашомъ, да и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось, не все замерзнемъ“.

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ; но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенію. По несчастью, въ обозѣ были люди молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала, не захотѣлъ послушаться старика. „Полно, дѣдушка!“ сказалъ онъ. „Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ помирать съ тобою? Ты уже пожилъ на бѣломъ свѣтѣ, тебѣ все

Зимняя дорога.

Съ картины С. Жуковского.

равно, а намъ еще пожить хочется. До умета верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! Пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого совѣмъ лошади стали. Завтра, Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ“. Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что Сѣрко истомился менѣе другихъ, напрасно поддерживалъ его Петровичъ и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ на двѣнадцати подводахъ пустились далѣе.

Буранъ свирѣпствовалъ часъ отъ часу, бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ, что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми... Наконецъ, стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачною синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ, улеглись снѣга. Степи представили видъ бурнаго моря, внезапно обледенѣвшаго... Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись переждавшіе буранъ обозы и всякіе проѣзжіе.

По самой этой дорогѣ возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговой шишъ, похожій на стогъ сѣна или на копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣло, принялись отрывать, чѣмъ ни попало, и отрыли старика, Петровича и двоихъ ихъ товарищей: всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обтаялъ, и у нихъ было тепло въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ уметъ, который точно былъ не далекъ. Свѣжій морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія.— Въ уметѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали вина и потомъ уложили спать на полати. Проспавшіеся настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы. Шестеро смѣльчаковъ, или, лучше сказать, глупцовъ, послушавшихся молодого удальца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадетъ ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ—и всѣ замерзли. Весною отыскивали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ.

- Проселочная дорога**—между селеньями, въ сторонѣ отъ большой дороги.
Торный—см. стр. 36.
Необозримый—чего нельзя обозрѣть, окинуть взоромъ.
Пронзительный—проникающій, пронизывающій насквозь, рѣзкій.
Полозья, въ ед. ч. **полозь**—бруски, придѣлываемые къ санямъ, вмѣсто колесъ.
Дубленый—то, что дубили, т. е. клали въ дубъ, отмачивали въ отварѣ дубоваго корья, напр. кожу.
Нахлобучить—см. стр. 123.
Малахай—большая, ушастая шапка на мѣху.
Запустить—покрывать пушкомъ. Деревья запустило снѣгомъ.
Сосулька—что можно сосать или что имѣеть такой видъ; здѣсь—ледяная палочка, образовавшаяся изъ намерзшихъ капель.
Кормежка—то же, что кормленіе.
Замѣшкаться—задержаться, пробыть долѣе, чѣмъ слѣдовало.
Неминуцій—то же, что **неминуемый**, чего нельзя миновать, избѣгать.
Заволакивать, **заволокнуть**—заносить, закрывать, затягивать.
Прахъ—пыль, перегнившіе остатки. Определите различн. значенія этого сл.:
Все прахомъ станеть, все во прахъ падеть.—Все прахомъ пошло.—
Посыпать главу прахомъ и пепломъ.—Миръ праху его!
Неистомчивый, **неистомный**—неутомимый, незнающій устали.
Отбиться,—определить смыслъ этого сл. Мы отбились отъ непріятеля.—
Онъ отъ рукъ отбился.—Скотина отъ стада отбилась.
Сшибаться, **сшибиться**—сбиться съ пути. А что значитъ: онъ сшибъ меня съ ногъ?
Пучина—водоворотъ, морская бездна.
Присутетвіе духа—полное обладаніе чувствами, сознаніемъ.
Оступиться—ступить ногой неловко, мимо чего-либо, споткнуться.
Пристать—здѣсь значитъ: утомиться, выбиться изъ силъ. Буквально значитъ: прилипать; глина пристаетъ къ колесу. Другія значенія: 1) присоединиться слѣдовать за кѣмъ; 2) надѣдать просьбой; 3) быть приличну, допускаться обычаемъ; 4) причалить. Дайте примѣры на все эти значенія.
Кошма—войлокъ, полость сваленая изъ овечьей шерсти.
Облекать, **облачить**, **облокать**, **оболочь**—закрывать, обтягивать, одѣвать. Что значитъ **облачаться**, **облаченіе**, **облако**?
Уметь—окопъ, сторожевой пріютъ, одинокій постоянный дворъ, хуторъ (на Уралѣ).
Улегаться, **улечься**—лечь спать, умѣститься лежа. Примѣры?
Тронуться—идти, двигаться. Дайте примѣры. Что значитъ: **притронуться**, **растрогаться**, **быть тронуту**?
Шишь—островерхій шалашъ.

96. Колокола.

Стихотвореніе К. Р.

Несется благовѣсть... Какъ грустно и уныло
на сторонѣ чужой звучать колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
и прежняя тоска на сердце налегла.
Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной,
и словно слышится мнѣ нашего села
далекій благовѣсть. И ласково и нѣжно
съ далекой родины гудятъ колокола.

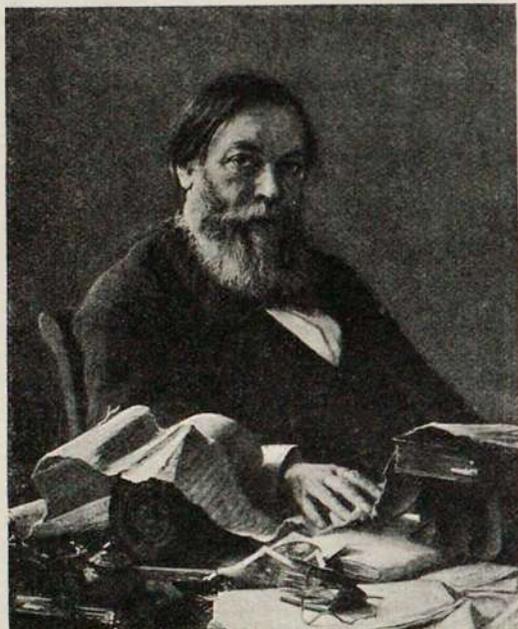
Загадка: *Живой мертвого бьетъ, мертвый голосъ издаетъ, на крикъ его народъ идетъ.*

Пословицы: *Съ родной стороны и ворона мила.—На чужой сторонѣ и весна не красна. — И дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ* (Грибоѣд.).

*

97. Ночевка въ лѣсу.

А. Печерскаго.

А. Печерскій (Павель Ивановичъ Мельниковъ)
(1819—1882).

Путники рѣшились заночевать. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и едѣлали приваль. Топоровъ оказалось два; работники начали сучья и валенникъ рубить, костры складывать вокругъ привала, и, когда стемнѣло, зажгли ихъ. Потапъ Максимычъ вытащилъ изъ сани кожанный мѣшокъ, вынулъ изъ него хлѣба, пироговъ, капусту и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ накрошили, капусту съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть не важно, да здорово поужинали.

Но вотъ вдали, за версту или больше, слышался вой; ему откликнулся другой, третій; вой— все ближе и ближе; смолкъ, и послышалось пряданіе звѣрей по насту, ворчаніе звѣрей, стукъ зубовъ...

Ни одинъ звукъ не пропадаетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! боязно прошепталъ Потапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшего Стуколова.

Дюковъ и работники давно уже спали крѣпкимъ сномъ.

— А... Что!... промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ.—Что ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, говорилъ смутившійся Потапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ.—Эхъ, ихъ что туть! Чуютъ мясо

— Бѣда! шопотомъ промолвилъ Потапъ Максимычъ

— Какая же бѣда? никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо... Эй вы, ребята! крикнулъ онъ работникамъ.—Проснись! Вали на костры больше.

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Потапомъ Максимычемъ навалили громадныя костры. Огонь сталъ было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось пуще прежняго.

— Видимо-невидимо!... говорилъ оторопѣвшій Потапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей уже можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ, молвилъ Стуколовъ.

— Молчи ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ... тревожно говорилъ Потапъ Максимычъ.

А волки все близятся; было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше, какъ въ ста саженьяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щелкали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались.

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя; тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да и не хватить заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но Стуколовъ человѣкъ бывалый, недаромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ путниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы.

— Разъ... два... три!.. крикнулъ Стуколовъ, и, выступивъ за костры, путники еще пустили по горячей лапѣ.

Завыли звѣри; но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженью пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль—и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, молвилъ Стуколовъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохоровичъ, молвилъ По-

тапъ Максимычъ, когда опасность миновала.— Не будь тебя, сожрали бы они насъ!

Стуколовъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу онъ заснулъ богатырекимъ сномъ.

Валежникъ (отъ сл. валить)—сухой, лежачій лѣсъ.

Приваль—короткая остановка, отдыхъ на походѣ.

Трапеза—столъ съ пищей, обѣдъ, ужинъ.

Тюря—самая простая ѣда: хлѣбъ или сухари, покрошенные въ воду съ солью.

Прядать—прыгать, скакать; **спрянуть, отпрянуть, вспрынуть** — что значить?

Дайте примѣры.

Настъ—отвердѣвшій отъ морозовъ снѣгъ.

Заиграть—начать играть. Что значить **заигрывать?**—Заиграть (про огонь или лучи)—засверкать.

Зарево—огненный свѣтъ или отблескъ на небѣ отъ небесныхъ явленій или отъ пожара.

Хвой, хвоя, хвойникъ—нарубленныя еловыя вѣтви, ельникъ.

Оторопѣть—оробѣть, испугаться; не найтись, что дѣлать.

Торба—мѣшокъ, сума.

Прясть—вить, крутить. Лошадь ушами **прядетъ**—подергиваетъ ими отъ испугу или отъ робости.

Лапы—здѣсь значить: вѣтви хвойнаго лѣса.

Головня—обгорѣлое или обугленное полѣно.

Огрызаться—браниться, грубо отвѣчать, (про звѣрей) скалить зубы, сердясь на затронувшаго ихъ.

Дошлый—смышленный, опытный.

98. Млечный путь.

Стихотвореніе К. Бальмонта.

Мѣсяца не видно. Свѣтитъ млечный путь.
Голову сѣдую свѣсивши на грудь,
спитъ ямщикъ усталый. Кони чуть идутъ.
Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ
Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
Звѣзды прославляютъ Господа Творца.
„Господи“, спросонокъ прошепталь ямщикъ,
и, крестясь, зѣваетъ, и опять поникъ,
и опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скрипятъ полозья. Убѣгаетъ путь.

Млечный путь—бѣлесоватая широкая полоса по небу, состоящая изъ несчетнаго числа звѣздъ.

Какія значенія имѣетъ сл. **зѣвать**?

Спросонокъ—см. стр. 151.

Поникнуть—наклониться, иногда также согнуть, вянуть. **Поникнуть** головою—повѣсить голову, то же, что выше: свѣсивши голову, или ниже: склонивъ голову.—Отъ засухи въ полѣ все поникло.

99. Бѣлоголовый.

Разсказъ А. Чехова.

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Ея волчата, всѣ трое, крѣпко спали, сбившись въ кучу, и грѣли другъ друга. Она облизала ихъ и пошла.

Быль уже весенній мѣсяць мартъ, но по ночамъ деревья трещали отъ холода, какъ въ декабрѣ, и едва высунешь языкъ, какъ его начинало сильно щипать. Волчиха была слабаго здоровья, мнительная; она вздрагивала отъ малѣйшаго шума и все думала о томъ, какъ бы дома безъ нея кто не обидѣлъ волчатъ. Запахъ человѣческихъ и лошадиныхъ слѣдовъ, пни, сложенные дрова и темная унавоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями въ потемкахъ стоятъ люди и гдѣ-то за лѣсомъ воютъ собаки.

Она была уже не молода, и чутье у нея ослабѣло, такъ что, случалось, лисій слѣдъ она принимала за собачій и иногда даже,

обманутая чутьемъ, сбивалась съ дороги, чего съ нею никогда не бывало въ молодости. По слабости здоровья, она уже не охотилась на телятъ и крупныхъ барановъ, какъ прежде, и уже далеко обходила лошадей съ жеребятами, а питалась одною падалью; свѣжее мясо ей приходилось кушать очень рѣдко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нея дѣтей, или забиралась къ мужикамъ въ хлѣвъ, гдѣ были ягнята.

Въ верстахъ четырехъ отъ ея логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тутъ жилъ сторожъ Игнатъ, старикъ лѣтъ семидесяти, который все кашлялъ и разговаривалъ самъ съ собой; обыкновенно ночью онъ спалъ, а днемъ бродилъ полѣсу съ ружьемъ-одностволкой и посвистывалъ на зайцевъ. Должно-быть, раньше онъ служилъ въ механикахъ, потому что каждый разъ, прежде чѣмъ остановиться, кричалъ себѣ: „Стопъ машина!“ и прежде чѣмъ пойти дальше: „Полный ходъ!“ При немъ находилась громадная черная собака неизвѣстной породы, по имени Арапка. Когда она забѣгала далеко впередъ, то онъ кричалъ ей: „Задній ходъ!“ Иногда онъ пѣлъ и при этомъ сильно шатался и часто падалъ (волчиха думала, что это отъ вѣтра) и кричалъ: „Сошелъ съ рельсовъ!“

Волчиха помнила, что лѣтомъ и осенью около зимовья паслись баранъ и двѣ ярки, и когда она не такъ давно пробѣгала мимо, то ей послышалось, будто въ хлѣву блеяли. И теперь, подходя къ зимовью, она соображала, что уже мартъ и, судя по времени, въ хлѣву должны быть ягнята непременно. Ее мучилъ голодь, она думала о томъ, съ какою жадностью она будетъ ѣсть ягненка, и отъ такихъ мыслей зубы у нея щелкали и глаза свѣтились въ потемкахъ, какъ два огонька.

Изда Игната, его сарай, хлѣвъ и колодець были окружены высокими сугробами. Было тихо. Арапка, должно-быть, спала подъ сараемъ.

По сугробу волчиха взобралась на хлѣвъ и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, такъ что волчиха едва не провалилась; на нее вдругъ прямо въ морду пахнуло теплымъ паромъ и запахомъ навоза и овечьяго молока. Внизу, почувствовавъ холодъ, нѣжно заблеялъ ягненокъ. Прыгнувъ въ дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и теплое, должно-быть на барана, и въ это время въ хлѣву что-то вдругъ завизжало, залаяло и залилось тонкимъ, подвывающимъ голосомъ, овцы шарахнулись къ стѣнкѣ, и вол-

Зима,

Съ картины В. Сьрдова.

чиха, испугавшись, схватила, что первое попало въ зубы, и бросилась вонъ...

Она бѣжала, напрягая силы, а въ это время Арапка, уже почувывая волка, неистово выла, кудахтали въ зимовьѣ потревоженные куры, и Игнатъ, выйдя на крыльцо, кричалъ:

— Полный ходъ! Пошелъ къ свистку!

И свистѣлъ, какъ машина, и потомъ—го-го-го-го!.. И весь этотъ шумъ повторяло лѣсное эхо.

Когда мало-по-малу все это затихло, волчиха успокоилась немного и стала замѣчать, что ея добыча, которую она держала въ зубахъ и волокла по снѣгу, была тяжелѣе и какъ будто тверже, чѣмъ обыкновенно бывають въ эту пору ягнята, и пахла какъ будто иначе, и слышались какіе-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою ношу на снѣгъ, чтобы отдохнуть и начать ѣсть, и вдругъ отскочила съ отвращеніемъ. Это былъ не ягненокъ, а щенокъ, черный, съ большой головой и на высокихъ ногахъ, крупной породы, съ такимъ же бѣлымъ пятномъ во весь лобъ, какъ у Арапки. Судя по манерамъ, это былъ невѣжа, простой дворняжка. Онъ облизалъ свою помятую, раненую спину и, какъ ни въ чемъ не бывало, замахалъ хвостомъ и залаялъ на волчиху. Она зарычала, какъ собака, и побѣжала отъ него. Онъ за ней. Она оглянулась и щелкнула зубами; онъ остановился въ недоумѣніи и, вѣроятно рѣшивъ, что это она играетъ съ нимъ, протянулъ морду по направленію къ зимовью и залился звонкимъ радостнымъ лаемъ, какъ бы приглашая мать свою Арапку поиграть съ нимъ и съ волчихой.

Уже свѣтало, и когда волчиха пробиралась къ себѣ густымъ осинникомъ, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева, и часто вспархивали красивые пѣтухи, обезпеченные неосторожными прыжками и лаемъ щенка.

„Зачѣмъ это онъ бѣжитъ за мной?—думала волчиха съ досадой.—Должно-быть, онъ хочетъ, чтобы я его съѣла“.

Жила она съ волчатами въ неглубокой ямѣ; года три назадъ во время сильной бури вывернуло съ корнемъ высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на днѣ ея были старые листья и мохъ, тутъ же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись и всѣ трое, очень похожіе другъ на друга, стояли рядомъ на краю своей ямы и, глядя на возвращавшуюся мать, помахивали хвостами. Увидѣвъ ихъ,

щенокъ остановился поодаль и долго смотрѣлъ на нихъ: замѣтивъ, что они тоже внимательно смотрятъ на него, онъ сталъ лаять на нихъ сердито, какъ на чужихъ.

Уже разсвѣло и взошло солнце, засверкалъ кругомъ снѣгъ, а онъ все стоялъ поодаль и лаялъ. Волчата сосали свою мать,

пихая ее лапами въ тощій животъ, а она въ это время грызла лошадиную кость, бѣлую и сухую; ее мучилъ голодъ, голова разболѣлась отъ собачьяго лая, и хотѣлось ей броситься на непрощеннаго гостя и разорвать его.

Наконецъ щенокъ утомился и охрипъ; видя, что его не боятся и даже не обращаютъ на него вниманія, онъ сталъ несмѣло, то присѣдая, то подскакивая, подходить къ волчатамъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, легко уже было разсмотрѣть его... Бѣлый лобъ у него былъ большой, а на лбу бугоръ, какой бываетъ у очень глупыхъ собакъ; глаза были маленькіе, голубые, тусклые, а выраженіе всей морды чрезвычайно глупое.

Подойдя къ волчатамъ, онъ протянулъ впередъ широкія лапы, положилъ на нихъ морду и началъ:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенокъ ударилъ лапой одного волчонка по большой головѣ. Волчонокъ тоже ударилъ его лапой по головѣ. Щенокъ сталъ къ нему бокомъ и посмотрѣлъ на него искоса, помахивая хвостомъ, потомъ вдругъ рванулся съ мѣста и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по насту. Волчата погнались за нимъ, онъ упалъ на спину и задралъ вверхъ ноги, а они втроемъ напали на него и, визжа отъ восторга, стали кусать его, но не больно, а въ шутку. Вороны сидѣли на высокой соснѣ и смотрѣли сверху на ихъ борьбу, и очень безпокоились. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему, и пѣтухи, то и дѣло перелетавшіе черезъ сосну, поваленную бурей, при блескѣ солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи приучаютъ своихъ дѣтей къ охотѣ, давая имъ поиграть добычей; и теперь, глядя, какъ волчата гонялись по насту за щенкомъ и боролись съ нимъ, волчиха думала: „Пускай приучаются“.

Наигравшись, волчата пошли въ яму и легли спать. Щенокъ повылъ немного съ голоду, потомъ тоже растянулся на солнышкѣ. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечеромъ волчиха вспоминала, какъ прошлую ночью въ хлѣву блеялъ ягненокъ и какъ пахло овечьимъ молокомъ, и отъ аппетита она все щелкала зубами и не переставала грызть съ жадностью старую кость, воображая себѣ, что это ягненокъ. Волчата сосали, а щенокъ, который хотѣлъ ѣсть, бѣгалъ кругомъ и обнюхивалъ снѣгъ.

„Съѣмъ-ка его“...—рѣшила волчиха.

Она подошла къ нему, а онъ лизнулъ ее въ морду и заскулилъ, думая, что она хочетъ играть съ нимъ. Въ былое время она ѣдала собакъ, но отъ щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпѣла этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь...

Къ ночи похолодѣло. Щенокъ соскучился и ушелъ домой.

Когда волчата крѣпко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Какъ и въ прошлую ночь, она тревожилась малѣйшаго шума, и ее пугали пни, дрова, темные, одиноко стоящіе кусты можжевельника, издали похожіе на людей. Она бѣжала въ сторонѣ отъ дороги, по насту. Вдругъ далеко впереди на дорогѣ замелькало что-то темное... Она напрягла зрѣніе и слухъ: въ самомъ дѣлѣ, что-то шло впереди, и даже слышны были мѣрныя шаги. Не барсукъ ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая все въ сторону, обогнала темное пятно, оглянулась на него и узнала. Это, не спѣша, шагомъ, возвращался къ себѣ въ зимовье щенокъ съ бѣлымъ лбомъ.

„Какъ бы онъ опять мнѣ не помѣшалъ“, —подумала волчиха и быстро побѣжала впередъ.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлѣвъ по сугробу. Вчерашняя дыра была уже задѣлана яровой соломой, и по крышѣ протянулись двѣ новыя слеги. Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идетъ ли щенокъ, но едва пахнуло на нее теплымъ паромъ и запахомъ навоза, какъ сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенокъ. Онъ прыгнулъ къ волчихѣ на крышу, потомъ въ дыру и, почувствовавъ себя дома, въ теплѣ, узнавъ своихъ овецъ, залаялъ еще громче... Арапка проснулась подъ сараемъ и, почувявъ волка, завывала, закудахтали куры, и когда на крыльцѣ показался Игнатъ со своей одностволкой, то перепуганная волчиха была уже далеко отъ зимовья.

— Фюйтъ!—засвистѣлъ Игнатъ.—Фюйтъ! Гони на всѣхъ паряхъ!

Онъ спустилъ курокъ—ружьѣ дало осѣчку; онъ спустилъ еще разъ—опять осѣчка; онъ спустилъ въ третій разъ—и громадный огненный снапъ вылетѣлъ изъ ствола и раздалось оглушительное „бу! бу!“ Ему сильно отдало въ плечо, и, взявши въ одну руку ружье, а въ другую топоръ; онъ пошелъ посмотреть отчего шумъ...

Немного погодя, онъ вернулся въ избу.

— Что тамъ?—спросилъ хриплымъ голосомъ странникъ, ночевавшій у него въ эту ночь и разбуженный шумомъ.

— Ничего... — отвѣтилъ Игнатъ. — Пустое дѣло. Повадилося нашъ Бѣлолобый съ овцами спать, въ теплѣ. Только нѣтъ того понятія, чтобы въ дверь, а норовить все какъ бы въ крышу. Намедни ночью разобралъ крышу и гулять ушелъ, подлець, а теперь вернулся и опять разворошилъ крышу.

— Глупый.

— Да, пружина въ мозгу лопнула. Смерть не люблю глупыхъ!—вздохнулъ Игнатъ, полѣзая на печь.—Ну, Божій человекъ, рано еще вставать, давай спать полнымъ ходомъ...

А утромъ онъ подозвалъ къ себѣ Бѣлолобаго, больно оттрепалъ его за уши и потомъ, наказывая его хворостиной, все приговаривалъ:

— Ходи въ дверь! Ходи въ дверь! Ходи въ дверь!

Опредѣлите различныя значенія сл. **сбиться** по слѣд. выраженіямъ: Клепки бочки сбиваются обручами.—Онъ сбился съ дороги.—Я зналъ урокъ, но сбился. Съ нимъ трудно ходить: онъ все сбивается съ ноги.—Лѣто нынче все сбивается на осень.—Масло сбилось.—Овцы отъ страху сбились въ кучу.

Мнительный (отъ сл. мнить—думать, полагать)—недовѣрчивый, осторожный, подозрительный. Что значитъ: „мнительный человекъ“ въ отношеніи здоровья?

Унавоженный—отъ какого слова происходитъ, какое отношеніе имѣетъ къ сл. „вести“?

Обходить, обойти, обхаживать—имѣетъ нѣсколько значеній: 1) побывать вездѣ, 2) ходить кругомъ, 3) пройти мимо, миновать, 4) обмануть кого, 5) не дать кому-ниб. награды, мѣста. Дайте соответствующіе примѣры.—Опредѣлите также, что значитъ **обходиться** по слѣд. выраженіямъ: Безъ его помощи не обойдешься.—Онъ съ прислугою обходится хорошо.—Чай обошелся по сту рублей за цыбикъ.—Что значитъ **обходъ**, **обходительный**?

Набрести—случайно натолкнуться.

Логовище или логово—мѣсто, гдѣ звѣрь залегъ, неглубокая яма.

Зимовье—см. стр. 161.

Ярка—молодая овца.

Заливаться, залиться: 1) какъ тебѣ не стыдно, весь-то ты залился; 2) она вдругъ залилась слезами; 3) слышите, какъ онъ на гармоникѣ заливается; жаворонокъ въ вышинѣ заливается; 4) заливаясь смѣхомъ; 5) между тѣмъ псы заливались всеми возможными голосами (Гоголь „Мертв. души“). Объясните всѣ перечисленныя значенія и придумайте новые примѣры.

Шарахнуться—кинуться опрометью, съ испугу.

Неистовый—изстуженный, вышедшій изъ себя, бѣшенный, яростный.

Настъ—см. стр. 184.

Скулить—1) тихо визжать, выть; 2) докучать плачемъ, мольбами; 3) скряжничать, торговаться.

Яровой хлѣбъ—хлѣбъ, который сѣется весной и снимается осенью.

Слега—жердь, которую кладутъ поперекъ стропиль для настилки соломы или драни.

Курокъ—часть замка въ ружьѣ.

Дать осычку—говорится про ружье, когда оно не выстрѣлитъ оттого, что отсырѣло, или испортилось, или по какой-ниб. другой случайной причинѣ.

Норовить—см. стр. 161.

Разворозить—разворотить, разрыть, привести въ безпорядокъ.

Мартъ.

Съ картины И. Левитана.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

100. ЧИСТЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

К. Ушинскаго.

На масленицѣ мы славно повеселились: и съ горь покатались, и блиновъ поѣли. Было шумно и весело: зато сегодня—какая тишина въ домѣ и на улицахъ! Только слышенъ печальный и протяжный благовѣсть. Мамаша и бабушка надѣли темныя платья и собираются говѣть. Приходилъ священникъ: прочелъ молитву и поздравилъ всѣхъ съ великимъ постомъ.

Въ воздухѣ уже пахнетъ весною. Въ полдень солнышко замѣтно пригрѣваетъ; съ крышъ свѣсились брильянтовыя сосульки, снѣгъ рыхлѣетъ, въ саду показываются проталинки. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать: будетъ ли Пасха на снѣгу или на зеленой травкѣ? Ученья всего шесть недѣль; на седьмую насъ распустятъ. Надя и Вѣра уже начали собирать цвѣтныя тряпочки для писанокъ. Раненько, мои милыя!

Протяжный—медленный.

Благовѣсть—звонъ въ колоколь для извѣщенія о службѣ въ церкви. Что значить: разблаговѣстить?

Говѣть—готовиться къ исповѣди и причастію, постясь и посѣщая церковь.

Сосулька—см. стр. 181.

Проталина—мѣстечко, гдѣ стаялъ снѣгъ.

Писанка—расписаное разными красками пасхальное яйцо.

Шутка: *Въ понедѣльникъ я банюшку топила, во вторникъ я въ баньку ходила, въ среду въ угарь пролежала, въ четвергъ буйну голову чесала, въ пятницу добры люди не пряли, въ субботу родителей поминали, въ воскресенье на весельѣ погуляли.*

101. * * *

Стихотвореніе гр. А. Толстаго.

Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ,
теплый паръ восходитъ отъ земли,
и кувшинчикъ синій расцвѣтаетъ,
и зовутъ другъ друга журавли.

Юный лѣсъ, въ зеленый дымъ одѣтый,
теплыхъ грозъ нетерпѣливо ждетъ,
все весны дыханіемъ согрѣто,
все кругомъ и любить, и поеть.

Утромъ небо ясно и прозрачно,
ночью звѣзды свѣтятъ такъ свѣтло.

102. * * *

Стихотвореніе *Θ. Тютчева.*

Зима не даромъ злится:
прошла ея пора;
весна въ окно стучится
и гонить со двора.
И все засуетилось,
все гонить зиму вонъ,
и жаворонки въ небѣ
ужъ подняли трезвонъ.
Зима еще хлопочетъ
и на весну ворчить,

та ей въ глаза хохочетъ
и пуще лишь шумить!
Взбѣсилась вѣдьма злая
и, снѣгу захватя,
пустила, убѣгая,
въ прекрасное дитя.
Веснѣ и горя мало:
умылася въ снѣгу
и лишь румянѣй стала
наперекоръ врагу.

Суетиться—торопиться безъ толку. А какой оттѣнокъ мысли придается приставкой за?

Трезвонъ—буквально значить: звонъ во многіе колокола. А здѣсь?

Наперекоръ—на зло, вопреки. Какой вы знаете отъ того же корня глаголь?

Загадка: *Внучекъ за дѣдушкой пришелъ.*

Мальчикъ изъ лавки.

Съ картины *И. Рѣпина.*

Разскажете, что здѣсь нарисовано.

III. В Е С Н А.

„Грачи прилетѣли“. Съ картины *А. Саврасова*.

103. Весна.

Стихотвореніе *А. Майкова*.

Весна! Выставляется первая рама —
и въ комнату шумъ ворвался:
и благовѣсть ближняго храма,

и говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
вонъ даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна.

Выставлятъ, выставить что—вынимать, ставить на показъ; *шуточн.*—выгнать, исключить: его выставили изъ комнаты.

Благовѣсть—см. стр. 194.

Ближній—здѣсь въ смыслѣ близкій, а обыкновенно что значить?

Говоръ—шумъ или гулъ нѣсколькихъ голосовъ, толки, слухи, молва, мѣстное нарѣчье. Назовите примѣры на все эти значенія.

Даль—значительное разстояніе одного мѣста или предмета отъ другого. Что значить: голубая даль? или этотъ художникъ хорошо изображаетъ даль?

Шествовать—идти, ходить торжественно. Отсюда **шествіе**, напр. погребальное, крестное.

Пословицы: *Красна весна, да голодна.—Весна цвѣтами красна, осень снопами.—Апрѣль съ водою, такъ май съ травою.—Ай, ай, мѣсяць май! не холоденъ, такъ голоденъ.*

Загадка: *Прилетѣла лавя, съла на лаву, распустила перья для всякаго зелья.*

104. Весна.

Стихотвореніе И. Бунина

Весна, весна! И все ей радо;
какъ въ забытїи какомъ стоишь
и слышишь свѣжїй запахъ сада
и теплый запахъ талыхъ крышъ.
Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
а вѣтеръ, мягкій и сырой,
глаза тихонько закрываетъ.

Забытье—неполная потеря сознанія, дремота, начало сна, удаленіе отъ дѣйствительности, задумчивость. Слабое забытье напало на меня—оно перешло въ дремоту (Тург.).—Я былъ такъ пораженъ, что находился точно въ какомъ-то забытїи; все мнѣ казалось сномъ (С. Аксак.).

Талый, отъ сл. таять—оттаявшїй. Талая земля, рыба.

105. Весной.

Отрывокъ А. Чехова.

Съ земли еще не сошелъ снѣгъ, а въ душу уже просится весна. Если вы когда-нибудь выздоравливали отъ тяжелой болѣзни, то вамъ извѣстно блаженное состояніе, когда замираешь отъ смутныхъ предчувствій и улыбаешься безъ всякой причины. Повидимому, такое же состояніе переживаетъ теперь и природа.

Земля холодна, грязь со снѣгомъ хлюпаетъ подъ ногами, но какъ кругомъ все весело, ласково, привѣтливо! Воздухъ такъ ясенъ и прозраченъ, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную отъ края до края. Солнце свѣтитъ ярко, и лучи его, играя и улыбаясь, купаются въ лужахъ вмѣстѣ съ воробьями. Рѣчка надувается и темнѣетъ; она уже проснулась и не сегодня-завтра зареветъ. Деревья голы, но уже живутъ, дышать.

Въ такое время хорошо гнать метлой или лопатой грязную воду въ канавахъ, пускать по водѣ кораблики или долбить каблуками упрямый ледъ. Хорошо также гонять голубей подъ самую высь поднебесную или лазить на деревья и привязывать тамъ скворешни.

Да, все хорошо въ это счастливое время года.

Просится весна въ душу—ср. выше: „мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей“.

Блаженный—см. стр. 36.

Замирать—лишаться чувствъ, сознанія, сильно волноваться. Замереть отъ радости, отъ восхищенія. См. стр. 115 и 140.

Смутный—неясный, печальный, мятежный. Я это помню смутно.—Смутное время.—Онъ все такой смутный ходитъ.

Хлюпать—шлепать.

Долбить—пробивать въ чемъ-либо дыру. Капля долбитъ камень.—Дятлы долбятъ деревья. Въ переносномъ значеніи: часто напоминать, твердить. Онъ каждый день долбитъ мнѣ это. Учить механически, безъ сознанія. Онъ выдолбилъ уроки. Отсюда долбня, долбежка—неосмысленное зубреніе.

Высь—высокое мѣсто, высота, вышина.

106. Весна.

Стихотвореніе А. Майкова.

Голубенькій, чистый
подснѣжникъ цвѣтокъ!
а подлѣ сквозистый
послѣдній снѣжокъ...

Послѣднія слезы
о горѣ быломъ—
и первыя грезы
о счастья иномъ...

Поденѣжникъ—первый цвѣтокъ, появляющійся какъ только стаетъ снѣгъ.

Сквозистый—см. стр. 109.

Былой—прошлый, бывший, нѣкогда случившійся. Былыя радости! забытыя печали! зачѣмъ въ моей душѣ вы снова прозвучали?

Греза, чаще во мн. ч.—мечта. Погрузиться въ грезы о чемъ... А что значить—мнѣ грезится?

107. * * *

Стихотвореніе *гр. А. Толстого*.

То было раннею весной,
трава едва всходила,
ручьи текли, не парилъ зной,
и зелень рошъ сквозила;

труба пастушья поутру
еще не пѣла звонко,
и въ завиткахъ еще въ бору
былъ папоротникъ тонкій;

то было раннею весной.

Всходить—подниматься кверху. Солнышко взошло.—Тѣсто всходить.—Посѣвъ взошелъ.—Молитвы всходятъ къ небесамъ.

Парить—держатъ въ пару. Парить капусту, рѣпу.—Пареная рѣпа.—Парить кого въ банѣ.—Парить солнце.—А что значить въ переносн. смыслѣ: упарить, запарить? Ср. сл. **парить**.

Сквозить—см. стр. 109.

Завитокъ—вьющіеся волоса, крючокъ или другое украшеніе у буквъ.

108. Весеннія воды.

Стихотвореніе *Θ. Тютчева*.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
а воды ужъ весной шумятъ,
бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ...

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„весна идетъ, весна идетъ!
мы молодой весны гонцы,
она насъ выслала впередъ!“

Весна идетъ, весна идетъ!
и тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
румяный, свѣтлый хороводъ
толпится весело за ней.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.
(1803—1873).

Сонный—имѣеть различныя значенія. Опреѣлите ихъ по слѣд. примѣрамъ: Сонные глаза.—Сонная рыба.—Сонное царство.—Сонное зелье.—*Счастье и соннаго найдеть.—Сонный хлѣба не проситъ.*

Гласить, отъ сл. гласъ (голосъ)—говорить, вѣщать. Законъ гласить.—Пословица гласить.—Изъ древности гласить молва (Крыл.).

Гонецъ—нарочно посланный; см. басню „Бѣлка“ (стр. 26): Я по дѣламъ гонцомъ у барина большого.

Хороводъ—кругъ изъ деревенской молодежи для пляски съ пѣснями. Хороводная пѣсня.—*Съ сумой ходить не хороводы водить.*

Толпиться—см. стр. 34.

109. Появленіе весны.

Стихотвореніе А. Пушкина.

Гонимы вешними лучами,
съ окрестныхъ горъ уже снѣга
сбѣжали мутными ручьями
на потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
синѣя блещутъ небеса...
Еще прозрачные, лѣса
какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
стада шумятъ, и соловей
уже пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Окрестный. отъ сл. окрестъ чего—около, вокругъ по сосѣдству. Окрестные жители.—Окрестность вся болотистая.—Не имѣеть ли это отношеніе къ слову „крестъ“ и какое?

Мутный—грязный, нечистый, неотстоялый, малопрозрачный, тусклый. Дайте примѣры.

Потопленный, отъ сл. потоплять—погружать въ воду, заливать.

Дань—см. стр. 103 и 202.

Келья—комната монаха, вообще уединенное жилище. А отсюда **келейный**—тайный, секретный, происходящій съ глазу на глазъ.

Безмолвіе—молчаніе, тишина. Что значитъ **безмолвный**, **безмолвствовать**?

110. Весенняя гроза.

Стихотвореніе О. Тютчева.

Люблю грозу въ началѣ мая,
когда весенній первый громъ,
какъ бы рѣзвяся и играя,

Оттепель.

Съ картины О. Васи́лева.

грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые,
вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летить...
Повисли перлы дождевые,
и солнце нити золотить.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
и гамъ лѣсной, и шумъ нагорный—
все вторитъ весело громамъ.

Рѣзвиться—играть, бѣгать.

Грохотать—издавать шумъ, трескъ, а также громко хохотать.

Раскаты грома—гуль, протяжные отголоски грома. А что еще значить раскатъ?
На раскатѣ коней вдругъ не осадить.

Перль—жемчужина. А здѣсь что значить?

Нити—о какихъ нитяхъ здѣсь говорится?

Молкнуть, молкать, молчать—затихать, не шумѣть, не издавать звука.

Гамъ—шумъ, крикъ, много нестройныхъ голосовъ.

Вторить кому, чему—повторять за кѣмъ, отзываться тѣми же звуками, поддакивать. Держать или вести вторую скрипку (въ оркестрѣ), второй голосъ (при пѣніи).

111. По дорогѣ.

Стихотвореніе *И. Сурикова.*

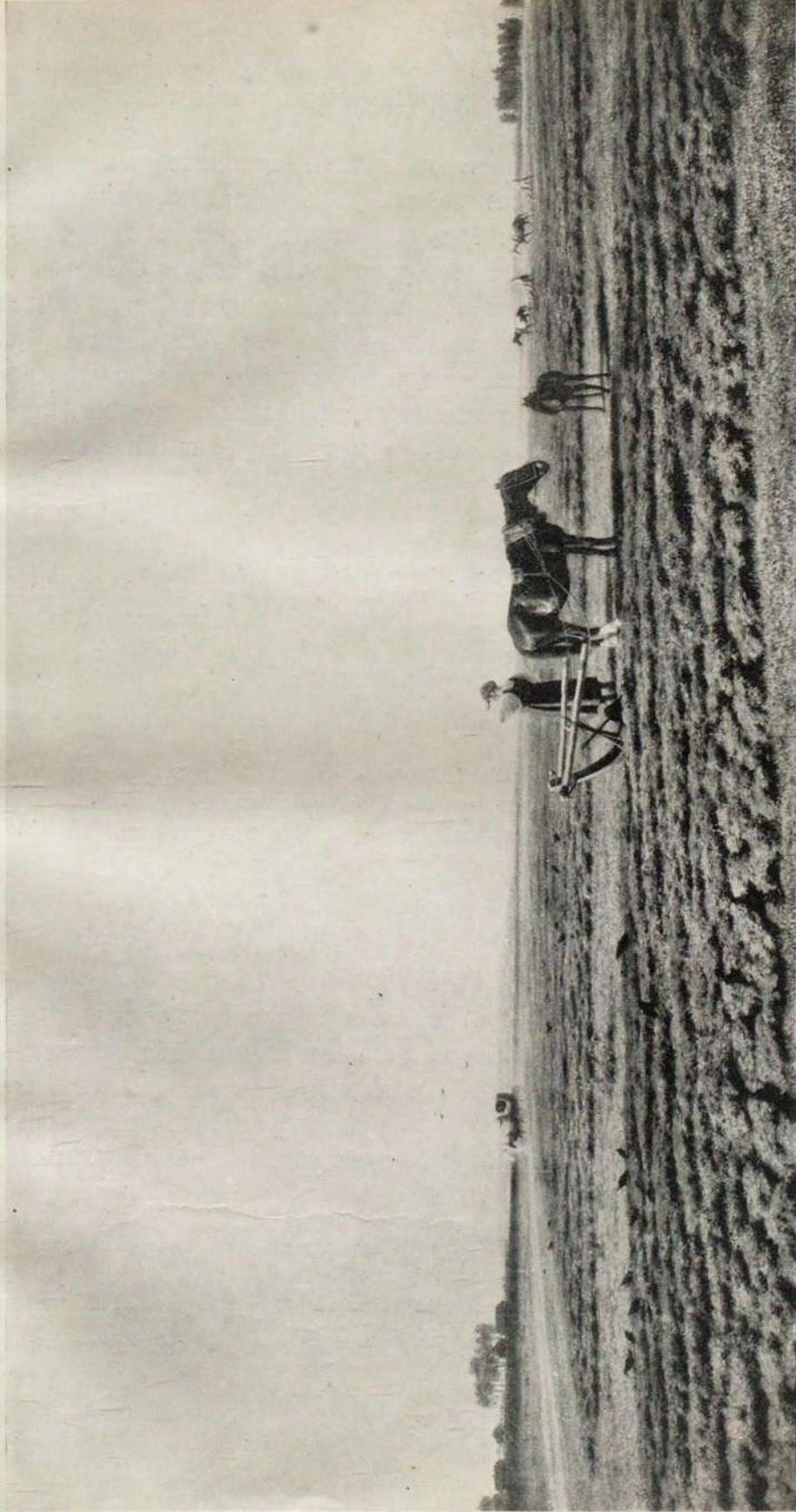
Я вѣзжаю въ деревню весенней порой;
и лѣса и луга зеленѣютъ;
всюду трудъ на поляхъ, рѣжутъ землю сохой,
всюду взрытыя пашни чернѣютъ.
И надъ ними, кружась, громко птицы звенять,
въ блескѣ вешняго дня утопая....

Взрывать, взрыть—вскалывать, разрыхлять землю. Въ улицы взрыты: мостовую чинять.—Кротъ варываетъ землю буграми.

Звенѣть—издавать тонкій металлическій звукъ. Звенить звонокъ, и тройка мчится вдоль по дорожкѣ столбовой;—звучать, издавать звуки, похожіе на звонъ. Въ голосѣ ея звенять слезы;—звонко пѣть: стрижи мелькаютъ и звенять. Что значить: въ ухахъ звенить?

Утопать или утонуть—пойти ко дну, погрузиться въ воду. Ср.: она исчезла, утопая въ сіяньи голубого дня;—въ переносн. знач.: утопать въ роскоши—предаваться роскоши.

На пашнѣ.

Съ картины бар. М. Клодта.

112. Что думаетъ деревенская лошадка.

В. Водовозова.

Вотъ придетъ весна, растаетъ снѣгъ на поляхъ, и запрягутъ меня въ соху, чтобы пахать землю. А въ жаркое лѣтнее время скосятъ траву на лугахъ, и буду я таскать возы съ сѣномъ. Къ осени опять придется возить въ ригу снопы ржи и овса. А поѣдутъ мужички продавать и покупать всякое добро, такъ иногда цѣлый день плетешься по вязкой дорогѣ, подъ дождемъ, подъ ненастнымъ вѣтромъ. Зимой стоишь по колѣна въ снѣгу гдѣ нибудь въ лѣсу, на морозѣ, тогда какъ твой хозяинъ рубить лѣсъ, накладываетъ въ сани хворостъ. Такъ-то вся наша жизнь проходитъ въ работѣ.

Рига—сарай, гдѣ сушится и молотится хлѣбъ.

Плестись, отъ сл. плести—вить, перевивать. Хмель плетется по плетню.—Лапти плетутся изъ лыка.—Въ переносн. знач.—еле ходить, напр.: Старикъ чуть плетется. См. также стр. 110.

Вязкій—топкій, въ чемъ нога вязнетъ, напр. вязкое болото.

Добро—см. стр. 15 и 129.

Хворостъ—сушнякъ, сухія вѣтви.

Пословицы: *Лошадь человеку крылья.—Погоняй коня не кнутомъ, а овцеюмъ.—Сыпь коню мышкомъ, такъ не будешь ходить пьшкомъ.*

Поговорка: *Онъ работаетъ какъ лошадь.* Что это значитъ?

113. * * *

Стихотвореніе О. Тютчева.

День вечерѣтъ, ночь близка,
длиннѣй съ горы ложится тѣнь,
на небѣ гаснутъ облака,
ужь поздно. Вечерѣтъ день.

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
на всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
деревья радостно трепещутъ,
купаясь въ небѣ голубомъ.

Вечерѣтъ—употребл. только въ 3 лицѣ; приближаться къ вечеру, смеркаться. Встрѣчается также въ безличной формѣ: вечерѣтъ.

Гаснутъ—переставать горѣть, терять блескъ. Лампа гаснетъ.—Пожаръ начинается гаснуть.—Гаснетъ день.—Гаснущіе лучи. А что значитъ гаснуть облака? А въ какомъ смыслѣ говорится: жизнь гаснетъ; свѣтъ очей погасъ?

Трепетать—см. стр. 132.

114. Орелъ и кошка.

К. Ушинскаго.

За деревней весело играла кошка со своими котятками. Весеннее солнышко грѣло, и маленькая семья была очень счастлива. Вдругъ, откуда ни возмись—огромный степной орелъ: какъ молнія спустился онъ съ вышины и схватилъ одного котенка. Но не успѣлъ еще орелъ подняться, какъ мать вцѣпилась уже въ него. Хищникъ бросилъ котенка и схватился со старой кошкой. Закипѣла битва на смерть.

Могучія крылья, крѣпкій клювъ, сильныя лапы съ длинными кривыми когтями давали орлу большое преимущество: онъ рвалъ кожу кошки и выклевалъ ей одинъ глазъ. Но кошка не потеряла мужества, крѣпко вцѣпилась въ орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже побѣда стала клониться на сторону кошки, но орелъ все еще былъ очень силенъ, а кошка уже устала; однакоже она собрала свои послѣднія силы, сдѣлала ловкій прыжокъ и повалила орла на землю. Въ ту же минуту откусила она ему голову и, забывъ свои собственныя раны, принялась облизывать своего израненнаго котенка.

Схватиться—схватить другъ друга. Борцы схватились.

Преимущество—превосходство, перевѣсъ въ добрыхъ качествахъ.

Закипѣть—начать кипѣть. Самоваръ закипаетъ.—Работа закипѣла—пошла живо, быстро. Бой закипѣлъ.

Мужество—храбрость, отвага, смѣлость.

Клониться—наклоняться, сгибаться, направляться, близиться къ чему.—Составьте примѣры на слова того же корня съ приставками: **наклониться, уклониться, поклониться, склониться.**

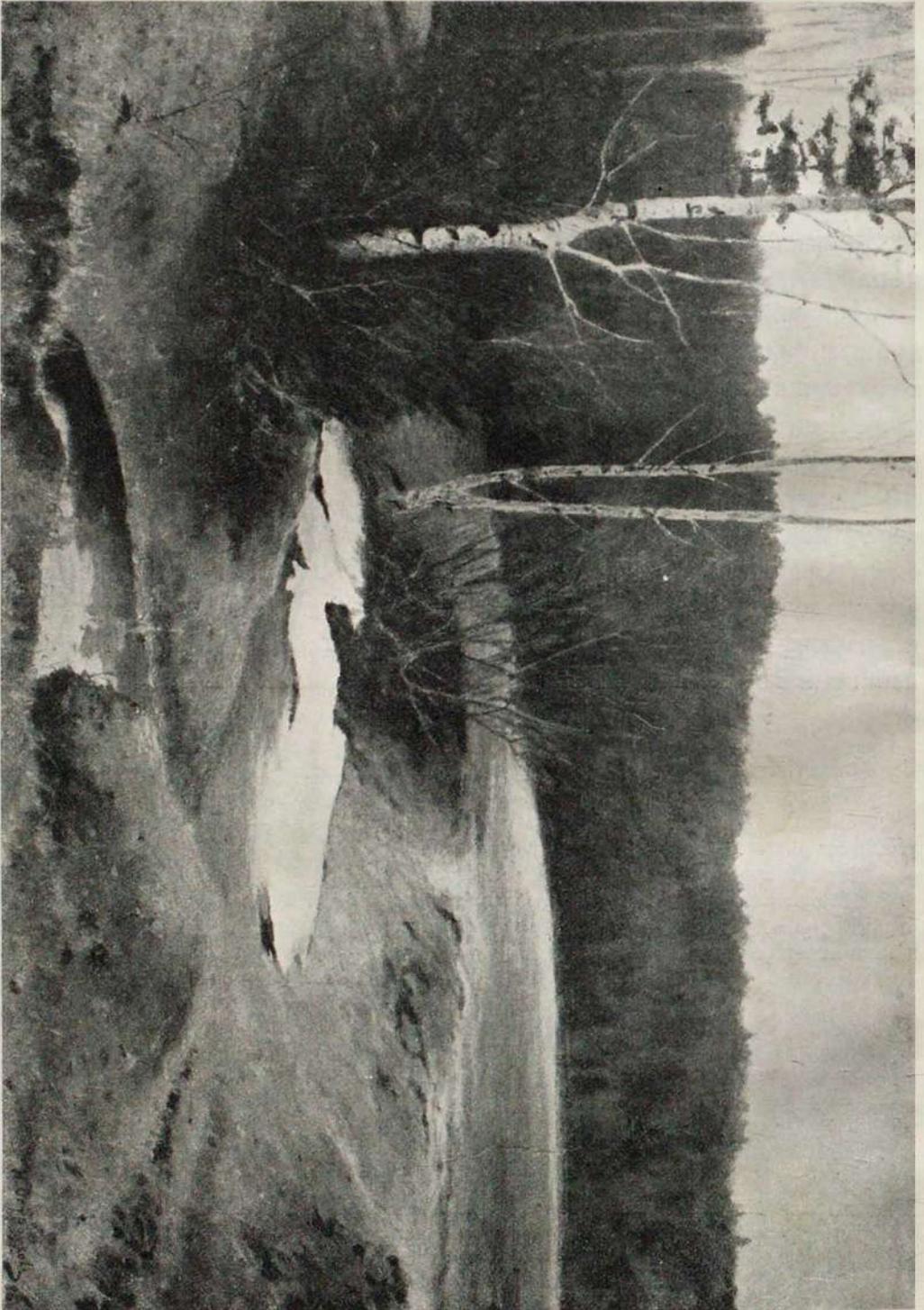

115. Весна.

Стихотвореніе А. Плещеева.

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
и лѣсъ одѣнется листвою!

Чиста небесная лазурь,
теплѣй и ярче солнце стало;

Послѣдній снѣгъ.

Съ картини И. Остроухова.

пора метелей злыхъ и бурь
опять надолго миновала.

И сердце сильно такъ въ груди
стучить, какъ будто ждетъ чего-то;
какъ будто счастье впереди,
и унесла зима заботы!

Всѣ лица весело глядятъ.
„Весна!“ читаешь въ каждомъ взорѣ;
и тотъ, какъ празднику, ей радъ,
чья жизнь—лишь тяжкій трудъ и горе.

Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
и беззаботныхъ птичекъ пѣнье
мнѣ говорятъ—кто больше всѣхъ
природы любить обновленье!

Лазурь—темноголубая краска; небесный цвѣтъ.

Миновать—объѣхать, пройти мимо, пропускать, избавляться отъ чего; о времени—пройти, кончиться. *Думъ смертямъ не бывать, одной не миновать.*—Чему быть, того не миновать.—Мы миновали ночью Нижній.—Минуй насъ пуще всѣхъ печалей и барскій гнѣвъ и барская любовь („Горе отъ ума“).

Обновленіе—то же, что возрожденіе, возстановленіе въ прежнемъ видѣ.

116. „По гнѣзда, по яйца!“

М. Богданова.

Раннимъ утромъ по деревенской улицѣ шумъ, крикъ и суета. То въ одномъ, то въ другомъ дворѣ отворяются ворота, и на улицу выбѣгаютъ овцы съ ягнятами, коровы, свиньи; они мычатъ, хрюкаютъ; а за ними съ кнутами гонятся босоногіе ребятишки. Все это быстро движется по улицѣ, растетъ, растетъ и превращается въ стадо; стадо это уже ждутъ пастухи у околицы, принимаютъ его подъ свою команду и угоняютъ въ поле; а непрощенные пастухи-мальчишки остаются у околицы. Тутъ сейчасъ же устраивается у нихъ сходка, и идутъ толки о томъ, что дѣлать. Ни въ полѣ, ни въ лѣсу нѣтъ еще ничего съѣдобнаго: ни ягодъ, ни гороху, ни грибовъ. Остается одно—промышлять яич-

Птичьи враги.

Съ картины Д. Корзухина.

ницу. Вотъ и толкуютъ они, гдѣ промыслять? Одни тянутъ въ лѣсъ, другіе—на болото, третьи—на рѣку, гдѣ и рыбки можно промыслить. Въ концѣ концовъ дѣло улаживается: разбившись на партіи, разбойники отправляются изъ села на промыселъ. Много горя несутъ они въ птичій міръ. Какъ добрыя ищейки, осматриваютъ ребятишки поля и луга, берега рѣкъ и болотъ, опушки лѣсовъ и полянъ—и всюду соберутъ свою дань. Тоскливо, невыразимо жалобно кричатъ птички, порхая надъ разоренными гнѣздами. А надъ берегомъ рѣчки, въ укромномъ уголкѣ, вьется уже дымокъ. Этотъ дымокъ—маякъ, къ которому съ разныхъ сторонъ сходятся грабители.

Изъ кармановъ, изъ-за пазухи выкладывается добыча: зеленныя, бѣлыя, сѣрыя, пятнистыя яички разной величины. Каждому хочется похвастаться добычей; одинъ нашелъ много, у другого меньше, но зато есть рѣдкости, диковинки. Рассказамъ нѣтъ конца. Затѣмъ появляется сковорода, сташенная потихоньку у какой-нибудь слѣпой „бабушки“, и начинается выпусканіе яицъ. Много ихъ собрано, но на сковороду попадаетъ развѣ четвертая часть, потому что остальные насижены, и ихъ безжалостно бросаютъ въ рѣку. Яичница поспѣла, съѣдена, и ребята разбрелись на новые промыслы.

Не во всякой деревнѣ существуетъ этотъ промыселъ. Но гдѣ разъ набаловались ребята, тамъ окрестности опустошаются изъ года въ годъ.

Нужно ли говорить, какое это гадкое дѣло!

Слыхали ли вы о „Майскомъ союзѣ“?

Суета—1) хлопоты, заботы, торопливая бѣготня. Во всемъ домѣ суета. 2) все мірское, земное, ничтожное сравнительно съ вѣчнымъ. Вся наша жизнь—суета суетъ въ всяческая суета. Отсюда же **суетиться**—торопиться безъ толку. Не суетись: засуетишься, все навыворотъ сдѣлаешь. **Суетный**—напрасный, тщетный, пустой. Суетныя помышленія, надежды, желанія.—Суетная жизнь, суетный человѣкъ. **Веуе**—тщетно, попусту. Не употребляй имени Господа твоего веуе.

Околица—мѣстность вокругъ деревни до полей. Окольная, окружная, непрямая дорога. *Для друга и семь верстъ не околица.*—*Бѣлый свѣтъ не околица* (не огорожень).

Сходка—что значитъ мірская сходка?

Промыслять—добывать; пр. чѣмъ—жить чѣмъ, напр. пр. извозомъ; пр. что—добывать, напр. промыслять соболя, куницу—добывать ловлей. **Промыселъ**—см. стр. 64 и 161.

Ищейка—собака, которая ищетъ дичь чутьемъ.

Укромный (уголокъ или мѣстечко)—отдѣльный, тихій.

Птицеловы.

Съ картины В. Г. Перова.

Маякъ—всякій знакъ, нарочно устроенный: шесть, вежа, каланча, башня на берегу моря съ ночнымъ огнемъ.

Сковорода—кухонная посуда для жаренья.

Насиженное яйцо—въ которомъ зародышъ уже началъ жить. **Насидѣть, насиживать**—сидѣть долго на чемъ, на яйцахъ (о птицахъ), пригрѣвать мѣстечко, насиживать. Это насиженное мѣсто.

Набаловаться—привыкнуть дурить, шалить.

117. С а д ь.

Народная пѣсня.

Зеленѣйся, зеленѣйся,
мой зеленый садъ!
Расцвѣтайте, расцвѣтайте,
мои алые цвѣточки!
Поспѣвайте, поспѣвайте,
вкусны ягоды, скорѣй!
Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ
мои гости дорогіе.
Сударь батюшка родимый
будетъ по саду ходити,
спѣлы ягоды щипати,
меня младу похваляти,
что горазда садъ садити,
что горазда поливати,
отъ мороза укрывати.

Сударь—государь, господинъ, баринъ. Выраженіе въжливости: вы, сударь, на меня за это не гнѣвайтесь.

Родимый—относящійся къ роднѣ: родимая матушка, родимая сторона; а также милый, сердечный, дорогой.

Гораздый—искусный, способный, мастеръ на что-ниб. *Нашъ Тарасъ на все гораздъ. — Кто грамотъ гораздъ, тому не пропасть.*—Кто во что гораздъ. Что это значить?

Обратите вниманіе на окончанія въ словахъ ходити, щипати, садити и т. д.

118. Народная пѣсня.

Во полѣ березонька стояла,
во полѣ кудрявая стояла.
Некому въ чистомъ полѣ гуляти,
бѣлую березку заломати.

Ужъ какъ я пойду, я загуляю,
бѣлую березку заломаю,
выломлю я три пруточка,
сдѣлаю я три гудочка,
въ четвертыхъ-то балалайку.

Кудрявый—на комъ кудри, кто въ кудряхъ. Кудрявый волосъ, кудрявый парень, кудрявая береза.—*Не бывать пльшивому кудрявымъ.*—Кудрявая рѣчь—изысканная, излишне украшенная.

Заломить—дѣлать надломъ, загнуть. А что значитъ: заломить шапку, заломить за работу втрое, заломило голову?

Гудочекъ, уменьш. отъ сл. гудокъ—родъ скрипки о трехъ струнахъ; гудокъ—также свистокъ на заводахъ, которымъ подають сигналъ къ началу или окончанію работы.

Загадка: *Въ лѣсу выросла, изъ лѣсу вынесла, на рукахъ плачетъ, а на полу скачетъ.*

119. Мельникъ.

Басня И. Крылова.

У мельника вода плотину прососала. Бѣда бѣ не велика сначала, когда бы руки приложить; но кстати ль? Мельникъ мой не думать тужить; а течь день ото дня сильнѣе становится: вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра. „Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора, пора тебѣ за умъ хватиться!“ А мельникъ говоритъ: „далеко до бѣды! Не море надо мнѣ воды, и ею мельница по весь мой вѣкъ богата“.

Онъ спитъ, а между тѣмъ вода бѣжитъ, какъ изъ ушата. И вотъ бѣда пришла совѣмъ: сталъ жерновъ, мельница не служить. Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужить, и думаетъ, какъ воду уберечь.

Вотъ у плотины онъ, осматривая течь, увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры. „Негодныя, кричить, хохлатки, дуры! Я и безъ васъ воды, не знаю, гдѣ достать, а вы пришли ее здѣсь въ досталь допивать“. И въ нихъ полѣномъ хватъ!

Какое жѣ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье? Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Загадки: *Пришелъ мельникъ на мельницу; на мельницѣ четыре угла, въ каждомъ углу—по четыре мѣшка, на каждомъ мѣшкѣ—по четыре кошки, у каждой кошки—по четыре котенка. Сколько ногъ?*

Тахъ-тарарахъ — стоитъ домъ на горахъ; вода брызжется, борода трясется.— Братъ брата третъ, бѣлая кровь течетъ.

120. * * *

Стихотвореніе *Н. Огарева*.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—

рѣка была тиха, ясна.
Вставало солнце, птички пѣли;

Весенній пейзажъ.

Съ картины *И. Левитана*.

тянулся за рѣкою долъ,
спокойно, пышно зеленѣя;

вблизи шиповникъ алыи цвѣлъ,
стояла темныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна!

Доля—то же, что долина.

Аллея—дорога, усаженная по сторонамъ деревьями.

Чудесный—представляющій собою чудо, необыкновенный, отличный. Чудесное исцѣленіе. — Чудесная работа. — Чудесная прогулка, погода. А что значить: чудный и чудной? Дайте примѣры.

Пышный—роскошный, обильный, а также гордый, надменный.

121.

Гр. Л. Н. Толстого.

Одинъ корабль обошелъ вокругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта корчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и видно было—она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ 12-тилѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣяться ли ему или плакать.

Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на нее, но она еще злѣе рвала шляпу. Матросы громче стали смѣяться, а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его,—въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу,—взобралась еще выше.

— Такъ не уйдешь же ты отъ меня!—закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его, полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ, и онъ не отставалъ.

Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самаго верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладины, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать ее нельзя было иначе, какъ выпустить изъ рукъ веревку и мачту.

Но мальчикъ очень раззадорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ все смотрѣли и смѣялись тому, что выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидали, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину, покачивая руками, все замерли отъ страха.

Стоило ему только оступиться— и онъ бы вдребезги разбился о палубу. Да если бы даже онъ и не оступился, а дошелъ до края перекладины и взялъ шляпу, то трудно было ему повернуться и пойти назадъ до мачты. Все молча смотрѣли на него и ждали, что будетъ.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и зашатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ. Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же прицѣлился въ сына и закричалъ: „Въ воду! прыгай сейчасъ въ воду! застрѣлю!“

Мальчикъ шатался, но не понималъ. „Прыгай или застрѣлю!.. Разъ, два...“ и какъ только отецъ крикнулъ: „три“—мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море, и не успѣли волны закрыть его, какъ уже 20 молодцовъ матросовъ спрыгнули съ корабля въ море. Секундъ 40—онъ долги показались всемъ—вынырнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидалъ это, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобы никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

Какое заглавіе можно дать этому разсказу?

Палуба (отъ сл. дубъ, дубяная крыша)—полъ, настилка, помость на судахъ.

Народъ—въ какомъ значеніи употреблено здѣсь это слово?

Корчить—стягивать судорогами, подражать кому-н., передразнивать.

Мачта—стоячее бревно на суднѣ для подъема парусовъ.

Задоръ—задирающее (вызывающее) поведеніе или настроеніе, горячность. Задору много, да силы нѣтъ. Войти въ задоръ—разгорячиться.

Оступиться—см. стр. 181.

Вдребезги—въ мелкія части, отъ сл. дребезги (дребезжать)—мелкія частицы расшибленного сосуда, черепки, осколки.

Каюты—жилая комната на суднѣ.

Шлепнуть—бить ладонью, бросить что, грохнуть съ глухимъ стукомъ. Шлепать по грязи. А что значить: шлепать башмаками? (отсюда шлепанцы—

туфли, старые башмаки). Онъ шлепнулся о-земь. Что значить шлепокъ? Ему надавали шлепковъ.

Вынырнуть—нырнувъ въ воду, показаться опять на ея поверхности.

122. Скворецъ и кукушка.

Басня И. Хемницера.

Скворецъ изъ города, гдѣ въ клѣткѣ онъ сидѣлъ,
на волю улетѣлъ.

Къ нему съ вопросами кукушка приступила,
и говорила:

„Скажи, пожалуй, мнѣ, что слышалъ ты объ насъ,
и городу каковъ нашъ голосъ показался?

Я думаю, что вѣдь не разъ
объ этомъ разговоръ случался.

О соловьѣ какая рѣчь идетъ?“

— На похвалу его и словъ недостаетъ.

„О жаворонкѣ что жъ?“ кукушка повторяетъ.

— Весь городъ и его не мало похваляетъ.

„А о дроздѣ?“

— Да хвалятъ и его, хотя и не вездѣ.

„Позволишь ли ты мнѣ“, кукушка продолжала,

„тебя еще однимъ вопросомъ затрудить,

и обо мнѣ что слышалъ ты?—спросить:

весьма бѣ я знать о томъ желала.

И я таки пѣвала“.

— А про тебя, когда всю истину сказать,

нигдѣ ни слова не слышать.

„Добро!“ кукушка тутъ сказала:

„такъ стану же я всѣмъ за это зло платить,

и о себѣ сама все буду говорить“.

Приступитъ—опредѣлите различныя значенія этого сл.: Со страхомъ и вѣрою приступите (къ чему?).—Что ты приступаешь, какъ съ ножомъ къ горлу?—Приступитъ къ работѣ.

Пожалуй—сказано вмѣсто—?

Платить—здѣсь въ смыслѣ метить.

Пословицы: *Хороша дочка Аннушка: хвалитъ мать да бабушка.*—Гречневая каша сама себя хвалитъ.

121. Мартышка и очки.

Басня И. Крылова.

Мартышка къ старости слаба глазами стала; а у людей она слыхала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоитъ завести очки. Очковъ съ полдюжины себѣ она достала: вертить очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ, то ихъ понюхаеть, то ихъ полижетъ; очки не дѣйствуютъ никакъ. „Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: все про очки лишь мнѣ нагнали; а проку на волосъ нѣтъ въ нихъ“. Мартышка тутъ съ досады и печали о камень такъхватила ихъ, что только брызги засверкали.

Зло—здѣсь вмѣсто бѣда.

Не большой руки—небольшое зло. Какія знаете еще выраженія съ этими словами?

Завести, заводить—пріобрѣсти, ввести у себя. Завести собакъ.—Завести суконную фабрику. Определите другія значенія этого сл. по слѣд. выраженіямъ: Куда ты завелъ насъ?—Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпущать свѣчей („Ревизоръ“).—У него такъ уже заведено.—Завести переписку, разговоръ, дружбу, драку, машину, часы.—Идетъ направо—нѣсънъ заводитъ, налѣво—сказку говоритъ („Русл. и Людм.“). Что значитъ **завести**?

Къ темю—неправильное окончаніе; надо сказать: къ теменю.

Нанизать—вдѣвать на что-либо протыкая, напр. нанизать грибы на нитку, бисеръ и т. д.

Тьфу пропасть—восклицаніе негодованія, досады. А что собственно значитъ **пропасть**?

Враки—вздоръ, ложь.

Прокъ—прочность, польза, запасъ впередъ.—*Неправедная копейка въ прокъ не пойдетъ.*—*Дай срокъ: будетъ прокъ!*—Мы заготовили въ прокъ много съѣстного. Что значитъ **прочный** и **упрочить**?

На волосъ—самая малость, бездѣлица; обыкновенно употребл. съ отрицаніемъ. Ни на волосъ добра не видно (Крыл. „Крестьян. и лиса“).

Хватить, хватать—быстро брать, **хв.** кого чѣмъ—ударить; **хв.** куда—достать. Шестъ не хватаетъ дна. Въ безличн. формѣ—быть достаточну: денегъ не хватило; у него на это ума не хватить.

Брызги—мелкія частицы жидкости, а здѣсь?

Пословицы: *Невъжды судятъ точно такъ: въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.*—*Дѣло мастера боится.*—*Дураку наука, что ребенку огонь.*—*Не силою дерутся, а умънемъ.*—*Не топоръ тешетъ, а плотникъ.*

124. Казачья колыбельная пѣсня.

Стихотвореніе *М. Лермонтова*.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.
(1814—1841).

Спи, младенецъ мой прекрасный,
баюшки-баю!
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
пѣсенку спою;
ты жъ дремли, закрывши глазки,
баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
плещетъ мутный валъ;
злой чечень ползетъ на берегъ,
точитъ свой кинжалъ.
Но отецъ твой—старый воинъ,
закаленъ въ бою;
спи, малютка, будь спокоенъ,
баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
бранное житье;
смѣло вдѣнешъ ногу въ стремя
и возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
и казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
ты махнешъ рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
безутѣшно ждать;
стану цѣлый день молиться,
по ночамъ гадать.

Стану думать, что скучаешь
ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь;
баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
образокъ святой:
ты его, моляся Богу,
ставь передъ собой;
да, готовясь въ бой опасный,
помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
баюшки-баю!

Баю, баюшки—припѣвъ для укачиванія ребенка. Пора тебѣ баюшки.—Иди баиньки, бай-бай—ступай спать. Отсюда сл. **баюкать**—качать припѣвая.

Струиться—течь, протекать мелкимъ русломъ.

Плескать—хлестать волнами, обдавать водою. Волны плещуть.—Плесни мнѣ воды на руки. Дайте примѣры на слова **расплескать, наплескать, выплеснуть, выплеснуть**.

Валь—см. стр. 32.

Закалить—въ переносн. знач.: приучать ко всѣмъ лишеніямъ, воспитать въ суровости съ цѣлью укрѣпленія здоровья. Его свободные сыны въ огняхъ войны закалены (Лерм.).—Померзнуть немного немѣшаетъ: это закаляетъ здоровье. А что значитъ закалить желѣзо, сталь?

Бранный—военный, боевой. На полѣ бранномъ тишина (Жук.). А также ругательный—бранныя слова. Ср. **браный** (см. стр. 88).

Вдѣть, вдѣвать—вставлятъ въ узкое отверстіе, напр. вдѣвать нитку въ иглоку.

Расшить—1) распороть, 2) вышивать, украшать узорами.

Махнуть рукой—бросить дѣло, отступить. Я на него махнулъ рукой. А здѣсь что значитъ?

Украдкой—тайно, тихонько, втихомолку.

Томиться—сохнуть, изнывать.

Тоска—томленіе души, мучительная грусть. Какія слова знаете отъ того же корня?

Безутѣшный—ничѣмъ не утѣшаемый, безъ надежды на утѣшеніе.

Гадать—придумывать, стараться узнать что-ниб. неизвѣстное, особенно будущее. Стали думать да гадать, какъ бы вора имъ поймать („Кон. Горб.“).—Разъ, въ крещенскій вечерокъ, дѣвушки гадали (Жук.).

Скучать—жить въ одиночествѣ, въ бездѣльи, томиться праздностью; **скучать по комъ**—грустить, тосковать. Назовите примѣры на это слово съ приставк.: за, на, при, про, со.

Пословицы: *При солнышкѣ тепло, при матери добро.—Материна молитва со дна моря вынимаетъ.—Нѣтъ такого дружка, какъ родная матушка.*

125. Любопытный.

Басня И. Крылова.

„Пріятель дорогой, здорово! гдѣ ты былъ?“

— „Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
повѣришь ли, не станеть ни умѣнья
пересказать тебѣ, ни силъ.

Ужъ подлинно, что тамъ чудесь палата!

Куда на выдумки природа торовата!

Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!

Какія бабочки, букашки,
козявки, мушки, таракашки!

Однѣ—какъ изумрудъ, другія—какъ кораллъ!

Какія крохотны коровки!

Есть, право, менѣ булавочной головки!“

— „А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ!

Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?“

— „Да развѣ тамъ онъ?“ — „Тамъ“. — „Ну, братецъ, виновать:
слона-то я и не примѣтилъ“.

Кунсткамера—музей, кабинетъ рѣдкостей.

Высмотрѣть, высматривать—смотрѣть откуда-либо; выглядывать, наблюдать за-чѣмъ тайкомъ; внимательно разсматривать, въ подробностяхъ.

Подлинно—точно, вѣрно, право, истинно; **подлинный**—истинный, настоящій, оригинальный—противоположн. подложный, поддѣльный. Подлинное письмо Пушкина.—Подлинная правда. Что значитъ **подлинникъ**?

Палата или палаты—1) дворецъ государя, вельможи; 2) великолѣпныя или просторныя комнаты, большныя палаты; 3) различныя правительственныя учрежденія, напр. судебная палата. А что значитъ ума палата, чудесь палата?

Тороватый—щедрый. *Не проси у богатаго, проси у тороватаго.*

126. Зеркало и обезьяна.

Басня И. Крылова.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,

тихохонько медвѣдя толкъ ногой:

„смотри-ка,“ говорить: „кумъ милый мой!

что это тамъ за рожа?

какіе у нея ужимки и прыжки!

Я давилась бы съ тоски,
когда бы на нее хоть чуть была похожа.

А вѣдь, признайся, есть
изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.

— „Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
не лучше ль на себя, кума, оборотиться?“
ей Мишка отвѣчалъ.

Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Образъ—видъ, внѣшность, фигура, изображеніе. Богъ создалъ человѣка по образу и подобію своему.—Образъ мыслей.—Такимъ образомъ.—Лежать подъ образами. А что значитъ **образецъ**? Образецъ честности.—*Всякъ молодецъ на свой образецъ.* Дайте примѣры къ словамъ: **образчикъ**, **образцовый**.

Толкъ—что значитъ, вмѣсто какого слова?

Ужимки—кривлянье, гримасы.

Удавиться—задушить себя. *Скупой удавится, а гроша не дастъ.*

Кумъ, кумушка—кого такъ называютъ?

Перечесть—то же, что пересчитать: сосчитать, счесть снова. Что значитъ **наперечесть**?

Оборотиться—посмотрѣть на себя, оглянуться. См. стр. 88 и 174.

Пословицы: *Ахаль бы дядя, на себя глядя.—Другихъ не суди, на себя погляди.—Людей хулить, а самъ лыкомъ шить.—Въ чужомъ глазу сучокъ великъ.*

127. Птичка.

Стихотвореніе *Ө. Туманскаго.*

Вчера я растворилъ темницу
воздушной плѣнницы моей:
я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
въ сіяньи голубого дня,
и такъ запѣла, улетаая,
какъ бы молилась за меня

128. Слонъ и моська.

Басня И. Крылова.

По улицамъ слона водили,
какъ видно, на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
такъ за сломомъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возмись, на встрѣчу моська имъ.
Увидѣвши слона, ну на него метаться,
и лаять, и визжать и рваться;
ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
— „Сосѣдка, перестань срамиться“,
ей шавка говоритъ: „тебѣ ль съ сломомъ возиться?
смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ впередъ
и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.
— „Эхъ, эхъ!“ ей моська отвѣчаетъ:
„вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
что я, совсѣмъ безъ драки,
могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
ай, моська! знать, она сильна,
что лаеетъ на слона!“

Показъ, показка—отъ сл. показывать. Онъ все на показъ дѣлаетъ.—За показъ денегъ не беремъ.

Диковина, диковинка—рѣдкая, необыкновенная вещь.

Зѣвака—кто зѣваетъ, т.е. глазѣтъ на что-ниб. или плохо смотритъ за чѣмъ-либо.

Ну—частица, употребл. въ различныхъ значеніяхъ. Отмѣтите эти значенія по слѣд. выражен: Да ну иди, что ли!—Ну, что жъ молчишь?—Ну, сунься!—Ну тебя!—Ну, братъ выкинулъ ты штуку!—Ну?—И новые друзья ну обниматься.—Ну, полно тебѣ упрямиться.—Ну, смотри же.

Срамиться—позорить себя, отсюда **срамъ**—стыдъ, позоръ.

Шавка—порода дворняжекъ.

Возиться съ кѣмъ—хлопотать, заботиться, бороться, неумѣренно рѣзвиться, привести нѣсколько соотвѣтственныхъ примѣровъ.

Хрипѣть—издавать хриплые звуки, т.е. нечистые, сдавленные, шипящіе.

Придавать—увеличивать, усиливать; **духу**—какимъ словомъ можно замѣнить?

Забіяка—задорный человѣкъ; кто ищетъ случая поссориться, подраться. И того ерша-гуляку, крикуна и забіяку гдѣ бы ни было сыскать („Кон. Горб“).

129. Дѣти въ рощѣ.

К. Ушинскаго.

Двое дѣтей, братъ и сестра, отправились въ школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тѣнистой рощи. На до-рогѣ было жарко и пыльно, а въ рощѣ прохладно и весело.

„Знаешь ли что?“ сказалъ братъ сестрѣ: „въ школу мы еще успѣемъ. Въ школѣ теперь и душно и скучно, а въ рощѣ должно

быть очень весело. Послушай, какъ кричатъ тамъ птички; а бѣлокъ-то, бѣлокъ сколько прыгаетъ по вѣткамъ. Не пойти ли намъ туда, сестра?“

Сестрѣ понравилось предложеніе брата. Дѣти бросили азбуки въ траву, взяли за руки и скрылись между зелеными кустами, подъ кудрявыми березками. Въ роцѣ точно было весело и шумно. Птички перепархивали безпрестанно, пѣли и кричали; бѣлки прыгали по вѣткамъ; насѣкомыя суетились въ травѣ.

Прежде всего дѣти увидѣли золотого жучка.

„Поиграй-ка съ нами“, сказали дѣти жуку.

— Съ удовольствіемъ бы, отвѣтилъ, жукъ,—но у меня нѣтъ времени: я долженъ добыть себѣ обѣдъ.

„Поиграй съ нами“, сказали дѣти желтой мохнатой пчелкѣ.

— Некогда мнѣ играть съ вами, отвѣчала пчелка:—мнѣ нужно собирать медъ.

„А ты не поиграешь ли съ нами?“ спросили дѣти у муравья.

Но муравью некогда было ихъ слушать: онъ тащилъ соломинку втрое больше себя и спѣшилъ строить свое хитрое жилие.

Дѣти обратились было къ бѣлкѣ, предлагая ей также поиграть съ ними; но бѣлка махнула пушистымъ хвостомъ и отвѣчала, что она должна запасть орѣхами на зиму. Голубь сказалъ: „я строю гнѣздо для своихъ маленькихъ дѣтокъ“. Сѣренькій зайчикъ бѣжалъ къ ручью умыть свою мордочку. Бѣлому цвѣтку земляники также некогда было заниматься дѣтьми; онъ пользовался прекрасной погодой и спѣшилъ приготовить къ сроку свою сочную, вкусную ягоду.

Дѣтямъ стало скучно, что все заняты своимъ дѣломъ и никто не хочетъ играть съ ними. Они подбѣжали къ ручью. Журча по камнямъ, пробѣгаль ручей черезъ рощу.

„Тебѣ уже вѣрно нечего дѣлать?“ сказали ему дѣти: „поиграй же съ нами“.

— Какъ! мнѣ нечего дѣлать? прожурчалъ сердито ручей:—ахъ, вы, лѣнныя дѣти. Посмотрите на меня: я работаю днемъ и ночью, и не знаю ни минуты покою. Развѣ я не пою людей и животныхъ? Кто же, кромѣ меня, моетъ бѣлье, вертитъ мельничныя колеса, носитъ лодки и тушитъ пожары? О, у меня столько работы, что голова идетъ кругомъ! прибавилъ ручей и принялся журчать по камнямъ.

Дѣтямъ стало еще скучнѣе и они подумали, что имъ лучше было бы пойти сначала въ школу, а потомъ ужъ, идучи изъ школы, зайти въ рощу. Но въ это самое время мальчикъ примѣтилъ на

зеленой вѣткѣ крошечную красивую малиновку. Она сидѣла, казалось очень спокойно и отъ нечего дѣлать насвистывала прелеселую пѣсенку.

„Эй, ты, веселый запѣвала!“ закричалъ малиновкѣ мальчикъ: „тебѣ то уже, кажется, ровно нечего дѣлать; поиграй же съ нами.

— Какъ, просвистѣла обиженная малиновка:—мнѣ нечего дѣлать? Да развѣ я цѣлый день не ловила мошекъ, чтобы накормить моихъ малютокъ! Я такъ устала, что не могу поднять крыльевъ; да и теперь убаюкиваю пѣсенкой моихъ милыхъ дѣтокъ. А вы что дѣлали сегодня, маленькіе лѣнивцы? Въ школу вы не пошли, ничего не выучили, бѣгаете по рощѣ да еще мѣшаете другимъ дѣло дѣлать. Идите-ка лучше, куда васъ послали, и помните, что только тому пріятно отдохнуть и поиграть, кто поработалъ и сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать.

Дѣтямъ стало стыдно: и они пошли въ школу, и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

Перепархивать, перепорхнуть—перелетѣть порхая, какъ бы попрыгивая. Зябликъ съ кустика на кустъ перепархивалъ.

Суетиться—см. стр. 194 и 211.

Запастись, запасться—заготовлять для себя про запасъ, на будущее время, на случай надобности.

Поить, паивать—давать пить, угощать. Кучеръ повелъ поить лошадей.—Я его кормилъ, поилъ, выростилъ.—Дождь поить землю. А что значить опить, вепоить, напоить? Отъ какого еще слова говорится „я пою“?

Что значить **голова идетъ кругомъ**? Ср. въ стих. „Василій Шибановъ“: Не даромъ дивится литовскій народъ и ходять ихъ головы кругомъ: „князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ“.

Запѣвала—пѣвчій, начинающій пѣніе, продолжаемое хоромъ. Запѣвала обернулся лицомъ къ пѣсенникамъ и, махнувъ рукою, затянулъ прстяжную солдатскую пѣсню („Война и Миръ“).—Запѣвала затянетъ—подголоски подхватываютъ.—Безъ запѣвалы и пѣсня не поется.—Въ какомъ значеніи употреблено здѣсь это слово?

Пословицы. *Кончилъ дѣло—гуляй смѣло.—Дѣлу время—потѣхъ часъ.—Работъ время, а досугу часъ.—Льнивому всегда праздникъ.*

130. Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

К. Ушинскаго.

Вотъ и пролетѣло шесть недѣль поста! Вчера нашу школу распустили. Когда я пришелъ домой, отецъ спросилъ меня: „когда

воскресенье бываетъ въ субботу?“ Я не зналъ; а выходитъ, что на вербной недѣлѣ въ субботу празднуется воскресеніе Лазаря.

Сегодня всѣ наши, кромѣ дѣтей, ходили очень рано къ заутренѣ. Когда мамаша и бабушка воротились домой съ вербами, то нашли насъ еще въ постеляхъ; стали насъ, шутя, вербами бить и приговаривать: „не я бью, верба бьетъ—вставайте, дѣти, и будьте здоровы!“

Вскочили мы, а у насъ, у каждого, за кроваткой заткнуто по вербочкѣ съ румянымъ восковымъ херувимчикомъ! Херувимчики были похожи на Надю—такіе же толстешки!

Но вотъ что хорошо! На вербочкахъ уже есть пушистые барашки, а сегодня у насъ выставили первую раму!

Распустить, распускать—дозволить разойтись, освободить. Что значить: распустилъ хвостъ, распустить соль, распустить себя?

Херувимъ—ангелъ.

Барашекъ—кромѣ буквальнаго значенія—молодого барана—имѣетъ много другихъ, напр. пѣна на волнѣ, то же, что зайчикъ. По Волгѣ барашки ходятъ.—Здѣсь значить: почки.

Выставить—см. стр. 199.

131. На волю.

Изъ разсказа К. Баранцевича.

Вербный торгъ былъ въ полномъ разгарѣ. Опять такъ же, какъ вчера, лучи солнца освѣщали пеструю толпу гулявшихъ. Тутъ и тамъ, въ разныхъ концахъ, слышались выстрѣлы изъ дѣтскихъ пистолетовъ, пискъ, крикъ, кудахтанье, и попрежнему высоко надъ головами, словно готовясь каждую минуту улетѣть въ небо, плавно колыхались гроздья воздушныхъ шаровъ.

Но сегодня Яша уже не глазѣлъ по сторонамъ. Крѣпко сжимая въ кулакѣ данный ему Анисьей Карповной гривенникъ, онъ неудержимо стремился къ тому мѣсту, гдѣ расположились торговцы птицами. Ловко прошмыгнувъ подъ локтями прогуливавшейся публики, мальчикъ направился къ замѣченному имъ издали старику въ кацавейкѣ и картузѣ, огромный сизый носъ котораго выдѣлялся изъ цѣлой массы носовъ и виденъ былъ уже издали.

Очувившись подлѣ старика, Яша глазами сталъ искать своего пухляка и нашелъ его въ прежней клѣткѣ, попрежнему грустно сидѣвшимъ на жердочкѣ.

— Дяденька, а дяденька!—заговорилъ мальчикъ, притрогиваясь къ рукаву кацавейки.—Дяденька, что стоитъ птичка?

— Какая тебѣ птичка?—сердито повелѣлъ на него глазами старикъ.—Дороги птички! Тебѣ не по карману! Ишь ты!.. Пострѣль!..

— А вотъ эта, сѣренькая... пухлякъ.

— Пухлякъ?

Старикъ презрительно скосилъ глаза на сѣренькую птичку и мозолистыми пальцами освободилъ клѣтку изъ груды другихъ.

— Вотъ, вотъ, этотъ самый!—воскликнулъ мальчикъ.

— Эта птичка дешева! Что же съ тебя?.. Давай двугривенный.

— Дяденька, у меня двугривеннаго нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ нечего зря лѣзть! Проваливай.

— Дяденька, я ее выпустить хочу.

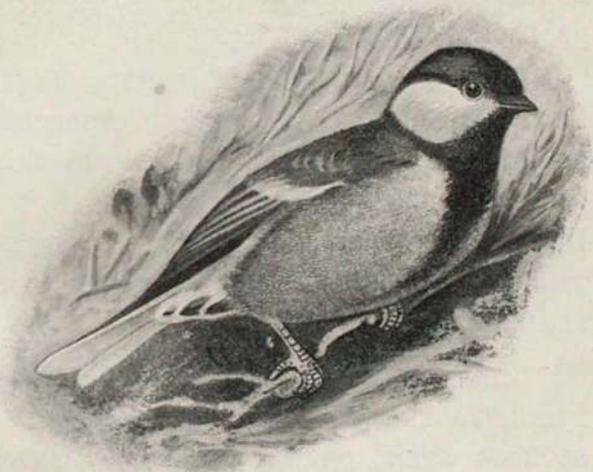
— Выпустить. Ишь ты!.. Ну, коли на выпускъ, давай пятялтынный! Птичка хорошая, рѣзвая!—сказалъ старикъ, потряхивая клѣткой и заставляя пухляка дѣлать невозможные прыжки.

— У меня только гривенникъ, дяденька! — плаксивымъ тономъ сказалъ Яша.

— Гривенникъ — не велики деньги! Ну, да ужъ Богъ съ тобой! Бери птицу!

Сердце мальчика забилося отъ радости, когда старикъ засунулъ руку въ клѣтку и, поймавъ пухляка, передалъ его въ дрожавшія Яшины руки. Птичка была такъ мала и такъ худа, что мальчикъ каждую минуту боялся ее раздавить. Съ осторожностью пронеся ее нѣсколько шаговъ, Яша раскрылъ ладонь, давая возможность пухляку вспорхнуть и улетѣть. Но не тутъ-то было! Птичка и не думала улетать. Она преспокойно сидѣла на ладони, отогрѣваясь ея тепломъ. Мальчикъ сдѣлалъ: „шши“,—птичка повернула головку, посмотрѣла на него и осталась сидѣть.

Что было дѣлать? Помня порученіе отнести записку на Петербургскую сторону, мальчикъ прикрылъ ладонь руки, на ко-

торой сидѣла птичка, другою ладонью и, свернувъ на Садовую, пошелъ по направленію къ Инженерному замку. Пухлякъ сидѣлъ не шевелясь. По временамъ Яша осторожно приподымалъ ладонь, желая удостовѣриться, жива ли птичка, и каждый разъ видѣлъ, что пухлякъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

„Бѣдный, онъ озябъ, — думалъ мальчикъ. — Вотъ отогрѣется на рукѣ и полетитъ“.

Миновавъ Троицкій мостъ и разспросивъ городского, куда идти, Яша направился черезъ Александровскій паркъ. Снѣга нигдѣ не было. Теплый вѣтерокъ мягко шелестилъ гибкими сучьями деревьевъ, на которыхъ готовились развернуться разбухшія почки. По лужайкамъ, кое-гдѣ на пригрѣвѣ, сквозь сухую прошлогоднюю траву пробивалась новая, зеленая, среди которой уже кудрявилась крапива.

Яша присѣлъ отдохнуть на скамейку. Кругомъ не было ни души, только въ отдаленіи мелькали немногіе прохожіе. Солнце ласково грѣло спину мальчика. Онъ вспомнилъ о деревнѣ, объ отцовскомъ домѣ, и ему стало грустно. Вотъ бы теперь уѣхать туда! Какъ тамъ хорошо, привольно! Поди-ка уже пахать начали, огороды раздѣлывать. А мальчишки, поди-ка, по цѣлымъ днямъ на рѣкѣ, рыбу ловятъ. Въ полую воду много рыбы, только поспѣвай вытаскивать! И скворцы, поди, прилетѣли, хлопчутъ, гнѣзда вьютъ.

Какая-то птичка чирикнула надъ головою Яши въ вѣтвяхъ старой липы, и мальчикъ почувствовалъ, что пухлякъ зашевелился на его ладони.

„Вотъ теперь попробовать выпустить!“ подумалъ Яша и раскрылъ ладонь.

Сѣренькая птичка съ удивленіемъ озиралась вокругъ и вдругъ чирикнула въ отвѣтъ той, которая сидѣла на липѣ. Затѣмъ пухлякъ отряхнулся, вытянулъ маленькую головку и совершенно неожиданно спорхнулъ съ руки на ближайшую вѣтку. Яша поднялъ голову и слѣдилъ съ замираніемъ сердца. Сѣренькая птичка, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, поднималась все выше и выше, и все громче и громче становилось ея чириканье, словно она благодарила мальчика за дарованную ей свободу. Солнечный лучъ пронизалъ густые сучья дерева, откуда-то прилетѣлъ теплый вѣтерокъ, пахнулъ въ лицо Яши, и мальчикъ увидѣлъ, какъ сѣ-

ренькая птичка, достигнувъ верхушки дерева, взмахнула своими маленькими крылышками и потонула въ голубоватой дали неба.

Яша съ восторгомъ и грустью смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— На волю! Улетѣла на волю!—шепталь онъ, и ему казалось, что все вокругъ него шептало это чудное слово: „на волю!..“

Шептались между собою гибкія вѣтви деревьевъ и кустарниковъ, шептала ранняя травка, тоже вырвавшаяся на волю изъ-подъ зимней ледяной коры, чирикали объ этомъ же птицы, и даже маленькія бѣлыя облачка, весело догонявшія другъ дружку въ голубомъ безграничномъ небѣ, казалось, весело шептали тому, кто смотрѣлъ на нихъ:

— За нами, за нами, на волю!

Торгъ—базаръ, мѣсто продажи и купли. **Торги**—вызовъ въ опредѣленный часъ купцовъ, подрядчиковъ для заготовки чего-либо. На завтра назначены торги на поставку дровъ для городскихъ больницъ.—Продать вещь съ торговъ. Какія знаете слова того же корня?

Разгаръ—см. стр. 42. Ср. также: Въ полномъ разгарѣ страда деревенская.

Плавный—отъ какого сл. и что значить? Плавныя движенія.—Плавные стихи.—Плавная походка.

Глазѣть—смотрѣть по сторонамъ безъ всякой цѣли; зѣвать.

Кацавейка—собственно женская одежда: короткая кофточка, безъ перехвата на поясѣ.

Картузъ—фуражка съ козырькомъ, а также бумажный мѣшочекъ. Картузъ табаку.

Пухлякъ—птичка изъ породы синичекъ.

Карманъ—мѣшочекъ, пришитый къ одеждѣ, или на поясѣ. Различныя выраженія: набить карманъ—разбогатѣть; карманъ трещить—накладно, убыточно, великъ расходъ; бить по карману—причинять убытокъ. Не надѣйся, Романъ, на чужой карманъ.—Держи карманъ.—Не по карману затѣи.—За словомъ въ карманъ не полѣзеть. Что значить карманные часы, карманныя деньги?

Презрительно—съ выраженіемъ презрѣнія, съ пренебреженіемъ.

Скосить траву—рѣзать косою, скашивать—дѣлать косымъ. Плотникъ скосилъ раму.—Скашивать глаза—смотрѣть косо, вбокъ.

Мозолистый—покрытый мозолями, затвердѣлый. Не смѣшивать съ сл. **мозольный**.—Что значить глаза мозолить?

Зря—см. стр. 176.

Порученіе—дѣло, порученное кому-либо. Онъ взялся исполнить мои порученія.

Миновать—см. стр. 209.

Разбухать, разбухнуть—вздуться отъ сырости. Дверь разбухла, не заворяется.—Экъ онъ разбухъ!

Пригрѣвъ или пригрѣва—мѣсто, гдѣ солнце печетъ, солнопекъ, проталина.

Пробиваться, пробиться—см. стр. 43.

Мелькать—см. стр. 26.

По́ди (отъ гл. пойти)—въ видѣ нарѣч. **По́ди-во́тъ**—выраж. недоумѣнія—дѣлай, что хочешь. **По́ди толку́й съ нимъ!**—о́нъ все свое. **По́ди много денегъ у него?** О́нъ по́ди ужъ уѣхалъ—чай, вѣроятно.

Раздѣ́лывать, раздѣ́лать—раздѣ́лывать дверь подъ дубъ. Раздѣ́лать кого́ подь орѣхъ—сильно разбранить, распушить.

По́лый—открытый, непокрытый. **По́лая вода**—знач. непокрытая льдомъ, уже вскрывшаяся рѣка; отсюда и **половодье**—весенній разливъ послѣ вскрытія рѣки.

По́лынья—см. стр. 161.

Чирика́ть—чиликать, щебетать. Воробьи чирикаютъ.—**Чи́жь робкі́й** на зарѣ чирикалъ про себя.

Отряхну́ть—легонько сбрасывать, стряхивать. **Отряхни** перо, пыль.—Когда-нибудь монахъ трудолюбивый найдетъ мой трудъ усердный, безымянный, и, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ („Вор. Годун.“).—А если кто не приметъ васъ (апостоловъ) и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дома или изъ города того, отряхните прахъ отъ ногъ своихъ (Матѣ., 10—14).

Замира́ніе сердца—сильное біеніе сердца при ощущеніи какого-либо тяжелаго или пріятнаго чувствованія.

Прониза́ть, пронизыва́ть—пронзить, протыкать насквозь. Морозъ пронизываетъ до костей.—О́днѣ то́лько моли и время отъ времени пронизывали тьму.

Шепта́ть, шепну́ть—1) говори́ть тихо, чтобы другіе не слышали—глухому не шепнешь; 2) шелестѣть—осина всегда шепчетъ. Что значить: ему шепнули, чтобы о́нъ скорѣе уѣзжалъ.

Воля—1) способность человѣка чего-нибудь желать и возможность свободно рѣшать, какъ поступить. Человѣкъ одаренъ свободной волей. 2) **Требованіе**: Да будетъ воля Твоя. 3) **Независимость, свобода, просторъ** въ движеніяхъ. **Подоброй во́лѣ** (по собственному желанію). **На во́лѣ жить**. **Дать волю**. **Выпустить на волю**—освободить. **Во́льному**—воля, спасенному рай. Что это значить? **Воля ваша, воля твоя**—вѣжливое выраженіе несогласія съ кѣмъ-нибудь. **Воля ваша, а я такъ сдѣлать не могу**. **Волей-неволей**—по необходимости.

Пословицы: *Во́льность всего дороже.—Кто какъ хочетъ, тотъ такъ и хохочетъ.—Не надобна соловью золотая клѣтка, ему лучше зеленая вѣтка.—Хоть хвойку жую, да на во́ль живу.—Дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю.*

132. Ручеекъ.

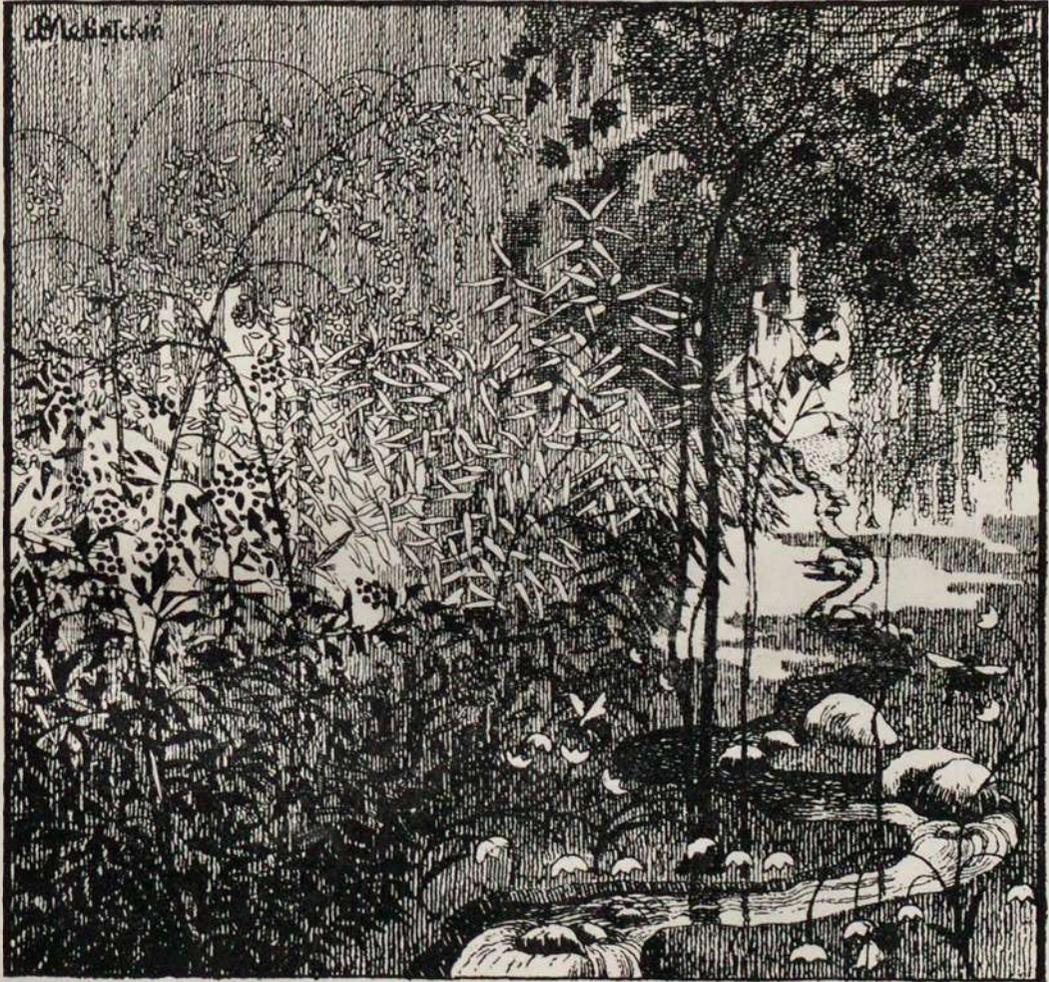
Стихотвореніе К. Бальмонта.

Ручеекъ, ручеекъ,
ты какъ ниточка идешь.
Подъ тобой блеститъ песокъ.

Весель ты, хоть неглубокъ.
Ручеекъ, ручеекъ,
ты уходишь и поешь.

Вьются пчелы межъ стеблей,
прогудитъ мохнатый шмель.
Ты бѣжишь скорѣй, скорѣй:
вдругъ неволя—среди камней;

вспѣнся, звонче, веселѣй,
зажурчишь ты: „мель, мель, мель!“
Неширокъ ты, ручеекъ,
неглубокъ ты,—ну такъ что жь!

Всѣмъ—свой разумъ, всѣмъ—свой срокъ,
ты прекрасенъ былъ, чѣмъ могъ.
Ручеечекъ, ручеекъ,
ты бѣжишь и ты поешь.

Разумъ—способность познавать, судить, послѣдовательно мыслить; смысл, значеніе, сила.

Срокъ—опредѣленная продолжительность времени; время, пора. Дай срокъ! Что это знач?

133. Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

К. Ушинскаго.

Я рѣшился не спать въ эту ночь; но когда стемнѣло, братья и сестры заснули, то и я, сидя въ креслахъ, задремалъ, хотъ и зналъ, что въ залѣ накрывали большой столъ чистою скатертью и разставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хорошихъ вещей.

Ровно въ полночь ударили въ соборѣ въ большой колоколъ; въ другихъ церквахъ отвѣтили, и звонъ разлился по всему городу. На улицахъ послышалась ѣзда экипажей и людской говоръ. Сонъ мигомъ соскочилъ съ меня, и мы всѣ отправились въ церковь.

На улицахъ темно; но церковь наша горитъ тысячами огней и внутри, и снаружи. Народу валитъ столько, что мы едва протѣснились. Мамаша не пустила меня съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Но какъ обрадовался я, когда, наконецъ, за стеклянными дверьми священники появились въ блестящихъ ризахъ и запѣли: „Христось воскресе изъ мертвыхъ!“ Вотъ уже именно изъ праздниковъ праздникъ!

Послѣ ранней обѣдни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокругъ церкви!

Мы воротились домой, когда уже разсвѣтало. Я похристосовался съ нашей нянею: она, бѣдняжка, больна и въ церковь не ходила. Потомъ всѣ стали разговляться, но меня одолѣлъ сонъ.

Когда я проснулся, яркое солнышко свѣтило съ неба, и по всему городу гудѣли колокола.

Куличъ—пасхальный хлѣбъ.

Крашенка—окрашенное яйцо, а расписное наз. **писанка**. (малоросс. названія).

Разливаться—растекаться, затоплять берега (о рѣкахъ). А здѣсь въ какомъ смыслѣ употребл.?

Соскочить, **соскакивать**—спрыгнуть, свалиться, сдвинуться съ мѣста. Онъ соскочилъ съ дрожекъ.—Шина соскочила съ колеса.—Сонъ соскочилъ говорится такъ же, какъ сонъ напалъ.

Протѣниться—пролѣзть чрезъ тѣноту.

Риза—верхняя одежда, облаченіе священника при богослуженіи.

Святить—освящать, дѣлать святымъ. На Иорданъ пошли в воду святить.—Хотъ его святы, не святы, а онъ все въ болото лѣзетъ (сказалъ хохоль, уронивъ на улицъ въ грязь пасхальнаго поросенка). Что значитъ: **святки**, **святыня**,

святитель? Придумайте еще слова того же корня и назовите примѣры. Не смѣшивать съ этими сл. **свѣтить**.

Разговляться—поѣсть, послѣ поста, впервые скоромнаго.

Гудѣть—см. стр. 91.

134. Христось Воскресе!

Стихотвореніе *А. Майкова*.

Повсюду благовѣсть гудить,
изъ всѣхъ церквей народъ валить:
заря глядитъ уже съ небесъ...
Христось воскресь! Христось воскресь!

Съ полей ужъ снятъ покровъ снѣговъ,
и рѣки рвутся изъ оковъ,
и зеленѣетъ ближній лѣсъ...
Христось воскресь! Христось воскресь!

Вотъ просыпается земля,
и одѣваются поля...
Весна идетъ, полна чудесь!
Христось воскресь! Христось воскресь!

Покровъ—ткань, для покрытія чего-либо; защита, заступничество. Птенцы растутъ подъ покровомъ **матери**.—Праздникъ Покрова (1 окт.). Батюшка Покровъ, натопи нашу хату безъ дровъ.—Покровъ снѣговъ—какъ можно сказать иначе? Вспомните изъ другихъ стихотвореній.

Оковы—кандалы, цѣпи на ноги или на руки; всякая неволя или стѣсненіе.

Ближній—вмѣсто близкій (о мѣстностяхъ); о человѣкѣ: всѣ люди другъ другу ближніе. Люби своего ближняго, какъ самого себя. См. стр. 199.

135. * * *

Стихотвореніе *К. Фофанова*.

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
и подъ звонъ колоколовъ,
къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
изъ полуденныхъ краевъ.

Въ зеленѣющемъ уборѣ
млѣютъ темные лѣса,
небо блещетъ, точно море,
море—точно небеса.

Сосны въ бархатъ зеленомъ,
и душистая смола
по чешуйчатымъ колоннамъ
янтарями потекла.

И въ саду у насъ сегодня
я замѣтилъ, какъ тайкомъ
похристосовался ландышъ
съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

Напѣвъ—рядъ музыкальныхъ звуковъ, образующихъ нѣчто цѣлое, мелодію. А здѣсь что значить?

Полуденный—южный (полдень то же, что югъ—сторона свѣта).

Уборъ—нарядъ, убранство.

Млѣть—обмирать, приходитъ въ забытье, отъ стужи, отъ радости, отъ пріятнаго ощущенія.

Колонна—1) столбъ, подпорка; 2) видъ памятника; 3) отдѣленіе войска.

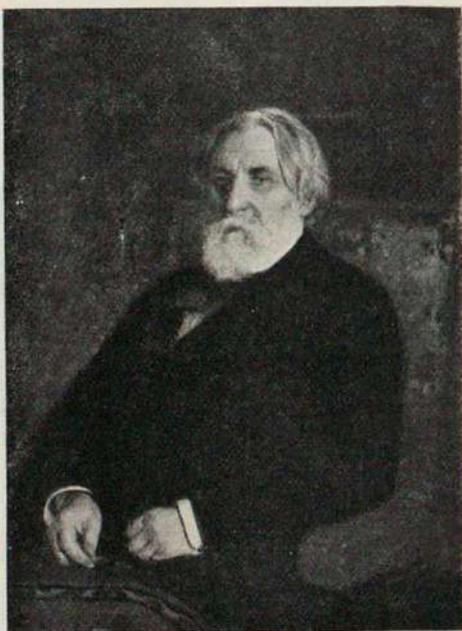
Чешуйчатый—одѣтый чешуей, въ блесткахъ.

Янтарь—ископаемая смола.

136. Материнская любовь.

И. Тургенева.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ
(1818—1883).

Разъ мы вдвоемъ съ товарищемъ охотились на тетеревовъ. Нашли выводокъ. Матка вскочила — мы выстрѣлили и попали въ нее; но она не упала, а полетѣла дальше вмѣстѣ со своими тетеревятами. Я было хотѣлъ пойти за ними, но товарищъ сказалъ мнѣ: „Лучше здѣсь присѣсть и подманить ихъ... Всѣ сейчасъ здѣсь будутъ“.

Товарищъ отлично умѣлъ свистать, какъ свищутъ тетеревята. Мы присѣли, онъ сталъ свистать. И точно: сперва одинъ молодой откликнулся, потомъ — другой, и вотъ слышимъ мы: сама матка квохчетъ да нѣжно такъ — и близко. Я приподнялъ голову — и вижу:

сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшить, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце! И тутъ я самому себѣ показался такимъ злодѣемъ!... Всталъ и захопалъ въ ладоши. Тетерька тотчасъ же улетѣла—и молодые затихли. Товарищъ разсердился; онъ за сумасшедшаго меня счелъ. Ты, молъ, испортилъ всю охоту!

Выводокъ—цѣлое гнѣздо, старыя съ молодыми, покуда они держатся вмѣстѣ.

Подманить, подманивать — подозвать приманкой. Рябчиковъ подманиваютъ дудочкой.

Квохтать — крикомъ сзывать цыплятъ. Насѣдка квохчетъ, когда просится на яйца.

Былинка—травинка.

Счесть, считать—узнавать, сколько счетомъ; сч. кого за кого—почитать, полагать. Я считаю его порядочнымъ человѣкомъ.—Онъ счелъ меня за моего брата.

137. Убитая птичка.

Разсказъ *Д. Кайгородова*.

Быль праздникъ. Всѣ собирались въ церковь къ обѣднѣ.

Няня надѣла мнѣ высокіе сапожки съ красной сафьяновой оторочкой, черныя бархатныя шаровары и голубую шелковую рубашку. Подпоясавъ затѣмъ серебрянымъ, съ кистями, кушакомъ и засунувъ за него чистенькій платочекъ, дала мнѣ въ руки маленькую ямскую шляпу съ павлинымъ перомъ и объявила, что я „готовъ“.

Видя, что остальные наши домашніе далеко еще не справились со своими нарядами, я поспѣшилъ воспользоваться благоприятной минутой и побѣжалъ черезъ украшенный березками балконъ и усыпанный краснымъ пескомъ дворъ въ садъ, гдѣ цвѣли въ это время мои любимыя цвѣты тюльпаны и нарциссы.

Быль свѣтлый, теплый майскій день. Въ воздухѣ гудѣлъ благовѣстъ церковныхъ колоколовъ, разливавшійся повсюду; казалось, сама природа праздновала. Среди этого благовѣстнаго гула ярко выдѣлялись звонкія трели и щебетаніе пернатыхъ пѣвцовъ, населявшихъ нашъ прекрасный садъ.

Пунцовые, желтые и пестрые тюльпаны, сильно пригрѣтые майскимъ солнцемъ, нѣжно благоухали, и я, наклонившись къ чашечкамъ цвѣтовъ, въ сладкой задумчивости, съ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ, столь любимый мною, теплый аромать.

Вдругъ мимо меня пролетѣла небольшая сѣренькая птичка, да такъ близко, что даже испугала и чуть не задѣла крыломъ, пролетѣла и опустилась шагахъ въ восьми на усыпанную краснымъ пескомъ дорожку, извивавшуюся между цвѣточными клумбами. Мгновенно были забыты цвѣты и ихъ сладкій аромать. Отуманенный внезапно вспыхнувшей охотничьей страстью, я схватилъ подвернувшійся подъ руку кирпичный черепокъ, и... черезъ мгновение птичка лежала на пескѣ дорожки мертвою. Въ восторгѣ отъ мѣткого удара, я стремглавъ бросился къ ней, да такъ и замеръ на мѣстѣ.

Передо мною лежала, съ разбитой головкой, хорошенькая, нѣжная птичка. Черненькіе глазки ея были полуоткрыты; изъ маленькаго ротика, по временамъ медленно еще раскрывавшагося, выступалъ кровавый пузырь.

„Милое несчастное созданіе. Что я сдѣлалъ! Можетъ-быть у нея уже есть маленькія дѣтки. Будутъ ждать свою маму“.

А солнце ярко свѣтило, птицы пѣли, цвѣты благоухали, благовѣстъ волнами колебался въ воздухѣ.

Я стоялъ, какъ преступникъ, судорожно сжимая въ рукахъ кисти моего серебрянаго кушака.

Сбѣгать въ уголь сада, гдѣ стояла моя лопатка, вырыть подъ кустомъ орѣшника ямку, сорвать двѣ вѣтки розъ, положить на нихъ мертвую птичку и съ нѣжнымъ поцѣлуемъ опустить ее въ могилку было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ.

На балконѣ раздавался уже голосъ отца, приказывавшаго подавать дрожки. Сейчасъ позовутъ. Скорѣе, скорѣе насыпать надъ могилкой маленькій холмикъ, обровнять его лопаткой, вотъ такъ! Теперь еще только сорвать пару нарциссовъ да пару тюльпановъ, воткнуть,—и все готово. Вѣтку душистой сирени посажу потомъ, когда вернемся отъ обѣдни.

Съ соборной колокольни раздался трезвонъ. Къ балкону подѣхали дрожки.

Взглянувъ еще разъ на милую могилку, я бѣгомъ бросился изъ сада.

Черезъ нѣсколько минутъ я усаживался, между отцомъ и матерью, на дрожки.

— Отчего это ты такъ блѣденъ? Что съ тобою?

— Такъ. Ничего.

И тайны моей никто не узналъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много, много лѣтъ, но убитая птичка, съ кровавымъ пузыремъ у рта, какъ живая, стоитъ у меня сейчасъ передъ глазами.

Кисть—кисти бываютъ: часть руки, к. малярная, к. художника, к. винограда, к. бахромчатая на матеріяхъ, занавѣсахъ и т. д. Что значить: у этого художника смѣлая, сочная кисть?

Оторочка—полоска, которою что-ниб. оторочено, т.-е. обшито.

Сафьянъ—тонкая козловая или баранья кожа.

Шаровары—широкіе брюки, засучиваемыя въ голенища.

Ямская шляпа—шл. ямщика (см. объ этомъ стр. 128).

Справиться—сладить, управиться. Онъ въ одиночку съ медвѣдемъ справляется. А что значить: справься, по чемъ дрова?

Благоухать—хорошо пахнуть.

Ароматъ—благовоііе, хороііій запахъ.

Клумба—цвѣтникъ, гряды для цвѣтовъ въ садахъ.

Отуманить—окружить туманомъ, затмить, лишить соображенія.

Подвернуться—что значить это сл.: кто ему подъ руку подвернется, тотъ и виноватъ; нога подвернулась.

Черепокъ—осколокъ разбитой глиняной посуды.

Мѣткій—кто вѣрно попадаетъ въ цѣль. Мѣтко стрѣляетъ. *Рѣдко, да мѣтко.*

Стремглавъ—устремясь головой впередъ, головой внизъ.

Трезвонъ—см. стр. 194.

138. * * *

Стихотвореніе гр. А. Толстого.

Колокольчики мои,
цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
темноглубые?
И о чемъ звените вы
въ день веселый мая,
среди некошеной травы
головой качая?
Конь несетъ меня стрѣлой
на полѣ открытомъ,
онъ васъ топчетъ подъ собой,
бьетъ своимъ копытомъ.
Колокольчики мои,
цвѣтики степные,
не кляните вы меня,
темноглубые!

Гр. Алексѣй Константиновичъ Толстой.
(1817—1875).

Я бы радъ васъ не топтать,
 радъ промчатся мимо,
 но уздой не удержать
 бѣгъ неукротимый!

Я лечу, лечу стрѣлой,
 только пыль взметаю,
 конь несетъ меня лихой,
 а куда—не знаю!

Колокольчикъ—какія имѣеть значенія это слово?

Звенѣть—см. стр. 204.

Топтать—наступать на что, ходить по чемъ, давить ногами. Не топчи травы.—Кони землю топчутъ (бьютъ копытомъ). Что значить: что вы тутъ топчетесь?

Клясть—см. стр. 212.

Неукротимый—неудержный, неугомонный, неистовый. Неукротимый звѣрь.

Взметать—отъ гл. метать, мечу и мести, мету. Здѣсь какой гл.?

Лихой—что здѣсь значить? Ср. стр. 50.

139.

Гр. Л. Н. Толстого.

Жили въ прежнее время въ Испаніи два народа—испанцы и мавры. Были они разной вѣры: испанцы были христіане, а мавры—магометане, и не переставали они враждовать другъ съ другомъ. Поспорили какъ-то испанецъ съ мавромъ, дошло дѣло до драки. Хватилъ испанецъ мавра ножомъ, упалъ тотъ мертвымъ, а онъ бросился бѣжать. Бѣжить, отбѣжалъ уже далеко, слышитъ—бѣгутъ за нимъ въ погону. Смотрить, куда бы спрятаться.

Видитъ: садъ стѣною огороженъ. Не думалъ долго испанецъ, перелѣзъ черезъ стѣну, чтобы въ саду спрятаться. Соскочилъ со стѣны въ садъ, а передъ нимъ хозяинъ. Разказалъ онъ ему все, какъ было, сталъ просить не выдавать. Хозяинъ сада не удивился: въ то время такія кровавыя расправы и убійства были обычное дѣло.—„Хорошо“, говоритъ хозяинъ: „я тебя не выдамъ“. Сорвалъ яблоко, разломилъ пополамъ, далъ половину испанцу и говоритъ: „На, съѣшь, будь моимъ гостемъ“. Хозяинъ сада былъ мавръ, а у мавровъ былъ такой обычай: въ обиду не давать, защищать, какъ родного, того, кто съ ними отъ одного куска ѣлы, значить,

ихъ гостемъ сталъ. Повелъ хозяинъ испанца къ себѣ въ домъ, накормилъ, спать уложилъ.

Только ночью приходятъ къ хозяину люди, говорятъ ему, что его сынъ убитъ и убійцу найти не могутъ. Догадался тутъ мавръ, какого онъ гостя принялъ. Ушли люди. Пошелъ старикъ, осѣдлалъ лучшаго коня, разбудилъ гостя и говоритъ ему: „Послушай, у меня былъ одинъ сынъ, былъ онъ для меня дороже всего на свѣтѣ, и ты его убилъ. Вставай, я для тебя коня осѣдлалъ, уѣзжай. Я свое слово сдержу, не трону тебя, но если кто изъ моихъ увидитъ тебя,—ты пропаешь: не помилуютъ“. Повелъ мавръ гостя къ воротамъ, сталъ отворять ворота, а руки у него дрожать. Отперъ старикъ ворота и говоритъ испанцу: „Ступай скорѣй! Благодарю Бога, что онъ послалъ мнѣ силу сдержать свое сердце“.

Огородить—обнести заборомъ, изгородью. Отсюда **огородъ**.

Расправа—разбирательство, судъ, приговоръ и исполненіе его. Кулачная расправа.

Осѣдлать—что значитъ въ переносн. смыслѣ: онъ его совсѣмъ осѣдлалъ.

Какъ озаглавить этотъ рассказъ?

140. Дождевыя капли.

Стихотвореніе А. Плещеева.

Капля дождевая
говорить другимъ:
что мы здѣсь въ окошко
громко такъ стучимъ?

Отвѣчаютъ капли:
здѣсь бѣднякъ живетъ;
мы ему приносимъ
вѣсть, что хлѣбъ растетъ.

Загадки. *Посмотрю я въ окошко: идетъ длинный Антошка.—Крупно, дробно зачастило, всю землю напоило.—И тонокъ, и дологъ, а сядетъ—въ травъ не видать.*

Пословицы: *Какъ въ маѣ дождь, будетъ рожь.—Не подъ дождемъ: стоимъ да подождемъ.*

141. Мой садикъ.

Стихотвореніе А. Плещеева.

Какъ мой садикъ свѣжъ и зе-
ленъ!
Распустилась въ немъ сирень,

отъ черемухи душистой
и отъ липъ кудрявыхъ тѣнь.

Правда, нѣтъ въ немъ блѣд-
ныхъ лилій,
горделивыхъ георгинъ,
и лишь пестрыя головки
возвышаетъ макъ одинъ,
да подсолнечникъ у входа,
словно вѣрный часовой,
сторожитъ себѣ дорожку,
всю поросшую травой...

Но люблю я садикъ скромный:
онъ душѣ моей милѣй
городскихъ садовъ унылыхъ,
съ тѣнью правильныхъ аллей.
И весь день, въ травѣ высокой
лежа, слушать бы я радъ,
какъ заботливыя пчелы
вкругъ черемухи жужжать.

Распуститься—см. стр. 228.

Душистый—издающій сильный запахъ, пахучій, благовонный.

Горделивый—величавый, важный. Горделивый видъ; горделивая по-
ступь.

Возвышать—поднимать, дѣлать выше, въ буквальномъ значеніи и переносномъ;
держатъ высоко. Это зрѣлище возвышаетъ душу; возвышать цѣну.
А что значить: возвыситъ голосъ?

Унылый—грустный, печальный. Что значить унывать, уныніе?

Заботливый—заботящійся, предусмотрительный, рачительный. А что значить:
Лицо его приняло заботливое выраженіе. Заботливая рука.

142. М у м у.

Изъ разсказа *И. Тургенева*.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, въ сѣромъ домѣ
съ бѣлыми колоннами и покривившимся балкономъ, жила нѣкогда
барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней.

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ
дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ ростомъ, сло-
женный богатыремъ и глухонѣмой отъ рожденья. Барыня взяла его
изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ въ небольшой избушкѣ, отдѣльно
отъ братьевъ, и считался едва ли не самымъ исправнымъ мужи-
комъ. Но вотъ Герасима привезли въ Москву, купили ему сапоги,
шили кафтанъ на лѣто, на зиму тулупъ, дали ему въ руки метлу
и лопату и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье. Съ дѣт-
ства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту.
Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что съ нимъ такое
дѣется, и скучалъ. Занятія Герасима по новой его должности ка-
зались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ; въ пол-
часа все у него было готово, и онъ опять то останавливался по-

среди двора и глядѣль, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу и лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный звѣрь.

Но ко всему привыкаетъ человѣкъ, и Герасимъ привыкъ, наконецъ, къ городскому житью. Дѣла у него было немного: вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколоть дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по ночамъ караулить.

Такъ прошелъ годъ, по окончаніи котораго съ Герасимомъ случилось небольшое происшествіе.

Дѣло было къ вечеру. Герасимъ шелъ тихо вдоль Москвырѣчки и глядѣль на воду. Вдругъ ему показалось, что что-то барахтается въ тинѣ у самаго берега. Онъ нагнулся и увидѣль небольшого щенка, бѣлаго, съ черными пятнами, который, несмотря на всѣ свои старанія, никакъ не могъ вылѣзть изъ воды, бился, скользилъ и дрожалъ всѣмъ своимъ мокренькимъ и худенькимъ тѣломъ. Герасимъ поглядѣль на несчастную собачонку, подхватилъ ее одной рукой, сунулъ ее къ себѣ въ пазуху и пустился большими шагами домой.

Онъ вошелъ въ свою каморку, уложилъ спасеннаго щенка на кровати, прикрылъ его своимъ тяжелымъ армякомъ, сбѣгалъ сперва въ конюшню за соломой, потомъ въ кухню за чашечкой молока. Осторожно откинувъ армякъ и разостлавъ солому, поставилъ онъ молоко на кровать.

Бѣдной собачонкѣ было всего недѣли три, глаза у ней прорѣзались недавно; одинъ глазъ даже казался немножко больше другого; она еще не умѣла пить изъ чашки и только дрожала и щурилась. Герасимъ взялъ ее легонько двумя пальцами за голову и принагнулъ ее мордочку къ молоку. Собачка вдругъ стала пить съ жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Герасимъ глядѣль, глядѣль да какъ засмѣется вдругъ... Всю ночь онъ возился съ ней, укладывалъ ее, обтиралъ и заснулъ, наконецъ, самъ возлѣ нея какимъ-то радостнымъ тихимъ сномъ.

Ни одна мать такъ не ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживалъ Герасимъ за своей питомицей. Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась; а мѣсяцевъ черезъ восемь, благодаря неу-

сыпнымъ попеченіямъ своего спасителя, превратилась въ очень ладную собачку, съ длинными ушами, пушистымъ хвостомъ въ видѣ трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась къ Герасиму и не отставала отъ него ни на шагъ, все ходила за нимъ, повиливая хвостикомъ. Онъ и кличку ей далъ,—нѣмые знаютъ, что мычанье ихъ обращаетъ на себя вниманье другихъ,—онъ назвалъ ее Муму. Всѣ люди въ домѣ ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всѣмъ ласкалась, но любила одного Герасима. Герасимъ самъ ее любилъ безъ памяти.

Она его будила по утрамъ, дергая его за полу, приводила къ нему за поводъ старую водовозку, съ которой жила въ большой дружбѣ, съ важностью на лицѣ отправлялась вмѣстѣ съ нимъ на рѣку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала къ его каморкѣ. Онъ нарочно для нея прорѣзалъ отверстіе въ своей двери, а она какъ будто чувствовала, что только въ Герасимовой каморкѣ она была полная хозяйка, и потому, войдя въ нее, тотчасъ, съ довольнымъ видомъ, вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла безъ разбору. Въ господскій домъ Муму не ходила и, когда Герасимъ носилъ въ комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпѣливо его выжидала у крыльца, наостривъ уши и поворачивая голову то направо, то вдругъ налево, при малѣйшемъ стукѣ за дверьми...

Такъ прошелъ еще годъ. Герасимъ продолжалъ свои дворническія занятія и очень былъ доволенъ своей судьбой, какъ вдругъ произошло одно неожиданное обстоятельство... А именно: въ одинъ прекрасный лѣтній день барыня со своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была въ духѣ, смѣялась и шутила. Съ сладкой улыбкой на сморщенныхъ губахъ гуляла барыня по гостиной и подошла къ окну. Передъ окномъ былъ разбитъ палисадникъ, и на самой средней клумбѣ, подъ розовымъ кусточкомъ, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела ее.

— Боже мой!—воскликнула она вдругъ:—что это за собака?

Приживалка, къ которой обратилась барыня, заметалась, бѣдененькая.

— Н... н... е... знаю-съ,—пробормотала она:—кажется нѣмого.

— Боже мой! — прервала ее барыня: — да она премиленькая собачка! Велите ее привести. Давно она у него? Какъ же это я ея не видала до сихъ поръ?.. Велите ее привести.

Приживалка тотчасъ порхнула въ переднюю.

— Человѣкъ, человѣкъ! — закричала она: — приведите поскорѣй Муму! Она въ палисадникѣ.

— А ее Муму зовутъ, — промолвила барыня: — очень хорошее имя.

— Ахъ, очень-съ! — возразила приживалка. — Скорѣй. Степанъ!

Степанъ принесъ Муму въ гостиную и поставилъ на паркетъ. Барыня начала ее ласковымъ голосомъ подзывать къ себѣ. Муму, отроду еще не бывавшая въ такихъ великолѣпныхъ покояхъ, очень испугалась и бросилась было къ двери, но, оттолкнутая услужливымъ Степаномъ, задрожала и прижалась къ стѣнѣ.

— Муму, Муму, подойди же ко мнѣ, подойди къ барынѣ, — твердила госпожа: — подойди, глупенькая... не бойся...

— Подойди, подойди, Муму, къ барынѣ, — твердили приживалки: — подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругомъ и не трогалась съ мѣста.

— Принесите ей чего-нибудь поѣсть, — сказала барыня. — Какая она глупая! Къ барынѣ не идетъ. Чего боится?

— Онѣ не привыкли еще, — произнесла робкимъ и умильнымъ голосомъ одна изъ приживалокъ.

Степанъ принесъ блюдечко съ молокомъ, поставилъ передъ Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась попережнему.

— Ахъ, какая же ты! — промолвила барыня, подходя къ ней, нагнулась и хотѣла погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчаніе. Муму слабо визгнула, какъ бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движеніе собаки ее испугало.

— Ахъ, — закричали разомъ всѣ приживалки: — не укусила ли она васъ, сохрани Богъ! (Муму въ жизнь свою никого никогда не укусила). Ахъ, ахъ!

— Отнести ее вонъ, — проговорила измѣнившимся голосомъ старуха. — Скверная собачонка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она въ свой кабинетъ. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но

она остановилась, холодно посмотрѣла на нихъ и промолвила: „Зачѣмъ это? вѣдь я васъ не зову“, и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана: тотъ подхватилъ Муму и выбросилъ ее поскорѣй за дверь, прямо къ ногамъ Герасима, а черезъ полчаса въ домѣ уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидѣла на своемъ мѣстѣ мрачнѣе грозовой тучи.

На другое утро она велѣла позвать дворецкаго Гаврилу часомъ ранѣе обыкновеннаго.

— Скажи, пожалуйста,—начала она, какъ только тотъ переступилъ порогъ ея кабинета:—что это за собака у насъ на дворѣ всю ночь лаяла? Мнѣ спать не дала!

— Собака-съ... какая-съ... можетъ-быть, нѣмого собака-съ,—произнесъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Не знаю, нѣмого ли, другого ли кого, только спать мнѣ не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собакъ? Желая знать. Вѣдь есть у насъ дворная собака?

— Какъ же-съ, есть-съ. Волчокъ-съ.

— Ну, чего еще, на что намъ еще собака? Только одни безпорядки заводить. Старшаго нѣтъ въ домѣ, вотъ что. И на что нѣмому собака? Кто ему позволилъ собакъ у меня на дворѣ держать? Вчера я подошла къ окну, а она въ палисадникѣ лежитъ, какую-то мерзость притащила, грызетъ, а у меня тамъ розы посажены... — Барыня помолчала. — Чтобъ ея сегодня же здѣсь не было... слышишь?

— Слушаю-съ.

— Сегодня же. А теперь ступай. Къ докладу я тебя потомъ позову.

Степанъ, тайкомъ отъ Герасима, взялъ Муму и продалъ ее на городскомъ рынкѣ.

Герасимъ тотчасъ хватился Муму; онъ сталъ повсюду бѣгать, искать ее, кликать по-своему... бросился въ свою каморку, на сѣноваль, выскочилъ на улицу, туда-сюда... Пропала! Онъ обратился къ людямъ, съ самыми отчаянными знаками спрашивалъ о ней, показывая на полъ-аршина отъ земли, рисовалъ ее руками... Иные точно не знали, куда дѣвалась Муму, и только головами качали, другіе знали и посмѣивались ему въ отвѣтъ, а дворецкій принялъ чрезвычайно важный видъ и началъ кричать на кучеровъ. Тогда Герасимъ побѣжалъ со двора долой.

Уже смеркалось, когда онъ вернулся. По его истомленному виду, по невѣрной походкѣ, по запыленной одеждѣ его можно было предполагать, что онъ успѣлъ обѣжать полѣ-Москвы. Онъ остановился противъ барскихъ оконъ, окинулъ взоромъ крыльцо, на которомъ столпилось человѣкъ семь дворовыхъ, отвернулся и промычалъ еще разъ: „Муму!“ Муму не отозвалась. Онъ пошелъ прочь. Все посмотрѣли ему вслѣдъ, но никто не улыбнулся, не сказалъ слова... а любопытный фореиторъ Антипка рассказывалъ на другое утро въ кухнѣ, что нѣмой де всю ночь охалъ.

Весь слѣдующій день Герасимъ не показывался, такъ что вмѣсто него за водой долженъ былъ съѣздить кучеръ Потапъ, чѣмъ кучеръ Потапъ очень остался недоволенъ. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ея приказаніе, Гаврила отвѣчалъ, что исполнено.

На другое утро Герасимъ вышелъ изъ своей каморки на работу. Къ обѣду онъ пришелъ, поѣлъ и ушелъ, опять никому не поклонившись. Его лицо, и безъ того безжизненное, какъ у всѣхъ глухонѣмыхъ, теперь словно окаменѣло. Послѣ обѣда онъ опять уходилъ со двора, но не надолго, вернулся и тотчасъ отправился на сѣноваль. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и безпрестанно поворачиваясь, лежалъ Герасимъ и вдругъ почувствовалъ, какъ будто его дергаютъ за полу; онъ весь затрепеталъ, однако, не поднималъ головы, даже зажмурился; но вотъ опять его дернули сильнѣе прежняго, онъ вскочилъ... Передъ нимъ, съ обрывкомъ веревки на шеѣ, вертѣлась Муму. Протяжный крикъ радости вырвался изъ его безмолвной груди; онъ схватилъ Муму, стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ; она въ одно мгновенье облизала ему носъ, глаза, усы и бороду... Онъ постоялъ, подумалъ, осторожно слѣзъ съ сѣнника, оглянулся и, удостовѣрившись, что никто его не увидитъ, благополучно пробрался въ свою каморку.

Герасимъ уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее должно быть свели по приказанію барыни: люди-то ему объяснили знаками, какъ его Муму на нее окрысилась, и онъ рѣшился принять свои мѣры. Сперва онъ накормилъ Муму хлѣбushкомъ, обласкалъ ее, уложилъ; потомъ началъ соображать да всю ночь напролетъ и соображалъ, какъ бы лучше ее спрятать. Наконецъ, онъ придумалъ весь день оставлять ее въ каморкѣ и только изрѣдка къ ней навѣдываться, а ночью выводить. Отверстіе въ двери онъ плотно заткнулъ старымъ своимъ армякомъ и чуть свѣтъ уже былъ на дворѣ.

Въ теченіе дня Герасимъ раза два украдкой ходилъ къ своей затворницѣ; когда же наступила ночь, онъ легъ спать вмѣстѣ съ ней въ каморкѣ, а не на сѣновалѣ, и только во второмъ часу вышелъ погулять съ ней на чистомъ воздухѣ. Походивъ съ ней довольно долго по двору, онъ уже было собирался вернуться, какъ вдругъ за заборомъ, со стороны переулка, раздался шорохъ. Муму навострила уши, зарычала, подошла къ забору, понюхала и залилась громкимъ и пронзительнымъ лаемъ. Какой-то пьяный человѣкъ вздумалъ тамъ уgnѣздиться на ночь. Въ это самое время барыня только-что засыпала. Внезапный лай ее разбудилъ: сердце у ней забилось и замерло. „Дѣвки, дѣвки!—простонала она.—Дѣвки!“ Перепуганныя дѣвки вскочили къ ней въ спальню. „Охъ, охъ, умираю!—проговорила она, тоскливо разводя руками.—Опять, опять эта собака!.. Охъ, пошлите за докторомъ! Они меня убить хотятъ... Собака, опять собака! Охъ!“

На слѣдующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидалъ ея пробужденія, чтобы дать приказъ къ рѣшительному натиску на Герасимово убѣжище.

Герасимъ неподвижно стоялъ на порогѣ. Толпа собралась у подножія лѣстницы. Герасимъ глядѣлъ на всѣхъ этихъ людишекъ въ нѣмецкихъ кафтанахъ сверху, слегка уперши руки въ бока; въ своей красной крестьянской рубашкѣ онъ казался какимъ-то великаномъ передъ ними. Гаврила едѣлалъ шагъ впередъ.

— Смотри, братъ,—промолвилъ онъ:—у меня не озорничай!

И онъ началъ ему объяснять знаками, что барыня, молъ, непременно требуетъ твоей собаки: подавай, молъ, ее сейчасъ, а то бѣда тебѣ будетъ.

Герасимъ посмотрѣлъ на него, указалъ на собаку, едѣлалъ знакъ рукою у своей шеи, какъ бы затягивая петлю, и съ вопрошительнымъ лицомъ взглянулъ на дворецкаго.

— Да, да, —возразилъ тотъ, кивая головой:—да, непременно!

Герасимъ опустилъ глаза, потомъ вдругъ встряхнулся, опять указалъ на Муму, которая все время стояла возлѣ него, невинно помахивая хвостомъ и съ любопытствомъ поводя ушами, повторилъ знакъ удушенія надъ своей шеей и значительно ударилъ себя въ грудь, какъ бы объявляя, что онъ самъ беретъ на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь,—замахалъ ему въ отвѣтъ Гаврила.

Герасимъ поглядѣлъ на него, презрительно усмѣхнулся, опять ударилъ себя въ грудь и захлопнулъ дверь.

Всѣ молча переглянулись.

— Что жь это такое значить?—началъ Гаврила.—Онъ заперся.

— Оставьте его, Гаврила Андреевичъ,—промолвилъ Степанъ:—онъ сдѣлаеть, коли общаеть. Ужъ онъ такой... Ужъ коли онъ общаеть, это навѣрное. Онъ на это не то, что нашъ братъ. Что правда, то правда. Да!

— Да!—повторили всѣ и тряхнули головами.—Это такъ. Да!

Спустя часъ послѣ всей этой тревоги, дверь каморки растворилась, и показался Герасимъ. На немъ былъ праздничный кафтанъ; онъ велъ Муму на веревочкѣ. Герасимъ направился къ воротамъ. Всѣ бывшіе на дворѣ мальчишки проводили его глазами, молча. Онъ даже не обернулся; шапку надѣлъ только на улицѣ. Герасимъ вошелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ собакой. Въ трактирѣ знали Герасима и понимали его знаки. Онъ спросилъ себѣ щей съ мясомъ и сѣлъ, опершись руками на столъ. Муму стояла подлѣ его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней такъ и лоснилась: видно было, что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Онъ накрошилъ туда хлѣба, мелко изрубилъ мясо и поставилъ тарелку на полъ. Муму принялась ѣсть съ обычной своей вѣжливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасимъ долго глядѣлъ на нее; двѣ тяжелыя слезы выкатились вдругъ изъ его глазъ: одна упала на крутой лобикъ собачки, другая—во щи. Онъ заслонилъ лицо своей рукой. Муму съѣла полтарелки и отошла, облизываясь. Герасимъ всталъ, заплатилъ за щи и вышелъ вонъ.

Герасимъ шелъ не торопясь и не спускалъ Муму съ веревочки. Дойдя до угла улицы, онъ остановился, какъ бы въ раздумьѣ, и вдругъ быстрыми шагами отправился къ Крымскому Броду. На дорогѣ онъ зашелъ на дворъ дома, къ которому пристраивался флигель, и вынесъ оттуда два кирпича подъ мышкой. Отъ Крымскаго Брода онъ повернулъ по берегу, дошелъ до одного мѣста, гдѣ стояли двѣ лодочки съ веслами, привязанныя къ колышкамъ (онъ уже замѣтилъ ихъ прежде), и вскочилъ въ одну изъ нихъ, вмѣстѣ съ Муму. Хромой старичишка вышелъ изъ-за шалаша, поставленнаго въ углу огорода, и закричалъ на него. Но Герасимъ только закивалъ на него головой и такъ сильно принялся грести,

хотя и противъ теченія рѣки, что въ одно мгновенье умчался саженой на сто.

Герасимъ все гребъ да гребъ. Вотъ уже Москва осталась назади. Вотъ уже потянулись по берегамъ луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повѣяло деревней. Онъ бросилъ весла, приникъ головой къ Муму, которая сидѣла передъ нимъ на сухой перекладинѣ, — дно было залито водой, — и остался неподвижнымъ, скрестивъ могучія руки у ней на спинѣ, между тѣмъ какъ лодку волной помаленьку относило назадъ, къ городу. Наконецъ Герасимъ выпрямился, поспѣшно, съ какимъ-то болѣзненнымъ озлобленіемъ на лицѣ, окуталъ веревкой взятые имъ кирпичи, придѣлалъ петлю, надѣлъ на шею Муму, поднялъ ее надъ рѣкой, въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на нее... Она довѣрчиво и безъ страха поглядывала на него и слегка махала хвостикомъ. Онъ отвернулся, зажмурился и разжалъ руки... Герасимъ ничего не слышалъ: ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкаго всплеска воды; для него самый шумный день былъ безмолвенъ и беззвученъ, какъ ни одна самая тихая ночь не беззвучна для насъ; и когда онъ снова раскрылъ глаза, попрежнему спѣшили по рѣкѣ, какъ бы гоняясь другъ за дружкой, маленькія волны, попрежнему поплескивали онѣ о бока лодки, и только далеко назади къ берегу разбѣгались какіе-то широкіе круги.

Насталъ вечеръ... По Т...у шоссе усердно и безостановочно шагаль какой-то великанъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ длинной палкой въ рукахъ. Это былъ Герасимъ. Онъ спѣшилъ безъ оглядки домой, къ себѣ въ деревню, на родину. Утопивъ бѣдную Муму, Герасимъ прибѣжалъ въ свою каморку, проворно уложилъ кой-какіе пожитки въ старую попону, связалъ ее узломъ, взвалилъ на плечо да и былъ таковъ.

Черезъ два дня онъ уже былъ дома, въ своей избенкѣ, къ великому изумленію солдатки, которую тамъ поселили. Помолясь, тотчасъ же отправился онъ къ старостѣ. Староста сначала было удивился; но сѣнокосъ только что начинался: Герасиму, какъ отличному работнику, тутъ же дали косу въ руки, и пошелъ косить онъ по старинному, косить такъ, что мужиковъ только пробирало, глядя на его размахи да загребы...

А въ Москвѣ, на другой день послѣ побѣга Герасима, хватились его. Пошли въ его каморку, обшарили ее, сказали Гаврилѣ.

Тотъ пришелъ, посмотрѣлъ, пожалъ плечами и рѣшилъ, что нѣмой либо бѣжалъ, либо утопъ вмѣстѣ съ своей глупой собакой.

И живетъ до сихъ поръ Герасимъ бобылемъ въ своей одинокой избѣ; здоровъ и могучъ попрежнему и работаетъ за четверыхъ попрежнему и попрежнему важенъ и степененъ. Но сосѣди замѣтили, что со времени своего возвращенія изъ Москвы онъ ни одной собаки у себя не держитъ.

Дворянъ—вся прислуга при дворѣ помѣщика (въ крѣпостное время).

Богатырь—сильный, могучій человекъ.

Исправный—о человекѣ—точный, добросовѣстный, усердный; о вещи—пригодный, безъ пороковъ.

Опредѣлить—имѣть различныя значенія: опредѣлите, что такое подлежащее.—Я опредѣлилъ его на службу, мальчика въ училище.

Полюбитъ—понравится, придтись по вкусу.

Быть—образъ жизни, совокупность обычаевъ и нравовъ: быть крестьянскій, б. купеческій и т. д.

Содержать—опредѣлите различныя значенія этого сл. Дикихъ звѣрей содержать въ клеткахъ.—Онъ содержитъ школу на свой счетъ.—Эта вода содержитъ въ себѣ много желѣза.—Содержать въ тайнѣ; с. въ порядкѣ.

Барахтаться—возиться, биться руками и ногами, упавъ наземь или въ воду.—**Сбухты-барахты**—зря, ни съ того, ни съ сего.

Пазуха—всякое углубленье, пустота; свободное пространство между грудью и одеждой. Положить за (или въ) пазуху.

Каморка—чуланъ, кладовая, комнатка.

Прорѣзываться—говорится также о зубахъ: у ребенка зубы уже прорѣзались—выросли, появились сквозь десны.

Шурить глаза—жмурить, прикрывать вѣками.

Захлебываться—задыхаться отъ попавшей въ горло жидкости. Захлебнулся купаясь и утонулъ.—Онъ заговорилъ захлебывающимся голосомъ.—Онъ захлебывается отъ восторга.

Питомецъ, питомица—кого вспоили и вскормили. Что такое питомецъ мая?—**Питомникъ**—разсадникъ растений.

Тщедушный (отъ тощій и душа)—слабый здоровьемъ, хилый, истощенный.

Справиться—здѣсь въ значеніи поправиться.

Выровняться, выравняться—становиться ровнымъ, дѣлаться рослымъ. Смолоду онъ былъ невзраченъ, а теперь выровнялся.

Неусыпный—безпрестанный, всегдашній, бдительный.

Попеченье (отъ сл. печься)—забота, стараніе. Что значить: отложить попеченіе.

Водовозка—лошадь, возящая воду.

Приживалка—живущая въ домѣ на хлѣбахъ, бесплатно, изъ милости.

Палисадникъ—садикъ вдоль дома, обнесенный заборомъ.

Разбить—въ переносн. знач.: мѣсто подъ что-ниб. обозначить кольями; разбить палатку, садъ—устроить, установить.

Порхать—летать не высоко или съ мѣста на мѣсто; про человекъ—ходить легкой походкой; въ переносн. значеніи: вести разсѣянную, беззаботную жизнь.

Умильный—то же, что миловидный, возбуждающій нѣжное чувство, трогательный, иногда (какъ и здѣсь)—сладкій, угодливый.

Озираться (отъ сл. зрѣть—смотрѣть)—оглядываться кругомъ.

Оскалить зубы—открывъ ротъ, показать зубы. Что значить: чего ты зубы скалишь? Отсюда **зубоскаль**—пересмѣшникъ.

Нахмуриться—наморщиться, насуниться, стать мрачнымъ. Небо нахмурилось.

Дворецкій—лицо, завѣдывавшее во времена крѣпостного права дворней.

Хватиться кого-ниб.—замѣтить отсутствіе, пропажу. А что значить: за умъ хватиться?—*Утопающій за соломинку хватается.*—Онъ за все хватается.

Сѣноваль или сѣнникъ—сарай или чердакъ сарая для храненія сѣна.

Форейторъ (нѣмецк. сл.) — ѣдущій впереди верхомъ на лошади при запряжкѣ цугомъ.

Окрыеиться на кого—ощетиниться, озлиться.

Напролетъ—насквозь, навылеть; о времени: сплошь, безъ перерыва. Онъ всю ночь напролетъ просидѣлъ.

Навѣдываться—бываетъ гдѣ, посѣщать кого для того, чтобъ узнать что-либо. Я къ вамъ навѣдаюсь—Навѣдайтесь о его здоровьи.

Украдкой—см. стр. 221.

Затворникъ—живущій уединенно, избѣгая людей.

Угнѣздиться—устроиться, водвориться.

Натискъ—напоръ, дружное нападеніе.

Подножіе—собственно то, что подстилается или ставится подъ ноги; затѣмъ подножіе колонны, подножіе горы.

Встряхнуться, встряхиваться—говорится о животныхъ—трясти всемъ тѣломъ; въ переносн. знач.—оживиться, набраться новыхъ впечатлѣній: онъ ѣдетъ за границу: ему необходимо немного встряхнуться.

Лосниться—блестѣть.

Заслонить—закрывать, загородить, защищать. Заслонили солнце тучи.—Онъ (старый воробей) кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище (см. выше).

Флигель—строевіе сбоку главнаго дома.

Приникнуть—приклониться, прижаться. Къ отцу, весь издрогнувъ, малятка приникъ („Лѣсн. царь“).

Пожитки—имущество, вещи.

Таковъ и былъ или **и былъ таковъ**—бѣжалъ, скрылся.

Загребъ—отъ сл. загребать—гresti, сгребать, собирать въ кучу.

Бобыль—собств. значить безземельный крестьянинъ, а также одинокій.

Степенный—дѣльный, скромный, надежный.

143. Розы.

Стихотвореніе И. Мятлева.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
въ моемъ саду! какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
не трогать ихъ холодною рукой.

Прельщать, прельстить—пѣвнать, восхищать, манить, соблазнять. Его бѣсъ прельстилъ—смутилъ, попуталъ, соблазнилъ. Онъ прельстился его умомъ.

Молить—просить смиренно, покорно. Какія знаете еще слова отъ того же корня?

144. Поймалъ вора.

Разсказъ В. Дала.

Жиль-быль богатый мужикъ. Что ему дѣлается? Всего вдоволь, такъ что въ избѣ тѣсно всему добру; онъ пристроилъ клѣть, да туда и сложилъ все излишнее. Богатому не спится: богатый вора боится; такъ и нашъ мужичокъ: нѣтъ нѣтъ да и выглянетъ опять ночью на дворъ, чтобы не было изъяну. Разъ также вышелъ онъ да и сталъ прислушиваться: ему послышалось, будто кто прошелъ подлѣ клѣти, словно солома подъ ногами прошеле-стѣла. Притаивъ духъ, хозяинъ мой опять услышалъ какой-то шорохъ и пошелъ красться, какъ подъ волка. Добравшись до клѣти, онъ сталъ подглядывать изъ-за угла, анъ кто-то смотреть на него изъ-за другого угла. Хозяинъ откачнулся за уголъ, подумалъ — да опять выглянулъ, а тотъ тоже себѣ, да опять-таки на него глядитъ.

Не знаю, долго ль они этакъ въ переглядышки играли, только что воръ сталъ посмѣлѣе, высунулся на половицу, — и хозяинъ тоже, и глядятъ другъ на друга прямо въ глаза. „Что, братъ, — спросилъ воръ потихоньку: — и ты никакъ на промыселъ вышелъ?“ — „Какъ видишь, землякъ“. — „Такъ пойдемъ, братъ, вмѣстѣ: и добыча, и грѣхъ, и горе — все пополамъ“. — „Ладно, пойдемъ. Да куда же?“ — „Да не знаю, братъ. Я-то человекъ не бывалый: признаться, еще въ первый разъ вышелъ; и страшно — да нечего дѣлать. Давай вотъ ломать клѣть: это хозяинъ богатый, что-нибудь да найдемъ“. — „Ты впервые, — подумалъ хозяинъ: — такъ погоди жъ, я тебя отважу, — въ другой разъ не пойдешь.. Пожалуй, давай, — сказалъ онъ. — Да чѣмъ ломать? Есть у тебя что?“ — „Нѣтъ, братъ, ничего. Развѣ поискать тутъ плахи какой, да высадить дверь?“ — „Погоди-ка, погоди-ка, — сказалъ хозяинъ: — у меня вотъ есть отмычки: я, видно, позапасливѣе тебя; авось, не придется ли котоя“. Самъ досталъ съ пояса ключъ и отомкнулъ клѣть.

Вошли. „Вотъ, — говоритъ хозяинъ, — сундукъ стоитъ. Ломай“. А самъ пошелъ въ сторону пошарить топора, либо безмена, чтобы окрестить имъ вора. „Богъ съ нимъ, — говоритъ воръ, — съ сундукомъ. Мнѣ бы вотъ хлѣбушка найти; а тутъ-таки пахнетъ, братъ, свѣжимъ хлѣбомъ“. И пошелъ, потягивая носомъ. „Постой, — сказалъ хозяинъ: — вотъ, я нашелъ“. И подаль ему съ полки хлѣбъ; тотъ кинулся на хлѣбъ этотъ, схватилъ его обѣими руками, и

давай уплетать. „Что ты не ужиналъ нынче, что ли?“—спросилъ хозяинъ, у котораго безменъ былъ уже въ рукѣ.—„Какой ужинъ!—говорить тотъ, а самъ знай ломаетъ да за щеку мечетъ:—у меня, братецъ, другія сутки, кромѣ воды, ничего во рту не было—отоцалъ совсѣмъ“. У хозяина опустилась рука съ безменомъ, и онъ молчалъ. Поѣвъ немного, воръ перекрестился, ухватилъ съ полки еще другой хлѣбъ, кромѣ початаго, да и говорить: „Ну, братъ, спасибо! Господь насъ проститъ, прости и ты!“ А самъ было пошелъ. „Что же ты?—спросилъ еще разъ хозяинъ:—вѣдь добра тутъ много; хоть заберемъ, что подъ руку попадется“.—„Богъ съ нимъ, съ добромъ этимъ!—сказалъ воръ:—и самъ не возьму, да и тебѣ бы не велѣлъ. Слава Богу, что добрался я вотъ до хлѣбушка; на недѣлку будетъ съ меня, и большую жену накормлю и ребятишекъ; болѣе мнѣ ничего не надо“.—„Ну, такъ поди же сюда, возьми вотъ мѣшочекъ муки да отнеси домой. Никого не бойся, иди прямо улицей; а коли кто спроситъ, такъ скажи, что самъ хозяинъ далъ“.—„Какъ хозяинъ? Какой хозяинъ?“—спросилъ, испугавшись насмерть, воръ.—„Да, братъ, хозяинъ: вотъ онъ стоитъ передъ тобой и припасъ было на тебя обухъ“. Воръ, какъ стоялъ, повалился ему въ ноги: „Батюшка, не погуби! Двое сутокъ не ѣлъ, видитъ Богъ! и хвораая хозяйка и ребятишки!“—„Вставай!—сказалъ хозяинъ:—бери хлѣбъ, бери и муку, да и ступай съ Богомъ домой. Ступай съ Богомъ, да впередъ, когда будешь голодень, по чужимъ клѣтямъ не ходи; а приходи прямо ко мнѣ“.

Дѣлаться—совершаться, становиться, происходить. Погода дѣлается все хуже и хуже.—Дѣлаться скупнымъ.—Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?—Что ему дѣлается.—Съ нею часто дѣлаются обмороки.—Такъ у нихъ дѣлается.—Дѣлайся съ нимъ, какъ знаешь (т.е. раздѣлывайся, устраивайся).— *Не все то дѣлается, что говорится.—Скоро говорится, не скоро дѣлается.*

Нѣтъ—опредѣлите различныя значенія этого слова: Лѣтомъ нѣтъ снѣгу.—Слыхалъ ли новость? Нѣтъ.—Есть лучше нѣта.—Нѣта-то у насъ у самихъ много.—Дѣло на нѣтъ сошлось.—*На нѣтъ и суда нѣтъ.—Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Чего нѣтъ, того и хочется.* А что значить: нѣтъ-нѣтъ да н...

Изъянъ—ущербъ, убытокъ, поврежденіе, порокъ. Товаръ съ изъянцемъ.

Шелестѣть, шелестить—издавать шелестъ, шорохъ, шумъ. Сухой листъ шелеститъ подъ ногами.—Вѣтеръ шелеститъ въ деревьяхъ.

Притаить—скрыть на время или втихомолку; притаить дыханье—едва дышать. А что знач. **притаиться?**

Красться—подкрадываться, идти украдкой, крадучись.

Ань—между тѣмъ, для выраженія неожиданности.

Переглядѣшки, переглядѣды, отъ сл. переглядѣваться—смотрѣть другъ на друга понимая значеніе взгляда. Играть въ переглядѣшки—молча глядѣть другъ на друга.

Никакъ—никоимъ образомъ, отнюдь не; вопросительное (правильнѣе не какъ)—повидимому, должно быть.

Промыселъ—см. стр. 64.

Нештò, вѣрнѣе нешто, не что иное—конечно, разумѣется.

Землякъ, землячка—изъ одной земли, родившійся въ одномъ съ кѣмъ-либо мѣстѣ—городѣ, селѣ...

Добыча—то, что добыто, приобрѣтено охотой, отыскиваніемъ, грабежомъ или другимъ насильственнымъ образомъ, напр. на войнѣ. Добыча ловца не ждетъ.—Добыча золота, желѣзной руды.—Военная добыча.

Небывалый—неопытный, новый, впервые виданный. Онъ челоуѣкъ небывалый.—Небывалый случай. А что значитъ **небывальщина**?

Отвадить, отваживать—отучать. Я его отважу отъ гороху.

Плаха—бревно, обычно въ три полѣна; деревянный обрубокъ, на который клали голову при казни обезглавленіемъ. На плаху, крестьясь, ложится Кочубей („Полтава“).—Нести голову на плаху.

Высадить, высаживать—примѣры различныхъ значеній этого сл. Высадить цвѣты изъ горшковъ въ гряды.—Высадить на берегъ.—Сбѣжались люди, принялись стучать, высадили дверь (Тоголь).

Отмычка—поддѣльный ключъ; крючокъ, которымъ отпирають замки. Отмычки бывають у слесарей да у воровъ.

Запасливый—имѣющій привычку запасаться. Запасливый лучше богатаго.—Запасливый нужды не терпитъ.

Шарить—искать ощупью. Перешарилъ всѣ углы.

Безменъ—ручные вѣсы, представляющіе металлическій брусокъ.

Окрестить—совершить надъ кѣмъ-либо обрядъ крещенія, осѣнить крестомъ. А здѣсь что значитъ?

Потягивать, потянуть—тянуть отъ времени до времени или понемногу. Въ терокъ потянулъ.—Собака потянула—пошла чутьемъ. А что еще значитъ это слово? Напр. Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь? („Бор. Год.“).

Уплетать—чаще употребл. въ переносномъ знач.: 1) уходить спѣшно. Я за нимъ, а онъ-то уплетаетъ отъ меня. Въ томъ же знач. употреб. сл. **улепетывать**; 2) жадно ѣсть, много ѣсть. Въ томъ же знач. употребл. сл. **уписывать**.

Знай—то и дѣло, безъ перерыва.

Метать (я мечу)—бросать, кидать. Метать петли.—Рыба мечетъ икру.—Метнемъ жребій.—Метать взоры (гнивные).—*Что есть въ печи, все на столѣ мечи.* (Гдѣ у насъ была эта пословица?).—*Не мечи бисера передъ свиньями.* Ср. **мѣтить**—мѣтить въ цѣль, мѣтить бѣлье.

Отощать—проголодаться, худѣть отъ скудной пищи. Скотина за зиму отощала.

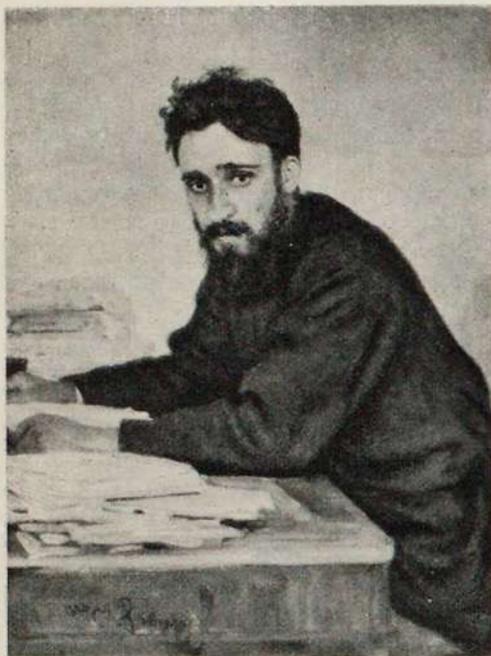
Припасать—заготавливать.

Обухъ—тупая часть топора. Здѣсь употребл. вмѣсто „топоръ“. Подъ обухъ иди (на вѣрную гибель).—Какъ обухомъ по головѣ (озадачить, поразить чѣмъ-ниб. неожиданнымъ).

Пословицы: *На воръ шапка горитъ* (закричалъ знахарь, а воръ и ухватился за голову).—*Доброму вору все впору.*—*Воръ у вора дубинку укралъ.*

145. Сигналь.

Разсказъ *В. Гаршина.*

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ
(1855—1888).

Семень Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой — десять верстѣ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ-за лѣса ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семень Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ, онъ побывалъ на войнѣ: служилъ въ денщикахъ у офицера и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ, и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстѣ въ жару

и въ морозъ; случалось и подъ пулями бывать, да, слава Богу, ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лощинку — турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Семень изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту, пули свистятъ, въ камни щелкаютъ, страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Не мало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой — отецъ старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году — тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семень съ женою самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ невтерпежъ; пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семень съ женой и на линіи, и въ Херсонѣ, и въ Дон-

щинѣ; нигдѣ счастья не достали. Пошла жена въ прислуги, а Семень попржнему все бродить. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто знакомый. Глядитъ на него Семень, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга. Офицеръ своего полка оказался.

— Ты Ивановъ? говорить.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть.

— Ты какъ сюда попалъ?

Разказалъ ему Семень: такъ моль и такъ.

— Куда жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому, податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говорить:

— Вотъ что, братъ, оставайся-ка ты покудова на станціи. Ты, кажется, женатъ? Гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, ваше благородіе, женатъ; жена въ городѣ Курскѣ, у кушца въ услуженіи находится.

— Ну такъ пиши женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится, ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе, отвѣтилъ Семень.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ, дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли приѣхала жена, и поѣхалъ Семень на ручной телѣжкѣ въ свою будку. Будка новая, теплая, дровъ—сколько хочешь; огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земли съ полдесятины пахотной по бокамъ полотно было. Обрадовался Семень: сталъ думать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купить.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключи—гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метель, болтовъ, костылей, дали двѣ книжки съ правилами и расписаніе поѣздовъ. Первое время Семень ночи не спалъ, все расписаніе твердилъ; поѣздъ еще черезъ два часа пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки, и все смотритъ и слушаетъ, не дрожатъ ли рельсы, не шумитъ ли поѣздъ.

Вытвердилъ онъ наизусть и правила; хоть и плохо читалъ, по складамъ, а все-таки вытвердилъ.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семень съ сосѣдными сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древнѣй; все смѣнить его собирались; едва изъ будки выбирался. Жена за него и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, посерединѣ между будками, на обходѣ; Семень шапку снялъ и поклонился.

— Доброга,—говорить,—здоровья, сосѣдъ.

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку. „Здравствуй“, говоритъ. Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собою встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семень. „Что это,—говорить,—утебя, молодлица, мужъ не разговорчивый?“ Помолчала баба, потомъ говорить:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ.

Однако прошло еще времени съ мѣсяць, познакомились. Сойдутся Семень съ Василюмъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и рассказываютъ про свое житье-бытье. Василий все больше помалчивалъ, а Семень и про деревню свою, и про походъ рассказывалъ.

— Не мало,—говорилъ,—я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ есть. Такъ-то братецъ, Василий Степанычъ.

А Василий Степанычъ трубку объ рельсу выколотилъ, всталъ и говорить:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнѣе и злѣе человѣка.

Проѣзжалъ разъ начальникъ дистанціи путь осматривать. Черезъ три дня послѣ того господа важные изъ Петербурга должны были по дорогѣ проѣхать, ревизію дѣлали, такъ передъ ихъ проѣздомъ все надо было въ порядокъ привести. Баласту подсыпали, подровняли, шпалы пересмотрѣли, костыли подколотили, гайки подвинтили, столбы подкрасили; на переѣздахъ приказали желтаго песочку подсыпать. Сосѣдка сторожиха и старика своего выгнала траву подчищать. Работалъ Семень цѣлую недѣлю; все въ исправ-

ность привелъ и на себѣ кафтанъ починилъ, вычистилъ, а бляху мѣдную кирпичомъ до сіянія оттеръ. Работалъ и Василій. Пріѣхалъ начальникъ дистанціи на дрезинѣ; четверо рабочихъ рукоятъ вертятъ; шестерни жужжатъ; мчится телѣжка верстъ по двадцать въ часъ, только колеса воютъ. Подлетѣлъ къ Семеновой будкѣ; подскочилъ Семень, отрапортовалъ по солдатски. Все въ исправности оказалось.

— Ты давно здѣсь?—спрашиваетъ начальникъ.

— Со второго мая, ваше благородіе.

— Ладно. Спасибо. А въ сто шестьдесятъ четвертомъ номерѣ кто? Дорожный мастеръ (вмѣстѣ съ нимъ на дрезинѣ ѣхалъ) отвѣтилъ:

— Василій Спиридовъ.

— Спиридовъ, Спиридовъ... А, это тотъ самый, что въ прошломъ году былъ у васъ на замѣчаніи?

— Онъ самый и есть-съ.

— Ну, ладно, посмотримъ Василія Спиридова. Трогай.

Налегли рабочіе на рукоятки, пошла дрезина въ ходъ.

Смотритъ Семень на нее и думаетъ: „Ну, будетъ у нихъ съ сосѣдомъ игра“.

Часа черезъ два пошелъ онъ въ обходъ. Видитъ, изъ выемки по полотну идетъ кто-то, на головѣ будто бѣлое что виднѣется. Сталъ Семень присматриваться—Василій; въ рукѣ палка, за плечами узелокъ маленькій, щека платкомъ завязана.

— Сосѣдъ куда собрался?—кричитъ Семень.

Подошелъ Василій совсѣмъ близко; лица на немъ нѣту, бѣлый какъ мѣлъ, глаза дикіе; говоритъ началъ—голосъ обрывается.

— Въ городъ,—говоритъ,—въ Москву... въ правленіе.

— Въ правленіе... Вотъ что! Жаловаться, стало быть, идешь? Брось, Василій Степанычъ, забудь...

— Нѣтъ, братъ, не забуду. Поздно забывать. Видишь, онъ меня въ лицо ударилъ, въ кровь разбилъ. Пока живъ—не забуду, не оставлю такъ!

Взялъ его за руку Семень:

— Оставь, Степанычъ; вѣрно тебѣ говорю: лучше не сдѣлаешь.

— Чего тамъ лучше! Знаю самъ, что лучше не сдѣлаю; правду ты про таланъ-судьбу говорилъ. Себѣ лучше не сдѣлаю, но за правду надо, братъ, стоять.

— Да ты скажи, съ чего все пошло-то?

— Да съ чего... Осмотрѣлъ все, съ дрезины сошелъ, въ будку заглянулъ. Я ужъ зналъ, что строго будетъ спрашивать; все, какъ слѣдуетъ, исправилъ. Ъхать ужъ хотѣлъ, а я съ жалобой. Онъ сейчасъ кричать: „Туть—говорить—правительственная ревизія, такой-сякой, а ты объ огородѣ жалобы подавать! Туть—говорить—тайные совѣтники, а ты съ капустой лѣзешь!“ Я не стерпѣлъ, слово сказалъ, не то чтобы очень, но такъ ужъ ему обидно показалось. Какъ дастъ онъ мнѣ... а я стою себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ. Уѣхали они, опамятовался я, вотъ обмылъ себѣ лицо и пошелъ.

— Какъ же будка-то?

— Жена осталась. Не прозѣваетъ; да ну ихъ совсѣмъ и съ дорогой ихней!

Всталъ Василій, собрался.

— Прощай, Иванычъ. Не знаю, найду ли управу себѣ.

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди; ушелъ Василій, и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсѣмъ, поджидаячи мужа. На третій день проѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два первыхъ класса, а Василю все нѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семень его хозяйку; лицо отъ слезъ пухлое, глаза красные.

— Вернулся мужъ? спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семень когда-то, еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ въ таловой палкѣ сердце, дырки гдѣ надо высверлить, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ, и такъ славно наладить, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отпраивлялъ; давали ему тамъ за штуку по двѣ копейки. На третій день послѣ ревизіи оставилъ онъ дома жену вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ, палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка—на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ—спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъ гору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли.

Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было; тишина мертвая, слышно только, какъ птицы чиликають да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семень немного еще, скоро и полотно, чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семень скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ участкѣ не было. „Что бы это значило?“ — думаетъ. Вышелъ на опушку — передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, чело-вѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталь подыматься Семень потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ — и чело-вѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочеть — не можетъ. Видитъ онъ Василю, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василий Степаныч! Отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ! Поставимъ рельсъ, никто не узнаеть. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха.

Не обернулся Василий, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семень надъ отвороченнымъ рельсомъ; палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ни чѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжитъ Семень къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ — вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу — до будки сто сажень не больше осталось, слышитъ — на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шестъ часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи! спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семень: хватить паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и въ дребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать сажень, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя... Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. „Господи, вразуми Ты меня!..“ Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не успѣешь...

Не добѣжалъ Семень до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ,

что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежать. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ, дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту; остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженьхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища: перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочила онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ уже виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженьхъ не остановитъ тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семень рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума; одна мысль въ головѣ: не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... помощи, Господи, пошли смѣну...

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю; чья то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.

— Вяжите меня,—говорить,—я рельсъ отворотилъ.

Прядильня—фабрика для изготовленія пряжи.

Разбитый здѣсь знач.—слабый; часто употребл. въ буквальный смыслъ, напр.: разбитое войско, разбитое счастье, разбитыя надежды.

Цѣпь—рядъ предметовъ, связанныхъ между собою въ одно цѣлое. Цѣпь желѣзная.—Цѣпь горъ.—Цѣпь солдатъ.—Цѣпь событій.

Походъ—передвиженіе войскъ, война. На походѣ ѣшь кашицу безъ масла.—Собиралися грибы въ походъ идти.—Походъ 1814 года.—При взвѣшиваніи—излишекъ вѣса. Три фунта съ походомъ.

Ломить—ноги ломить—болить. А что значить ломиться?

Отвѣдать—пробовать, испытать.

Задаться, задаваться—удаваться; также: ставить себѣ задачу, напр. я задался мыслью.

Пухлый—опухшій, вздутый, пышный, толстый.

Невтерпежъ—невмочь, невыносимо.

Платформа—помость, настилка, полъ.

Припасъ—все, что припасается, заготавливается. Въ какомъ смыслѣ здѣсь употребл. это слово? А что значить **припасы**?

Дистанція—разстояніе, участокъ дороги, рѣки.

Болтъ—мѣдный или желѣзный гвоздь (неостроконечный) или стержень, закрѣпляемый гайкой.

Костыль—1) шестъ, палка, посохъ для хромыхъ; 2) гвоздь съ поперечной шляпкой.

Смѣнить, смѣнять—назначить одного вмѣсто другого, замѣстить.

Жилистый—обильный жилами, упругій, сильный.

Молодица—молодая баба, замужняя нестарая женщина.

Таланъ—счастье, удача, судьба. Нашему Ивану нигдѣ нѣтъ талану. Отсюда **таланливый**—счастливыи, кому везетъ. Не смѣшивать со сл. **талантливый**, даровитый, съ природными способностями.

Ревизія—повѣрка, просмотръ дѣлъ.

Баластъ—грузъ судна, кромѣ товаровъ, употребляемый для приданія ему устойчивости, баластомъ также назыв. всякую ненужную, лишнюю тяжесть. Въ этой книгѣ много баласта. Баластомъ на жел. дорогахъ наз. верхній слой полотна, предохраняющій его отъ размывовъ.

Шпалы—деревянныя бревна, на которыхъ утверждаются рельсы.

Дрезина—небольшая телѣжка, пускаемая по рельсовому пути и приводимая въ движеніе, при посредствѣ особаго механизма, руками.

Шестерня—малое машинное колесо.

Отрапортовать—донести, сообщить словесно или письменно по начальству.

Замѣчаніе, отъ сл. замѣчать—имѣеть различн. знач.: Онъ оставилъ это безъ всякаго замѣчанія.—Свои наблюденія и замѣчанія онъ хранить про себя.—На твою книгу имъ сдѣлано много замѣчаній.—Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія? („Ревизоръ“).—Онъ бралъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники. („Мертв. души“).—Ты у нея на дурномъ замѣчаніи (Лерм.).—Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи (Остр.).

Выемка—углубленіе.

Лица на немъ нѣтъ—измѣнился въ лицѣ.

Опамятоваться—опомниться, придти въ себя.

Управа—учрежденіе, завѣдывающее чѣмъ-либо, напр. городская управа, земская управа. Здѣсь—справедливое рѣшеніе, расправа за обиду.

Извести, изводить—тратить, расходовать, губить. Какъ бы намъ извести мышей!—Его горе извело.—Онъ много денегъ извель.—Ты чего, родная, изводишься? (т.-е. убиваешься, горюешь).

Тальникъ, или таль—кустарниковая ива, мелкая верба.

Пищикъ—косточка, вставленная для губъ въ дудку.

Пукъ—связка, охапка.

Чиликать—чирикать, щебетать. кричать по воробьиному.

Валежникъ—см. стр. 184.

Хрустѣть—ломаться, издавать глухой, трескучій звукъ, какъ при переломѣ.

Звякать—издавать звенящій звукъ. Въ передней звякнулъ звонокъ.
Ремонтъ—починка, поправка. Въ нашемъ домѣ ежегодно производится ремонтъ.

Обрубъ—перерубъ, срубленная поверхность чего-либо.

Накрениться—наклониться на бокъ.

Унимать, унять—см. стр. 33.

Регуляторъ—снарядъ при всякой машинѣ для уравненія ея дѣйствія.

Контръ паръ дать—пустить паръ для обратнаго движенія паровоза.

Отворотить—отвертывать, уклонить въ сторону.

146. Степанъ Ежикъ *).

Отрывокъ изъ разсказа *И. Ивановича*.

I.

Когда Степанъ Ежикъ прошелъ въ карцеръ, и дверь за нимъ захлопнулась, его охватило полное отчаяніе. Онъ веѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что жизнь его кончилась, хотя сердце тревожно билось и мучительныя мысли угнетали его мозгъ.

Контрастъ только что закончившагося прошлаго и будущаго былъ слишкомъ рѣзокъ. Это будущее представлялось Ежику столь мрачнымъ, что онъ не видѣлъ въ немъ даже и такихъ скудныхъ лучей свѣта, какіе проникали въ карцеръ сквозь дверныя щелочки. Прошедшее живыми картинами выступало передъ Ежикомъ, когда онъ думалъ о будущемъ, и отъ этого послѣднее дѣлалось еще чернѣе и грознѣе, какъ туча, когда противъ нея еще сіяетъ солнышко.

Онъ видѣлъ кухню, въ которой еще сегодня хозяйничалъ, и уютный уголь за печкой, гдѣ стояла его кровать. Ему казалось, что онъ еще слышитъ скрипъ двери, послѣ котораго въ кухнѣ дѣлалось какъ будто свѣтлѣе отъ бѣлокурой головки мальчика съ ясными, улыбающимися глазками. Онъ приходилъ повертѣться около Ежика, разспросить, что будетъ за обѣдомъ, поговорить насчетъ прогулки послѣ обѣда.

*) Степанъ Ежикъ служилъ денщикомъ у одного офицера. Мягкій и чуткій по своей природѣ, онъ всей душой привязался къ офицерскому мальчику Володѣ. Однажды офицеръ захотѣлъ наказать своего сына розгами за нечаянно разбитые имъ стаканы и велѣлъ Степану принести розогъ и высѣчь его. Степанъ рѣшился защитить своего любимца и отказался исполнить приказаніе своего начальника. За такое нарушеніе дисциплины Степанъ былъ отправленъ въ карцеръ и отданъ подъ судъ.—

Вспомнилось Ежику, какъ иногда Володя стремительно подбѣгалъ къ нему съ сжатымъ кулачкомъ и говорилъ:

— А я тебѣ что-то принесъ... И ты не угадаешь. Открой ротъ и зажмурь глаза.

И Ежикъ повиновался, улыбаясь отъ счастья, а Володя, звонко смѣясь, клалъ ему въ ротъ конфетку.

Бумажку отъ нея съ картиночкой Ежикъ пряталъ, какъ драгоценность, въ свой сундукъ, стоявшій подъ кроватью. Лежало тамъ и красное яичко, которымъ Володя похристовался съ нимъ въ Свѣтлый праздникъ.

И все это счастье пропало безвозвратно. Люди заглянуть въ его сундукъ съ дорогими для его сердца вещами и будутъ смѣяться.

Глубокимъ стономъ вырывались его мысли.

Потомъ представлялся Ежику огородъ, въ которомъ онъ работалъ до той минуты, когда пришла бѣда. Сильно цвѣли бобы и горохъ; красные маки покачивались отъ вѣтерка; арбузы и дыни пустили длинныя плети. Пропалывая гряду, Ежикъ думалъ, что для Володи много будетъ бобовъ и сахарнаго гороха. Въ ближней церкви начали звонить къ вечернѣ въ будничный колоколъ. Ежикъ съ удовольствіемъ прислушивался къ каждому удару, — они напоминали ему Кузнечиху, гдѣ въ церкви такой же маленькой колоколъ, и сторожъ звонилъ такими же рѣдкими ударами.

И вдругъ сердитый крикъ:

— Степанъ!

Ежикъ побѣжалъ на этотъ зовъ, не чуя бѣды. Онъ думалъ, что сдѣлаетъ, что баринъ прикажетъ, и опять въ огородъ, и Володя будетъ возлѣ него...

Вспомнилось Ежику лицо мальчика, когда онъ стоялъ, прижавшись въ уголъ, и плакалъ, и потомъ его крикъ: „Степанъ, милый!..“

— Господи, неужели я никогда его не увижу?—И Ежикъ самъ себя отвѣтилъ:—Никогда. Развѣ его пустятъ ко мнѣ?.. Онъ побѣжалъ бы меня провѣдать, да не позволятъ ему.

Ежику стало такъ горько отъ этой мысли, что глаза его наполнились слезами.

Потомъ онъ думалъ, что ему будетъ за то, что не исполнилъ приказанія начальника. Въ той тѣмѣ, въ которой являлось для

него будущее, ему представилась Сибирь съ снѣжными сугробами, кандалы... подземная работа въ рудникахъ.

— А, можетъ быть, и разстрѣляютъ для примѣра, — подумалъ онъ, — что же... все равно помирать.

Ему и мысли не приходило о томъ, что дѣло его вовсе не такъ страшно: судъ можетъ и оправдать, когда узнаетъ, почему онъ не исполнилъ приказанія поручика, а если и обвинить, то не очень строго.

Отчаяніе охватило сердце Ежика.

II.

Дѣло Ежика пошло обычнымъ порядкомъ. По рапорту поручика Трегубова, не спѣша, производилось разслѣдованіе.

Поступокъ Ежика оказывался вовсе не того характера, какой былъ сообщенъ ему въ рапортѣ. вмѣсто „дерзкаго солдата, отказавшагося исполнить приказаніе начальника и нанесшаго ему оскорбленіе“, являлся добрый, сердечный человѣкъ, который не могъ высѣчь своего любимца по приказанію жестокаго отца; вмѣсто дерзостей, которыми онъ, будто бы, оскорбилъ офицера, оказывалось только: „никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе“.

Добрякъ фельдфебель, какъ только узналъ, что дѣло Ежика идетъ хорошо, зашелъ къ нему сообщить эту новость.

— Слушай ты, ежова голова, — сказалъ онъ, — ничего тебѣ такого не будетъ... самое большое въ разрядъ штрафованныхъ попадешь, а можетъ, и совсѣмъ не накажутъ... сидѣнье въ карцерѣ въ зачетъ возьмутъ.

Ежикъ безучастно посмотрѣлъ на Сидорова, какъ будто дѣло не его касалось.

— Хоть и оправдаютъ, — подумалъ онъ, — все равно, не жить мнѣ съ Володей... опять въ роту.

Но онъ не высказалъ своихъ мыслей.

— Ты что же такой?... Я тебѣ радость сказалъ, а ты точно мокрая курица.

— Неможется мнѣ, Макаръ Савельичъ. Кашель по ночамъ такой, что просто страсть. Помирать, видно, надо.

— Вотъ еще выдумалъ... Зачѣмъ помирать...

Но, всмотрѣвшись въ Ежика пристальнѣе, Сидоровъ и самъ подумалъ, что у него какая-нибудь болѣзнь. Лицо очень уже по-

худѣло, и глаза глубоко ввалились, и въ нихъ какой-то блескъ, точно у лихорадочнаго.

— Пустяки, — сказалъ онъ, — пройдетъ.

А на другой день Сидоровъ доложилъ баталіонному доктору.

— Съ Ежикомъ что-то неладно, ваше благородіе.

Докторъ зашелъ въ карцеръ. Въ немъ было темно, и онъ велѣлъ Ежику выйти въ корридоръ для осмотра.

При яркомъ свѣтѣ солнца, глядѣвшаго въ окно, исхудавшій Ежикъ, съ лихорадочными, тоскливыми глазами, возбуждалъ невольное состраданіе.

Сидоровъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Ты боленъ? — спросилъ докторъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе, кашель только привязался, — кратко отвѣтилъ Ежикъ.

Докторъ приложился ухомъ къ его груди и услышалъ зловѣщіе хрипы и шумы.

— Перевести сейчасъ же въ лазаретъ, — приказалъ онъ сопровождавшему его фельдшеру.

Ежикъ былъ этимъ доволенъ. Онъ надѣялся отдохнуть въ лазаретѣ; но онъ и не подозрѣвалъ, что ему грозитъ опасность не отъ суда.

Нервное потрясеніе, тоска и содержаніе въ карцерѣ страшно подѣйствовали на его организмъ, изнуренный непривычною работою у поручицы. Еще съ весны онъ сталъ покашливать. Послѣ катастрофы болѣзнь накинута на него, какъ звѣрь на добычу, застигнутую врасплохъ, и, когда докторъ выслушалъ его грудь, половина легкихъ была уже поражена.

Перемѣщеніе въ лазаретъ доставило Ежику удовольствіе отдыха. Онъ могъ теперь лежать не на голомъ полу, а раздѣвшись, на тюфякѣ, который хотя и былъ довольно жестокъ, но послѣ голаго пола казался Ежику очень удобнымъ.

Прямо передъ его кроватью было большое окно. Онъ могъ видѣть въ него, какъ заходитъ солнышко, какъ плывутъ облака. Ласточки съ веселыми криками пролетали иногда возлѣ самаго окна, а на подоконникѣ каждое утро гудѣли голуби.

Ежикъ глядѣлъ на небо, на облака, и ему представлялась то деревня и ея, теперь уже золотистая, поля, то огородъ.

— Все уже тамъ теперь поспѣло, — думалъ онъ.

И хотѣлось ему узнать, доволенъ ли Володя турецкими бобами, крупные ли они вышли, и хороши ли подсолнечники, и какая дыня выросла изъ тѣхъ сѣмянъ, что ему далъ садовникъ.

Часто онъ думалъ о томъ, помнить ли о немъ Володя, и несбыточною мечтой мелькала мысль о томъ, какъ бы его увидѣть.

Отъ одной этой мысли сердце его точно срывалось съ мѣста и долго не могло возвратиться къ обычному темпу.

— Невозможно это, — думалъ Ежикъ и грустно вздыхалъ.

А между тѣмъ желаніе этой невозможности росло съ каждымъ днемъ и заполнило все мысли Ежика.

Онъ мечталъ, что его скоро выпишутъ изъ больницы, отсудятъ, высидитъ онъ, что слѣдуетъ, въ карцерѣ, а можетъ только розгами накажутъ и выпустятъ же когда-нибудь. Онъ сейчасъ же пойдетъ тогда на ту улицу и, можетъ быть, хоть издали, увидитъ Володю. Потомъ его планы становились смѣлѣе. Онъ рѣшилъ, что выберетъ время, когда поручикъ на службѣ бываетъ, и пойдетъ прямо къ барынѣ.

— Она не прогонитъ, — думалъ онъ, — и я его увижу; и въ огородъ схожу, и кухню свою посмотрю...

Но мечта уносилась еще дальше.

— А можетъ быть, — думалъ онъ, — барыня захочетъ опять взять меня въ денщики, умолилъ бы я ее; а коли она захочетъ, то и баринъ согласится. Господи, какая бы тогда радость была!..

Въ такихъ мечтаніяхъ проходилъ день за днемъ, унося силы Ежика.

Онъ лежалъ безропотно, не сознавая грозящей ему опасности.

Докторъ останавливался у его постели во время визитаціи и спрашивалъ:

— Ну, какъ?

— Слава Богу, ваше благородіе, — отвѣчалъ Ежикъ, — вотъ только ночью трудно было.

А по ночамъ его мучила бессонница и изнурительная лихорадка. Жаръ иногда усиливался до такой степени, что больной начиналъ бредить.

Ему казалось, что онъ попрежнему въ денщикахъ... Онъ вмѣстѣ съ Володей пускаютъ змѣя, но змѣй почему-то не гудитъ, и Ежикъ никакъ не можетъ заставить его гудѣть. Потомъ они

гдѣ-то гуляли, и кругомъ цвѣли бобы, какъ въ тотъ вечеръ, когда кончилось его счастье.

А иногда ему чудилась война. Онъ видѣлъ Сидорова и Куцаго... они кололи турокъ штыками... и глаза у нихъ страшные, налитые кровью... А онъ стоитъ у куста и не хочетъ убивать людей... но страшный турокъ лѣзетъ на него съ ружьемъ, и Ежикъ чувствуетъ, какъ штыкъ вонзился въ его грудь.

Онъ кричалъ и будилъ больныхъ.

Къ утру, когда лихорадка ослабѣвала, Ежикъ засыпалъ ненадолго, а проснувшись, думалъ все о томъ же, какъ бы увидѣть Володю.

Его томила неизвѣстность, долго ли ему лежать въ лазаретѣ.

— Ваше благородіе, скоро ли на выписку?—спросилъ онъ доктора.

Докторъ грустно усмѣхнулся и сказалъ.

— Поправляться надо... некуда торопиться.

Этотъ отвѣтъ встревожилъ Ежика.

— Господи! да неужели еще цѣлый мѣсяцъ лежать?—подумалъ онъ:—неужели я такъ сильно боленъ?.. А что, если не поправлюсь, и умереть придется, не повидавшись.

Онъ точно оцѣпенѣлъ отъ этой мысли и съ отчаяніемъ глядѣлъ на яркосинее небо въ лазаретномъ окнѣ. Но съ этого неба въ окно взглянуло солнышко и заставило исчезнуть призракъ смерти.

Ежикъ вздохнулъ и подумалъ:

— Богъ милостивъ, поправлюсь.

Но съ этого дня желаніе увидѣть Володю сдѣлалось мучительно жгучимъ... Отъ то мечталъ, что выздоровѣетъ, то впадалъ въ отчаяніе.

Лежа въ тяжелой полудремотѣ, подъ вліяніемъ лѣкарства съ морфіемъ, Ежикъ иногда неподвижно глядѣлъ на дверь. Ему казалось, что вотъ она сію минуту отворится, заскрипитъ, какъ та дверь въ кухнѣ, и вбѣжитъ Володя и скажетъ: „Степанъ, я тебя провѣдать пришелъ“.

И когда дверь отворялась и въ нее входилъ фельдшеръ съ пузырьками и баночками или лазаретный слугитель, Ежикъ вздыхалъ и закрывалъ глаза.

Однажды во время такой полудремоты онъ случайно узналъ страшную новость.

Лазаретный служитель и фельдшеръ заговорили о немъ и, думая, что онъ спитъ, не стѣснялись.

И услышалъ Ежикъ, что онъ „скоро помретъ“.

Онъ сначала удивился, не хотѣлъ вѣрить этому, потомъ вдругъ охватила ого неописанная тоска и тревога.

— Какъ же это?! Неужели не увижу его?..—шепталъ онъ дрожащими губами.—Нѣтъ!.. Это не возможно!..

И у него явился планъ убѣжать изъ лазарета. Онъ обдумалъ все подробности и только тогда вспомнилъ:

— А хватить ли у меня силъ?

Онъ попробовалъ встать съ постели, но ему удалось только приподняться и сѣсть... Въ изнеможеніи, съ полными слезъ глазами, онъ упалъ на подушку.

Но черезъ нѣсколько минутъ у него уже былъ другой планъ.

Съ раняго утра Ежикъ не спускалъ глазъ съ двери и нѣсколько разъ спрашивалъ лазаретнаго служителя: „скоро ли докторъ?“

— Докторъ свое время знаетъ,—говорилъ служитель,—придетъ это время, придетъ и докторъ.

Но это „свое время“ приближалось такъ медленно, что Ежикъ приходилъ въ отчаяніе.

Но вотъ, наконецъ, докторъ остановился у его постели.

— Ваше благородіе, сдѣлайте Божескую милость,—сказалъ Ежикъ, собравъ все свои силы.

— Ну, что? Говори,—ласково отвѣтилъ докторъ.

— Видно, мнѣ... ваше благородіе... помереть надо... Хочу просить... повидать его надо...

— Кого повидать?

— Этого самаго... мальчика... Володю... Кабы ваше благородіе... сказали ему: „Ежикъ, молъ, помираетъ...“ можетъ, онъ и придетъ...

Онъ волновался, говоря это; въ глазахъ его показались слезы.

Докторъ понялъ его: онъ зналъ всю исторію съ Ежикомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—я приведу его, а ты успокойся.

— Попросите, ваше благородіе, барыню... чтобы пустила... Истосковался я объ немъ...

— Я тебѣ даю слово, что приведу его,—повторилъ докторъ.

Безграничная благодарность засвѣтилась въ потухавшихъ глазахъ Ежика.

Прямо изъ лазарета докторъ пошелъ къ Трегубовымъ. Онъ зналъ, что откладывать нельзя: по его мнѣнію, не сегодня, завтра Ежикъ долженъ умереть.

III.

Лежить Ежикъ на постели послѣ приступа лихорадки и дремлетъ. И кажется ему, что онъ въ своей кухнѣ рубить мясо для котлетъ, а самъ поглядываетъ на дверь, не идетъ ли дорогой для него мальчикъ. Будутъ пироги съ яблоками, и Ежикъ отложилъ для него хорошенькое, румяное яблочко.

Вдругъ какой-то стукъ. Ежикъ вздрогнулъ, открылъ глаза и не могъ сразу разобрать, сонъ ли все, или онъ проснулся. Страшная слабость, какую онъ чувствовалъ, вдругъ смѣнилась возбужденіемъ, будто волна жизни ворвалась въ его организмъ.

Онъ увидѣлъ у отворенной двери Володю и доктора. Онъ вспомнилъ обѣщаніе доктора и сознавалъ, что это не сонъ.

Мальчикъ испуганно озирается по кроватямъ, гдѣ изъ-подъ сѣрыхъ одѣялъ выглядывали истомленные, желтыя лица.

Докторъ подвелъ его къ постели Ежика.

Володя встрѣтилъ его взглядъ и заплакалъ.

— Степанъ!.. Дорогой мой!.. — закричалъ онъ, заливаясь слезами.

А Ежикъ такъ заволновался отъ радости, что ничего не могъ сказать. Онъ весь сосредоточился въ созерцаніи мальчика. Улыбка счастья освѣщала его лицо съ обострившимся носомъ послѣдними лучами уходящей жизни.

— Пришелъ... не забылъ...—произнесъ онъ наконецъ.

Это былъ не то шопоть, не то хрипота.

Володя глядѣлъ на него и плакалъ; порывами жалости и любви трепетало дѣтское сердце.

— Я тебя люблю...—говорилъ онъ, всхлипывая, —мнѣ скучно безъ тебя... У насъ теперь недобрый денщикъ... Ты знаешь ли... вѣдь я тогда убѣжалъ... искать тебя... къ острогу ходилъ, думалъ, что ты тамъ...

Ежикъ лежалъ въ какомъ-то забытьѣ. Онъ слышалъ слова Володи, и ему казалось, что онъ тонетъ и что тонуть такъ пріятно... въ глазахъ туманъ голубой, и слышится тихая пѣсня, которой онъ разобрать не можетъ... Сознаніе оставляло его, потому

вдругъ вспыхивало, какъ огонекъ надъ догорѣвшимъ костромъ, нашедшій еще не вполне обугленную вѣточку.

— А бобы?.. Хороши ли?..—спросилъ онъ.

— Большущіе... Я тебѣ покажу завтра... я къ тебѣ каждый день буду ходить...

Ежикъ улыбнулся... Слово у него не было, чтобы выразить то счастье, какое давали ему слова Володи. Онъ молчалъ, то закрывая, то открывая глаза, и прислушивался къ милому голосу.

— Ну, Володя, пора домой,—тихо сказалъ докторъ.

Ежикъ зашевелился, будто хотѣлъ удержать мальчика, и прошепталъ:

— Володя... поцѣлуй меня... на прощанье...

Мальчикъ припалъ къ нему и, роняя слезы, цѣловалъ его щеки и губы.

Въ сладкой истомѣ Ежикъ закрылъ глаза.

— Я завтра приду къ тебѣ... — слышалось ему.

Потомъ стукнула дверь. Ежикъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Володи и доктора уже не было въ комнатѣ.

— Завтра придетъ,—подумалъ Ежикъ,—любитъ онъ меня...

Докторъ добрый... не обмануль... завтра поблагодарить надо...

Но онъ уже не могъ этого сдѣлать.

Ежикъ заснулъ—и уже не просыпался.

Карцеръ—помѣщеніе для содержанія провинившихся въ учебныхъ заведеній и на военной службѣ.

Захлопнуть, захопывать—быстро закрывать, съ шумомъ.

Отчаяніе (отъ какого сл., см. объ этомъ стр. 34)—потеря надежды, уныніе, упадокъ духа.

Угнетать—давить, преслѣдовать. Его угнетаютъ заботы или нищета.

Контрастъ (франц. сл.)—противоположность.

Пропалывать, прополоть грядки—выполоть, выбрать сорную траву.

Провѣдать—знать напередъ, освѣдомиться, разузнать, навѣстить. Воронъ, гдѣ бь намъ пообѣдать? какъ бы намъ о томъ провѣдать? (Пушк.).

Кандалы—оковы, колодки желѣзные, надѣваемые на преступниковъ.

Рудникъ—мѣсто, гдѣ добывается руда.

Рапортъ (франц. сл.)—донесеніе по начальству.

Штрафованный—подвергнувшійся взысканію.

Зачеть—отъ сл. зачестъ, засчитывать; взять въ зачетъ—засчитать.

Безучастно—равнодушно, холодно.

Неможется—см. стр. 65.

Пристально—внимательно, напряженно.

Ввалиться—впадать. Ввалиться въ ровъ.—Ввалиться въ комнату.

Глаза ввалились—глаза ввали, стали какъ бы глубже на исхудаломъ лицѣ.

Лихорадочные глаза—глаза, какъ у больного лихорадкой, воспаленные.

Состраданіе—жалость къ другому; соболѣзнованіе, сочувствіе.

Зловѣщій—предвѣщающій зло, несчастье, бѣду. Зловѣщій крикъ ворона, зловѣщая туча.

Лазаретъ (нѣм. сл.)—больница небольшая при полку, при учебномъ заведеніи.

Несбыточный—чему не сбыться, нестаться, невѣроятный.

Темпъ (франц.)—тактъ, (въ музыкѣ) размѣръ.

Выписать, **выписывать**—назовите различныя значенія этого сл.: **Выписывать** книги изъ-за границы.—**Выпишите** всѣ слова съ буквою „Ѣ“.—**Выписать** больного изъ больницы.

Высидѣть, **высидивать**.—Курница высидиваетъ цыплятъ.—Онъ высидѣлъ мѣсяцъ подъ арестомъ.

Безропотный—не ропщущій, не изъявляющій неудовольствія, покорный, смиренный.

Визитація (франц. сл.)—посѣщеніе, обходъ больныхъ.

Изнаурительный—истощающій, лишаящій силъ.

Бредить—1) во снѣ или во время болѣзни безсознательно произносить безсвязныя рѣчи; 2) кѣмъ, чѣмъ—въ увлеченіи кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь говорить объ одномъ и томъ же. Родными бредилъ онъ полями (Лерм.).

Чудиться кому—безлич., представляться, мерещиться, казаться. Тебѣ это почудилось.—Коли чудится, такъ перекрестись.

Томить—см. стр. 34.

Оцѣпенѣть—см. стр. 111.

Призракъ—обманчивое видѣніе, привидѣніе.

Жгучій—1) палящій, жгущій, обжигающій. Вы ходите по жгучей мостовой.—Клонить къ лѣни полдень жгучій (А. Толст.).—Воздухъ былъ сухъ, тонокъ и жгучъ (Акс.); 2) производящій острую боль, какъ бы обжигающій. Огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами (Тург.); 3) очень сильный—жгучій холодъ, жгучій морозъ; 4) горячій—жгучія слезы.

Морфій—сонное зелье, добываемое изъ опія (одуряющаго индійскаго мака).

Изнеможеніе—сильная слабость, отъ гл. *изнемогать*—выбиваться изъ силъ, ослабѣвать.

Истосковаться—долго и сильно тосковать.

Приступъ—1) наступленіе, пр. крѣпости; 2) начало, пр. къ работѣ; 3) доступъ, свобода подойти—такая масса народу у входа въ садъ, что и приступу нѣтъ.

Сосредоточить—устремить на одну точку, направить въ одно мѣсто. Сосредоточить вниманіе, мысли на чемъ-нибудь.

Созерцаніе—внимательное разсматриваніе, наблюденіе.

Трепетать—см. стр. 38.

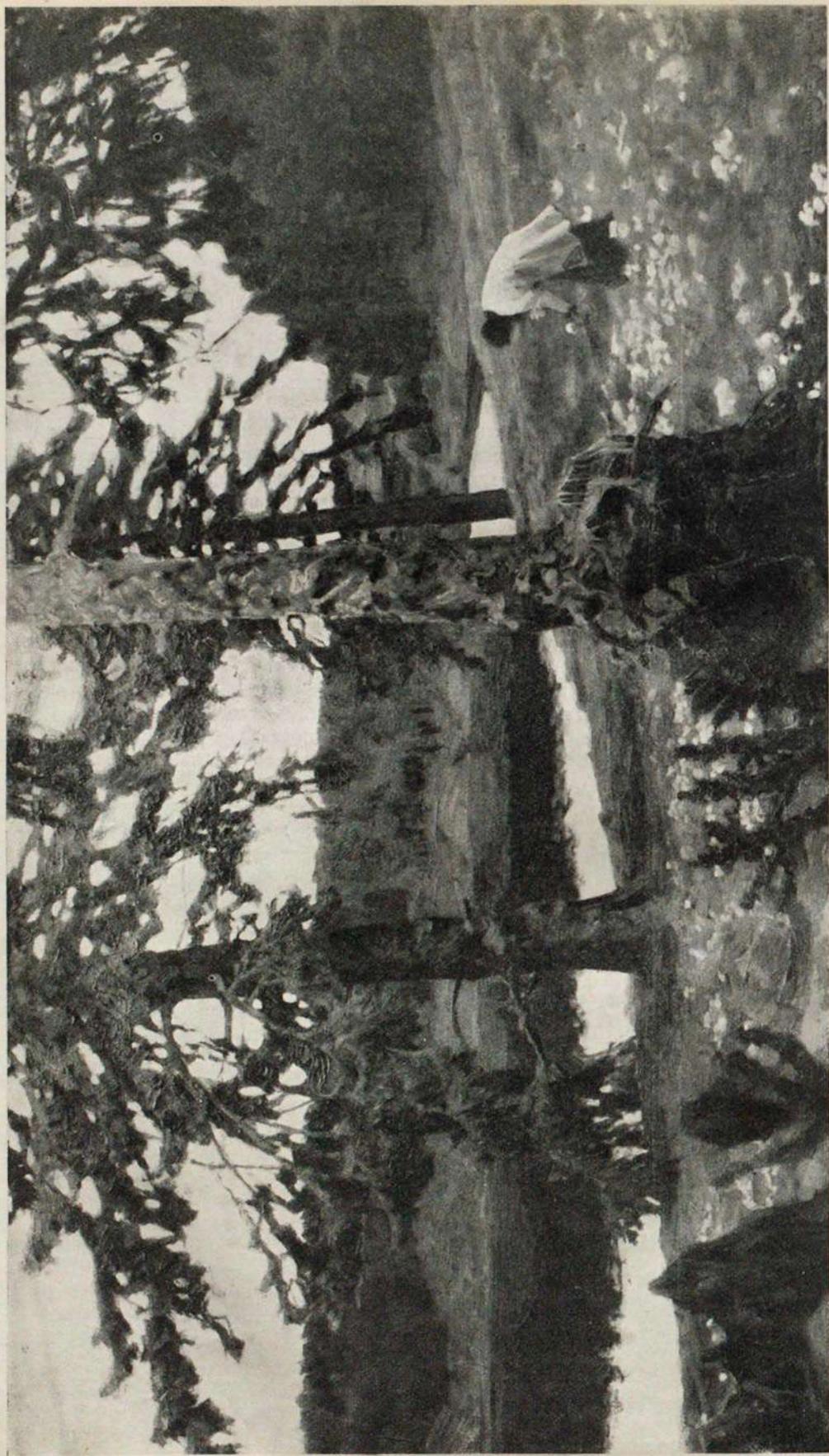
Порывъ—отъ сл. *порываться*—стремиться. Добрые порывы души.

Забутье—см. стр. 199.

Припасть, **припадать**—наклониться, присѣсть на-земь. А Васька-котъ въ углу, припавъ за вкуснымъ бочонкомъ... трудится надъ курчонкомъ („Котъ и поваръ“).—Заяцъ припалъ, а собаки перенеслись черезъ него.

Истома—слабость. Какія слова знаете отъ того же корня?

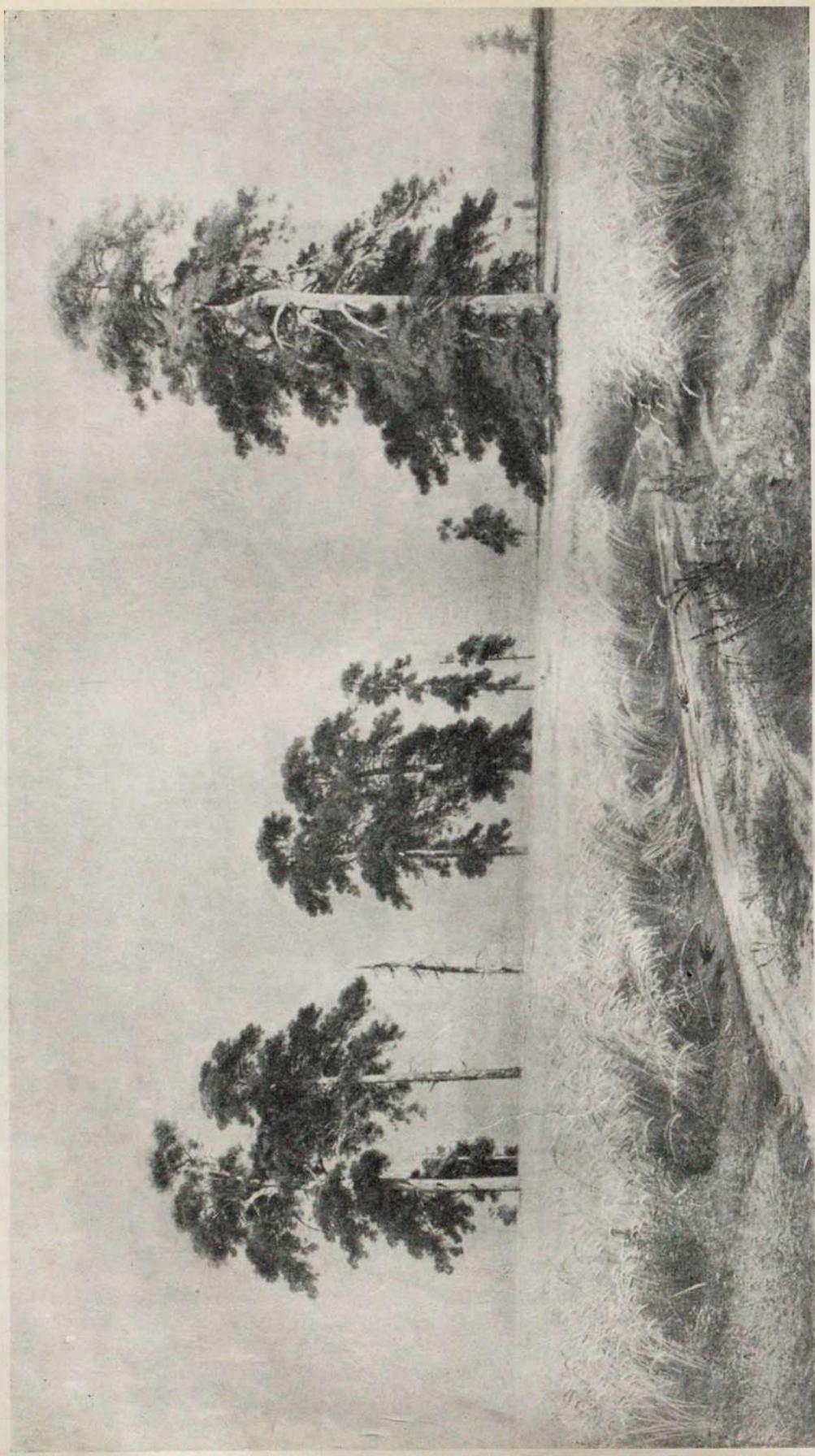

Озеро.

Съ картины А. Васнецова.

IV. ЛѢТО.

Лѣтомъ.

Съ картины И. Шишкина.

147. Лѣтомъ.

Стихотвореніе Н. Грекова.

Зарумянились вишня и слива,
налилась золотистая рожь,
и, какъ море, волнуется нива,
и въ травѣ на лугахъ не пройдешь.
Солнце ходитъ высоко надъ сводомъ
раскаленныхъ отъ зноя небесъ;
пахнетъ липа душистая медомъ,
и шумитъ полный сумрака лѣсъ.
Облаковъ золотыя волокна
вечеру весь облягутъ, закатъ,
и съ полей въ растворенныя окна
понесется сильнѣй ароматъ.

Зарумянятся—становится румянымъ, краснымъ. Щеки отъ мороза зарумянились.

Налиться, наливаться—см. стр. 326.

Сводъ—каменная кладка потолка дугой. Отсюда небесный сводъ или рѣже употребл. сводъ небесъ. Что значитъ это выраженіе?—Не знаете ли, что такое сводъ законовъ?

Раскалить—разжигать, сильно согрѣть, разгорячить. Желѣзо раскаляютъ дляковки. Что значитъ раскаленная мостовая, раскаленный воздухъ?

Сумракъ, сумерки—полумракъ, полутьма, когда едва различаешь предметы.

Волокна (въ ед. ч. волокно)—тонкія пряди, нити льняныя, шелковыя, паутинныя. А что-значитъ—золотыя волокна облаковъ?

Облегать, облечь что—лежать вокругъ, окружать. Тучи облегаютъ все небо.—Горы облегаютъ нашъ домъ.

Ароматъ—благовоніе, благоуханіе, хорошій запахъ.

Пословицы: *Худое лѣто, коли солнца нѣту.*—*Лѣто собираетъ, а зима поѣдаетъ.*—*Не моли лѣта долгаго, моли теплаго.*—*Красное лѣто никому не надокучило.*

148. Сѣнокось.

Стихотвореніе А. Майкова.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами!
Въ пѣснѣ душу веселя,
бабы съ граблями рядами
ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ:
мужички его кругомъ
на возъ вилами кидаютъ...
Возъ растеть, растеть какъ домъ.

Въ ожиданьи конь убогій,
точно вкопанный, стоитъ:
уши врозь, дугою ноги,
и какъ будто стоя спить...
Только Жучка удалая
въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
то взлетая, то ныряя,
скачетъ лая впопыхахъ!

Веселить кого—забавлять, потѣшать. Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ (см. стр. 298).

Убирать, убрать—опредѣлите различныя значенія этого сл. по слѣд. выраженіямъ: Убирать хлѣбъ съ поля.—Убирать со стола.—Убирать комнаты.—Убрать столъ, домъ. А что значитъ **убираться**?

Расти—вырастать, возрастать, увеличиваться. Растенья растутъ.—*По мнѣ хоть и трава не расти!* (Что это значитъ!)—У него домъ все растеть.—Мои долги все растуть.—Слава его растеть. Соедините это слово съ приставк. об, вы, на, подъ, при, про, пере, за, съ, раз. Дайте примѣры.

Убогій—1) бѣдный, немущій. *Милостивъ Богъ, а я, по Его милости, не убогъ;* 2) калѣка, увѣчный. Убогій и богатый—одного корня; у—играетъ здѣсь роль отрицанія.

Вкопанный (отъ сл. вкопать).—Какъ вкопанный—совершенно неподвижный (отъ испуга, изумленія и т. п.).

Врозь или **врознь**—раздѣльно, не вмѣстѣ, порознь. *Вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно.*—Съ голубкой голубъ врознь живетъ (Крыл.).

Удалой—храбрый, смѣлый, расторопный, ловкій, бойкій. Удалая, разудалая голова.

Нырять—уходить въ воду съ головой, погружаться совсѣмъ; плавать подѣ водой. Нырнулъ, да и былъ таковъ.—Ныряетъ, точно утка.

Впоыхахъ—торопливо, какъ ни попало.

Загадки: *Бьгутъ бьгунчики, за ними катунчики, несутъ рогатинку колоть мохнатинку.—Шли плотнички, безтопорнички, срубиле горницу безоконницу.*

149. Козель и лисица.

Басня А. Измайлова.

Козель большой, рогатый, преважный съ виду, бородатый, но по уму едва ль не братъ ослу родной, съ плутовкою лисой дорогой

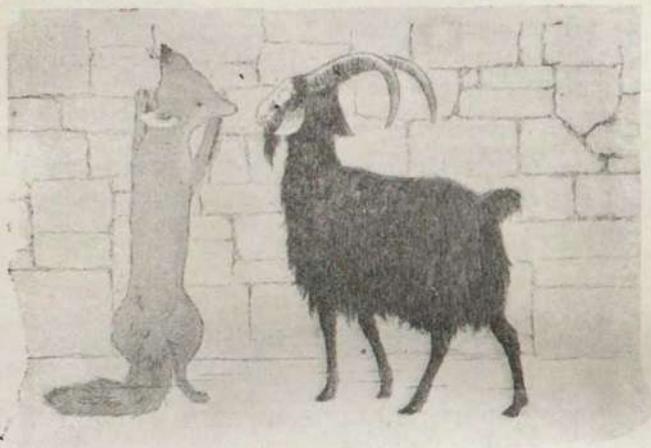

шелъ одной. День самый жаркій былъ; листокъ не колыхался;

ихъ жажда мучила, а солнце ихъ пекло. Шли, шли они, и вдругъ колодезь имъ попался.

„Смотри-ка, куманекъ, вода здѣсь какъ стекло! Не хочешь ли испить“? лиса козла спросила. Безмозглый бородачъ въ колодезь

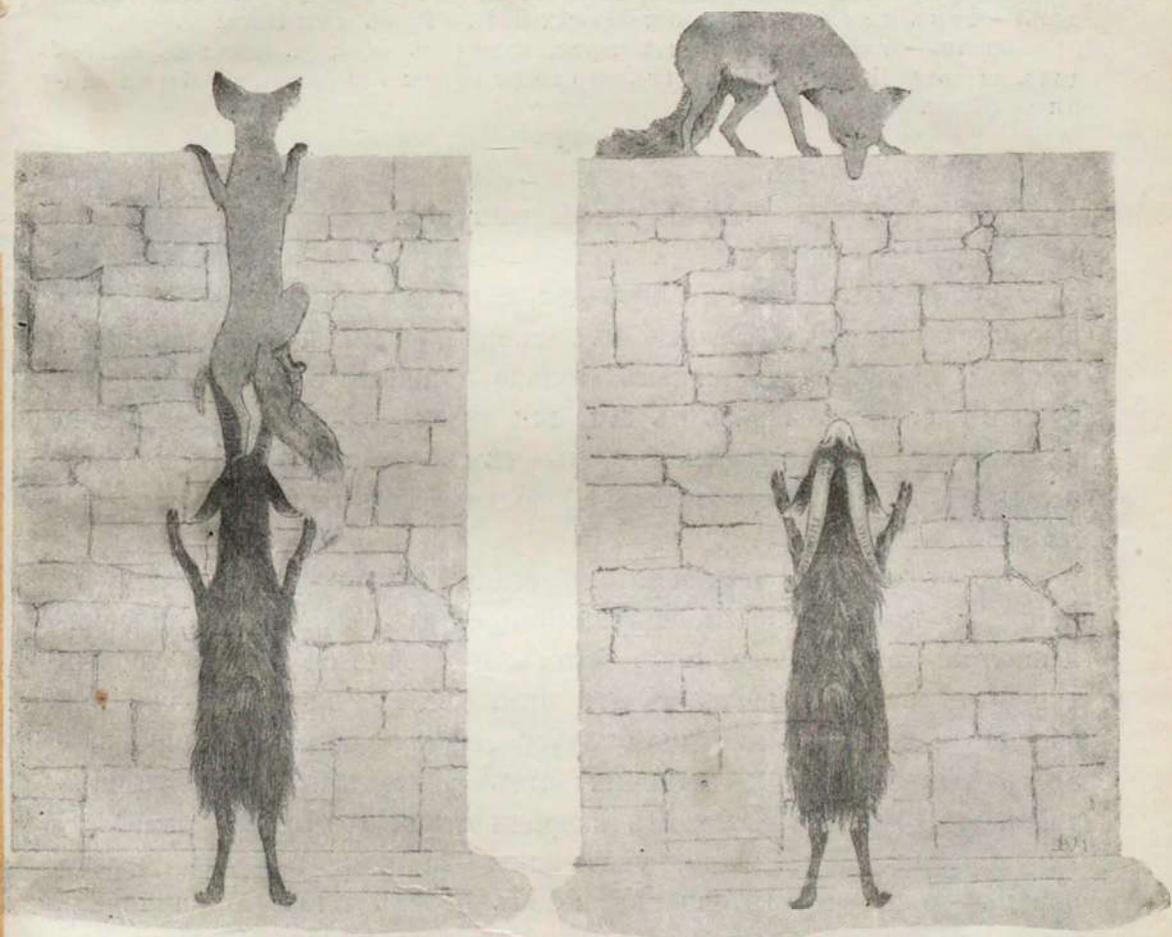
мигомъ скокъ, колодезь этотъ былъ, по счастью, не глубокъ. Лисица, видя то, туда же соскочила, и въ запуски ну двое пить.

Лиса, напившись, сказала: „какъ намъ быть, голубчикъ куманекъ? Идти еще далеко, а вылѣзть вонъ нельзя—высоко!“

— Не приложу ума, подумай, кумушка, сама.

„А вотъ я вздумала: пожалуй потрудишься, на задни ноги встань, передними уприся покрѣпче ты въ обрубъ, да чуръ не шевелись; отсюда вылѣзу я по твоимъ рогамъ, а тамъ и кума вытащить наверхъ я постараюсь“.

— И впрямь такъ! удивляюсь! ужъ что за кумушка! какая голова! Да мнѣ бы этого не выдумать дня въ два. Изволь...—и съ словомъ симъ лисѣ поставилъ роги.

Лисица вылѣзла. „Сиди же здѣсь, глупецъ!“ сказала, и давай Богъ ноги!

Предвидѣть надобно во всѣхъ дѣлахъ конецъ.

Рогатый и роговой какая разница? *Мужикъ богатый, что быкъ рогатый* (почему?).— Рогатый скотъ; рогатый жукъ.

Безмозглый—глупый, тупой, безтолковый, недогадливый.

Взпуски—наперерывъ, одинъ передъ другимъ. *Бѣгать взапуски.*

Не приложу ума—не придумаю, какъ быть; не понимаю. *Приложить руку.*— *Приложить печать.*—*Приложить старанье.*—*Приложить уши.* Что значать эти выраженія?

Упираться—см. стр. 175.

Обрубъ—срубъ, бревенчатая обвязка, особ. въ колодцѣ.

Чуръ—граница, край, предѣлъ, мѣра. *Не лей черезъ чуръ* (чаще—черезчуръ).—*Чуръ меня!* (въ играхъ) не трогай меня!—*Чуръ молчать!*

Впрямь—буквально: по прямой чертѣ, прямо; въ переносн. знач.: въ самомъ дѣлѣ, вправду. *Правду молвить, молодница ужъ и впрямь была царица* (Пушк. „Ск. о мертв. цар.“).

150. Чужой разумъ.

Разсказъ В. Далл.

Повадился козелъ въ огородъ: бывало, какъ только пастухи выгонять стадо, то Васька мой сперва, какъ добрый, идетъ и головой помахиваетъ, а какъ только подпаски засядутъ гдѣ-нибудь въ овражкѣ играть въ камешки, то онъ и отправляется прямо въ капусту. Разъ и пошелъ онъ тѣмъ же знакомымъ путемъ; идетъ себѣ да пофыркиваетъ, бородкой поматываетъ, будто за дѣломъ.

Въ это время отбилась отъ стада глупая овца, зашла въ чащу, въ крапиву да въ лопушникъ; стоитъ, сердечная, да оглядывается, кричитъ благимъ матомъ: не найдете ли кто добрый человѣкъ, чтобъ вывелъ ее изъ этой бѣды. Увидавъ козла, она обрадовалась ему, какъ родному брату. „Пойду за нимъ,—думаетъ,—этотъ выведетъ; и не первинка мнѣ за козломъ итти: у насъ такой же бородачъ вожакомъ впереди стада ходитъ“.

И пошла овца наша, увязавшись за козломъ. Онъ черезъ оврагъ—и она черезъ оврагъ; козелъ черезъ тынъ—овца черезъ тынъ; козелъ черезъ прясло—и овца черезъ прясло, да и попала съ нимъ вмѣстѣ въ огородъ, да едуру и пошла прыгать по грядкамъ.

На этотъ разъ огородникъ на бѣду заглянулъ въ капусту свою и, увидавъ незваныхъ гостей, схватилъ предлинную хворостину и пустился со всѣхъ ногъ на недруговъ. Козелъ, какъ попроворнѣе, опять успѣлъ выскочить изъ огорода черезъ плетень, мелькнулъ—и былъ таковъ; пошелъ, пофыркивая, въ чистое поле; а бѣдная овца замялась, замоталась, стала кидаться, оробѣвъ, во

вѣ стороны, да и попалась. Не пожалѣлъ огородникъ на нее хворостины своей: всю измочалилъ о бѣдную овцу, такъ что она стала кричать не своимъ голосомъ, да помощи нѣтъ ни отъ кого. Наконецъ, огородникъ подумалъ про себя: „Чего добраго, еще убьешь дуру эту, да послѣ не раздѣлаться“. Выгналъ ее въ калитку, да еще-таки на дорогу вытянулъ во всю спину хворостиной.

Пришла овца домой и плачется на козла: „Этакій озорникъ, обидчикъ! Завелъ меня, да и покинулъ: и за весь грѣхъ одна моя спина поплатилась!“

А козелъ говоритъ: „А кто тебѣ велѣлъ за моимъ хвостомъ бѣгать? Я пошелъ самъ въ свою голову, такъ самъ за себя и отвѣчаю; коли мужикъ мнѣ бока отомнетъ, не стану плакаться ни на кого: ни на хозяина, зачѣмъ дома не кормить, ни на пастуха, что за мною не присмотрѣлъ; буду терпѣть да молчать, коли попадусь, и только. А тебя зачѣмъ нелегкая за мною понесла? Я тебя не звалъ“.

Повадиться—см. стр. 87.

Огородъ—отдѣльное, часто огороженное мѣсто для посѣва овощей. Пустить козла въ огородъ—приставить къ какому-либо дѣлу неподходящаго, ненадежнаго человѣка. Зачѣмъ было огородъ городить?—зачѣмъ было затѣвать дѣло, хлопотать о немъ.

Подпасокъ—см. стр. 145.

Фыркать—выпускать съ шумомъ воздухъ ноздрями. Фыркать на кого-нибудь—сердиться, брюзжать.

Отбиться—см. стр. 181.

Лопушникъ—репейникъ, чертополохъ, сорная трава.

Сердечный—1) относящійся къ сердцу. Сердечная благодарность. Сердечный человѣкъ; 2) вызывающій соболѣзнованіе, сожалѣніе.

Кричать благимъ матомъ—кричать отчаянно, что есть силы.

Первинка—что-либо первое, новое, первый шагъ, первый разъ.

Вожакъ—ведущій другого, проводникъ. Нагоняетъ ямщикокъ жоака съ медвѣдемъ (Некр. „Ген. Топт.“).

Увязаться—имѣетъ различныя значенія: 1) Вozy уже увязаны, можно вхатъ. 2) Собака за мною увязалась.

Тынъ—деревянный заборъ.

Прясло—часть забора, отъ столба до столба, отъ кола до кола.

Сдуру—по глупости, зря.

Пошелъ и пойду вмѣстѣ съ другимъ глаг.—сталъ, началъ; стану, начну. Ему волю дать, такъ и пойдетъ дурить.—И пошелъ, и пошелъ бранить.

Хворостинка—длинный пруть.

Мелькнуть, мелькать—см. стр. 26 и 231.

Замяться, заминаться—1) въ замѣшательствѣ переступить съ ноги на ногу. Увидавъ меня, онъ замаялся на порогѣ; 2) прерывать свой разговоръ, смѣшаться, сбиться. Эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замаялся и спутался („Капит. дочка“).

Замотаться—сильно устать, захлопотаться. И то сказать, цѣлый день туда-сюда—поневоля замотаешься (Салтык.).

Оробѣть—струсить, потеряться въ испугѣ.

Измочалить—1) ударяя разбивать на волокна; 2) измучить, разстроить.

Раздѣлаться съ кѣмъ—покончить дѣло, развязаться. Я съ тобой раздѣлаюсь. (Что значить?)

Вытянуть кого хворостиной—простонародн. выраженіе, значить: ударить.

Плакаться на что—жаловаться, винить кого въ своей бѣдѣ. На Бога плакаться, грѣшить.

Озорникъ—см. стр. 161.

Завести, заводить—приводить въ сторону отъ надлежащаго пути. Куда ты завелъ меня?—Судьба завела меня въ этотъ край.—Завести часы, машину. См. стр. 219.

Въ свою голову—на свою отвѣтственность. Что значить: мнѣ пришло въ голову; забрать себѣ что въ голову.

Отмять, отминать—буквальн. значен.: перестать мять; въ переносн.: ему бока отмяли—поколотили.

Нелегкая (подразумѣвается сила)—нелегкая меня понесла, дернула.

Пословицы: *Куда козель, туда и баранъ.—Трясетъ козель бороду, такъ привыкъ смолоду.—И козлу недосугъ: надо лошадей на водопой проводить.— Не втрѣ козлу въ капустъ, а волку въ овчарню.*

151. * * *

Стихотвореніе гр. А. Толстого.

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
гдѣ лѣтнее солнце печетъ,—
летаютъ и пляшутъ стрекозы,
веселый ведутъ хороводъ:

„Дитя, подойди къ намъ поближе,
тебя мы научимъ летать!

Дитя, подойди, подойди же,
пока не проснулася мать!

Подъ нами трепещутъ былинки,
намъ такъ хорошо и тепло,
у насъ бирюзовыя спинки,
а крылышки—точно стекло.

Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много.
мы такъ тебя любимъ давно...

Смотри, какой берегъ отлогій,
какое песчаное дно!“

Омутъ—глубокое мѣсто въ рѣкѣ, озерѣ. *Въ тихомъ омутѣ черти водятся.*—
Попастъ въ омутъ съ головою—въ бѣду.

Лоза—пруть, розга; стволъ деревянистаго растенія, особ. винограда; ветла,
ива: въ послѣднемъ случаѣ чаще употребл. **лознякъ**.

Хороводъ—собраніе сельской молодежи для пляски съ пѣснями. Хороводы
водитъ—пѣть, ходить въ хороводѣ. См. стр. 202.

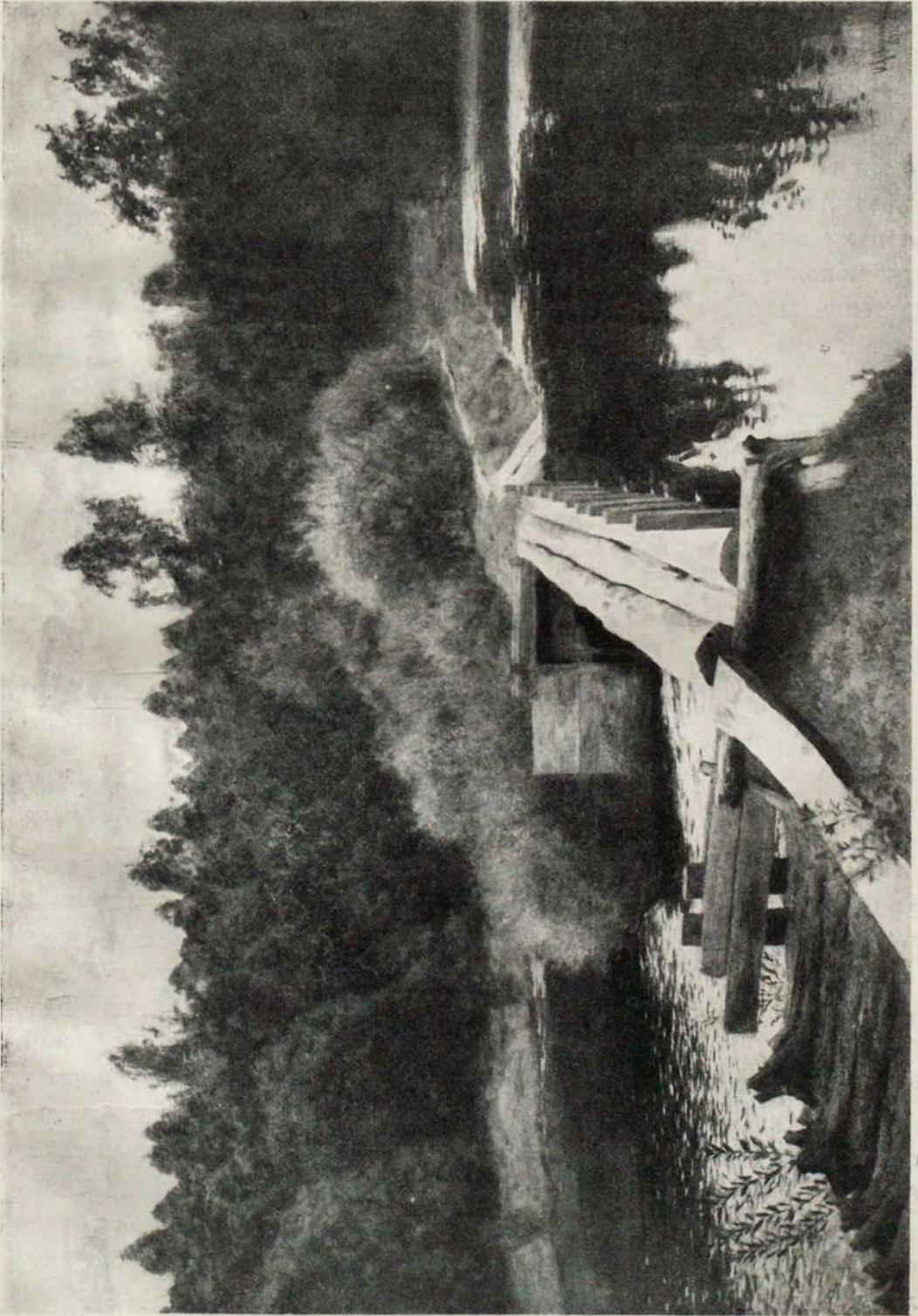
Трепетать—см. стр. 132, 206 и 273.

Былинка—травинка. См. стр. 237.

Бирюзовый—сдѣланный изъ бирюзы или цвѣта бирюзы.

Отлогій—покатый, некрутой.

У омута.

Съ картини И. Левитана

152. Лѣтній вечеръ.

Стихотвореніе *Н. Некрасова*.

Еще тепло... Закатъ горитъ, надъ Божьимъ храмомъ рѣютъ птицы, домой идутъ съ работы жницы; въѣзжая на гору, скрипитеъ снопами полная телѣга; играя, колосъ изъ снопа хватаетъ сытый конь съ разбѣга—	и ржетъ. За нимъ бредетъ толпа коровушекъ. Стемнѣло небо, и смолкли вдругъ работы дня; ложится пахарь безъ огня, и распростерли скирды хлѣба свою хранительную тѣнь вокругъ уснувшихъ деревень. Все тихо...
--	--

Рѣять, **ринуть**—быстро нестись, летать, парить, падать. Птица рѣетъ высоко.—Дождь **ринуть**. Что значитъ **ринуться**?

Брести, **бродить**—см. стр. 33, 91.

Распростирать—простирать, протягивать въ ширь, въ даль. Орелъ распростеръ крылья.

Скирдъ или **скирда**—большая кладъ хлѣба или сѣна.

Хранительный—то же, что охраняющій, сберегающій что.

153. Пѣсня птички.

Сказка *Г. Андерсена*, въ перев. *К. Ушинскаго*.

Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Въмѣсто постели, ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много лѣтъ—блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко, свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму. Печально думалъ онъ о своихъ милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что можетъ-быть давно уже всѣ забыли его, считая умершимъ. Что-то дѣлается на землѣ, на родинѣ?

Онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній вечеръ. Солнце садилось за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины; люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрьма была высокая, и люди казались внизу маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его

Утро въ сосновомъ лѣсу.

Съ картины И. Шишкина.

не услышалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролеталъ орелъ.

— Орелъ, орелъ! — закричалъ ему заключенный: — сядь ко мнѣ на окошко, расскажи, что тамъ дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣню.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ орелъ: „окно твое очень мало — мнѣ негдѣ сѣсть. Я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подальше отъ людей, чтобы они не разорили моего гнѣзда. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко-высоко, и мои пѣсни слышитъ только вѣчное солнце...“

И могучими взмахами широкихъ крыльевъ орелъ гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

— Лебедь, лебедь! расскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣню!

„Нѣтъ“, отвѣчалъ лебедь: „я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ. Я плаваю всегда на водѣ, чистой, прохладной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода утромъ, на зарѣ, станетъ розовая, я громко кричу зарѣ: здравствуй! Я не спою тебѣ пѣсни, — я спою пѣню, когда стану умирать...“

И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

— Воробушки, воробушки! сядьте на окошко, расскажите, что дѣлается на землѣ? Спойте пѣсенку.

„Чиликъ, чиликъ! Намъ некогда. Намъ еще нужно поклевать зернышекъ, которыя мельникъ нечаянно разсыпалъ...“

Но вдругъ порхнула сѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушекъ! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣстила меня! Расскажи, что дѣлается на землѣ, спой мнѣ пѣсенку.

„Я расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, я спою тебѣ пѣсенку“, началъ соловушекъ.

И полились такіе звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому и все плакалъ, и все слушалъ...

„Вчера утромъ, на зарѣ“, пѣлъ соловушекъ, „было такъ свѣжо и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему домику, сѣлъ на зеленый орѣховый кустъ передъ раскрытымъ окошкомъ и все пѣлъ, и пѣлъ.“

Въ колыбелькѣ твоей малютка,—онъ раскрылъ свои большіе, свѣтлые глазки и спрашивалъ: „гдѣ папа?“ и слушалъ мои пѣсни...

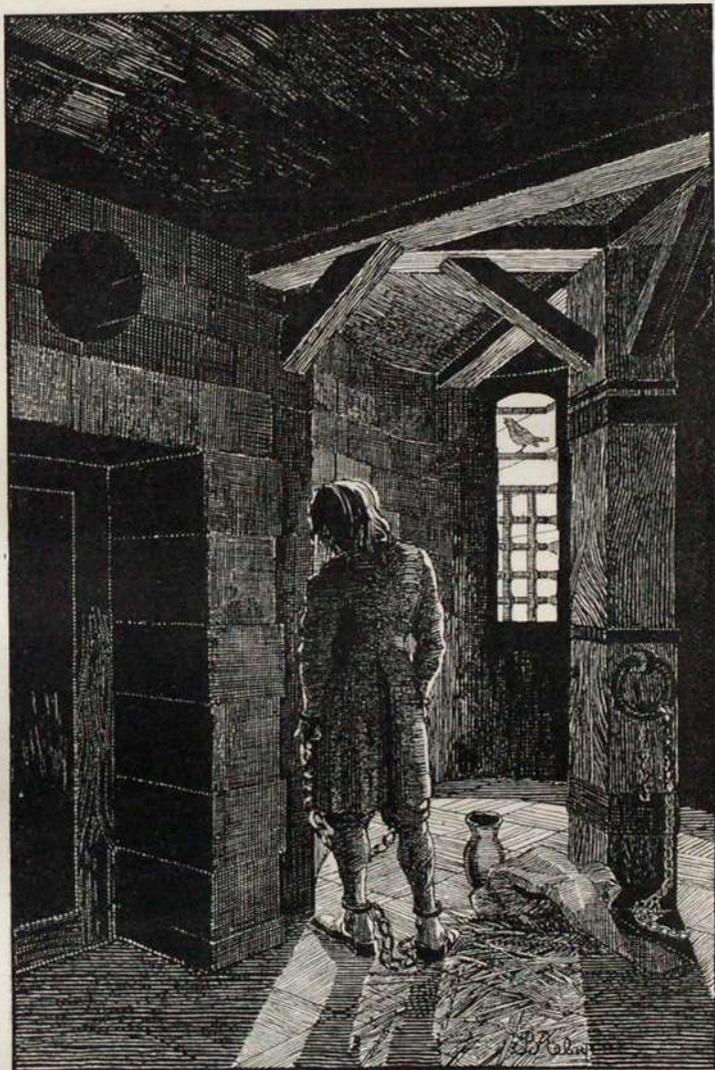
„Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень любятъ, очень хотятъ тебя видѣть. Не унывай! Богъ видитъ, какъ ты невиненъ, злые люди отпустятъ тебя, и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на свѣжій воздухъ.

„Дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Будетъ тихій, лѣтній вечеръ, длинная тѣни протянутся отъ деревьевъ, на солнцѣ засверкаютъ стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ рассказывать дѣтямъ, какъ ты страдалъ.

„Будешь ихъ учить, чтобы они, когда вырастутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла; чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога, чтобы все люди любили другъ друга, какъ брать брата.

„И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они вырастутъ, ты увидишь ихъ добрыми и честными, увидишь, какъ они будутъ помогать бѣднымъ. Ты будешь жить долго-долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться.

„И когда ты умрешь, все будутъ о тебѣ плакать и молиться, и понесутъ тебя на зеленое кладбище въ свѣтлый, солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой...”

Тюрьма—темница, острогъ, мѣсто заключенія преступниковъ.

Заключенный, отъ сл. заключать—сидящій въ заключеніи, подъ стражей, въ тюрьмѣ, узникъ, арестантъ.

Камышь — тростникъ, болотное растеніе. Дремлетъ чуткій камышь (Никит.).

Порхнуть—см. стр. 251.

Навѣстить навѣщать кого—посѣщать, бывать, заходить.

Унывать —падать духомъ, отчаиваться, терять бодрость и надежду.

154. Совѣтъ мышей.

Басня А. Измайлова.

Въ мучномъ амбарѣ котъ такой удалый былъ, что менѣе недѣли мышей до сотни задавилъ; десятокъ, или два, кой-какъ ужъ уцѣлѣли и спрятались въ норахъ. Что дѣлать?—выйди страхъ; не выходить?—такъ смерти ждать голодной. На лаврахъ отдыхалъ котъ сытый и дородный. Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ. Слухъ до мышей о томъ дошелъ—повыбрались изъ норъ, открыли

засѣданье и стали разсуждать, какія мѣры имъ противъ кота принять. Одна мышь умная, которая жила съ учеными на чердакахъ и много книгъ переглодала, совѣтъ дала въ такихъ словахъ: „Сестрицы! отвратить грозящее намъ бѣдство я нахожу одно лишь средство, простое самое. Оно въ томъ состоитъ, чтобъ нашему злодѣю, когда онъ спитъ, гремушку привязать на шею. Далекъ ль, близко ль котъ, всегда мы будемъ знать, и не удастся насъ врасплохъ ему поймать“.—Прекрасно! ахъ, прекрасно! вскричали всѣ единогласно. Зачѣмъ откладывать? какъ можно поскорѣй коту гре-

мушку мы привяжемъ. Ужъ то-то мы себя докажемъ! Ай славно, не видать ему теперь мышей такъ точно, какъ своихъ ушей!— „Все очень хорошо: привязывать кто жъ станетъ?“— Ну ты.— „Благодарю!“— Такъ ты.— „Я посмотрю, какъ духа у тебя достанетъ“— Однакожъ надобно.— „Что долго толковать? Кто сдѣлалъ предложеніе, тому и исполнять. Ну, умница, свое намъ покажи умѣнье“. И умница равно за это не взялась, а для чего жъ бы такъ?.. да лапка затряслась!

Куда какъ право чудно! мы мастера учить другихъ; а если дѣло вдругъ дойдетъ до насъ самихъ, то исполнять намъ очень трудно.

Амбаръ—строеніе для склада зернового хлѣба, муки и другихъ предметовъ.

Уцѣлѣть—остаться цѣлымъ, невредимымъ.

Лавры (отъ сл. лавръ—лавровое дерево)—по ж и н а т ь л а в р ы—прославляться почитать на лаврахъ—покоиться, отдыхать послѣ славной жизни, послѣ трудовъ. Часто употребл. въ шутку.

Дородный—полный, толстый.

Засѣданіе—собраніе для обсужденія чего-либо, совѣщаніе.

Переглодать—перегрызть, съѣсть.

Гремушка—бубенчикъ, а также дѣтская игрушка, какая?

Врасплохъ—неожиданно, внезапно.

155. Пѣсня.

А. Мерзлякова.

Среди долины ровныя,
на гладкой высотѣ,
цвѣтеть, растеть высокій дубъ
въ могучей красотѣ.

Высокій дубъ, развѣсистый,
одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
одинъ, одинъ бѣдняжка,
какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ ли красно солнышко
кого подъ тѣнь принять?

Ударитъ ли погодушка:
кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
ни ивки близъ него,
ни кустики зеленые
не вьются вокругъ него.

Ахъ, скучно одинокому
и дереву расти!

Дубъ. Съ карт. *Н. Шишкина.*

Ровныя—вмѣсто ровной.

Могучій, могущественный—сильный, здоровый, богатый.

Развѣсистый—раскидистый.

Рекрутъ—новобранецъ, солдатъ.

На часахъ (подразумѣвается стоять)—на караулѣ, на сторожѣ.

Погода—состояніе воздуха относительно тепла и холода, вѣдра и ненастья. Погода часто обозначаетъ, какъ и здѣсь, то же, что непогода, ненастье, дождь, снѣгъ. На морѣ погода поднялась.—Ударила погодка—то же, что расходилась погодушка.—Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, по широкому раздолью, разыгралась погодка, погодушка верховая, верховая, немалая (нар. пѣсня).

156. Пріемышъ.

Изъ разсказа *Д. Н. Мамина-Сибиряка*.

Въ дождливый лѣтній день я подходилъ къ Свѣтлому озеру, къ знакомой рыбацѣй сторожкѣ. Мое появленіе вызвало сторожевой окликъ собаки: на незнакомыхъ людей она всегда лаяла отрывисто и рѣдко, точно сердито спрашивала, кто идетъ. Я люблю такихъ простыхъ собачонокъ за ихъ необыкновенный умъ и вѣрную службу. Когда я подходилъ уже совсѣмъ къ избушкѣ, кубаремъ вылетѣла на меня пестрая собачонка и залилась лаемъ.

— Соболько, перестань!.. Не узналъ?

Соболько остановился въ раздумьи, но, видимо, все еще не вѣрилъ въ старое знакомство. Онъ осторожно подошелъ, обнюхалъ мои охотничьи сапоги и только послѣ этого виновато завилялъ хвостомъ. „Дескать, виновать, ошибся, а все-таки я долженъ стеречь избушку“.

Избушка оказалась пустой. Хозяинъ, вѣроятно, отправился на озеро. Я расположился какъ у себя дома: снялъ куртку, развѣсилъ свои охотничьи доспѣхи, развелъ огонь и сталъ разогрѣвать походный мѣдный чайникъ. Соболько вертѣлся около меня, виляя пушистымъ хвостомъ, облизываясь, ожидая поживы, и нетерпѣливо взвизгивалъ. Но вотъ собака радостно взвизгнула и бросилась къ берегу.

Показалась рыбацья лодка—„душегубка“. Тарасъ плылъ, стоя на ногахъ, и ловко работалъ однимъ весломъ. Впереди лодки плылъ лебедь. „Ступай домой, гуляка!“ ворчалъ старикъ: „вотъ я тебѣ дамъ... уплывать Богъ знаетъ куда!“ Лебедь крикливо подплылъ къ берегу, встряхнулся и, тяжело переваливаясь на своихъ кривыхъ, черныхъ ногахъ, направился къ избушкѣ. Старикъ Тарасъ былъ высокаго роста, съ окладистой бородой и строгими,

большими сѣрыми глазами. Зубы у него всѣ были цѣлы, и волосы на головѣ сохранились. Загорѣлое, широкое лицо было изборождено глубокими морщинами.

Поздоровавшись съ Тарасомъ, спрашиваю, откуда Богъ несетъ.

„А вотъ за пріемышемъ плавалъ, за лебедемъ. Все тутъ вертѣлся, а потомъ вдругъ пропалъ. Выѣхалъ на озеро—нѣтъ, по заводямъ проплылъ—нѣтъ, а онъ за островомъ плаваетъ!“

„Откуда досталъ-то его, лебеда?“

„А Богъ послалъ. Тутъ охотники изъ господъ наѣзжали; ну лебеда съ лебедушкой и пристрѣлили, а вотъ этотъ остался. Забился въ камыши и сидитъ. Летѣть-то не умѣетъ, а вотъ и спрятался ребячьимъ дѣломъ. Я ставилъ сѣти возлѣ камышей, ну и поймалъ его. Пропадетъ одинъ, ястреба заѣдятъ, потому какъ смыслу въ немъ еще настоящаго нѣтъ. Сиротой остался. Вотъ я его привезъ и держу. И онъ тоже привыкъ. Теперь вотъ скоро мѣсяць будетъ, какъ живемъ вмѣстѣ. Утромъ, на зарѣ, поднимется, поплаваетъ по близости, покормится, а потомъ и домой. Знаетъ когда встаю, и идетъ, чтобъ покормиться. Умная птица, свой порядокъ знаетъ“.

Старикъ говорилъ необыкновенно любовно, какъ о близкомъ человѣкѣ.

„Улетитъ онъ у тебя, дѣдушка“.

„Зачѣмъ ему летѣть? И здѣсь хорошо: сытъ, кругомъ вода. А тамъ перезимуетъ вмѣстѣ со мною въ избушкѣ. Мѣста хватить, а намъ съ Сობолькой веселѣе. Какъ-то одинъ охотникъ забрелъ ко мнѣ, увидалъ лебеда и говоритъ вотъ то же: „Улетитъ, ежели крылья не подрѣжешь“. Какъ же можно увѣчить Божью птицу? Пусть живетъ, какъ ей отъ Господа указано... Не возьму я въ толкъ, зачѣмъ господа въ лебедей стрѣляютъ: вѣдь и ѣсть не станутъ, а такъ для озорства!“

„А какъ онъ съ Сობолькой?“ спросилъ я.

„Сперва-то боялся, а потомъ привыкъ. Теперь лебедь-то въ другой разъ у Сობольки и кусокъ отниметъ. Песъ заворчитъ на него, а лебедь на него крыломъ. Смѣшно на нихъ со стороны смотрѣть. А то гулять вмѣстѣ отправляются—лебедь по водѣ, а Сობолько по берегу. Пробовалъ песъ плавать за нимъ, ну, да ремесло-то не то — чуть не потонулъ. А какъ лебедь уплыветъ, Сობолько ищетъ его. Сядетъ на бережку и воетъ. Дескать, скучно

мнѣ, псу, безъ тебя, другъ сердечный: такъ вотъ и живемъ втроемъ. Эвонъ, погляди, лебедь-то дожидается насъ съ Соболюшкой“.

Приемышь—чужое дитя, сирота, принятый въ семью.

Сторожка—избушка, гдѣ живетъ сторожь, караульня.

Окликъ, **окликанье**—опрашиванье, кто идетъ.

Заливаться—см. стр. 192.

Завилять—начать вилять, т. е. мотать изъ стороны въ сторону, напр. собака завиляла хвостомъ; переносно—начать лукавить, хитрить: онъ совсѣмъ растерялся, завилялъ: „я не знаю, я не помню“.

Куртка—короткая мужская одежда, безъ поль.

Доспѣхи—полное вооруженіе воина. А здѣсь что значить?

Пожива—чѣмъ кто поживился, что добылъ или досталъ.

Душегубка—такъ назыв. неустойчивыя, легкія на ходу лодки. А что буквально знач. это слово?

Ветряхнуться—стрихивать съ себя (обыкновенно о птицахъ). А что знач.: Емъ полезно съѣздить за границу, чтобы немного ветряхнуться.

Окладистая борода—широкая, облегающая все лицо, весь окладъ лица, т. е. его очертанія.

Избороздить—проводить на чемъ-либо борозды, изрѣзывать. Я избороздилъ всю Россію.—Время избороздило все чело его.

Заводъ—тихое, но глубокое мѣсто въ рѣкѣ; мѣсто замедленнаго теченія, устраиваемое для ловли рыбы.

Забиться, **забиваться**—1) залѣзть куда-ниб., забираться, прятаться. Забилась въ уголь, и нейдетъ! (Толст.).—Что же васъ не дозовешься, гдѣ вы тамъ забились? (Островск.). 2) Начать биться—сердце бѣдной дѣвушки забилось. 3) Засориться—труба забилась. 4) Гвоздь забивается по самую шляпку.

Увѣчить—калѣчить, уродовать. Пуля увѣчить, а ядро калѣчить.

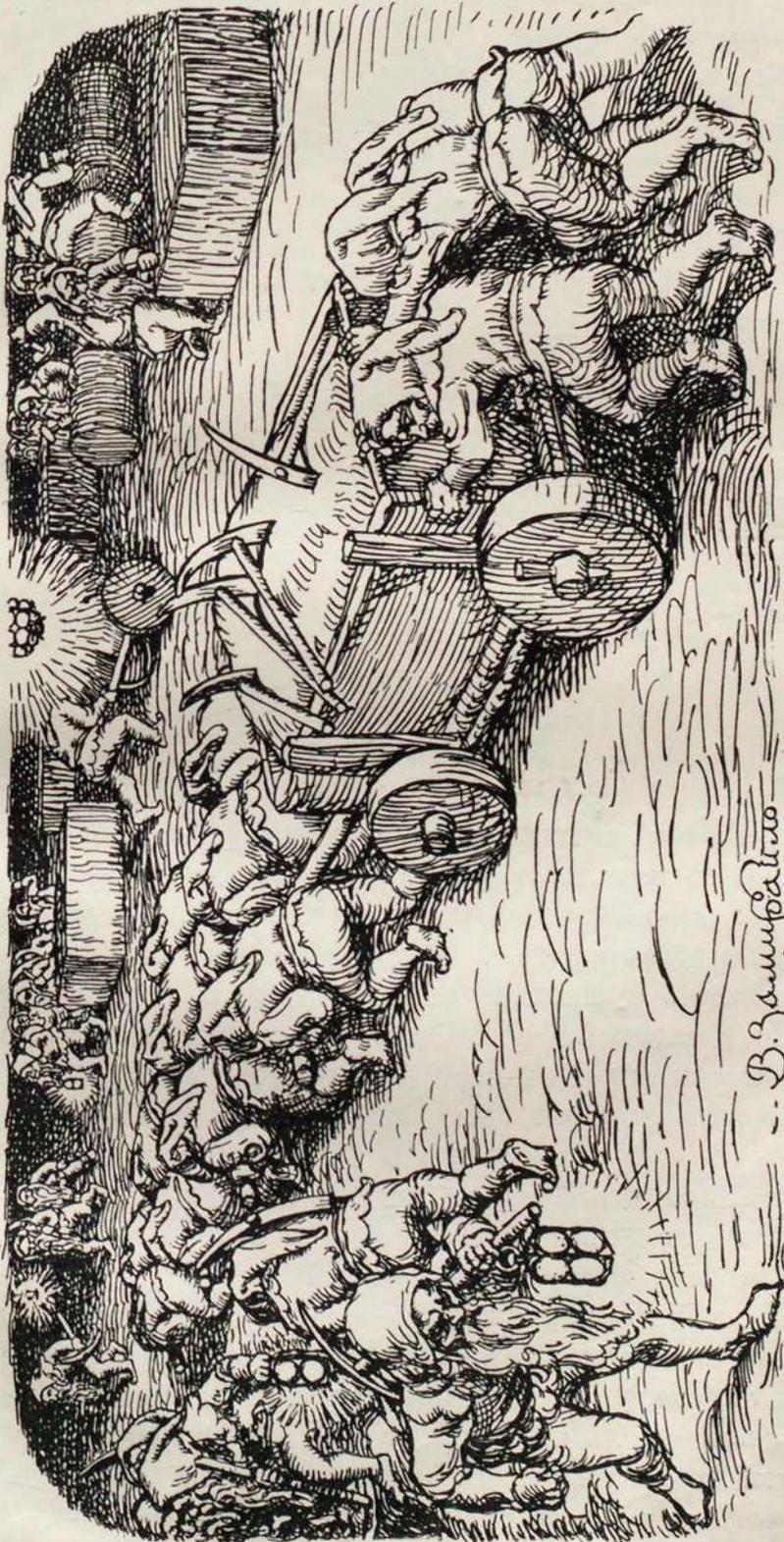

157. Гномы.

Стихотвореніе К. Бальмонта.

На лугу большія кучи
свѣже-вырытой земли.
Лѣто. Жарко. Полдень жгучій.
Дымъ стоитъ вдали.

Кто здѣсь рылся? Можетъ, гномы,
всей смѣшной толпой своей,
строятъ нижнія хоромы
для своихъ царей?

— B. Jambhale —

Города во тьмѣ возводятъ,
строятъ замки подъ землей
и, уродливые, ходятъ
подъ моею ногой?

Зажигаютъ вырѣзныя
лампы въ царствѣ темноты?
Нѣтъ, ошибся. То—слѣпые
черныя кроты.

Гномы—сказочныя существа, подземные духи, стерегущіе горныя сокровища.
Хоромы—см. стр. 27.

Возводить, возвести—1) то же, что строить, воздвигать; 2) возвести на престолъ, возвести въ графское достоинство; 3) возвести взоры къ небу; 4) возводить на кого обвиненіе.

Вырѣзной—сдѣланный посредствомъ рѣзбы.

158. А к у л а.

Разсказъ гр. Л. Н. Толстого.

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно, и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары. Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу, крикнулъ: „купаться!“ и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ, и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались на водѣ и, что было силы, поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ бочонокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: „не выдавай! понатужься!“

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: „акула!“—и всѣ мы увидели въ водѣ спину морскаго чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— „Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!“ закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный, какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ нее и, сгибая весла, понесли, что было силы, къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слышали того, что имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы все услышали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разные стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилегъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы все, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчикомъ, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но, когда дымъ разошелся надъ водою, со всехъ сторонъ слышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и, наконецъ, со всехъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Якорь—железное орудіе, при помощи котораго судно стоитъ на мѣстѣ. Что значить: стать на якорь, бросить якорь, сняться съ якоря, поднять якорь?

Отетать, отетавать—оставаться позади, не поспѣвать за кѣмъ.

Натужиться—напрягаться, налегать, употребить усиліе.

Сорваться—значеніе по смыслу: 1) вишня не срывается, а стрижется; 2) онъ кинулся, точно съ цѣпи сорвался; 3) рыба часто срывается съ удочки. А что значить: сорвалось!

Хоботъ—у животныхъ, напр. у слона или у комара (хоботокъ); здѣсь значить рычагъ, вставляемый въ станокъ пушки, для поворота.

Фитиль—1) въ лампѣ и 2) въ пушкѣ, чѣмъ поджигаютъ занавѣ пушки.

Застилать, застлать—закрывать чѣмъ-нибудь, заволакивать.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

159. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

К. Ушинскаго.

Рано мы проснулись сегодня. Мы знали, что у насъ на дворѣ цѣлый возъ молоденькихъ березокъ и что надобно разставлять ихъ и по двору, и на воротахъ, и на крыльцѣ, и въ комнатахъ по угламъ, и за образами, гдѣ еще торчатъ высохшія вербочки. Чуть-чуть накрапываетъ весенній теплый дождикъ, отчего липкіе листочки на березѣ еще ярче и душистѣй. Правду говорятъ, что Троицынъ день—зеленый праздникъ.

Мнѣ и двумъ старшимъ сестрамъ поручили нарвать букеты въ церковь; я наломалъ душистой сирени и нашелъ одно счастье о девяти лепесткахъ.

Въ церкви на полу набросана трава, свѣжія вѣтви нависли на образа. У всѣхъ въ рукахъ цвѣты или хоть какая-нибудь вѣточка. У одной бѣдной дѣвочки не было ничего. Костя отдалъ ей свой букетъ. Какой добрякъ нашъ маленькій Костя!

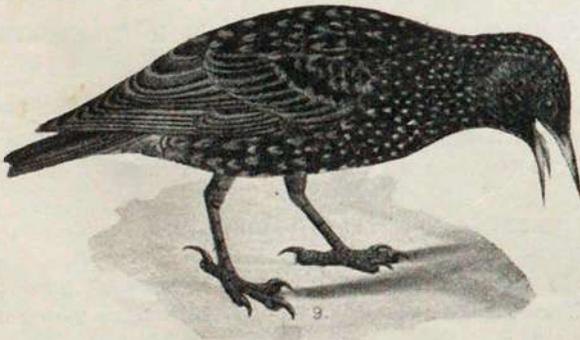
Завтра Духовъ день, а сегодня гремѣлъ первый громъ.

Накрапывать—о дождѣ, начать капать, падать одиночными каплями.

160. Скворецъ.

Басня И. Крылова.

Какой-то смолоду скворецъ такъ пѣть щегленкомъ научился какъ будто бы щегленкомъ самъ родился. Игривымъ голоскомъ, весь лѣсъ онъ веселилъ, и всякій скворушку хвалилъ.

Иной бы былъ такой доволенъ частью; но скворушка услышь, что хвалятъ соловья,—а скворушка завистливъ былъ, къ несчастью,—и думаетъ: „Постойте же, друзья, спую не хуже я и соловьинымъ ладомъ“.

И подлинно запѣлъ, да только лишь совѣмъ особымъ складомъ: то онъ пицаль, то онъ хрипѣлъ, то верещаль козленкомъ, то не путемъ мяукаль онъ котенкомъ, и, словомъ, разогналь всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.

Мой милый скворушка, ну, что за прибыль въ томъ? Пой лучше хорошо щегленкомъ, чѣмъ дурно соловьемъ.

Игривый—рѣзвый, веселый.

Часть—1) доля цѣлаго, дробь. 2) участь, доля, жребій, удѣлъ, судьба. Почему здѣсь употреблено сл. „частью“ вмѣсто „участью“?

Услышь—что обозначаетъ обыкновенно эта форма и чте въ данномъ случаѣ?

Завистливый—склонный къ зависти, т.е. желающій себѣ того, что есть у другого. Завистливый паукъ на барыши купца прельстился (Крыл.).—*Завистливое око видитъ далеко.*

Подлинно—см. стр. 222.

Ладъ—см. стр. 46.

Складъ—1) мѣсто, гдѣ что-либо складывается. Книжный складъ; 2) сложенье статность; 3) стройность, связь, смыслъ въ рѣчи. Слово много, да складу нѣтъ; 4) въ музыкѣ: послѣдовательность звуковъ, составляющихъ напѣвъ; 5) то же, что слогъ. Читаетъ по складамъ.

Верещать—издавать рѣзкіе, визгливые звуки.

Прибыль—барышъ, выгода, польза.

Путемъ—см. стр. 65.

161. Урожай.

Стихотвореніе Н. Некрасова.

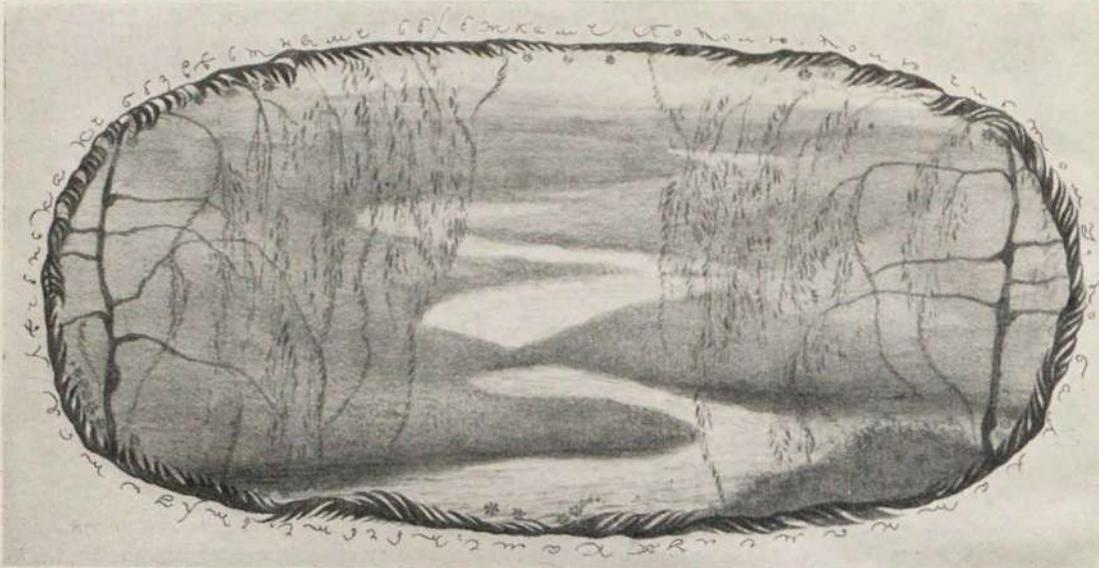
Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колось метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Дождикомъ нивы мочило обильно,
солнышко красное грѣло ихъ сильно,
Богъ намъ послалъ урожай!
Добрые люди, спѣшите,
острыя косы несите:
Богъ намъ послалъ урожай!
Ржица поспѣла проворно,
могутъ осыпаться зерна...
Богъ намъ послалъ урожай!

Урожай—отъ какого сл. происходитъ?

Обильный, изобильный—богатый, имѣющійся въ множествѣ. Земля наша велика и обильна.—Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ? Отсюда же сл.: **изобиліе, изобиловать**. Что значитъ въ изобиліи?

Осыпаться—см. стр. 13.

162. Рѣченька.

Стихотвореніе Н. Цыганова.

По полю, полю чистому,
по бархатнымъ лужкамъ,
течетъ, струится рѣченька
къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза—
всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
не зная, что волна.
Не рощи, не дубравушки
по бережку растутъ:
кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
любуюсь въ ней, цвѣтутъ!
А рѣчка извивается,
по травушкѣ скользитъ,

то въ ямкѣ потеряется,
то снова заблеститъ.
Ей убыли невѣдомы—
всегда въ одной красѣ;
за прибыль благодарствуетъ
небесной лишь росѣ!
Но долго ль, долго ль рѣченькѣ
Катиться по цвѣтамъ?
Ждутъ бездны моря свѣтлую
въ дали туманной, тамъ!
О поле, поле чистое,
осиротѣешь ты...
И вы, и вы посохнете,
лазоревы цвѣты!

Струиться—см. стр. 221.

Морщиться—хмуриться, покрываться морщинами (т. е. складками на кожѣ, на ткани и т. п.).

Лазоревый—свѣтлосиній, цвѣта неба.

Любоваться чѣмъ или на что—смотрѣть на что-либо съ любовью, съ удовольствіемъ. Любоваться природой.

Дубрава—дубовая роща и вообще лѣсъ изъ широколиственныхъ деревьевъ. Казакъ не хочетъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ („Полтава“).

Извиваться (о рѣчкѣ или тропинкѣ)—тянуться извилисто, змѣйкой.

Скользить—подвигаться по гладкому. Гусь... ступаетъ бережно на ледъ, скользитъ и падаетъ (Пушк.).

Убыль—уменьшеніе, упадокъ. Вода на убыль пошла.—День на убыль, ночь на прибыль. (Это когда бываетъ?)

Бездна—1) неизмѣримая глубина, пропасть. Въ горахъ встрѣчаются бездны, куда и лучъ солнца не проникаетъ. 2) Морская пучина. Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой, въ ту бездну прыгнетъ съ вышины? (Жукъ „Кубокъ“). 3) Неизмѣримое число, множество, тьма. Бездна народу.

Осиротѣть—сдѣлаться сиротой; **осиротить** кого—сдѣлать кого-ниб. сиротой, лишить отца.

Загадки: *Два братца въ воду глядятся, а вѣкъ не сойдутся.—Три брата: одинъ лежитъ, другой бѣжитъ, а третій кланяется.—Иванъ бѣжитъ, а самъ кричитъ и всѣхъ на себя носить.*

163

К. Ушинскаго.

Не успѣлъ отойти сѣнокосъ, начинается жатва. Рожь, кормилица русскаго человѣка, поспѣла. Отяжелѣвшій отъ множества зеренъ и пожелтѣвшій колосъ сильно понагнулся къ землѣ; если еще его оставить на полѣ, то зерно станетъ сыпаться, и пропадетъ безъ пользы Божій даръ. Бросаютъ косы, принимаются за серпы. Обливаясь потомъ, жнецы и жницы валяютъ подъ корень рожь высокую, кладутъ ее въ красивые, тяжелые снопы. Пройдетъ недѣли двѣ такой работы, и на нивѣ, гдѣ еще недавно волновалась высокая рожь, будетъ повсюду торчать срѣзанная солома. Зато на сжатой полосѣ рядами стануть высокія, золотистыя копны хлѣба.

Не успѣли убрать рожь, какъ пришла уже пора приниматься за золотистую пшеницу, за ячмень, за овесъ; а тамъ, смотришь, уже покраснѣла гречиха и просить косы. Пора дергать ленъ: онъ совсѣмъ ложится. Вотъ и конопля готова, воробьи стаями хлопочутъ надъ нею, доставая маслянистое зерно. Пора копать и картофель, а яблоки давно уже валяются на высокую траву.

Все спѣетъ, все зрѣетъ, все надобно убрать вовремя; даже и длиннаго лѣтняго дня не хватаетъ! Поздно вечеромъ возвращаются люди съ работы. Утромъ, вмѣстѣ съ солнышкомъ, крестьяне опять примутся за работу. А солнышко лѣтомъ вѣтаетъ куда какъ рано!

Лѣтняя работа кормитъ крестьянина цѣлый годъ. Надо пользоваться вѣдромъ, когда Богъ даетъ его, а не то—можно остаться

безъ хлѣба. Трудами крестьянина кормится не одна его семья, а весь міръ: и я, и вы, и всѣ разодрѣтые господа, хотя иные изъ нихъ и съ презрѣніемъ посматриваютъ на крестьянина. Онъ, копясь въ землѣ, своей тихой работой кормитъ всѣхъ, какъ корни дерева кормятъ гордыя вершины, одѣтыя зелеными листьями.

Отойти, отходить— 1) отступать, идти, удаляться отъ чего-либо. Пароходъ уже отошелъ.—Отойди отъ меня, сатана; 2) окончиться, проходить. Обѣдня уже отошла; 3) приходитъ въ себя, напр. послѣ обморока. Насилу отошелъ; 4) о мерзломъ—отогрѣться. Руки околѣбли, надо погрѣть ихъ, чтобы отошли.

Волноваться—приходитъ въ сильное колебаніе отъ вѣтра. Когда волнуется желтѣющая нива (Лерм.); 2) приходитъ въ сильное движеніе, беспокойство. Народъ волнуется на площади. Что значитъ: кровь волнуется?

Маслянистый—жирный, содержащій много растительнаго масла. А что значитъ масляный?

Вѣдро—ясная и тихая погода. Ясная заря предвѣщаетъ ведро.—Богъ далъ ведро, пора бы сѣно убирать („Кап. дочка“).

Разодѣтый—празднично, нарядно одѣтый. А что значитъ раздѣтый?

Презрѣнье—см. стр. 231.

Придумайте заглавіе для этой статьи.

164. * * *

Стихотвореніе И. Никитина.

Ни тучи, ни вѣтра, и поле молчить,
горячее солнце и жжетъ, и палить.
И, пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава.
И слышится только въ молчаніи дня
веселыхъ кузнечиковъ звонъ-трескотня.
Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ:
на трупъ коня воронъ черный сидитъ.

Иванъ Саввичъ Никитинъ.
(1824—1861).

Крoвавый свой клювъ поднимаетъ порой
и каркаетъ, будто вѣщунъ роковой.
Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика,
была твоя служба вѣрна и крѣпка!
побои и голодъ ты все выносишь
и духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ, испустишь.

Вѣщунъ (отъ сл. вѣщать, предвѣщать)—предсказатель, прорицатель, см. стр. 53.

Роковой—отъ сл. рокъ, что значить: судьба, участь, неминуемое. Роковой день—день, въ который должно что-ниб. случиться; роковой шагъ—поступокъ, имѣющій рѣшающее значеніе для человѣка. Въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблено это слово?

Безотвѣтный—безмолвный, безгласный, робкій, смиренный.

Испустить духъ—умереть, издохнуть.

Какъ можно озаглавить это стихотвореніе?

165. Передъ грозой.

С. Гусева-Оренбургскаго.

Съ рѣки потянуло прохладой. Лошади захрапѣли, втягивая ноздрями свѣжій воздухъ.

Внезапно угрюмая тѣнь упала на дорогу.

Солнце погрузилось въ тучу.

Ласточки исчезли, кулики смолкли, только вдали гдѣ-то безпокойно закричала запоздавшая галка. Стада и пригорки будто присѣли и прижались къ землѣ. Туча, поглотивъ солнце, на мигъ пропиталась багровымъ свѣтомъ, но снова потемнѣла и стала черной, только кое-гдѣ на ней клубились сѣрыя пятна, будто отъ застывшихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Казалось, голова чудовища разрослась надъ полями, и космы волосъ ея, мѣстами сѣдыхъ, мѣстами черныхъ, разбросались по небу.

Въ воздухѣ разливалась влажность.

Угрюмый—суровый, непривѣтливый, мрачный, пасмурный.

Пропитаться—наполниться насквозь влагой.

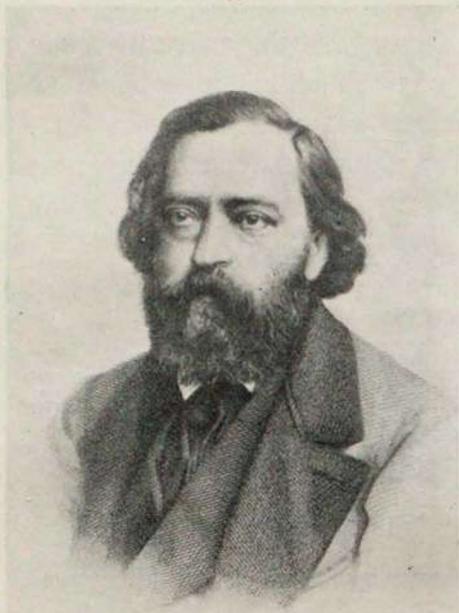
Клубиться—вздвигаться клубомъ, т.-е. кругло и густо. Пыль, дымъ клубится.—Густой туманъ, какъ пелена съ посеребренной каймой, клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой (Лерм.).

Косма—прядь волосъ или шерсти. **Косматый**—кто въ космахъ, вклекоченный, кудлатый.

166. Засуха.

Стихотвореніе Н. Огарева.

Николай Платонович Огаревъ.
(1813—1877).

Нѣтъ ни тучки, солнце пышетъ,
ярко блещетъ синева,
воздухъ душный знойно дышитъ,
блекнетъ бѣдная трава;
нива рано пожелтѣла,
сохнетъ колось, цвѣтъ убить;
наша рѣчка обмелѣла.
наша мельница молчитъ.
Роца листья опустила,
птицѣ дышится съ трудомъ,
стадо тощее уныло
дремлетъ въ снѣ полуживомъ.
Людымъ жутко въ эту пору,
будетъ голодъ, жизнь тяжка;
по блестящему простору
всюду мертвая тоска.

Пыхать или пышать—1) сильно дышать, пыхтѣть; 2) о пламени, жарѣ: пылать, ярко горѣть. Отъ печи такъ и пышетъ; 3) разгараться, распалиться чѣмъ-ниб. Онъ пышетъ злобой или мѣстью.

Блекнуть—лишаться цвѣта, блѣднѣть, вянуть. Цвѣты блекнутъ.

Цвѣтъ, множ. цвѣта—краска. Цвѣтъ лица, цвѣтъ платья; цвѣтъ, цвѣты—растеніе, цвѣты полевые, садовые.—Яблони въ цвѣту.—Гречиху въ цвѣту морозомъ убило. Что значить: онъ умеръ во цвѣтъ лѣтъ.

Обмелѣть—сдѣлаться мелкимъ.

Жуткій—см. стр. 174.

Просторъ—свободное, незанятое мѣсто. У Бога простору много.

*

167. Наступленіе ночи.

Отрывокъ В. Вересаева.

Равнина темнѣла, въ деревняхъ засвѣтились огоньки; по дорогѣ между овсами проскакалъ на ночное запоздавшій паренъ въ рваномъ зипунѣ. Послѣдній отблескъ зари гасъ на тучахъ; трудовой день кончился, надвигалась теплая и темная облачная ночь.

Ночное—ночная пастыба коней. (Въ жаркую лѣтнюю пору выгоняютъ у насъ лошадей кормиться въ поле.—„Бѣжинъ дугъ“).

Отблескъ—отраженіе свѣта, блеска.

Зипунъ—верхняя крестьянская одежда изъ домашняго сукна.

Трудовой—см. стр. 326.

Надвигаться—приближаться.

Составьте сами небольшое описаніе „Наступленіе лѣтней ночи“, воспользовавшись этимъ отрывкомъ.

168. Перепелка.

Разсказъ *И. Тургенева*.

Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу.

Дѣло было лѣтомъ. Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ, въ южной Россіи. Кругомъ хутора на нѣсколько верстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу, ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя зеленыя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ овраговъ; кой-гдѣ, подъ самой кручью, виднѣлись роднички съ чистой какъ слеза водою; къ нимъ вели протоптанныя тропинки, и возлѣ воды, на сырой грязцѣ, перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ; и какъ только не былъ занятъ по хозяйству и погода стояла хорошая, онъ бралъ ружье, надѣвалъ ягдташъ, звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Зайцами онъ пренебрегалъ, предоставляя ихъ псовымъ охотникамъ, которыхъ величалъ борзятниками. Другой дичи у насъ не водилось, развѣ воть осенью налетали вальдшнепы. Но перепеловъ и куропатокъ было много, особенно куропатокъ. По опушкамъ овраговъ то и дѣло попадались разрытые кружки сухой пыли, мѣстечки, гдѣ онѣ копались. Старый Трезоръ тотчасъ дѣлалъ стойку, при чемъ его хвостъ дрожалъ и кожа на лбу сдвигалась складками; а у отца лицо блѣднѣло, и онъ осторожно взводилъ курки.

Онъ часто бралъ меня съ собою... Большое это было для меня удовольствіе! Я засовывалъ штаны въ голенища, надѣвалъ черезъ плечо фляжку—и самъ воображалъ себя охотникомъ! Потъ лилъ съ меня градомъ, мелкіе камешки забивались мнѣ въ са-

поги, но я не чувствовалъ усталости и не отставалъ отъ отца. Когда же раздавался выстрѣлъ и птица падала, я всякій разъ подпрыгивалъ на мѣстѣ и даже кричалъ—такъ мнѣ было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на травѣ, то въ зубахъ Трезора—съ нея текла кровь, а мнѣ все-таки было весело, и никакой жалости я не ощущалъ. Чего бы я не далъ, чтобы самому стрѣлять изъ ружья и убивать куропатокъ и перепеловъ. Но отецъ объявилъ мнѣ, что раньше двадцати лѣтъ у меня ружья не будетъ; и ружье онъ мнѣ дастъ одноствольное и стрѣлять позволить только жаворонковъ. Этихъ жаворонковъ въ нашихъ мѣстахъ водилось множество; бывало, въ хорошей солнечный день, цѣлые десятки ихъ вились на ясномъ небѣ, поднимаясь все выше и выше и звеня какъ колокольчики. Я глядѣлъ на нихъ какъ на свою будущую добычу и прицѣливался въ нихъ палочкой, которую носилъ на плечѣ замѣсто ружья. Попасть въ нихъ очень легко, когда они въ двухъ-трехъ аршинахъ отъ земли останавливаются въ воздухѣ и трепещутся, прежде чѣмъ вдругъ плюхнутъ въ траву. Иногда далеко въ полѣ, на жнивьяхъ или на зеленяхъ, торчали драхвы. Вотъ, думалось мнѣ, такую большую штуку убить,—да послѣ этого и жить не надо! Я указывалъ на нихъ отцу, но онъ всякій разъ говорилъ мнѣ, что драхва птица осторожная и человекъ близко не подпускаетъ. Однако, разъ онъ попытался подкрасться къ одинокой драхвѣ, полагая, что она подстрѣленная и отстала отъ своего стада. Велѣлъ Трезору идти за нимъ слѣдомъ, а мнѣ такъ и вовсе остаться на мѣстѣ; зарядилъ ружье картечью, еще разъ обернулся къ Трезору, даже пригрозилъ ему, шопотомъ скомандовалъ: „аррьеръ! аррьеръ!“ скорчился въ три погибели и пошелъ — не прямо къ драхвѣ, а стороною. Трезоръ хоть и не скорчился, но выступалъ тоже очень удивительно: раскорякой—и хвостъ поджалъ и одну губу закусилъ. Я не вытерпѣлъ и чуть не ползкомъ отправился за отцомъ и за Трезоромъ. Однако драхва и на триста шаговъ насъ не подпустила: сперва побѣжала, потомъ замахала крыльями и полетѣла. Отецъ выстрѣлилъ и только вслѣдъ ей посмотрѣлъ... Трезоръ выскочилъ впередъ и тоже посмотрѣлъ. Посмотрѣлъ и я... и такъ мнѣ обидно стало! Что бы, кажется, ей еще немного подождать! Картечь непременно бы ее достала!

Вотъ однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подь самый Петровъ день. Въ то время молодые куропатки еще малы

бываютъ; отецъ не хотѣлъ въ нихъ стрѣлять и пошелъ въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда попадались перепела. Косить тамъ было неудобно, и трава долго стояла нетронутая. Цвѣтовъ росло тамъ много: журавлинаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. Когда я ходилъ туда съ сестрой или съ горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку; но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ: я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: „пиль!“ и изъ-подъ самага носа Трезора выскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю—точно она была раненая или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею... онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ. Отецъ даже выстрѣлить не могъ, онъ боялся, что цапнетъ дробью собаку. И вдругъ смотрю: Трезоръ надалъ — и цапъ! Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ себѣ на ладонь, брюшкомъ кверху. Я подскочилъ. — Что это,—говорю:—она раненая была?—Нѣтъ,—отвѣтилъ мнѣ отецъ:—она не была раненая; а у нея, должно-быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать. — Для чего же она это дѣлаетъ? — спросилъ я. — А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла: ужъ слишкомъ притворилась, и Трезоръ ее поймалъ.—Такъ она не раненая?—спросилъ я опять.—Нѣтъ... но живой ей не быть... Трезоръ ее, должно-быть, давилъ зубомъ. — Я подвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку, и глядѣла на меня съ боку своимъ каримъ глазкомъ. И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало! Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: за что я умираю? Умирать должна? За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла: маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подалее—и вотъ попалась! Бѣдняжка я! бѣдняжка!.. Несправедливо это! Несправедливо!

— Папаша!—сказалъ я,—да, можетъ-быть, она не умретъ...— и хотѣлъ погладить перепелочку по головкѣ. Но отецъ сказалъ мнѣ: — Нѣтъ! Вотъ посмотри: у нея сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются ея глаза. — Такъ оно точно

и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза — я заплакалъ. — Чему ты? — спросилъ отецъ и засмѣялся. — Жаль мнѣ ее... — сказалъ я. — Она долгъ свой исполняла, а ее убили! Это несправедливо! — Она схитрить хотѣла, — отвѣтилъ мнѣ отецъ, — только Трезоръ ее перехитрилъ. — Злой Трезоръ!.. подумалъ я. Да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ недобрымъ. Какая же тутъ хитрость? Тутъ любовь къ дѣтенышамъ, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы дѣтей своихъ спасать, такъ не слѣдовало Трезору ее поймать! Отецъ хотѣлъ было сунуть перепелку въ ягдташъ; но я ее у него выпросилъ, положилъ ее бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется ли она? Однако, она не шевелилась. — Напрасно, братъ, — сказалъ отецъ: — ея не воскресишь. Вишь, головка у ней болтается. — Я тихонько приподнялъ ее за носикъ; но только я отнялъ руку — головка опять упала. — Тебѣ все ее жаль? — спросилъ меня отецъ. — А кто же маленькихъ кормить будетъ? — спросилъ я въ свою очередь. Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня. — Не безпокойся, — говоритъ: — самецъ-перепелъ, отецъ ихъ, выкормить. Да вотъ стой, — прибавилъ онъ: — никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаеть... Ужъ это не гнѣздо ли? Гнѣздо и есть.

И точно, въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ, лежали четыре птенчика, прижались другъ къ дружке, вытянули шейки — и все такъ скоро, въ одинъ разъ, дышать... точно дрожать. А ужъ оперились; пуху на нихъ нѣтъ, только хвостики еще очень короткіе. — Папа! папа: — закричалъ я благимъ матомъ: — отзови Трезора, а то онъ ихъ тоже убьетъ!

Отецъ крикнулъ на Трезора и, отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позаграть. А я остался возлѣ гнѣзда, не захотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку... „Смотрите, молю, сиротки, вотъ ваша мать! Она собой для васъ пожертвовала!“ Птенчики попрежнему дышали скоро, все тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу. — Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку? — спросилъ я его. — Изволь. Но что ты хочешь съ ней сдѣлать? — Я хочу ее похоронить! — Похоронить!? — Да; возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ, я ей могилочку вырою. — Отецъ удивился. — Чтобъ дѣтки къ ней на могилу ходили? — спросилъ онъ. — Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — а такъ... мнѣ хочется. Ей будетъ тутъ хорошо лежать,

возлѣ своего гнѣзда! — Отецъ ни слова не промолвилъ: досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку, поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ же ножомъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ ихъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. Скоро мы съ отцомъ пошли дальше, но я все оглядывался... Крестъ былъ бѣленькій—и далеко виднѣлся.

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился. Однако, гнѣздышко было пусто, птенчиковъ ни слѣда. Мой отецъ меня увѣрилъ, что старикъ ихъ увелъ, ихъ отецъ; и когда въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ... И я подумалъ: „Нѣтъ! папа добрый!“

Но вотъ что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ.

Хуторъ—усадебка, мыза, отдѣльный домъ съ сельскимъ хозяйствомъ.

Сочиться—течь исподволь, тихо, струиться, капать. Смола сочится изъ дерева.—Кровь сочится изъ раны.—Вода сочится въ лодку. Что значитъ вода просачивается?

Кручь—крутизна, обрывъ, яръ.

Страстный—кого одолеваетъ страсть, кто чѣмъ-нибудь увлекается сильно. Страстный игрокъ.

Ягдташъ (нѣмецк. сл.)—охотничья сумка для дичи.

Борзятникъ—любитель охоты съ борзыми собаками.

Опушка—см. стр. 109, стих. „Къ зимѣ“.

Стойка—1) подпорка, подставка; 2) въ лавкахъ, особенно распивочныхъ—прилавокъ, за которымъ продаютъ; 3) дѣлать стойку—охотничье выраженіе.

Плюхнуться—шлепнуть, упасть, особ. на мокрое или въ грязь или просто неосторожно.

Драхва—стенная птица съ индѣйку.

Картечь (нѣм. сл.)—ядрышки, крупнѣе дробы.

Зарядить, зарядять—класть зарядъ въ огнестрѣльное оружіе; начать производить какое-нибудь дѣйствіе долго, непрерывно. *Зарядила сорока Якова одно про всякаго.* — Дождь зарядилъ на цѣлыя сутки.—Онъ зарядилъ къ нимъ чуть не каждый день, и все къ обѣду.

Въ три погибели—что значитъ это выраженіе и какой его смыслъ?

Выступать—выходить впередъ изъ какого-либо мѣста. Онъ выступилъ впередъ.—Войско выступило въ лагерь. Что значитъ выступить защитникомъ, выступить на литературное поприще.—Капли пота выступили у него на лбу.—Въ глазахъ его выступили слезы.—Ходить съ важностью. Выступаетъ, словно журавль по межѣ.

Раскаряка—кто ходитъ раскарячась, т.е. разставляя ноги.

Охалка—см. стр. 40.

Наддать—прибавлять. Какое слово здѣсь подразумѣвается?

Притворяться—прикидываться, принять ложный видъ. Притвориться больнымъ.—Онъ притворился, что спитъ, и все подслушалъ.

Опериться—покрыться перьями.

Жертвовать что-нибудь—1) дарить, давать что-нибудь, цѣнное въ чью-нибудь пользу. Онъ пожертвовалъ свое состояніе на благотворительныя цѣли; 2) приносить въ жертву, лишать себя добровольно чего-либо для пользы другого. Жертвовать жизнью для спасенія отечества.

169. Старый колодезь.

Разсказъ *Н. Гарина.*

Ночь. Тема спитъ нервно и возбужденно. Сонъ то легкій, то тяжелый, кошмарный. Онъ то и дѣло вздрагиваетъ. Снится ему, что онъ лежитъ на песчаной отмели моря въ томъ мѣстѣ, куда ихъ возятъ купаться, лежитъ на берегу моря и ждетъ, что вотъ-вотъ накатится на него большая, холодная волна. Онъ видитъ эту прозрачную зеленую волну, какъ она подходитъ къ берегу, видитъ, какъ пѣной закипаетъ ея верхушка, какъ она вдругъ точно вырастаетъ, подымается передъ нимъ высокой стѣной; онъ съ замираніемъ и наслажденіемъ ждетъ ея брызгъ, ея холоднаго прикосновенія, ждетъ привычнаго наслажденія, когда подхватить его она, стремительно помчитъ къ берегу и выброситъ вмѣстѣ съ массою мелкаго колючаго песку; но вмѣсто холода, того живого холода, котораго такъ жаждетъ воспаленное отъ начинающейся горячки тѣло Темы, волна обдаетъ его какимъ-то удушливымъ жаромъ, тяжело наваливается и душитъ... Волна опять отливаетъ, ему опять легко и свободно, онъ открываетъ глаза и садится на кровати.

— Няня, гдѣ Жучка?—спрашиваетъ Тема.

— И-и,—отвѣчаетъ няня.—Жучку въ старый колодезь бросилъ какой-то иродъ. — И, помолчавъ, прибавляетъ: — хоть бы убилъ сперва, а то такъ, живьемъ... Весь день, говорятъ, визжала сердечная.

Темѣ живо представляется старый заброшенный колодезь въ углу сада, давно превращенный въ сваль всякихъ нечистотъ, представляется скользкое жидкое дно его, которое иногда съ Юськой они любили освѣщать, бросая туда зажженную бумагу.

— Кто бросилъ?—спрашиваетъ Тема.

— Да вѣдь кто? Развѣ скажетъ!

Тема съ ужасомъ вслушивается въ слова няни. Мысли роемъ тѣснятся въ его головѣ, у него мелькаетъ масса плановъ, какъ спасти Жучку, онъ переходитъ отъ одного невѣроятнаго проекта

къ другому и незамѣтно для себя снова засыпаетъ. Онъ просыпается опять отъ какого-то толчка, среди прерваннаго сна, въ которомъ онъ все вытаскивалъ Жучку какой-то длинной петлей. Но Жучка все обрывалась, пока онъ не рѣшилъ самъ лѣзть за нею. Тема совершенно явственно помнитъ, какъ онъ привязалъ веревку къ столбу и, держась за эту веревку, началъ осторожно спускаться по срубу внизъ; онъ ужъ добрался до половины, когда ноги его вдругъ соскользнули, и онъ стремглавъ полетѣлъ на дно вонючаго колодца. Онъ проснулся отъ этого паденія и опять вздрогнулъ, когда вспомнилъ впечатлѣннѣе паденія.

Сонъ съ поразительной ясностью стоялъ передъ нимъ. Черезъ ставни слабо брезжилъ начинающійся разсвѣтъ.

Тема чувствовалъ во всемъ тѣлѣ какую-то болѣзненную истому, но, преодолевъ слабость, рѣшилъ немедля выполнить первую половину сна. Онъ началъ быстро одѣваться. Въ головѣ у него мелькнуло опасеніе, какъ бы опять эта затѣя не затянула его на путь вчерашнихъ бѣдствій, но, рѣшивъ, что ничего худого пока не дѣлаетъ, онъ, успокоенный, подошелъ къ няниной постели, поднялъ лежавшую на полу коробочку съ сѣрными спичками, взялъ горсть ихъ къ себѣ въ карманъ, на цыпочкахъ прошелъ чрезъ дѣтскую и вышелъ въ столовую. Благодаря стеклянной двери на террасу, здѣсь было уже порядочно свѣтло.

Тема подошелъ къ отдѣльному столику, на которомъ лежала куча газетъ, осторожно выдернулъ изъ середины нѣсколько номеровъ, на цыпочкахъ подошелъ къ стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернулъ ключъ, нажалъ ручку и вышелъ на террасу.

Его обдало свѣжей сыростью разсвѣта, день только-что начинался.

Онъ спустился по ступенькамъ террасы въ садъ.

Тема пошелъ по главной аллеѣ, потому что въ каретникѣ надо было взять для петли возжи. Что касается до жердей, то онъ рѣшилъ выдернуть ихъ изъ бесѣдки.

Каретникъ оказался запертымъ, но Тема зналъ и безъ замка ходъ въ него: онъ пригнулся къ землѣ и подлѣзъ въ подрытую собаками подворотню. Очутившись въ сараѣ, онъ взялъ двое возжей и захватилъ на всякій случай длинную веревку, служившую для просушки бѣлья.

При взглядѣ на фонарь, онъ подумалъ, что будетъ удобнѣе

освѣтить колодезь фонаремъ, чѣмъ бумагой, потому что горящая бумага можетъ упасть на Жучку—обжечь ее. Выбравшись изъ сарая, Тема избралъ кратчайшій путь къ бесѣдкѣ—перелѣзъ прямо черезъ стѣну, отдѣлявшую черный дворъ отъ сада. Онъ взялъ въ зубы фонарь, намоталъ на шею возжи, подвязался веревкой и полѣзъ на стѣну. Онъ мастеръ былъ лазить, но сегодня трудно было взбираться: въ голову точно стучали два молотка, и онъ едва не упалъ.

Тема пустился рысью къ бесѣдкѣ, взобрался проворно на горку, выдернулъ нѣсколько самыхъ длинныхъ прутьевъ и большими шагами по откосу горы спустился внизъ. Съ этого мѣста онъ опять почувствовалъ слабость, и уже шагомъ пробирался глухой заросшей дорожкой, стараясь не смотрѣть на сѣрую кладбищенскую стѣну.

Тема шелъ, смотрѣлъ прямо передъ собой, и чѣмъ больше онъ старался смотрѣть прямо, тѣмъ ему дѣлалось страшнѣе.

Теперь онъ былъ увѣренъ, что мертвецы сидятъ на стѣнѣ и внимательно слѣдятъ за нимъ. Тема чувствовалъ, какъ мурашки пробѣгали у него по спинѣ, какъ что-то страшное лѣзло на плечи, какъ чья-то холодная рука, точно играя, потихоньку подымала сзади его волосы. Тема не выдержалъ и, издавши какой-то вопль, принялся было бѣжать, но звукъ собственного голоса успокоилъ его.

Видъ заброшеннаго, пустынно торчавшаго стараго колодца, среди глухой, поросшей только высокой травой, мѣстности, близость цѣли, Жучка—отвлекли его отъ мертвецовъ. Онъ снова оживился и, подбѣжавъ къ отверстію колодца, вполголоса позвалъ:

— Жучка, Жучка!

Тема замеръ въ ожиданіи отвѣта.

Сперва онъ ничего, кромѣ біенія своего сердца да ударовъ молотковъ въ головѣ, не слышалъ. Но вотъ откуда-то издалека, снизу донесся до него жалобный, протяжный стонъ. Отъ этого стона сердце Темы мучительно сжалось, и у него какимъ-то воплемъ вырвался новый громкій окликъ:

— Жучка, Жучка!

На этотъ разъ Жучка, узнавъ голосъ хозяина, радостно и жалобно завизжала.

Тему до слезъ тронуло, что Жучка его узнала.

— Милая Жучка! Милая, милая, я сейчасъ тебя вытащу,— кричалъ онъ ей, точно она понимала его.

Жучка отвѣтила новымъ радостнымъ визгомъ, и Темѣ казалось, что она просила его поторопиться исполненіемъ обѣщанія.

— Сейчасъ, Жучка, сейчасъ,—отвѣтилъ ей Тема и принялся, съ сознаниемъ всей отвѣтственности принятаго на себя обязательства передъ Жучкой, выполнять свой сонъ.

Прежде всего онъ рѣшилъ выяснитъ положеніе дѣла. Онъ почувствовалъ себя бодрымъ и напряженнымъ, какъ всегда. Болѣзнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить въ яму было дѣломъ одной минуты. Тема, наклонившись, сталъ вглядываться. Фонарь тускло освѣщаль потемнѣвшій срубъ колодца, теряясь все глубже и глубже въ охватившемъ его мракѣ, и, наконецъ, на трехсаженной глубинѣ освѣтилъ дно.

Тонкой, глубокой щелью какой-то далекой панорамы мягко сверкнула передъ Темой въ безконечной глубинѣ мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная гладь вонючей поверхности, тѣсно обросшая со всѣхъ сторонъ слизистыми стѣнками полусгнившаго сруба.

Какимъ-то ужасомъ смерти пахнуло на него со дна этой далекой, нѣжно свѣтившейся, страшной глади. Онъ точно почувствовалъ на себѣ ея прикосновеніе и содрогнулся за свою Жучку. Съ замираніемъ сердца замѣтилъ онъ въ углу черную шевелившуюся точку и едва узналъ, вѣрнѣе угадалъ, въ этой безпомощной фигуркѣ свою нѣкогда рѣзвую, веселую Жучку, державшуюся теперь на выступѣ сруба. Терять времени было нельзя. Отъ страха, хватить ли у Жучки силы дождаться, пока онъ все приготовить, у Темы удвоилась энергія. Онъ быстро вытащилъ назадъ фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять въ темнотѣ, что онъ ее бросилъ, Тема во все время приготовленія кричалъ:

— Жучка, Жучка, я здѣсь!

И радовался, что Жучка отвѣчаетъ ему постоянно тѣмъ же радостнымъ визгомъ. Наконецъ, все было готово. При помощи возжей, фонарь и два шеста съ перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться въ колодезь.

Но этотъ такъ обстоятельно обдуманнй планъ потерпѣлъ неожиданное и непредвидѣнное фіаско, благодаря стремительности Жучки, испортившей все.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившійся снарядъ имѣлъ цѣлью ея спасеніе, и поэтому, какъ только онъ достигъ ея, она сдѣлала попытку схватиться за него лапами. Этого прикосновенія было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потерявъ равновѣсіе, свалилась въ грязь.

Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею выступъ.

Мысль, что онъ ухудшилъ положеніе дѣла, что Жучку можно было еще спасти, и теперь онъ самъ виноватъ въ томъ, что она погибнетъ, что онъ самъ устроилъ гибель своей любимицѣ, заставляетъ Тему, не думая, благо планъ готовъ, рѣшиться на выполненіе второй части сна—самому спуститься въ колодезь.

Онъ привязываетъ возжу къ одной изъ стоекъ, поддерживающихъ перекладину, и лѣзетъ въ колодезь. Онъ сознаетъ только одно, что времени терять нельзя ни секунды.

Его обдаетъ вонью и смрадомъ. На мгновенье въ душу закрадывается страхъ, какъ бы не задохнуться, но онъ вспоминаетъ, что Жучка сидитъ тамъ уже цѣлыя сутки; это успокаиваетъ его, и онъ спускается дальше. Онъ осторожно щупаетъ спускающейся ногою новую для себя опору и, найдя ее, сначала пробуетъ, потомъ твердо упирается и спускаетъ слѣдующую ногу. Добравшись до того мѣста, гдѣ застряли брошенные жердь и фонарь, онъ укрѣпляетъ покрѣпче фонарь, отвязываетъ конецъ возжи и спускается дальше. Вонь все-таки даетъ себя чувствовать и снова беспокоитъ и пугаетъ его. Тема начинаетъ дышать ртомъ. Результатъ получается блестящій: вони нѣтъ, страхъ окончательно улетучивается. Снизу тоже благополучныя вѣсти. Жучка, опять уже усѣвшаяся на прежнее мѣсто, успокоилась и веселымъ попискиваніемъ выражаетъ сочувствіе безумному предпріятію.

Это спокойствіе и твердая уверенность Жучки передаются мальчику, и онъ благополучно достигаетъ дна.

Между нимъ и Жучкой происходитъ трогательное свиданіе друзей, не чаявшихъ уже больше свидѣться въ этомъ мірѣ. Онъ наклоняется, гладитъ ее, она лижетъ его пальцы, и — такъ какъ опытъ заставляетъ ее быть благоразумной — она не трогается съ мѣста, но зато такъ трогательно, такъ нѣжно визжитъ, что Тема готовъ заплакать.

Не теряя времени, онъ, осторожно держась зубами за изга-

женную возжу, обвязываетъ свободнымъ ея концомъ Жучку, затѣмъ поспѣшно карабкается наверхъ. Жучка, видя такую измѣну, подымаетъ отчаянный визгъ, но этотъ визгъ только побуждаетъ Тему быстрѣе подниматься.

Но подниматься труднѣе, чѣмъ спускаться! Нуженъ воздухъ, нужны силы, а того и другого у Темы уже мало. Онъ судорожно ловить въ себя всеми легкими воздухъ колодца, рвется впередъ и, чѣмъ больше торопится, тѣмъ скорѣе оставляютъ его силы. Тема поднимаетъ голову, смотритъ вверхъ въ далекое ясное небо, видитъ гдѣ-то высоко надъ собою маленькую веселую птичку, и сердце его сжимается тоской: онъ чувствуетъ, что не долѣзеть. Страхъ охватываетъ его. Онъ растерянно останавливается, не зная, что дѣлать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, безсилія, сознание гибели закрадываются въ его душу. Онъ ясно видитъ, хотя инстинктивно не хочетъ смотрѣть, хочетъ забыть, что подъ его ногами. Его уже тянетъ туда, внизъ, по этой гладкой скользящей стѣнѣ, туда, гдѣ отчаянно визжитъ Жучка, гдѣ блестящее вонючее дно ждетъ равнодушно свою обезсилѣвшую жертву.

Ему уже хочется поддаться страшному болѣзненному искушенію — бросить возжи, но сознание паденія на мгновеніе отвращаетъ его.

— Не надо бояться, не надо бояться! — говоритъ онъ дрожащимъ отъ ужаса голосомъ. — Стыдно бояться! Трусы только боятся! Кто дѣлаетъ дурное — боится, а я дурного не дѣлаю, я Жучку вытаскиваю, меня и мама, и папа за это похвалятъ. Папа на войнѣ былъ, тамъ страшно, а здѣсь развѣ страшно? Здѣсь ни капельки не страшно. Вотъ отдохну и полѣзу дальше, потомъ опять отдохну и опять полѣзу, такъ и вылѣзу, потомъ и Жучку вытащу. Жучка рада будетъ, все будутъ удивляться, какъ я ее вытащилъ.

Тема говорилъ громко, у него голосъ крѣпнеть, звучитъ энергичнѣе, тверже, и, наконецъ, успокоенный, онъ продолжаетъ взбираться дальше.

Когда онъ снова чувствуетъ, что начинаетъ уставать, онъ опять громко говоритъ себѣ:

— Теперь опять отдохну и потомъ опять полѣзу. А когда я вылѣзу и расскажу, какъ я смѣшно кричалъ самъ на себя, все будутъ смѣяться и я тоже.

Тема улыбается и снова спокойно ждет прилива силъ.

Такимъ образомъ незамѣтно голова его высовывается, наконецъ, надъ верхнимъ срубомъ колодца. Онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, вылѣзаетъ самъ и вытаскиваетъ Жучку.

Теперь, когда дѣло сдѣлано, силы быстро оставляютъ его. Почувствовавъ себя на твердой почвѣ, Жучка энергично встряхивается, бѣшено бросается на грудь Темы и лижетъ его въ самыя губы. Но этого мало, слишкомъ мало для того, чтобы выразить всю ея благодарность,—она кидается еще и еще. Она приходитъ въ какое-то безумное неистовство.

Тема бессильно, слабѣющими руками отмахивается отъ нея, поворачивается къ ней спиной, надѣясь этимъ маневромъ спасти хоть лицо отъ липкой вонючей грязи.

Занятый одной мыслью,—не испачкать объ Жучку лицо, Тема ничего не замѣчаетъ, но вдругъ его глаза случайно падаютъ на кладбищенскую стѣну, и Тема замираетъ на мѣстѣ.

Онъ видитъ, какъ изъ-за стѣны медленно поднимается чья-то черная, страшная голова.

Напряженные нервы Темы не выдерживаютъ, онъ испускаетъ неистовый крикъ и безъ сознанія валится на траву, къ великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, безъ препятствій выражаетъ ему свою горячую любовь и признательность за спасеніе.

Еремѣй (это былъ онъ), подымавшійся со свѣже-накошенной травой со стараго кладбища,—ежедневная дань съ покойниковъ въ пользу двухъ барскихъ коровъ,—увидѣвъ Тему, довольно быстро на этотъ разъ сообразилъ, что надо спѣшить къ нему на помощь.

Черезъ часъ Тема, лежа на своей кроваткѣ, съ ледяными компрессами на головѣ, пришелъ въ себя.

Возбужденный—то же, что взволнованный.

Кошмаръ (франц. сл.)—удуше, чувствуемое во снѣ.

Отмель—мель, идущая отъ берега.

Закипать—1) закипѣть (о водѣ, о самоварѣ); 2) о морѣ, волнѣ и проч.—забурлить, запынниться. Море вздуется бурливо, закипитъ, подыметъ вой („Ск. о царѣ Салт.“, см. стр. 72); 3) приходитъ въ состояніе сильнаго возбужденія. И весь закипѣлъ отъ ярости (Гоголь); 4) о работѣ, о какой-либо дѣятельности—пойти живо, энергично. Живо дѣло закипѣло и поспѣло въ полчаса („Кто онъ?“ Майк.); 5) оживиться. Площади, улицы все закипѣли народомъ (Жук.).

Удушливый—не дающій дышать, спирающій дыханье. Удушливый зной; удушливый кашель.

Иродъ—жестокій человекъ. Откуда взято это выраженіе?

Сердечный—см. стр. 283.

Свалъ, свалка—мѣсто, куда сваливаютъ разный соръ. См. также стр. 72.

Тѣсниться—толпиться, толкаться, пробираться въ тѣснотѣ. Въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердце грусть... (Лерм.).—Мысли роємъ тѣснятся въ головѣ то же, что мысли роются. Что значитъ: **потѣсниться**, **стѣсниться** и **стѣняться**?

Проектъ (франц. сл.)—планъ, задуманное дѣло.

Брезжить—слабо свѣтиться, мерцать. Заря чуть-чуть брезжила.—Брезжить въ полѣ огонекъ. Употребл. также безлично: чуть брезжилось когда насъ разбудили (С. Аксак.).

Истома—вялость, слабость.

Затѣя, употребл. часто во множ. ч.—1) выдумка. Смотрите-ка на удальца, затѣямъ у него, такъ право, нѣтъ конца (Крыл. „Обезьяны“); 2) намѣреніе, предположеніе. Что значитъ: все это барскія затѣи? Отъ того же корня: **затѣйливый**—устроенный съ затѣями, съ выдумками, съ прикрасами. Затѣйливая постройка. **Затѣйникъ**, **затѣйница**. Бѣлка тамъ живетъ ручная, да, затѣйница какая! („Ск. о царѣ Салт.“).

Терраса—мѣстность, идущая уступами; 2) широкое, просторное крыльцо.

Кипа—куча, связка. Кипа бумагъ.

Обдать, обдавать чѣмъ—окачивать, обливать внезапно. Меня обдало жаромъ, холодомъ и т. п.

Каретникъ—1) каретный мастеръ и 2) сарай, гдѣ стоятъ кареты.

Подворотня—см. стр. 152.

Откосъ—косогоръ, крутизна, склонъ горы.

Обязательство—принятая на себя обязанность, долгъ; данное слово, которое надо исполнить.

Напряженный—человекъ въ состояніи напряженія, большого старанія, усилій.

Панорама—большія картины, преимущественно виды природы, показываемыя въ особыхъ приспособленныхъ для того помѣщеніяхъ такъ, что получается полное впечатлѣніе дѣйствительности; 2) вообще всякій красивый видъ природы.

Гладь—гладкое мѣсто, ровное пространство. Бирюзовая гладь водъ.—Что значитъ поговорка: *тишь, да гладь, да Божья благодать*.—Особый родъ шитья. Шить гладью.

Энергія—стойкость, выдержка, рвеніе.

Обстоятельно—подробно, точно.

Фіаско—полная неудача въ какомъ-ниб. дѣлѣ.

Застрять—завязнуть, задерживаться гдѣ или въ чемъ-нибудь. Старостиха въ подворотнѣ застряла, благимъ матомъ кричить („Бѣж. дугъ“).—Уфхаль да и застрялъ въ дорогѣ.

Чаять—см. стр. 34.

Растерянно—не зная, недоумѣвая, какъ быть.

Инстинктивно—безотчетно, бессознательно.

Поддаться—уступить, покориться, соглашаться. *Хоть разорваться, да не поддаться*.—Что значитъ: это не поддается описанію?

Искушеніе—испытаніе, соблазнъ, прельщеніе.

Отрезвлять, отрезвить—1) приводитъ изъ пьянаго въ трезвое состояніе; 2) заставить (и не пьянаго) придти въ себя, опомниться.

Неистовство—неистовые поступки или дѣйствія, т. е. бѣшеные, неразумные дикіе, изступленные.

Маневръ (франц. сл.)—движеніе, обороть, способъ.

Дань—см. стр. 103.

Возвращение съ ярмарки.

Разскажете, что здѣсь нарисовано.

Съ картини И. Прянишниковой.

170. Вечеръ.

Стихотвореніе И. Аксакова.

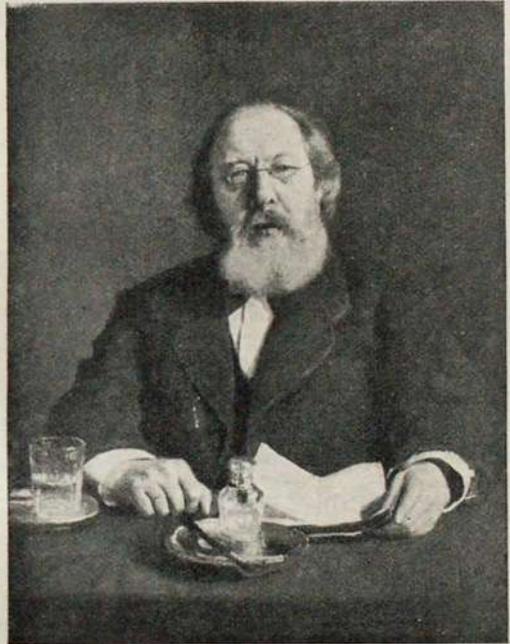
Жаръ свалиль. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ
заботъ:

По дворамъ давно загнали стадо,
и косцы вернулись съ работъ.

Потемнѣть заря уже готова,
Тихо все. Часъ ночи недалекъ.
Подымался и улегся снова
на закатъ легкой вѣтерокъ.

Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка
собачій
слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ
горячій,
пала сильно на землю роса.

По краямъ темнѣющаго свода
тѣни всѣ широкія слились;
встрѣтить ночь готовится природа,
запахи отовсюду понеслись.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.
(1823—1886).

Свалить, сваливать—сбросить, опрокинуть. Буря свалила дерево.—Переносно имѣеть нѣсколько значеній: Свалить свою вину на другого.—*Сваливать съ больной головы на здоровую.*—Жара къ вечеру свалила.

Улегаться, улечься—см. стр. 181.

Слегаться, слеживаться—отъ долгаго лежанья сбиться въ комья; при теплотѣ и сырости загнить, напр. сѣно слежалось, знать не сухо было. А здѣсь „слеглась“ употреблено вмѣсто—?

171. Касьянъ съ Красивой Мечи.

Изъ разсказа И. Тургенева.

По самой серединѣ ярко освѣщеннаго двора, на самомъ, какъ говорится, припекѣ, лежалъ, лицомъ къ землѣ и пакрывши голову армякомъ, какъ мнѣ показалось, мальчикъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, возлѣ плохой телѣжки, стояла, подъ соломеннымъ навѣсомъ, худая лошаденка въ оборванной сбруѣ. Солнеч-

ный свѣтъ, падая струями сквозь узкія отверстія обветшалаго намета, пестрилъ небольшими свѣтлыми пятнами ея косматую красно-гнѣдую шерсть. Тутъ же, въ высокой скворешницѣ, болтали скворцы, съ спокойнымъ любопытствомъ поглядывая внизъ изъ своего воздушнаго домика. Я подошелъ къ спящему, началъ его будить...

Онъ поднялъ голову, увидалъ меня и тотчасъ вскочилъ на ноги... „Что, что надо? что такое?“ забормоталъ онъ съ просонья.

Я не тотчасъ ему отвѣтилъ: до того поразила меня его наружность. Вообразите себѣ карлика лѣтъ пятидесяти съ маленькимъ, смуглымъ и сморщеннымъ лицомъ, острымъ носикомъ, карими, едва замѣтными глазками и курчавыми, густыми, черными волосами, которые, какъ шляпка на грибѣ, широко сидѣли на крошечной его головкѣ. Все тѣло его было чрезвычайно тщедушно и худо, и рѣшительно нельзя передать словами, до чего былъ необыкновененъ и страненъ его взглядъ.

— Что надо?—спросилъ онъ меня опять.

Я объяснилъ ему, въ чемъ было дѣло; онъ слушалъ меня, не спуская съ меня своихъ медленно моргавшихъ глазъ.

— Такъ нельзя ли намъ новую ось достать?—сказалъ я наконецъ:— я бы съ удовольствіемъ заплатилъ.

— А вы кто такіе? охотники, что ли?—спросилъ онъ, окинувъ меня взоромъ съ ногъ до головы.

— Охотники.

— Пташекъ небесныхъ стрѣляете, небось?.. звѣрей лѣсныхъ?.. И не грѣхъ вамъ Божьихъ пташекъ убивать, кровь проливать неповинную?

Станный старичокъ говорилъ очень протяжно. Звукъ его голоса также изумилъ меня. Въ немъ не только не слышалось ничего дряхлаго,—онъ былъ удивительно сладокъ, молодъ и почти женски нѣженъ.

— Оси у меня нѣтъ,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія:—эта вотъ не годится (онъ указалъ на свою телѣжку),—у васъ, чай, телѣга большая.

— А въ деревнѣ найти можно?

— Какая тутъ деревня!.. Здѣсь ни у кого нѣтъ... Да и дома нѣтъ никого: все на работѣ. Ступайте,—промолвилъ онъ вдругъ и легъ опять на землю.

Я никакъ не ожидалъ этого заключенія.

— Послушай, старикъ,—заговорилъ я, коснувшись до его плеча:—сдѣлай одолженіе, помоги.

— Ступайте съ Богомъ! Я усталъ: въ городъ ѣздилъ,—сказалъ онъ мнѣ и потащилъ себѣ армякъ на голову.

— Да сдѣлай же одолженіе,—продолжалъ я:—я... я заплачу.

— Не надо мнѣ твоей платы.

— Да пожалуйста, старикъ...

Онъ приподнялся до половины и сѣлъ, скрестивъ свои тонкія ножки.

— Я бы тебя свелъ, пожалуй, на сѣчки *). Тутъ у насъ купцы рощу купили,—Богъ имъ судья, сводятъ рощу-то, и контору выстроили, Богъ имъ судья. Тамъ бы ты у нихъ ось и заказалъ, или готовую купилъ.

— И прекрасно!—радостно воскликнулъ я.—Прекрасно!.. пойдемъ.

— Дубовую ось, хорошую,—продолжалъ онъ, не поднимаясь съ мѣста.

— А далеко до тѣхъ сѣчекъ?

— Три версты.

II.

Мнѣ самому захотѣлось сѣздить съ Касьяномъ на сѣчки: тамъ часто водятся тетерева. Когда ужъ телѣжка была совсѣмъ готова, и я кое-какъ вмѣстѣ съ своей собакой уже умѣстился на ея покоробленномъ лубочномъ днѣ, и Касьянъ, сжавшись въ комочекъ и съ прежнимъ унылымъ выраженіемъ на лицѣ, тоже сидѣлъ на передней грядкѣ,—Ерофей **) подошелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ прошепталъ:

— И хорошо сдѣлали, батюшка, что съ нимъ поѣхали. Вѣдь онъ такой, вѣдь онъ юродивецъ, и прозвище-то ему: Блоха. Я не знаю, какъ вы понять-то его могли...

Я хотѣлъ было замѣтить Ерофею, что до сихъ поръ Касьянъ мнѣ казался весьма разсудительнымъ человѣкомъ, но кучеръ мой тотчасъ продолжалъ тѣмъ же голосомъ:

— Вы только смотрите, того, туда ли онъ васъ привезетъ. Да ось-то сами извольте выбрать: поздоровѣе ось извольте взять... А что, Блоха,—прибавилъ онъ громко:—что у васъ хлѣбушкомъ можно разжиться?

*) Срубленное мѣсто въ лѣсу.

**) Кучеръ разсказчика.

— Поищи; можетъ найдется,—отвѣчалъ Касьянъ, дернулъ возжами, и мы покатили.

Лошадка его, къ истинному моему удивленію, бѣжала очень недурно. Въ теченіе всей дороги Касьянъ сохранялъ упорное молчаніе и на мои вопросы отвѣчалъ отрывисто и нехотя. Мы скоро доѣхали до сеѣчекъ, а тамъ добрались и до конторы, высокой избы, одиноко стоявшей надъ небольшимъ оврагомъ, на скорую руку перехваченнымъ плотиною и превращеннымъ въ прудъ. Я нашелъ въ этой конторѣ двухъ молодыхъ купеческихъ приказчиковъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ зубами, сладкими глазами, сладкой и бойкой рѣчью и сладкоплутоватою улыбочкой, сторговалъ у нихъ ось и отправился на сеѣчки. Я думалъ, что Касьянъ останется при лошади, будетъ дожидаться меня, но онъ вдругъ подошелъ ко мнѣ.

— А что, пташекъ стрѣлять идешь? — заговорилъ онъ:—а?

— Да, если найду.

— Я пойду съ тобой... Можно?

— Можно, можно.

И мы пошли.—Вырубленнаго мѣста было всего съ версту. Я признаюсь, больше глядѣлъ на Касьяна, чѣмъ на свою собаку. Недаромъ его прозвали Блохой. Его черная, ничѣмъ не прикрытая головка (впрочемъ, его волосы могли замѣнить любую шапку) такъ и мелькала въ кустахъ. Онъ ходилъ необыкновенно проворно и словно все подпрыгивалъ на ходу, безпрестанно нагибался, срывалъ какія то травки, совалъ ихъ за пазуху, бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и все поглядывалъ на меня и на мою собаку, да такимъ пытливымъ, страннымъ взглядомъ. Въ низкихъ кустахъ, „въ мелочахъ“, и на сеѣчкахъ часто держатся маленькія сѣрыя птички, которыя то и дѣло перемѣщаются съ деревца на деревцо и по-свистываютъ, внезапно ныряя на лету. Касьянъ ихъ передразнивалъ, перекликался съ ними; поршокъ *) полетѣлъ, чиликая, у него изъ-подъ ногъ,—онъ зачиликалъ ему велѣдъ; жаворонокъ сталъ спускаться надъ нимъ, трепеща крылами и звонко распѣвая,—Касьянъ подхватилъ его пѣсенку. Со мной онъ все не заговаривалъ...

Погода была прекрасная, еще прекраснѣе, чѣмъ прежде; но жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака, изжелта-бѣлыя, какъ весенній запоздалый снѣгъ, плоскія и продолговатыя, какъ опустившіеся паруса. Ихъ

*) Молодой перепелъ.

узорчатые края, пушистые и легкіе, какъ хлопчатая бумага, медленно, но видимо измѣнялись съ каждымъ мгновениемъ: онѣ таяли, эти облака, и отъ нихъ не падало тѣни. Мы долго бродили съ Касьяномъ по сѣчкамъ.

Не наткнувшись ни на одинъ выводокъ, дошли мы, наконецъ, до новыхъ сѣчекъ. Тамъ недавно срубленные осины печально тянулись по землѣ, придавивъ собою и траву, и мелкій кустарникъ; на иныхъ листья, еще зеленые, но уже мертвые, вяло свѣшивались съ неподвижныхъ вѣтокъ; на другихъ они уже засохли и покоробились. Отъ свѣжихъ золотисто-бѣлыхъ щепокъ, грудями лежавшихъ около ярко-влажныхъ пней, вѣяло особеннымъ, чрезвычайно пріятнымъ, горькимъ запахомъ. Вдали, ближе къ рощѣ, глухо стучали топоры, и по временамъ, торжественно и тихо, словно кланаясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...

Долго не находилъ я никакой дичи; наконецъ, изъ широкаго дубоваго куста, насквозь проросшаго польню, полетѣлъ коростель. Я ударилъ; онъ перевернулся на воздухъ и упалъ. Услышавъ выстрѣлъ, Касьянъ быстро закрылъ глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядилъ ружья и не поднялъ коростеля. Когда же я отправился далѣе, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ упала убитая птица, нагнулся къ травѣ, на которую брызнуло нѣсколько капель крови, покачалъ головой, пугливо взглянулъ на меня... Я слышалъ послѣ, какъ онъ шепталъ: „Грѣхъ!.. Ахъ, вотъ это грѣхъ!“

Жара заставила насъ, наконецъ, войти въ рощу. Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ на толстый конецъ срубленной березы. Я глядѣлъ на него. Листья слабо колебались въ вышинѣ, и ихъ жидко-зеленоватыя тѣни тихо скользили назадъ и впередъ по его тщедушному тѣлу, кое-какъ закутанному въ темный армякъ,—по его маленькому лицу. Онъ не поднималъ головы. Наскучивъ его безмолвіемъ, я легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ!

— Баринъ, а баринъ!—промолвилъ вдругъ Касьянъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ приподнялся; до сихъ поръ онъ едва отвѣчалъ на мои вопросы, а то вдругъ самъ заговорилъ.

— Что тебѣ?—спросилъ я.

— Ну, для чего ты пташку убилъ?—началь онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

— Какъ для чего?.. Коростель—это дичь: его ѣсть можно.

— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

— Да, вѣдь, ты самъ небось, гусей или куриць, напримѣръ, ѣшь?

— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель—птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой—и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла... А человѣку пища положена другая: пища ему другая и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его лились свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важностію, изрѣдка закрывая глаза.

Наметъ—все, что наметано, набросано: насыпь, снѣжный сугробъ, шатерь, раскидная палатка.

Обветшалый—пришедшій въ ветхость. То по кровль обветшалои вдругъ соломой зашумитъ (Пушк. „Зимн. веч.“).

Тщедушный—см. стр. 251.

Неповинный—невинный, невиновный.

Сеѣчки—срубленное мѣсто въ лѣсу.

Сводитъ лѣсъ—вырубать. См. также стр. 141.

Коробиться—гнутья, корчиться, перекашиваться. Доски коробятся.

Грядка—1) уменьшит. отъ гряда—полоса земли въ огородѣ; 2) въ телѣвъ жерди, образующія боковые края кузова.

Таинственный—составляющій тайну, неизвѣстный. Ахъ, почто за мечъ воинственный я мой посохъ отдала, и тобою, дубъ таинственный, очарована была? („Орл. Дѣва Жук.“).

Юродивый—безумный, дурачокъ, малоумный.

Разжиться, разживаться—1) наживать имущество, богатѣть. На этомъ дѣлѣ не разживешься; 2) добыть, достать. Кабы ружьецомъ разжиться сталъ бы пострѣливать.

Пытливый—любопытный, желающій знать и понимать все. Пытливый умъ.

Подхватить, подхватывать—поймать на лету, на бѣгу. Въ пѣннѣ присоединяться къ запѣвалѣ. Я затяну, а вы, не зѣвай, подхватывайте!—Вотъ я, какъ захоу да налечу, такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу (Крыл.).

Наскучить кому чѣмъ—наводитъ скуку, наеѣдять. Какъ собственно слѣдовало бы сказать? Не „наскучивъ“, а—?

Благодать—1) Дары Духа Святого; 2) свыше ниспосланная помощь; 3) обиліе, избытокъ. Неужто колоса не взять тебѣ въ запасъ, когда такая благодать въ поляхъ у насъ? (Михайл.)

Одушевление—оживленіе, увлеченіе.

172. Нива.

Стихотвореніе Ю. Жадовской.

Нива моя, нива,
нива золотая!
зрѣешь ты на солнцѣ,
колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
словно въ синемъ морѣ,
волны такъ и ходятъ,
ходятъ на просторѣ.
Надъ тобою съ пѣсней
жаворонокъ вьется;

надъ тобой и туча
грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
колосъ наливая,
о людскихъ заботахъ
ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
тучу градовую!
сбереги намъ, Боже,
ниву трудовую!

Зрѣть—вызрѣвать, поспѣвать, наливаться. Хлѣбъ въ полѣ зрѣеть.—У меня въ головѣ созрѣла мысль.

Наливать, налить—наполнять, о хлѣбѣ и плодахъ (чаще наливаться) начинать, спѣть. Рожь, яблоко наливаются. Что значитъ наливное яблоко?

Градовой—отъ сл. градъ. Туча градовая—не съ дождемъ или снѣгомъ, а съ градомъ.

Трудовой—добытый трудами. Трудовая денежка всегда крѣпка.—Все, что есть, все трудовое мое, т.е. нажитое трудомъ.

173. Слѣпой и его подруга.

В. Короленко.

Однажды слѣпой мальчикъ Петрикъ былъ одинъ на холмикѣ надъ рѣчкой. Солнце садилось, въ воздухѣ стояла тишина, только мычаніе возвращавшагося въ деревню стада долетало сюда. Мальчикъ только-что пересталъ играть и откинулся на траву, отдаваясь полудремотной истомѣ лѣтняго вечера. Онъ забылся на минуту, когда вдругъ чьи-то легкіе шаги вывели его изъ дремоты. Онъ съ неудовольствіемъ приподнялся на локоть и прислушался. Шаги остановились у подножія холмика. Походка была ему незнакома.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко.
(род. 1853).

— Мальчикъ!—услышалъ онъ вдругъ возгласъ дѣтскаго голоса.—Не знаешь ли, кто это тутъ сейчасъ игралъ?

Слѣпой не любилъ, когда нарушали его одиночество. Поэтому онъ отвѣтилъ на вопросъ не особенно любезнымъ тономъ:

— Это я...

— Какъ хорошо!—сказала дѣвочка.

Слѣпой промолчалъ.

— Что же вы не уходите?—спросилъ онъ затѣмъ, слыша, что непрощенная собесѣдница продолжаетъ стоять на мѣстѣ.

— Зачѣмъ же ты меня гонишь?—спросила дѣвочка своимъ чистымъ и простодушно-удивленнымъ голосомъ.

Звуки этого спокойнаго дѣтскаго голоса пріятно дѣйствовали на слухъ слѣпого; тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ въ прежнемъ тонѣ:

— Я не люблю, когда ко мнѣ приходятъ...

Дѣвочка засмѣялась.

— Вотъ еще!... Смотрите-ка! Развѣ вся земля твоя и ты можешь кому-нибудь запретить ходить по землѣ?

— Мама приказала всемъ, чтобы сюда ко мнѣ не ходили.

— Мама?—переспросила задумчиво дѣвочка.—А моя мама позволила мнѣ ходить надъ рѣкой.

Мальчикъ, нѣсколько избалованный всеобщей уступчивостью, не привыкъ къ такимъ настойчивымъ возраженіямъ. Вспышка гнѣва прошла по его лицу; онъ приподнялся и заговорилъ быстро и возбужденно:

— Уйдите, уйдите, уйдите!..

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, но въ это время отъ усадьбы послышался голосъ слуги, звавшаго мальчика къ чаю. Онъ быстро сбѣжалъ съ холмика.

— Ахъ, какой гадкій мальчикъ!—услышалъ онъ за собой искренно негодующее замѣчаніе.

На слѣдующій день, сидя на томъ же мѣстѣ, мальчикъ вспомнилъ о вчерашнемъ столкновеніи. Въ этомъ воспоминаніи теперь не было досады. Напротивъ, ему даже захотѣлось, чтобы опять пришла эта дѣвочка съ такимъ пріятнымъ, спокойнымъ голосомъ, какого онъ никогда еще не слыхалъ. Знакомыя ему дѣти такъ громко кричали, смѣялись, дрались и плакали, но ни одинъ изъ нихъ не говорилъ такъ пріятно. Ему стало жаль, что онъ обидѣлъ незнакомку, которая, вѣроятно, никогда болѣе не вернется.

Дѣйствительно, дня три дѣвочка совсѣмъ не приходила. Но на четвертый день Петрусь услышалъ ея шаги внизу, на берегу рѣки. Она шла тихо.

— Послушайте!—окликнулъ онъ, когда она съ нимъ поравнялась.—Это опять вы?

Дѣвочка не отвѣтила. Камешки попережнему шуршали подъ ея ногами. Въ дѣланной беззаботности ея голоса, напѣвавшего пѣсню, мальчику слышалась еще незабытая обида.

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ, незнакомка остановилась. Двѣ-три секунды прошло въ молчаніи. Она перебирала въ это время букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который держала въ рукахъ, а онъ ждалъ отвѣта. Въ этой остановкѣ и послѣдовавшемъ за нею молчаніи онъ уловилъ оттѣнокъ умышленнаго пренебреженія.

— Развѣ вы не видите, что это я?—спросила она, наконецъ, съ большимъ достоинствомъ, покончивъ съ цвѣтами.

Этотъ простой вопросъ больно отозвался въ сердцѣ слѣпого. Онъ ничего не отвѣтилъ, и только его руки, которыми онъ упирался въ землю, какъ-то судорожно схватились за траву. Но разговоръ уже начался, и дѣвочка, все стоя на томъ же мѣстѣ и занимаясь своимъ букетомъ, опять спросила:

— Кто тебя выучилъ такъ хорошо играть на дудкѣ?..

— Юхимъ выучилъ,—отвѣтилъ Петрусь.

— Очень хорошо! Только... отчего ты такой сердитый?

— Я... не сержусь на васъ,—сказалъ мальчикъ тихо.

— Ну, такъ и я не сержусь... Давай играть вмѣстѣ...

— Я не умѣю играть съ вами,—отвѣтилъ онъ, потупившись.

— Не умѣешь играть?.. Почему?

— Такъ.

— Нѣтъ, почему же?

— Такъ,—отвѣтилъ онъ чуть слышно и еще болѣе потупился.

Ему не приходилось еще никогда говорить съ кѣмъ-нибудь о своей слѣпотѣ, и простодушный тонъ дѣвочки, предлагавшей съ наивной настойчивостью этотъ вопросъ, отозвался въ немъ опять тупой болью.

Незнакомка поднялась на холмикъ.

— Какой ты смѣшной!—заговорила она, усаживаясь рядомъ съ нимъ на травѣ.—Это ты, вѣрно, оттого, что еще со мной не знакомъ. Вотъ, узнаешь меня, тогда перестанешь бояться. А я не боюсь никого.

Она говорила это съ безпечною ясностью, и мальчикъ услышалъ, какъ она бросила къ себѣ въ передникъ груды цвѣтовъ

— Гдѣ вы взяли цвѣты?—спросилъ онъ.

— Тамъ,—мотнула она головой, указывая назадъ.

— На лугу?

— Нѣтъ, тамъ.

— Значить въ рощѣ. А какіе это цвѣты?

— Развѣ ты не знаешь цвѣтовъ?... Ахъ, какой ты странный... право, ты очень странный...

Мальчикъ взялъ въ руки цвѣтокъ: Его пальцы быстро и легко тронули листья и вѣнчикъ.

— Это лютикъ,—сказалъ онъ,—а вотъ это фіалка.

Потомъ онъ захотѣлъ тѣмъ же способомъ ознакомиться и со своей собесѣдницей: взявъ лѣвою рукой дѣвочку за плечо, онъ правой сталъ ощупывать ея волосы, потомъ вѣки и быстро пробѣжалъ пальцами по лицу, кое-гдѣ останавливаясь и внимательно изучая незнакомыя черты.

Все это было сдѣлано такъ неожиданно и быстро, что дѣвочка, пораженная удивленіемъ, не могла сказать ни слова; она только глядѣла на него широко открытыми глазами, въ которыхъ отражалось чувство, близкое ужасу. Только теперь она замѣтила, что въ лицѣ ея новаго знакомаго есть что-то необычайное. Глаза мальчика глядѣли куда-то безъ всякаго отношенія къ тому, что онъ дѣлалъ, и въ нихъ странно переливался отблескъ закатывавшагося солнца. Все это показалось дѣвочкѣ на одну минуту просто тяжелымъ кошмаромъ. Вывободивъ свое плечо изъ руки мальчика, она вдругъ вскочила на ноги и заплакала.

— Зачѣмъ ты пугаешь меня, гадкій мальчикъ?—заговорила она гнѣвно, сквозь слезы.—Что я тебѣ сдѣлала?..—зачѣмъ?..

Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, озадаченный, съ низко опущенною головой, и чувство досады и униженія наполнило жгучею болью его сердце. Въ первый разъ еще пришлось ему испытать униженіе калѣки; въ первый разъ узналъ онъ, что его тѣлесный недостатокъ можетъ внушать не одно сожалѣніе, но и испугъ. Чувство жгучей боли и обиды подступило къ горлу мальчика; онъ упалъ на траву и заплакалъ. Плачь этотъ становился все сильнѣе, судорожныя рыданія потрясали все его маленькое тѣло.

Дѣвочка, которая сбѣжала уже съ холмика, услышала эти глухія рыданія и съ удивленіемъ повернулась. Видя, что ея новый знакомый

лежить лицомъ къ землѣ и горько плачетъ, она почувствовала участіе, тихо взошла на холмикъ и остановилась надъ плачущимъ.

— Послушай,—заговорила она тихо,—о чемъ ты плачешь? Ты, вѣрно, думаешь, что я пожалуюсь? Ну, не плачь, я никому не скажу.

Слово участія и ласковый тонъ вызвали въ мальчикѣ еще большую нервную вспышку плача.

Тогда дѣвочка присѣла около него на корточки и стала успокаивать его понемногу, глядя рукой его волосы. Потомъ она приподняла его голову и стала вытирать платкомъ его заплаканные глаза, точно мать, которая успокаиваетъ огорченного ребенка.

— Ну, ну!—говорила она.—Я давно не сержусь. Я вижу, ты жалѣешь, что напугалъ меня...

— Я не хотѣлъ напугать тебя,—отвѣтилъ онъ, глубоко вздыхая, чтобы подавить нервные приступы.

— Хорошо, хорошо! Я не сержусь... Ты вѣдь больше не будешь,—говорила она, приподнимая его съ земли и стараясь его усадить рядомъ съ собою.

Онъ повиновался. Теперь мальчикъ сидѣлъ, какъ прежде, лицомъ къ сторонѣ заката, и когда дѣвочка опять взглянула на это лицо, освѣщенное красноватыми лучами солнца, оно опять показалось ей страннымъ. Въ глазахъ мальчика еще стояли слезы, но глаза эти были попрежнему неподвижны; черты лица то и дѣло передергивались отъ нервныхъ спазмовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ виднѣлось недѣтское глубокое и тяжелое горе.

— А все таки ты очень странный...—сказала она съ задумчивымъ участіемъ.

— Я не странный,—отвѣтилъ мальчикъ съ жалобной гримасой.—Нѣтъ, я не странный... Я... я... слѣпой!

— Слепо-ой?—протянула она нараспѣвъ, и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчикомъ, нанесло неизгладимый ударъ въ ея маленькое сердце.—Слепо-ой?—повторила она еще болѣе дрогнувшимъ голосомъ, и, какъ будто ища защиты отъ охватившаго всю ее неодолимаго чувства жалости, она вдругъ обвила шею мальчика руками, прислонилась къ нему лицомъ и въ свою очередь горько и неутѣшно заплакала.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Дѣвочка перестала плакать и только по временамъ еще всхлипывала перемогаясь. Полными слезъ глазами она смотрѣла, какъ солнце, будто вращаясь въ раскаленной атмосферѣ заката, погружалось за темную

черту горизонта. Мелькнулъ еще разъ золотой обрѣзъ огненнаго шара, потомъ брызнули двѣ-три горячія искры, и темныя очертанія дальняго лѣса всплыли вдругъ непрерывною синеватою чертой.

Съ рѣвки потянуло прохладой, и тихій миръ наступающаго вечера отразился на лицѣ слѣпого; онъ сидѣлъ съ опущенной головой и, видимо, удивленный этимъ выраженіемъ горячаго сочувствія.

— Мнѣ... жалко...—все еще всхлипывая, вымолвила, наконецъ, дѣвочка въ объясненіе своей слабости.

Потомъ, нѣсколько овладѣвъ собою, она сдѣлала попытку перевести разговоръ на посторонній предметъ, къ которому они оба могли отнестись равнодушно.

— Солнышко сѣло,—произнесла она задумчиво.

— Я не знаю, какое оно,—былъ печальный отвѣтъ.— Я его только... чувствую...

— Не знаешь солнышка?

— Да.

— А... а свою маму?.. тоже не знаешь?

— Мать знаю. Я всегда издалека узнаю ея походку.

— Да, да, это правда! И я съ закрытыми глазами узнаю свою мать.

Разговоръ принялъ болѣе спокойный характеръ.

— Знаете,—заговорилъ слѣпой съ нѣкоторымъ оживленіемъ,— я вѣдь чувствую солнце и знаю, когда оно закатилось.

— Почему ты знаешь?

— Потому что... видишь ли... Я самъ не знаю почему...

— А-а!—протянула дѣвочка, повидимому, совершенно удовлетворенная этимъ отвѣтомъ, и они оба помолчали.

— Я могу читать,—первый заговорилъ опять Петрусь,—и скоро выучусь писать перомъ.

— А какъ же ты?..—начала было дѣвочка и вдругъ застѣнчиво смолкла, не желая продолжать щекотливаго вопроса. Но онъ ее понялъ.

— Я читаю въ своей книжкѣ,—пояснилъ онъ,—пальцами.

— Пальцами? Я бы никогда не выучилась читать пальцами... Я и глазами плохо читаю.

— А я могу даже читать по-французски.

— По французски!.. И пальцами... Какой ты умный!—сказала она.—Однако, я боюсь, какъ бы ты не простудился. Вонъ, надъ рѣвкой какой туманъ.

— А ты сама?

— Я не боюсь. Что мнѣ сдѣлается?

— Ну, и я не боюсь. Развѣ можетъ быть, чтобы мужчина простудился скорѣе женщины? Дядя Максимъ говоритъ, что мужчина не долженъ ничего бояться: ни холода, ни голода, ни грома, ни тучи.

— Максимъ?.. Это который на костыляхъ?.. Я его видѣла. Онъ страшный.

— Нѣтъ, онъ нисколько не страшный. Онъ добрый.

— Нѣтъ, страшный!—убѣжденно повторила она.—Ты не знаешь, потому что не видалъ его.

— Какъ же я его не знаю. Онъ меня всему учитъ.

— Бьетъ?

— Никогда не бьетъ и не кричитъ на меня... никогда...

— Это хорошо. Развѣ можно бить слѣпого мальчика? Это было бы грѣшно.

— Да вѣдь онъ и никого не бьетъ,—сказалъ Петрусь, прислушиваясь нѣсколько разсѣянно, такъ какъ его чуткое ухо слышало шаги слуги Юхима.

Дѣйствительно, рослая фигура хохла зарисовалась черезъ минуту на холмистомъ гребнѣ, отдѣлявшемъ усадьбу отъ берега, и его голосъ раскатился далеко въ тишинѣ вечера.

— Па-ны-чу-у-у!

— Тебя зовутъ,—сказала дѣвочка поднимаясь.

— Да. Но мнѣ не хотѣлось бы итти.

— Иди, иди! Я къ тебѣ завтра приду. Теперь тебя ждутъ и меня тоже.

Дѣвочка точно исполнила свое обѣщаніе и даже раньше, чѣмъ Петрусь могъ на это рассчитывать. На слѣдующій же день, сидя въ своей комнатѣ за обычнымъ урокомъ съ дядей Максимомъ, онъ вдругъ поднялъ голову, прислушался и сказалъ съ оживленіемъ:

— Отпусти меня на минуту. Тамъ пришла дѣвочка.

— Какая еще дѣвочка?—удивился Максимъ и пошелъ вслѣдъ за мальчикомъ къ выходной двери.

Дѣйствительно, вчерашняя знакомка Петруся въ эту самую минуту вошла въ ворота усадьбы и, увидя проходившую по двору Анну Михайловну, мать мальчика, свободно направилась прямо къ ней.

— Что тебѣ, милая дѣвочка, нужно?—спросила Анна Михайловна, думая, что ее прислали по дѣлу.

Маленькая женщина солидно протянула ей руку и спросила:

— Это у васъ есть слѣпой мальчикъ?.. Да?..

— У меня, милая, да, у меня!--отвѣчала Анна Михайловна, любуясь ея ясными глазами и свободой ея обращенія.

— Вотъ видите ли... Моя мама отпустила меня къ нему. Могу я его видѣть?

Въ эту минуту Петрусь самъ подбѣжалъ къ ней, а на крыльцѣ показалась фигура Максима.

— Это вчерашняя дѣвочка, мама! Я тебѣ говорилъ,—сказалъ мальчикъ, здороваясь.—Только у меня теперь урокъ.

— Ну, на этотъ разъ дядя Максимъ отпустить тебя,—сказала Анна Михайловна:—я у него попрошу.

Съ этого дня между дѣтьми завязались ближайшія отношенія. Дѣвочка, которую звали Эвелиной, приходила ежедневно въ усадьбу, а чрезъ нѣкоторое время она тоже поступила ученицей къ Максиму. Совмѣстное обученіе оказалось очень полезнымъ для обоихъ.

Вообще эта дружба была настоящимъ даромъ благосклонной судьбы. Теперь мальчикъ не искалъ уже полного уединенія; онъ нашель то общеніе, котораго не могла ему дать любовь взрослыхъ.

Отдаваться, отдаться—имѣеть разныя значенія: Въ этомъ домѣ отдаются комнаты.—Онъ весь отдался этому дѣлу.—Онъ отдался въ руки непріятели.

Истома—см. стр. 273 и 319.

Тонъ (франц. сл.)—1) звукъ; 2) качество звука: у этой скрипки хорошій тонъ; 3) способъ обращенія съ людьми. Онъ говоритъ тономъ начальника. Что значить: понасть въ тонъ, задавать тонъ?

Собесѣдникъ—тотъ, съ кѣмъ ведутъ бесѣду, разговариваютъ.

Уступчивость—готовность уступить, сдѣлать въ угоду другому.

Столкновеніе между кѣмъ—несогласіе, ссора, непріятность.

Подавить, подавлять что—давить, глушить. Подавить печаль.—Подавить возстаніе.—Подавить въ себѣ злое чувство.

Спазмы (франц. сл.)—судороги, сведеніе мышцъ.

Очертаніе—изображеніе, набросокъ, края предмета по наружному обводу. Очертанія горъ.

Перемогаться—дѣлать надъ собой усилія, не поддаваться. Онъ давно уже боленъ, но все перемогался, пока не свалился.

Перевести—см. стр. 26.

Щекотливый—см. стр. 105.

Допросъ—разспрашиваніе. Допросъ обвиняемаго и свидѣтелей. Что это значъ?

Солидный—см. стр. 355.

Благосклонный—благорасположенный, милостивый, благопріятный

Общеніе—см. стр. 343.

174. За грибами.

Стихотвор. К. Бальмонта.

Вотъ мы дружную семью —
за грибами, въ лѣсъ:
я да онъ, да ты со мной.
Старый лѣсъ воскресъ.
Былъ онъ тихій—темный боръ,
пасмурно глядѣлъ,
а какъ нашъ раздался хоръ,
весь онъ загудѣлъ.
Закрутился теноръ твой, —
загремѣлъ мой басъ,
нашъ товарищъ фистулой
подбодряетъ насъ.
Бѣлка слушала въ соснѣ,
и съ размаху—прыгъ.

Пасмурный—см. стр. 71.

Гудѣть—см. стр. 91.

Фистула (въ пѣніи)—фальсетъ, головной голосъ.

Подбодрить—придать духу, бойкости; см. также стр. 25.

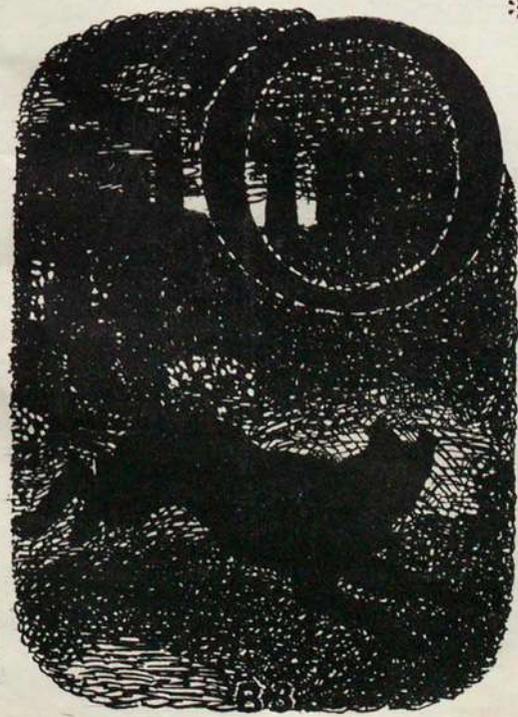
Размахъ—разгонъ, разлетъ, сила движенія, удара. Во весь размахъ, со
всего размаху—со всего плеча, со всей силой.

Вразсыпную—разойдясъ, разбѣжавшись, разсыпавшись въ разные стороны.

Уговоръ—условіе, сдѣлка по обоюдному согласію. *Уговоръ дорожке денегъ.*

Тамъ сорока въ вышинѣ
подняла свой крикъ.
Можжевельникъ зашуршалъ.
Вонъ, тамъ чей-то глазъ:
это лѣшій побѣжалъ,
испугавшись насъ.
Ну, товарищи, впередъ,
вразсыпную вдругъ.
Тотъ, кто первый—грибъ найдетъ,
онъ мой лучшій другъ.
Только, братцы, примѣчай,
вотъ вамъ уговоръ:
чтобы этотъ грибъ, пускай,
былъ не мухоморъ.

175. Кусака.

Разсказъ Л. Андреева.

на никому не принадлежала; у
нея не было собственнаго имени,
и никто не могъ бы сказать,
гдѣ находилась она во всю
долгую морозную зиму и чѣмъ
кормилась. Отъ теплыхъ избъ
ее отгоняли дворовыя собаки,
такія же голодныя, какъ и она,
но гордыя и сильныя своею
принадлежностью къ дому;
когда, гонимая голодомъ или
инстинктивную потребностью въ
общеніи, она показывалась на

улицѣ,—ребята бросали въ нее камнями и палками, взрослые весело улюлюкали и страшно, пронзительно свистали. Не помня себя отъ страху, переметываясь со стороны на сторону, натываясь на загорожи и людей, она мчалась на край поселка и пряталась въ глубинѣ большого сада, въ одномъ ей извѣстномъ мѣстѣ. Тамъ она зализывала ушибы и раны и въ одиночествѣ копила страхъ и злобу.

Только одинъ разъ ее пожалѣли и приласкали. Это былъ пропойца мужикъ, возвращавшійся изъ кабака. Онъ всѣхъ любилъ и всѣхъ жалѣлъ и что-то говорилъ себѣ подъ носъ о добрыхъ людяхъ и своихъ надеждахъ на добрыхъ людей; пожалѣлъ онъ и собаку грязную и некрасивую, на которую упалъ его пьяный и безцѣльный взглядъ.

— Жучка!—позвалъ онъ ее именемъ, общимъ всѣмъ собакамъ.—Жучка! поди сюда, не бойся!

Жучкѣ хотѣлось подойти; она виляла хвостомъ, но не рѣшалась. Мужикъ похлопалъ себя рукой по колѣнкѣ и убѣдительно повторилъ:

— Да поиди, дура! Ей-Богу, не трону!

Но пока собака колебалась, все яростиѣе размахивая хвостомъ и маленькими шажками подвигаясь впередъ, настроеніе пьянаго человѣка измѣнилось. Онъ вспомнилъ всѣ обиды, нанесенныя ему добрыми людьми, почувствовалъ скуку и тупую злобу и, когда Жучка легла передъ нимъ на спину, съ размаху ткнулъ ее въ бокъ носкомъ тяжелаго сапога.

— У-у, мразь! тоже лѣзеть!

Собака завизжала, больше отъ неожиданности и обиды, чѣмъ отъ боли, а мужикъ, шатаясь, побрелъ домой.

Съ тѣхъ поръ собака не довѣряла людямъ, которые хотѣли ее приласкать, и, поджавъ хвостъ, убѣгала, а иногда со злобою набрасывалась на нихъ и пыталась укусить, пока камнями и палкой не удавалось отогнать ее. На одну зиму она поселилась подъ террасой пустой дачи, у которой не было сторожа, и безкорыстно сторожила ее: выбѣгала по ночамъ на дорогу и лаяла до хрипоты. Уже улегшись на свое мѣсто, она все еще злобно ворчала, но сквозь злобу проглядывало нѣкоторое довольство собой и даже гордость.

Зимняя ночь тянулась долго-долго, и темныя окна пустой дачи угрюмо глядѣли на обледенѣвшій неподвижный садъ. Иногда въ нихъ какъ будто вспыхивалъ голубоватый огонекъ: то отра-

жалась на стеклѣ упавшая звѣзда, или остророгій мѣсяць посылалъ свой робкій лучъ.

Наступила весна, и тихая дача огласилась громкимъ говоромъ, скрипомъ колесъ и грузнымъ топотомъ людей, переносящихъ тяжести. Приѣхали изъ города дачники, цѣлая веселая ватага взрослыхъ, подростковъ и дѣтей, опьяненныхъ воздухомъ, тепломъ и свѣтомъ: кто-то кричалъ, кто-то пѣлъ, смѣялся высокимъ женскимъ голосомъ.

Первой, съ кѣмъ познакомилась собака, была хорошенькая дѣвушка въ коричневомъ форменномъ платьѣ, выбѣжавшая въ садъ. Жадно и нетерпѣливо, желая охватить и сжать въ своихъ объятіяхъ все видимое, она посмотрѣла на ясное небо, на красноватые сучья вишенъ и быстро легла на траву, лицомъ къ горячему солнцу. Потомъ такъ же внезапно вскочила и, обнявъ себя руками, цѣлуя свѣжими устами весенній воздухъ, выразительно и серьезно сказала:

— Вотъ весело-то!

Сказала и быстро закружилась. И въ ту же минуту беззвучно подкрававшаяся собака яростно вцѣпилась зубами въ раздувавшійся подолъ платья, рванула и такъ же беззвучно скрылась въ густыхъ кустахъ крыжовника и смородины.

— Ай, злая собака!—убѣгая, крикнула дѣвушка, и долго еще слышался ея взволнованный голосъ:—Мама, дѣти! не ходите въ садъ: тамъ собака! Огромная!.. Злю-ущая!..

Ночью собака подкралась къ заснувшей дачѣ и безшумно улеглась на свое мѣсто подъ террасой. Пахло людьми, и въ открытыя окна приносились тихіе звуки кроткаго дыханія. Люди спали, были безпомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила ихъ: спала однимъ глазомъ и при каждомъ шорохѣ вытягивала голову съ двумя неподвижными огоньками фосфорически свѣтящихся глазъ. А тревожныхъ звуковъ было такъ много въ чуткой весенней ночи: въ травѣ шуршало что-то невидимое, маленькое и подбиралось къ самому лоснящемуся носу собаки; хрустѣла прошлогодняя вѣтка подъ заснувшей птицей, и на близкомъ шоссе грохотала телѣга, и скрипѣли нагруженные возы. И далеко окрестъ въ неподвижномъ воздухѣ разстилался запахъ душистаго, свѣжаго дегтя и манилъ въ свѣтлѣющую даль.

Приѣхавшіе дачники были очень добрыми людьми, а то, что они были далеко отъ города, дышали хорошимъ воздухомъ, ви-

дѣли вокругъ себя все зеленымъ, голубымъ и беззлобнымъ, дѣлало ихъ еще добрѣе. Теплою входило въ нихъ солнце и выходило смѣхомъ и расположеніемъ ко всему живущему. Сперва они хотѣли прогнать напугавшую ихъ собаку и даже застрѣлить ее изъ револьвера, если не уберется; но потомъ привыкли къ ея лаю по ночамъ и иногда по утрамъ вспоминали:

— А гдѣ же наша Кусака?

И это новое имя „Кусака“ такъ и осталось за ней. Случалось, что днемъ замѣчали въ кустахъ темное тѣло, безслѣдно пропадавшее при первомъ движеніи руки, бросавшей хлѣбъ,—словно это былъ не хлѣбъ, а камень,—и скоро все привыкли къ Кусака, называли ее „своей“ собакой и шутили по поводу ея дикости и безпричиннаго страха. Съ каждымъ днемъ Кусака на одинъ шагъ уменьшала пространство, отдѣлявшее ее отъ людей; приемотрѣлась къ ихъ лицамъ и усвоила ихъ привычки: за полчаса до обѣда уже стояла за кустами и ласково помаргивала. И та же гимназисточка Леля, забывшая обиду окончательно ввела ее въ счастливый кругъ отдыхающихъ и веселящихся людей.

— Кусачка, поди ко мнѣ,—звала она къ себѣ.—Ну, хорошая, ну, милая, поиди! Сахару хочешь?.. Сахару тебѣ дамъ, хочешь? Ну, поиди же!

Но Кусачка не шла: боялась. И осторожно, похлопывая себя руками и говоря такъ ласково, какъ это можно было при красивомъ голосѣ и красивомъ лицѣ, Леля подвигалась къ собакѣ и сама боялась: вдругъ укусить.

— Я тебя люблю, Кусачка, я тебя очень люблю. У тебя такой хорошенькій носикъ и такіе выразительные глазки. Ты не вѣришь мнѣ, Кусачка?

И Кусачка второй разъ въ своей жизни перевернулась на спину и закрыла глаза, не зная вѣрно, ударятъ ее или приласкаютъ. Но ее приласкали. Маленькая, теплая рука прикоснулась нерѣшительно къ шершавой головѣ и свободно и смѣло забѣгала по всему шерстистому тѣлу, тормоша, лаская и щекоча.

— Мама, дѣти! глядите: я ласкаю Кусачку,—закричала Леля.

Когда прибѣжали дѣти, шумныя, звонкоголосыя, быстрыя и свѣтлыя какъ капельки разбѣжавшейся ртути. Кусака замерла отъ страха и беспомощнаго ожиданія: она знала, что, если теперь кто-нибудь ударитъ ее, она уже не въ силахъ будетъ впиться въ тѣло обидчика своими острыми зубами: у нея отняли ея не-

примиримую злобу. И когда всё наперерывъ стали ласкать ее, она долго еще вздрагивала при каждомъ прикосновеніи ласкающей руки, и ей больно было отъ непривычной ласки, словно отъ удара.

Всей своею собачьею душой расцвѣла Кусака. У нея было имя, на которое она стремглавъ неслась изъ зеленой глубины сада; она принадлежала людямъ и могла имъ служить. Развѣ не достаточно этого для счастья собаки?

Съ привычкою умѣренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ѣла очень мало, но и это малое измѣнило ее до неузнаваемости; длинная шерсть, прежде висѣвшая рыжими, сухими космами и на брюхѣ вѣчно покрытая засохшею грязью, очистилась, почернѣла и стала лосниться, какъ атласъ. И когда она отъ нечего дѣлать выбѣгала къ воротамъ, становилась у порога и важно осматривала улицу вверхъ и внизъ, никому уже не приходило въ голову дразнить ее или бросить камнемъ.

Но такую гордою и независимою она бывала только наединѣ. Страхъ не совсѣмъ еще выпарился огнемъ ласкъ изъ ея сердца, и всякій разъ при видѣ людей, при ихъ приближеніи она терялась и ждала побоевъ. И долго еще всякая ласка казалась ей неожиданностью, чудомъ, котораго она не могла понять и на которое она не могла отвѣтить. Она не умѣла ласкаться. Другія собаки умѣютъ становиться на заднія лапки, тереться у ногъ и даже улыбаться и тѣмъ выражаютъ свои чувства, но она не умѣла.

Единственное, что могла Кусака, это упасть на спину, закрыть глаза и слегка завизжать. Но этого было мало, это не могло выразить ея восторга, благодарности и любви, — и съ внезапнымъ наитіемъ Кусака начала дѣлать то, что, быть можетъ, когда-нибудь она видѣла у другихъ собакъ, но уже давно забыла. Она нелѣпо кувыркалась, неуклюже прыгала и вертѣлась вокругъ самой себя, и ея тѣло, бывшее всегда такимъ гибкимъ и ловкимъ, становилось неповоротливымъ, смѣшнымъ и жалкимъ.

— Мама, дѣти! смотрите, Кусака играетъ! — кричала Леля и, задыхаясь отъ смѣха, просила: — Еще, Кусачка, еще! Вотъ такъ! Вотъ такъ.

И всё собирались и хохотали, а Кусака вертѣлась, кувыркалась и падала, и никто не видѣлъ въ ея глазахъ странной мольбы. И какъ прежде на собаку кричали и улюлюкали, чтобы ви-

дѣтъ ея отчаянный страхъ, такъ теперь нарочно ласкали ее, чтобы вызвать въ ней приливъ любви, безконечно смѣшной въ сво-

ихъ неуклюжихъ и нелѣпыхъ проявленіяхъ. Не проходило часа, чтобы кто-нибудь изъ подростковъ или дѣтей не кричалъ:

— Кусачка, милая Кусачка, поиграй!

И Кусачка вертѣлась, кувыркалась и падала при несмолкаемомъ веселомъ хохотѣ. Ее хвалили при ней и за глаза, и жалѣли только объ одномъ, что при постороннихъ людяхъ, приходившихъ въ гости, она не хочетъ показать своихъ штукъ и убѣгаетъ въ садъ или прячется подъ террасой.

Постепенно Кусака привыкла къ тому, что о пищѣ не нужно заботиться, такъ какъ въ опредѣленный часъ кухарка даетъ ей помоевъ и костей, увѣренно и спокойно ложилась на свое мѣсто подъ террасой и уже искала и просила ласкъ. И отяжелѣла она: рѣдко бѣгала съ дачи, и когда маленькія дѣти звали ее съ собою въ лѣсъ, уклончиво виляла хвостомъ и незамѣтно исчезала. Но по ночамъ все такъ же громокъ и бдителенъ былъ ея сторожевой лай.

Желтыми огнями загорѣлась осень, частыми дождями заплакало небо, и быстро стали пустѣть дачи и умолкать, какъ будто непрерывный дождь и вѣтеръ гасили ихъ, точно свѣчи, одну за другой.

— Какъ же намъ быть съ Кусакой?—въ раздумьи спрашивала Леля. Она сидѣла, охвативъ руками колѣна, и печально глядѣла въ окно, по которому скатывались блестящія капли начавшагося дождя.

— Что у тебя за поза, Леля! ну, кто такъ сидитъ?—сказала мать и добавила:—А Кусаку придется оставить. Богъ съ ней!

— Ж-а-алко,—протянула Леля.

— Ну, что подѣлаешь? Двора у насъ нѣтъ, а въ комнатахъ ее держать нельзя, ты сама понимаешь.

— Жа-а-алко,—повторила Леля, готовая заплакать. Уже поднялись, какъ крылья ласточки, ея темныя брови, и жалко сморщился хорошенькій носикъ, когда мать сказала:

— Догаевы давно уже предлагали мнѣ щеночка. Говорять, очень породистый и уже служить. Ты слышишь меня? А эта что—дворняжка!

— Ж-а-алко,—повторила Леля, но не заплакала.

Снова пришли незнакомые люди, и закрипѣли возы и застонали подъ тяжелыми шагами половицы, но меньше было говора,

и совсѣмъ не слышно было смѣха. Напуганная чужими людьми, смутно предчувствуя бѣду, Кусака убѣжала на край сада и оттуда, сквозь порѣдѣвшіе кусты, неотступно глядѣла на видимый ей уголокъ террасы и на сновавшія по немъ фигуры въ красныхъ рубахахъ.

— Ты здѣсь, моя бѣдная Кусачка,—сказала вышедшая Леля. Она уже была одѣта по-дорожному—въ то коричневое платье, кусочекъ отъ котораго оторвала Кусака, и черную кофточку.— Пойдемъ со мной!

И они вышли на шоссе. Дождь то принимался итти, то утихалъ, и все пространство между почернѣвшею землей и небомъ было полно клубящимися, быстро идущими облаками. Снизу было видно, какъ тяжелы они и непроницаемы для свѣта отъ насытившей ихъ воды, и какъ скучно солнцу за этою плотною стѣной.

Надѣво отъ шоссе тянулось потемнѣвшее жнивье, и только на бугристомъ и близкомъ горизонтѣ одинокими купами поднимались

невысокіе разрозненные деревья и кусты. Впереди, недалеко, была застава и возлѣ нея тракторъ съ желѣзной красной крышей.

Прорвался солнечный лучъ, желтый и анемичный, какъ будто солнце было неизлѣчимо больнымъ; шире и печальнѣе стала туманная осенняя даль.

— Скучно, Кусачка! — тихо проронила Леля и, не оглядываясь, пошла назадъ. И только на вокзалѣ она вспомнила, что не простилась съ Кусакой.

Кусака долго металась по слѣдамъ уѣхавшихъ людей, добѣжала до станціи и — промокшая, грязная—вернулась на дачу. Тамъ

она продѣлала еще одну новую штуку, которой никто, однако, не видалъ: первый разъ взшла на террасу и, приподнявшись на заднія лапы, заглянула въ стеклянную дверь и даже поскребла когтями. Но въ комнатахъ было пусто, и никто не отвѣтилъ Кусакѣ.

Поднялся частый дождь, и отовсюду сталъ надвигаться мракъ осенней длинной ночи. Быстро и глухо онъ заполнилъ пустую дачу; безшумно выползалъ онъ изъ кустовъ и вмѣстѣ съ дождемъ лился съ непривѣтнаго неба. На террасѣ, съ которой была снята парусина, отчего она казалась обширной и странно пустой, свѣтъ долго еще боролся съ тьмою и печально озарялъ слѣды грязныхъ ногъ, но скоро уступилъ и онъ.

Наступила ночь.

И когда уже не было сомнѣній, что она наступила, собака жалобно и громко завывала. Звенящей, острой, какъ отчаяніе, нотой ворвался этотъ вой въ монотонный, угрюмо покорный шумъ дождя, прорѣзалъ тьму и, замирая, понесся надъ темнымъ и обнаженнымъ полемъ.

Собака выла—ровно, настойчиво и безнадежно спокойно. И тому, кто слышалъ этотъ вой, казалось, что это стонетъ и рвется къ свѣту сама безпросвѣтно-темная ночь, и хотѣлось въ тепло, къ яркому огню, къ любящему женскому сердцу.

Собака выла.

Инстинктивный—см. стр. 317.

Общеніе—взаимное обращеніе съ кѣмъ-либо; сообщество, соединеніе людей между собой. См. стр. 332.

Улюлюкать—травить звѣря, кричать улюлю.

Переметываться—перекидываться, перебрасываться.

Загорожа—изгородь, плетень, заборъ. Чаше употребл. **загородка**.

Поселокъ—поселеніе, небольшая деревенька.

Копить—накаплять, собирать.

Пропойца—кто все пропиваетъ, пьяница.

Безцѣльный—не имѣющій цѣли, не достигающій цѣли.

Мразь—мерзость, гадость, презрѣнное существо.

Безкорыстный—чуждый корысти, заботы о своей выгодѣ. **Безкорыстный** человѣкъ. **Безкорыстно**—не имѣя въ виду вознагражденія. А что значитъ **безкорыстный** трудъ?

Ватага—толпа, сборище людей.

Опьяненный—отъ сл. опьянѣть: стать пьянымъ; одурѣть отъ радости.

Ревниво—усердно, старательно.

Фосфорическій—издающій свѣтъ, отъ сл. фосфоръ—горючее, самовозгорающееся вещество.

Тревожный—1) безпокойный. Тревожное время; 2) вызывающій тревогу безпокойство. Тревожный сигналъ.

Чуткій—1) съ хорошимъ, острымъ чувствомъ слуха. Чуткій слухъ, чуткая собака. 2) Чуткій сонъ—легкій. 3) Чуткій человѣкъ—впечатлительный, чувствительный

Лосниться—блестѣть, быть покрытымъ лоскомъ.

Грохотать—производить громкій звукъ съ трескомъ, съ раскатами. Грохочеть эхо по горамъ.—Ужъ на равнинѣ, по холмамъ, грохочутъ пушки („Полтава“).—Ср. стих. „Весенняя гроза“: Когда весенній первый громъ.. грохочеть въ небѣ голубомъ.

Окрестъ чего—вокругъ, около, со всѣхъ сторонъ, по сосѣдству. Какія знаете слова того же корня?

Манить—см. стр. 18.

Беззлбный—не имѣющій, не питающій злобы, не сердитый.

Расположеніе—1) размѣщеніе. Расположеніе комнатъ; 2) располож. чловѣка къ чему или кому-ниб., склонность, сочувствіе, дружба, любовь.

Присмотрѣться къ чему—приглядѣться, внимательно разсматривая. Я долго къ нему присматривался, желая ближе узнать его.—Мы такъ присмотрѣлись къ этому явленію, что и не обращаемъ на него вниманія.

Усвоить—перенять, пріобрѣтать. Усвоить себѣ дурную привычку.

Выразительный—см. стр. 138.

Шершавый—негладкій, неровный, шероховатый, косматый. Шершавыя руки.

Шерстистый—на комъ много шерсти или густая, длинная шерсть.

Тормошить—теребить, трясти, дергать; не давать покою, докучать.

Впиться, впиваться—впускать во что-либо зубы; волкъ впился въ барана.
Переносно: **впиваться глазами**—смотрѣть пристально.

Непримиримый—вѣчно враждебный, несклонный къ миру.

Расцвѣсти, расцвѣтать—о растеніи: цвѣсти, распускаться цвѣтомъ; о чловѣкѣ или животномъ: получить здоровый, румяный видъ.

Умѣренность—способность соблюдать мѣру.

Космы—см. стр. 303.

Независимый—ни отъ кого независящій, свободный, ни чѣмъ не связанный, самостоятельный.

Выпарить—выводить что-ниб. пареніемъ, напр. пятна или влагу. А здѣсь что значить?

Наитіе—внушеніе, наущеніе, вдохновеніе.

Нелѣпный—вздорный, некрасивый.

Неуклюжій—неловкій, топорный, нестройный, нескладный.

Отяжелѣть—стать тяжелымъ, грузнымъ, неповоротливымъ.

Уклончиво—не давая точнаго отвѣта, уклоняясь отъ него.

Бдительный (отъ сл. **бдѣть**—не спать, бодрствовать)—стерегущій, неусыпный заботливый.

Половица—половая доска. Что значить: онъ по одной половицѣ не пройдетъ.

Смутно—неясно, тревожно.

Неотетупно—не переставая.

Сновать—двигаться (бѣгать, ходить или летать) взадъ и впередъ, туда и сюда.

Клубиться—см. стр. 303.

Непроницаемый—куда нельзя проникнуть.

Насытить—накормить досыта, напитать, наполнить.

Шоссе (франц. сл.)—дорога, убитая щебнемъ.

Бугристый—покрытый буграми, небольшими возвышеніями, холмиками.

Купа—куча, группа. Деревья стоятъ купами.

Разрозненный—отъ сл. **разрознить**—разъединить то, что должно быть вмѣстѣ.

Застава—загражденіе при въѣздѣ въ городъ для осмотра проѣзжихъ или визианія разныхъ сборовъ; теперь этимъ словомъ часто называются окраинные пункты напр. въ С.-Петербургѣ: Московская, Нарвская заставы, въ Москвѣ: Бутырская застава.

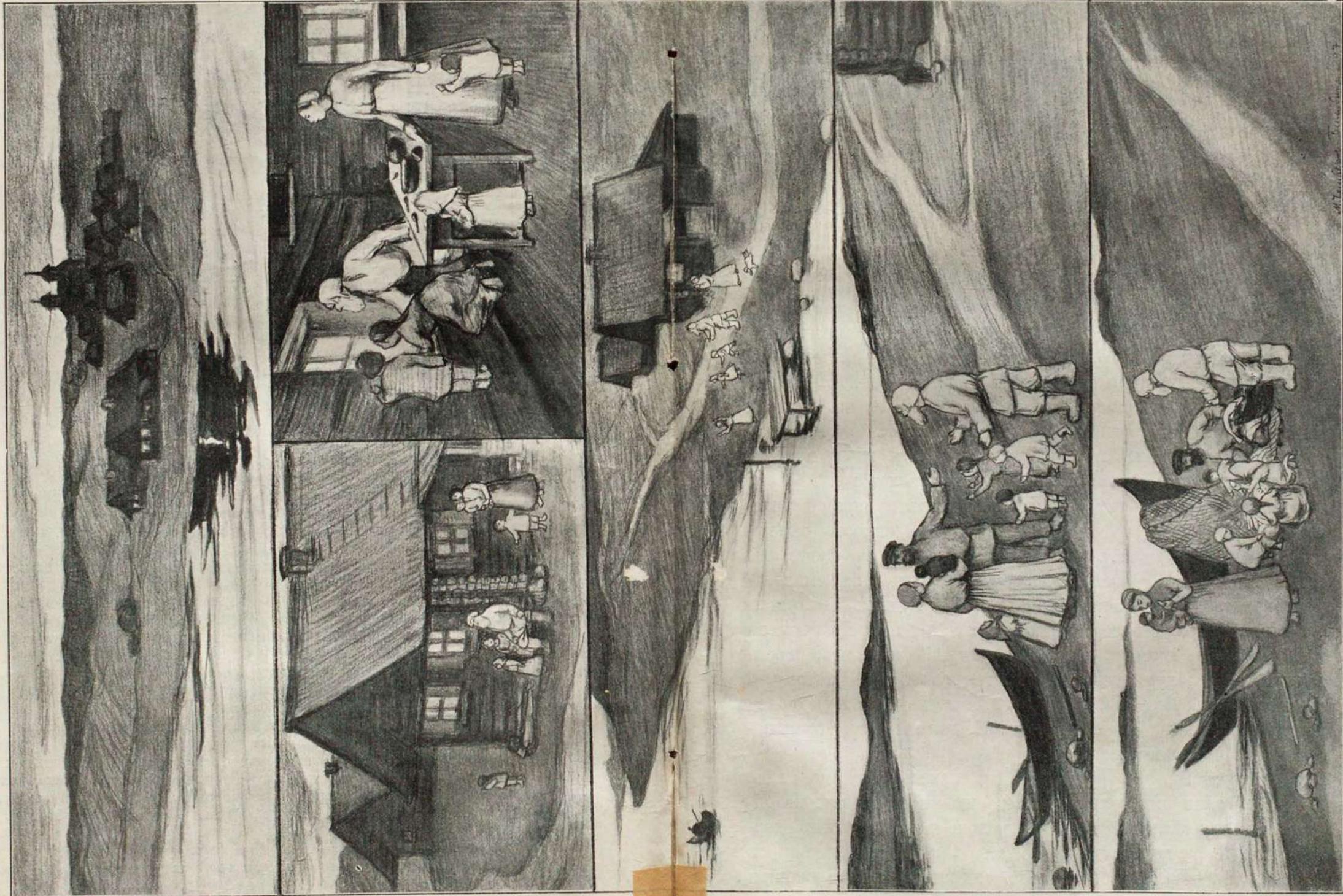
Анемичный—малокровный, лишенный жизненныхъ красокъ.

Проронить—потерять, упустить наземь. Словечка лишняго не проронить—осторожень.

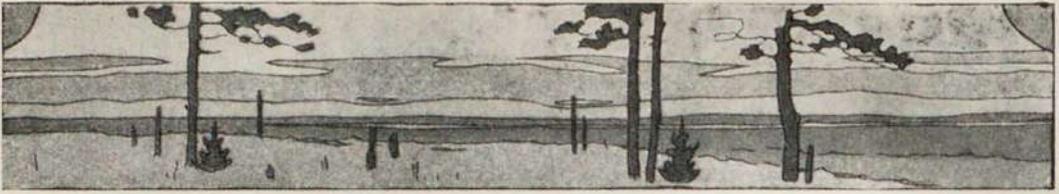
Непривѣтный, непривѣтливый—неласковый, нерадушный.

Монотонный—однообразный.

Возвращение рыбака.

Составьте рассказъ по этимъ рисункамъ.

176. Дѣтство Ильи.

М. Горькаго.

Помнилъ Илья, какъ онъ пріѣхалъ въ городъ. Проснулся онъ однажды рано утромъ и увидалъ передъ собою рѣку, широкую, мутную, а за нею, на высокой горѣ, кучу домовъ съ красными и зелеными крышами и высокія, густыя деревья между домами. Дома поднимались по горѣ густою, красивой толпой все выше, а на самомъ гребнѣ горы они вытянулись въ ровную линію и гордо смотрѣли оттуда черезъ рѣку. Золотые кресты и главы церквей поднимались надъ ихъ крышами, уходя глубоко въ небо. Только-что вошло солнце; косые его лучи отражались въ окнахъ домовъ, и весь городъ горѣлъ яркими красками, сіялъ золотомъ.

— Вотъ такъ а-яй!—тихо воскликнулъ мальчикъ, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и надолго замеръ въ молчаливомъ восхищеніи передъ нею. Потомъ въ душѣ его родилась беспокойная мысль, гдѣ будетъ жить онъ, маленькій, черноволосый и вихрастый мальчикъ въ худыхъ пестрядиныхъ штанишкахъ, и его горбатый, неуклюжій дядя? Пустятъ ли ихъ туда, въ этотъ чистый, богатый, блестящій золотомъ, огромный городъ? Ему подумалось, что ихъ телѣга именно потому и стоитъ здѣсь, на берегу рѣки, что въ городъ не пускаютъ людей бѣдныхъ, оборванныхъ и некрасивыхъ. И, должно быть, дядя пошелъ просить, чтобы пустили.

Илья съ тревогой въ сердцѣ сталъ искать глазами дядю. И впереди, и сзади ихъ телѣги стояло еще много возовъ; на однихъ торчали деревянныя стойки съ молокомъ, на другихъ корзины съ птицей, огурцы, лукъ, лукошки съ ягодами, мѣшки съ картофелемъ. На возахъ и около нихъ сидѣли и стояли мужики и бабы, и это были совсѣмъ особенные люди. Говорили они громко, отчетливо, а одѣты были не въ синюю пестрядину, а все въ пест-

рые ситцы и ярко-красный кумачъ. Сидя на телѣгѣ, онъ осматривалъ ярко освѣщенную солнцемъ живую картину и мечталъ о времени, когда и онъ тоже надѣнетъ сапоги и кумачную рубаху. Вдали, среди мужиковъ, появился дядя Терентій. Онъ шелъ, крѣпко упираясь ногами въ глубокой песокъ, высоко поднявъ голову; лицо у него было веселое, и еще издали онъ улыбался Ильѣ, протянувъ къ нему руку и что-то показывая.

Жить имъ пришлось на краю города, около базарной площади, въ огромномъ сѣромъ домѣ. Со всѣхъ сторонъ къ его стѣнамъ прилипли разныя пристройки, однѣ поновѣе, другія такія же сѣрогрязныя и старыя, какъ самъ онъ. Окна и двери въ этомъ домѣ были кривыя, и все въ немъ скрипѣло.

Первое время, прожитое въ этомъ домѣ, всюду Илья лазилъ и все осматривалъ въ немъ. Домъ понравился ему и поразилъ его своей удивительной емкостью. Онъ былъ до того тѣсно набитъ людьми, что Ильѣ казалось—людей въ этомъ домѣ больше, чѣмъ во всей деревнѣ Китежной. И шумно въ немъ, какъ на базарѣ. Въ обоихъ этажахъ помѣщался трактиръ, всегда полный народа. Въ подвалѣ жилъ сапожникъ Перфишка съ больной, безногою женой и дочкой лѣтъ семи, тряпичникъ дѣдушка Еремѣй, нищая старуха, крикливая, и извозчикъ Макаръ Степанычъ, человѣкъ пожилой, смирный и молчаливый.

Въ каждой щели дома сидѣлъ человѣкъ, и съ утра до поздней ночи домъ сотрясался отъ крика и шума, точно въ немъ, какъ въ старомъ ржавомъ котлѣ, что-то кипѣло и варилось; вечерами всѣ люди выползали изъ своихъ щелей на дворъ и на лавочку къ воротамъ дома.

Вскорѣ Ильѣ стало казаться, что въ деревнѣ гораздо лучше жить, чѣмъ въ городѣ. Въ деревнѣ можно гулять, гдѣ хочешь, а здѣсь дядя запретилъ уходить со двора; въ деревнѣ можно поѣсть огурцовъ, гороху и всякой всячины, а здѣсь огородовъ нѣтъ, и все нужно купить за деньги. Тамъ и просторнѣе, и тише, тамъ всѣ люди дѣлаютъ одно и то же дѣло,—здѣсь всѣ бранятся, толкаются, каждый дѣлаетъ, что хочетъ, и всѣ—бѣдные, всѣ живутъ чужимъ хлѣбомъ, впроголодь. Илья болтался по двору изо дня въ день, и ему становилось скучно жить около этого сѣраго, тяжелаго дома съ тусклыми окнами.

Однажды за обѣдомъ дядя Терентій сказалъ племяннику, тяжело вздыхая:

— Осень идетъ, Илюха... Н-да! Подвернетъ она намъ съ тобой гайки-то!.. тугонько подвернетъ!.. О, Господи!..

Онъ задумался и долго молчалъ, уныло глядя въ чашку со шами. Задумался и мальчикъ. Обѣдали они на томъ же столѣ, на которомъ горбунъ мылъ посуду. Въ трактирѣ гудѣлъ страшный шумъ.

— Петруха, вонъ, говоритъ, чтобы тебя вмѣстѣ съ его Яшуткой въ училище отдать. Эхе-хе! Надо, я понимаю... Безъ грамоты здѣсь, какъ безъ глазъ!.. пропадешь! Да вѣдь одѣтъ, обутъ надо тебя для училища!.. А отъ пяти рублей въ мѣсяцъ на одежду не разгонишься!.. О, Господи! на Тебя надежда!..

Отъ вздоховъ дяди и отъ грустнаго его лица у Ильи защемило сердце, и онъ тихо предложилъ:

— Давай, уйдемъ отсюда!..

— Ку-уда-а?—протяжно и уныло спросилъ горбунъ.—Куда мы уйти можемъ?..

— А въ лѣсъ!?!—сказалъ Илья и вдругъ воодушевился.— Дѣдушка, ты говорилъ, сколько годовъ въ лѣсу жилъ одинъ! А насъ—двое! Лыки бы драли!.. Лисъ, бѣлокъ били бы, какъ Корнѣй Кривой!.. Ты бы ружье завелъ... а я—силки... Птицу буду ловить разную... Ей Богу! Ягоды тамъ, грибы. Уйдемъ?

Дядя поглядѣлъ на него ласковыми глазами и съ улыбкой спросилъ:

— А волки? А медвѣди?

— Съ ружьемъ-то ежели?—горячо воскликнулъ Илья.—Да я, когда большой выросту, я звѣрей не побоюсь!.. Я ихъ руками душить стану!.. Я и теперь ужъ никого не боюсь! А здѣсь—тоже!—житье-то тугое! Я хоть маленькій, да вижу вѣдь... Здѣсь, вонъ, больнѣе дерутся, чѣмъ въ деревнѣ, да... Я вѣдь чувствую: не деревянный я!.. Кузнецъ какъ треснетъ по башкѣ, такъ тамъ ажъ гудитъ весь день послѣ того!.. И люди-то здѣсь все... драные, даромъ, что форсятъ...

— Эхъ, ты, сирота Божія!—сказалъ Терентій и, бросивъ ложку, поспѣшно ушелъ куда-то.

Вечеромъ этого дня Илья, уставши бродить по двору, гдѣ уже все было извѣстно ему, сидѣлъ на полу около стола дяди и сквозь дрему слушалъ разговоръ Терентія съ дѣдушкой Еремѣемъ,

который пришелъ въ трактиръ попить чайку. Тряпичникъ очень подружился съ горбуномъ и, возвращаясь съ работы, всегда усаживался пить чай рядомъ со столомъ Терентія.

— Ничего-о! — слышалъ Илья скрипучій голосъ Еремѣя. — Ты, знай себѣ, на Бога уповай!..

— Я, дѣдушка, уповаю на Господа, что больше могу я? — тихо говорилъ Терентій. — Вѣрую — Онъ поможетъ!

— Онъ-то? Онъ никогда, я тебѣ скажу, человѣка не покинетъ зря на землѣ. Земля дана Богомъ для испытанія нашего... для исполненія нами заповѣди Его... Онъ взираетъ съ высотъ Своихъ и слѣдитъ: како любите другъ друга, людіе? Тако ли, како Азъ заповѣдалъ вамъ?.. И коли видитъ Онъ — трудно Терентію, то и пошлетъ благую вѣсть Еремѣю-старцу: эй, Ерема, помоги-ка рабу Моему!

И вдругъ другимъ голосомъ, похожимъ на голосъ буфетчика Петрухи, когда онъ сердился, дѣдъ сказалъ Терентію:

— На снаряженіе Илюшки въ училище я тебѣ дамъ!.. рублей съ пять... Поскребусь и наберу... Взаймы дамъ... Богатъ будешь — отдашь...

— Дѣдушка! — тихо воскликнулъ Терентій.

— Стой, молчи! А покамѣсть ты его, мальчишку-то, дай-ка мнѣ, — нечего тутъ ему дѣлать!.. А мнѣ замѣсто процента онъ и послужить... Тряпку подниметь, кость подастъ... Все мнѣ, старику, спины не гнуть...

— Ахъ ты!.. Господь тебѣ!.. вскричалъ горбунъ звенящимъ голосомъ.

— Господь — мнѣ, я — тебѣ, ты — ему, а онъ — опять Господу: такъ оно у насъ колесомъ и завертится... И никто никому не долженъ будетъ... Хе-хе-хе-хе! Ми-илай! Э-эхъ, братъ ты мой! Жиль я, жиль, глядѣль, глядѣль — ничего, окромѣ Бога, не вижу. Все Его, все Ему, все отъ Него, все для Него!..

Илья заснулъ подъ эти тихія рѣчи. А на другой день рано утромъ дѣдъ Еремѣй разбудилъ его и весело сказалъ:

— Айда гулять, Илюшка! Ну-ка живенько! Протирай глядѣлки-то!

Хорошо зажилъ Илья подъ ласковой рукой дѣдушки Еремѣя. Каждый день рано утромъ дѣдъ будилъ мальчика, и оба они вплоть до поздняго вечера ходили по городу, собирая тряпки,

кости, рваную бумагу, обломки желѣза, куски кожи. Великъ былъ этотъ городъ, и много любопытнаго въ немъ, такъ что первое время Илья плохо помогаль дѣду, а все только разглядываль людей и дома, удивлялся всему и обо всемъ спрашиваль старика... Еремѣй былъ словоохотливъ. Низко наклонивъ голову и глядя въ землю, онъ ходилъ со двора на дворъ и, постукивая палкой съ желѣзнымъ концомъ, утиралъ слезы съ лица рукавомъ своихъ лохмотьевъ или концомъ грязнаго мѣшка и, не умолкая, пѣвуче, однотонно рассказываль своему помощнику:

— А этотъ домъ Пчелина купца, Саввы Петровича. Богатый человекъ купецъ Пчелинъ!.. Въ серебрѣ живетъ да въ хрустали...

— Дѣдушка,—спрашиваль Илья,—а какъ это богатыми дѣлаются?

— А трудятся для этого, работаютъ, значить... И день работаютъ и ночь, все деньги копятъ да копятъ. А какъ накопятъ много—выстроятъ себѣ домъ, заведутъ лошадей, посуду разную и всякое такое... эдакое разное. Новое все! И наймутъ, значить, приказчиковъ, дворниковъ и разныхъ, тамъ, людей, чтобы они ужъ работали, а сами отдыхаютъ—живутъ. Ну, тогда говорится: разжился человекъ честнымъ трудомъ...и-да!.. А это есть, которые отъ грѣха богатѣютъ.

Мальчикъ внимательно слушалъ его, поглядывая на огромные дома, и порой говорилъ:

— Хоть бы глазомъ однимъ въ нутро-то взглянуть!..

— Увидишь! Погоди! Знай, учись да трудись: вырастешь—все увидишь! Можетъ, и самъ разбогатѣешь... Живи, знай... Охо-хо-о! Вотъ я жилъ-жилъ, глядѣлъ-глядѣлъ... глаза-то себѣ и испортилъ... Вотъ онѣ, слезы-то, текутъ да текутъ у меня... и оттого сталъ я тощій да хилый... Истекъ, значить, слезой-то... и кровь моя высохла...

Пріятно было Ильѣ слушать увѣренныя и любовныя речичи старика о Богѣ, и подъ ихъ ласковые звуки въ сердцѣ мальчика рождалось бодрое и крѣпкое чувство надежды на что-то хорошее, радостное, что ожидало его впереди. Онъ повеселѣлъ и сталъ больше ребенкомъ, чѣмъ былъ первое время жизни въ городѣ.

Онъ съ увлеченіемъ началъ помогать старику рыться въ мусорѣ. Было очень интересно раскапывать палкой кучи разнаго хлама, а особенно пріятно было Ильѣ видѣть радость старика,

когда въ мусорѣ находилось что-нибудь особенное. Однажды Илья отрылъ въ помойной ямѣ большую серебряную ложку, и дѣдъ купилъ ему за это полфунта мятныхъ пряниковъ. Потомъ онъ откопалъ маленькій, покрытый зеленой плѣсенью, кошелекъ, а въ немъ оказалось больше рубля денегъ. Порой попадались ножи, вилки, гайки, изломанныя мѣдныя вещи, хорошія жестянки изъ-подъ ваксы и маринованной рыбы, а какъ-то разъ въ оврагѣ, гдѣ сваливался мусоръ со всего города, тяжелый мѣдный под-свѣчникъ. За каждую изъ такихъ цѣнныхъ находокъ дѣдъ покупалъ Ильѣ гостинцевъ.

Дѣдъ шилъ Ильѣ небольшой мѣшокъ, далъ палку съ желѣзнымъ концомъ, и мальчикъ гордился этими вещами. Въ свой мѣшокъ онъ собиралъ разныя коробочки, поломанныя игрушки, красивые черепки, и ему нравилось чувствовать все эти вещи у себя за спиной и слышать, какъ онѣ постукиваютъ тамъ. Собирать все это научилъ его дѣдъ Еремѣй.

— А ты собирай эти штучки и тащи ихъ домой. Принесешь, ребятишекъ обдѣлишь, радость имъ дашь. А хорошо это—радость людямъ дать, любить это Господь... Эхъ, сынъ ты мой милый!.. Все-то люди радости хотятъ, а радости на свѣтѣ ма-ало-мало! Такъ-то ли мало, что иной человѣкъ живетъ-живетъ, и никогда ея не встрѣтитъ, никогда!..

Городскія свалки нравились Ильѣ больше, чѣмъ хожденіе по дворамъ. На свалкахъ не было никого, кромѣ двухъ, трехъ стариковъ, такихъ же, какъ Еремѣй, и также рывшихся въ мусорѣ, и здѣсь не нужно было оглядываться по сторонамъ, ожидая дворника съ метлой въ рукахъ, который придетъ и начнетъ браниться нехорошими словами, прогонитъ, да еще иной разъ и ударить.

Каждый день Еремѣй, порывшись въ свалкахъ часа два, горючилъ мальчику:

— удегъ, Илюша, будетъ, милый!.. Посидимъ-ка, отдохнемъ давай, поѣдимъ малость!..

Онъ вынималъ изъ-за пазухи ломоть хлѣба, крестясь разламывалъ его, и они ѣли, а поѣвши отдыхали съ полчаса, лежа на краю сврага. Оврагъ выходилъ устьемъ на рѣку, и ее видно было имъ. Широкая, серебристо-синяя, она тихо катила мимо оврага свои волны, и, глядя на нее, Ильѣ хотѣлось куда-то плыть по ней. За рѣкою развертывались пустынные зеленые дуга, стоги сѣна стояли на нихъ сѣрыми башнями, и далеко на краю земли

въ синее небо упиралась темная зубчатая стѣна лѣса. Было въ лугахъ тихо, ласково, и чувствовалось, что воздухъ тамъ чистый, прозрачный и сладко-пахучій... А здѣсь было душно отъ запаха прѣющаго мусора; запахъ этотъ давилъ грудь, щипалъ въ носу, и отъ этого у Ильи, какъ и у дѣда, тоже слезы изъ глазъ потекли...

Лежа на спинѣ, мальчикъ смотрѣлъ въ небо и не видѣлъ конца высотъ его. Грусть и дрема овладѣвали имъ, какіе-то неясные, огромные образы зарождались въ его воображеніи. Казалось ему, что въ небѣ, неуловимо глазу, плаваетъ кто-то огромный, прозрачно-свѣтлый, ласково-грѣющей, добрый и строгій, и что онъ, мальчикъ, вмѣстѣ съ дѣдомъ и всею землей, поднимается къ нему туда, въ бездонную высь, въ ея глубокое сіянье, въ чистоту и свѣтъ ея... И сердце его сладко замирало въ чувствахъ тихой, покойной радости.

Вечеромъ, возвращаясь домой, Илья входилъ на дворъ съ важнымъ и недоступнымъ видомъ человѣка, который хорошо поработалъ, желаетъ отдохнуть и совсѣмъ не имѣетъ времени заниматься пустяками, какъ всѣ другіе мальчишки и дѣвчонки. Всѣмъ дѣтямъ на дворѣ онъ внушалъ почтеніе къ себѣ своей солидной осанкой и мѣшкомъ за плечами, въ которомъ всегда ужь лежали разныя интересныя штуки...

Дѣдъ, улыбаясь ребятишкамъ, говорилъ имъ какую-нибудь шутку:

— Вотъ и пришли Лазари, весь городъ облазили, вездѣ напроказили!.. Илька! Иди, помой рожу да приходи въ трактиръ чай пить!..

Сіяющій и веселый принялся Илья въ этотъ вечеръ за обычное свое занятіе—раздачу собранныхъ за день диковинокъ. Дѣти уже давно ждали его. Они усѣлись вокругъ Ильи на землю и жадными глазами глядѣли на грязный мѣшокъ. Илья доставалъ изъ мѣшка лоскутки ситца, деревяннаго солдатика, полинявшаго отъ невзгодъ, коробку изъ-подъ ваксы, помадную банку, чайную чашку безъ ручки и съ выбитымъ краемъ.

— Это мнѣ, мнѣ, мнѣ! — раздавались завистливые крики, и маленькія, грязныя ручонки тянулись со всѣхъ сторонъ къ рѣдкостнымъ вещамъ.

— Погоди! Не хватай!—командоваль Илья.—Развѣ игра будетъ, коли вы все сразу растащите? Ну, открываю лавочку! Продаю кусокъ ситцу... Самый лучший ситецъ! Цѣна — полтина!.. Машка, покупай!

— Купила,—отвѣчаль Яковъ за сапожникову дочь и, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный черепокъ, соваль его въ руку торговцу.

Но Илья не бралъ.

— Ну, какая это игра? А ты торгуйся! Никогда ты не торгуешься!.. Развѣ такъ бываетъ?

— Я забылъ!—оправдывался Яковъ.

И начинался упорный торгъ; продавецъ и покупатели увлеклись имъ, а въ это время Пашка ловко похищаль изъ кучи то, что ему нравилось, убѣгалъ прочь и, приплясывая, дразнилъ ихъ:

— А я укралъ! А я укралъ! Разини вы! Дураки, черти!

Сначала онъ такими поступками приводилъ всѣхъ въ изступленіе: маленькіе кричали и плакали, а Яковъ и Илья бѣгали по двору за воромъ и почти никогда не могли схватить его. Потому къ его выходкамъ привыкли, уже не ждали отъ него ничего хорошаго, единодушно не взлюбили его и не играли съ нимъ. Пашка жилъ въ сторонѣ и усердно старался дѣлать всѣмъ что-нибудь непріятное. А большеголовый Яковъ возилъ, какъ нянька, съ курчавой дочерью сапожника. Она принимала его заботы о ней, какъ должное, и хотя звала его Яшечка, но частенько царапала и била.

Дружба съ Ильей крѣпла у него, и онъ постоянно рассказываль товарищу какіе-то странные сны.

— Будто у меня множество денегъ и все рубли, огромный мѣшокъ. И вотъ я тащу его по лѣсу. Вдругъ—разбойники идутъ. Съ ножами, страшные! Я—бѣжать! И вдругъ, будто, въ мѣшкѣ-то затрепыхалось что-то... Какъ я его брошу! А изъ него птицы разныя ф-р-р!.. Чижи, синицы, щеглята—видимо-невидимо! Подхватили онѣ меня и понесли, понесли высоко-высоко!

Онъ прерываль рассказъ, глаза его выкатывались, лицо принимало овечье выраженіе...

— Ну?—поощряль его Илья, нетерпѣливо ожидая конца.

— Такъ я совсѣмъ и улетѣлъ!..—задумчиво доканчиваль Яковъ.

— Куда?

— А... такъ ужъ... совсѣмъ!

— Эхъ ты! — разочарованно и пренебрежительно говорилъ Илья. — Ничего не помнишь!..

Изъ трактира выходилъ дѣдъ Еремѣй и, приставивъ ладонь ко лбу, кричалъ:

— Илюшка! Ты гдѣ? Иди-ка спать, пора!..

Илья послушно шелъ за старикомъ и укладывался на свое ложе — большой кулъ, набитый сѣномъ. Сладко спалось ему на этомъ кулѣ, хорошо жилъ онъ съ тряпичникомъ, но скоро промелькнула эта пріятная и легкая жизнь.

Гребень — 1) орудіе для чесанія волосъ; 2) наростъ на головѣ нѣкоторыхъ птицъ. Пѣтушій гребень; 3) верхушка горы или волны, рядъ вершинъ. Гребень горы, гребни волнъ.

Вихрастый — у кого много вихровъ на головѣ; **вихоръ** — клочокъ волосъ, торчащихъ на головѣ. Поймать за вихоръ. — Оттаскать за вихры.

Пестрядина или пестрядь — грубая ткань, пестрая или полосатая.

Стойка — см. стр. 309.

Лукошко — кузовокъ, коробокъ изъ бересты или лубка.

Отчетливо — ясно, раздѣльно, обдуманно. Не знаете ли, что такое отчетъ?

Кумачъ — бумажная матерія алаго, иногда синяго цвѣта, идущая на сарафаны.

Емкость — способность вмѣщать въ себя, вмѣстимость, помѣстительность. Емкость сосуда.

Тряпичникъ — кто собираетъ тряпки и разные остатки, ветошь для продажи.

Сотряеаться — дрожать, колебаться отъ тряски.

Болтаться — ходить безъ всякаго дѣла, слоняться. Что значить: кака-то жидкость болтается въ бочкѣ; на сюртукъ болталось три пуговицы.

Разогнаться — разбѣжаться. Въ какомъ смыслѣ употреблено это слово?

Зашемить — сдавливать; безличн. начать ощущать давящую боль: зашемило сердце или за сердце.

Воодушевиться, воодушевляться — воспламениться, взяться за что горячо, увлечься, начать говорить съ увлеченіемъ.

Лыко — молодой лубъ, подкорье, особ. липы. Переносно: въ лыко ставить — строго къ чему-либо относиться: не всякое лыко въ строку.

Силокъ — петля изъ конскаго волоса для ловли птицъ.

Тугой — крѣпкій, плотно набитый, упорный. Тугой лукъ. — Тугой тюфякъ. — Тугія времена (тяжелая жизнь). Что значить: онъ тугъ на ухо. — *Для друга все не туго.*

Форсить — чваниться, важничать, пускать пыль въ глаза.

Дрема — склонность ко сну, состояніе легкаго забытья. Меня дрема клонитъ.

Уповать на кого — твердо надѣяться, ждать съ увѣренностью, полагаться. *На Бога уповай, да самъ не плошай.*

Испытаніе — 1) бѣдствіе или искушеніе, посланное Провидѣніемъ; 2) экзамень, провѣрка пригодности чего-либо, напр. —?

Скрести — скоблить, царапать, счищать. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это слово?

Глядѣлки, простонар. — глаза.

Словоохотливый — охотно разговаривающій, разговорчивый.

Лохмотья—лоскуты, тряпье, ветошь, рваное платье.

Разжиться—см. стр. 325.

Нутро—внутренность чего-либо.

Истечь, истекать—вытекать, изливаться. Что значить: онъ истекъ кровью?
Годъ истекъ (истекшая недѣля).

Увѣренный, отъ сл. увѣрить, увѣрять — утверждать, убѣждать, не сомнѣваться.

Мусоръ—остатки, соръ отъ каменной работы: битый камень, глина и т. п.

Плѣсень—гниль, сѣровато-зеленый грибокъ въ видѣ слоя, покрывающаго загнивающія вещества.

Мариновать—готовить впрокъ въ укусу рыбы, мясо, плоды.

Одѣлить, одѣлять—одарить, надѣлять, раздавать всеѣмъ. Одѣляй сирыхъ и убогихъ. Не смѣшивать со сл. **обдѣлять**—давать при раздѣлѣ меньше должнаго.

Свалка—см. стр. 72 и 317.

Рыться—имѣть слѣдъ значенія: канава роется; куры роются въ навозной кучѣ; не ройся въ моихъ вещахъ.

Устье, обыкновенно рѣки—истокъ ея: здѣсь употребл. въ значеніи „край“.

Зубчатый—съ зубчиками, съ выступами. Надъ озеромъ стѣны зубчатая замокъ съ холма возвышалъ (Жукъ).

Прѣть—сильно потѣть, напр. при сырости: окна прѣютъ. *Въ апрѣль земля прѣтеть.*—Гнить отъ сырости. Навозъ въ кучѣ прѣтеть.

Образъ—1) видъ, внѣшность, изображеніе. Богъ создалъ человека по образу и подобию своему; 2) способъ, средство. Какимъ образомъ? 3) направление. Образъ мыслей.—Здѣсь въ значеніи: картина.

Зарождаться—возникать, получать начало. Когда зарождался младъ свѣтѣль мѣсяць, тогда зарождался Вольга богатырь. Переносно: появляться—о желаніяхъ, думахъ и т. д. Зарождается желанье двери настежь распахнуть (Полонск.).

Внушать—заставить думать, хотѣть.

Солидный—крѣпкій, прочный, надежный, внушающій довѣріе, положительный.

Осанка—станъ, строй тѣла, стройность, красота движеній.

Облазить—лазить повсюду, по многимъ мѣстамъ. Весь полъ облазилъ, а иглы не нашель.

Линять—терять шерсть, волосы, цвѣтъ. Птица линяетъ осенью.—Платье вылиняло.

Невзгода—бѣда, несчастье, неудача, иногда дурная погода.

Упорный—(о человекѣ) твердый, стойкій, настойчивый. Упорный въ теръ—сильный, не прекращающійся.

Разиня—см. стр. 48.

Выходка—неожиданный поступокъ или слово.

Изступленіе—состояніе изступленнаго, т.-е. вышедшаго изъ себя, внавшаго въ свирѣпость.

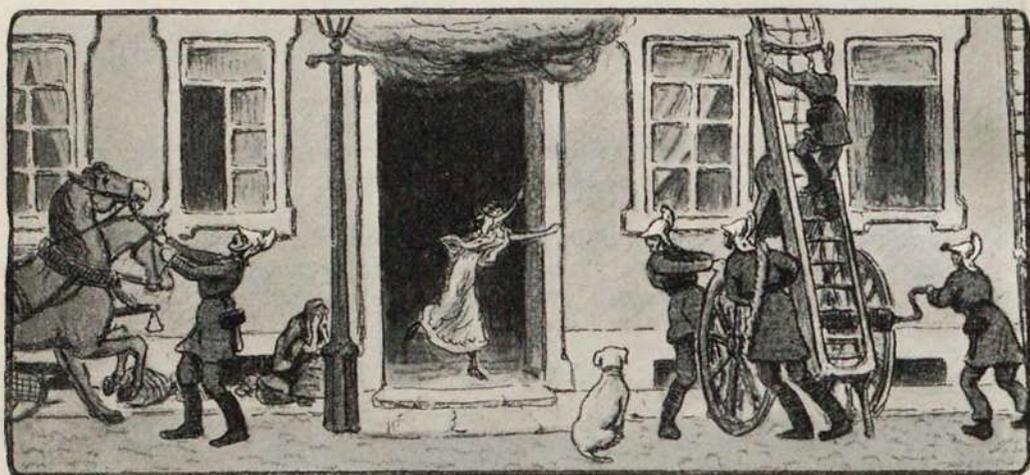
Агромадный, простонародн. выраж.—вмѣсто громадный.

Затрепыхаться—затрепетать, задрожать.

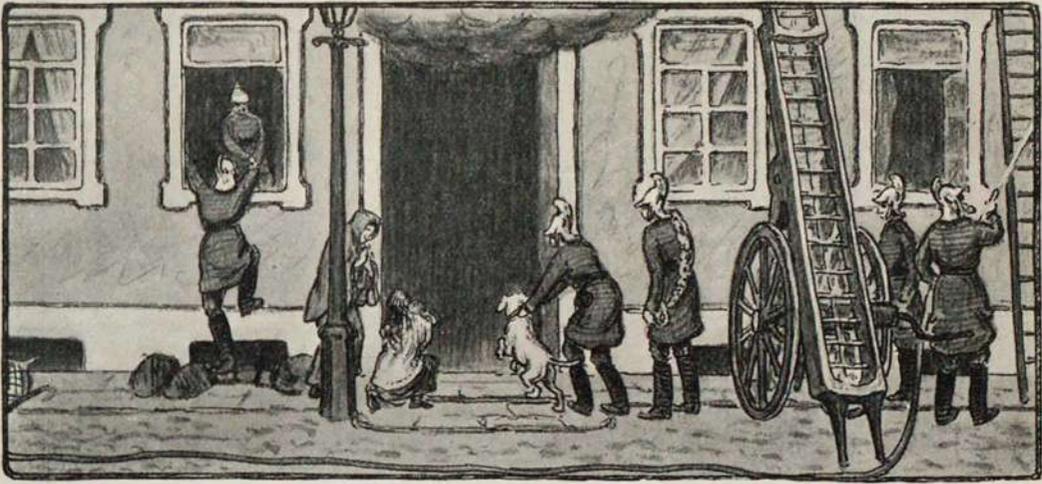
Разочаровывать, разочаровать—выводить изъ очарованія, отрезвлять, разсѣять мечты, напрасныя надежды.

Ложе—гдѣ лежитъ кто-либо, постель. Ложе рѣки—русло.

Куль—рогожный мѣшокъ. Куль муки—четверть, мѣра для ржи или овса.

с о б а к а.

по этимъ рисункамъ.

117. Примѣты осени.

Стихотвореніе Н. Грекова.

Мелькаетъ желтый листь на зелени деревъ;
работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ,
и покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всемъ встрѣчаетъ взоръ:
тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина,
тамъ скирдъ виднѣется, а тамъ черезъ заборъ
кистями красными повиснула рябина;

тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ
ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ,
и курится овинъ, и долго по утрамъ,
какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ
прудомъ.

И цѣлый день скрипятъ воза, и далеко
токъ отзывается подъ дружными цѣпами,
и стая журавлей несется высоко,
перекликаяся порой подъ небесами.

Указатель словъ, къ которымъ даны объясненія.

Ажно	91	былой	201	всполошить	175
амбаръ	291	былинка	237, 284	всходить	201
анекдотъ	138	бѣлка	24	встрепанный	72
анемичный	342	Валенки	174	встряхнуть	252, 294
ароматъ	239, 277	валеники	174	вступиться	91
артель	138	валежникъ	184, 263	вторить	204
Балагурить	145	валкѣй	152	выводокъ	237
баласть	263	валъ	32, 221	выговорить	92
барашекъ	228	вальяжный	103	выгорѣть	69
баю, баюшки	221	ватага	342	выдаться	71
бдительный	343	ввалиться	272	выемка	263
бездна	301	вдребезги	271	вымещать	123
бездомный	118	вдѣть	221	вынырнуть	218
безмозглый	282	вѣдро	302	выпарить	343
безмолвіе	202	вельми	88	выразительный	138, 343
безнуждный	138	веретено	133	вырѣзной	296
безотвѣтный	303	верещать	299	выражать	102
безропотный	273	веревъ	105	высидѣть	273
безсиліе	112	веселить	278, 298	высмотрѣть	222
безучастно	272	вечерѣть	206	выставлять	199, 228
безцѣльный	342	вечоръ	162	выступать	309
безызвѣстный	106	вазаймы	105	высыпать	33
береста	65	вазпуски	282	высь	20
бирюзовый	284	вадутъ	47	выходка	357
благо	91	взметать	240	выцвѣсть	71
благовѣсть	193, 199	взрывать	204	вьюга	162
благодарствовать	106	въѣбъться	91	въщунъ	303
благодать	324	вазграть	120	въщунья	53
благосклонный	332	визитація	273	вязкій	206
благословить	112	винокуръ	105	Гадать	221
благословеніе	87	вихрастый	356	гамъ	204
благоухать	239	вкопанный	279	гаснуть	206
благочиніе	138	внушать	357	гвалтъ	71
блаженный	36, 200	воевать	18	гинуть	103
блекнуть	304	вожакъ	283	гладь	317
ближній	199, 235	возбужденный	316	гладь	231
блудистель	138	возводить	296	гласить	202
бодритъ	25	возиться	224	глохнуть	38
болтаться	356	возлюбить	88	глядѣлки	356
болтливый	133	возопить	87	гномы	296
болтъ	263	возрадоваться	88	гнусаво	174
борзятникъ	309	волноваться	302	говоръ	199
бороться	133	волокно	277	говѣть	193
бочка	69	на волосъ	219	гоголь	103
бразда	110	волочить	71	головня	184
бражка	104	вольжанный	103	голь	59
бранный	221	вольный	91	гонецъ	202
бредить	273	воля	232	гость	102
брезжить	317	воодушевиться	356	гораздо	88
бродить	33, 91, 286	вороватый	54	горазды	213
брызги	219	восхищать	132	горластый	161
брюзгать	150	вперевалку	174	горница	87
бугристый	343	впиться	343	градовой	325
буйный	68	впопыхахъ	279	граціозный	60
булькать	174	впрямь	282	гребень	356
буранъ	129	врозь	279	грезы	201
бушевать	111	вразсыпную	333	гремушка	291
		враки	219	гроздь	175
		врасплохъ	291	грозить	111
		врѣзаться	72		

грохотать	342	заголосить	118	извиваться	301
грѣхъ-грѣха таить	129	загорожа	342	измочалить	284
грядка	324	задаться	263	измѣнить	115
гудочекъ	214	задворье	131	изнеможеніе	273
гудѣть 91, 235,	333	задоръ	217	изступленіе	355
гусельки	102	задрать	65	инстинктивно	317, 342
гуськомъ	174	зажарить	175	икать	175
Давеча	40	заиграть	184	иродъ	317
даль	199	заиндевѣть	174	искушеніе	317
дань 103, 202,	317	закалить	221	исполать	31
дворовой	111	закинѣть 207,	316	испустить духъ	303
деньга	92	заключенный	290	испытаніе	354
держать на умѣ	88	закоулокъ	36	истечь	355
дескать	65	заливаться 192,	294	истосковаться	273
дивиться	27	заложить 102, 129,	138	истома 273, 317,	332
диковинка	224	заломить	214	ищейка	211
дистанція	263	замираніе	232	Каморка	251
добро 15, 129,	206	замирать 115, 140,	200	камышъ	290
дознать	50	заморить 36,	50	кандалы	272
дозоръ	133	замотаться	284	караванъ	62
докучный	133	замѣчаніе	263	каретникъ	311
долбить	200	замѣшкаться	181	карманъ	232
допросъ	332	замяться	283	картечь	309
дородный	291	заневолить	65	картузь 151,	231
досѣхи	294	заниматься	161	карцеръ	277
досужество	36	занудить	50	каторга	60
доха	161	запасться	227	кацавейка	231
дошлый 161,	184	заплатанный	120	каюта	217
драхва	309	запустить	132	квашня	47
дрезина	263	запустить	181	квохтать	237
дрема	356	запѣвала	227	келья	202
дровни	110	заревъ	184	кибитка	110
дружина	102	зарождаться	357	кипа	317
дубрава	300	зарумяниться	277	кисть	239
духъ	53	зарядить	309	кланяться	65
душегубка	294	застава	343	клокъ	64
дыбы 60,	71	застилать	297	клониться	207
дышать	62	застрять	317	клочковатый	60
дюже 69,	91	засѣданіе	291	клубиться	303
Емкость	356	затишье	109	клубма	239
ерзать	174	затопить	65	кльвь	60
Жаловать	65	затощать	161	клясть	240
жаръ 74,	140	затрепыхать	357	клясть	60
жгучій	274	затрогать	50	кодылять	145
жертвовать	309	затѣя	317	колодка	240
жребій	102	затѣять	112	колокольчикъ	236
жилистый	263	заунывный	56	колонна	145
жило	129	захлопнуть	272	колотушка	272
журить 50,	90	захолустье	36	контрастъ	264
журчать	140	зачетъ	272	контръ-паръ	342
жуткій 174,	304	защемить	356	копоть	181
Забиться	294	звеньѣть 204,	240	кормежка	324
забіяка	224	звякать	264	коробиться	161
забыть 199,	273	зеліе	36	коротать	217
завалинка	91	зимовье 161,	192	корчить	303, 343
завести 219,	284	зипунъ	305	костыль	113
завилять	294	злоба	88	кочка	181
завистливый	299	зловѣщій	273	кошма	316
завитокъ	201	знать	106	кошмаръ	175
заводъ	294	зрѣть	325	краса	254
заволакивать	181	зря 176,	231	красться	234
завѣщать	50	зубчатый	356	крашенка	112
завязнуть	120	зѣвка	224	кроткій	87
загнетка	40	зяблый	174	круглитъ	130
		Играть	91	круговой	65
		игривый	299	крутище	103
		избороздить	294		
		извести	263		

кручь	300	молодица	263	неистовство	317
кряжъ	103	монотонный	343	неистовый	192
крякать	145	моргать	174	неистомчивый	181
кубарь	72, 175	моровой	36	неймсто	43
кудрявый	214	моросить	38	нелегкая	284
куличъ	234	морфій	273	нельный	343
куль	355	морщиться	300	неминучій	181
кумачъ	354	мотать	17	неможется	65, 272
кунсткамера	222	мочь	23	необозримый	181
купа	343	мразъ	342	неотступный	88
курокъ	193	мрачный	162	непогожій	68
куртка	294	мудреный	75, 106	непривѣтный	343
		мужество	207	непримиримый	343
Лавры	291	мусоръ	355	непроницаемый	343
ладъ	46, 299	мутный	202	несбыточный	273
ладушки	104	мчать	18	несдобровать	65
лазаретъ	273	мѣсить	47	несказанный	88
Лазарь	65	мѣткій	239	несмѣтный	31
лазоревый	300	Набитый	40	неуклюжій	343
лазурь	209	набаловаться	213	неукротимый	240
лапы	184	набрести	192	неусыпный	251
леса	145	навострить	44, 71	нечистъ	174
линять	355	навѣдываться	252	нешто	255
липкій	71	навѣстить	290	ниже	88
лихо	50	надвигаться	305	никакъ	255
лихой	240	наддать	309	ножны	88
лихорадочный	272	надломить	56	норовить	161, 193
логовище	192	надѣлить	61	ночное	304
ложе	355	названный	65	ну	224
лоза	284	назначеніе	128	нутро	357
ломить	263	наитіе	343	нырять	279
лохмотья	355	наказывать	175	ныть	120
лопушникъ	283	накрапывать	298	нѣтъ	254
лосниться	252, 342	накрениться	264	Обветшалый	324
лубъ	120	налегкѣ	92	обдавать	140, 317
лукошко	354	налетѣ	161	обезчестить	88
луניתъ	174	наливаться	277, 325	обильный	299
лыко	354	намедни	145	облазить	355
любоваться	300	наместн	56	облегать	277
люли	105	наметъ	324	облегать	181
лютый	88	нанизать	219	облучекъ	181
		наперекоръ	194	обмельтъ	304
Маковка	104	напролетъ	252	обнажить	72
малахай	181	напряженный	317	обновить	110
маневръ	317	напѣвъ	236	обновленіе	209
манить	18, 343	напялить	129	оборать	129
мариновать	355	нараспашку	174	обомлѣть	151
маріонетка	138	нары	150	оборка	47
маслянистый	302	нарядъ	175	оборотиться	88, 174, 223
махнуть	221	насиженный	162, 213	образумиться	120
мачта	217	наскучить	324	образъ	223, 355
маякъ	213	насть	184, 192	обрубъ	264, 282
маять	40	настойтель	102	обстоятельно	317
мгла	162	насытить	348	обухъ	255
мелодично	175	насъдка	26	обходить	192
мелькать	26, 231, 283	натискъ	252	обшарить	60
мертвить	38	натравить	60	общеніе	332, 342
метать	255	натужиться	297	обязательство	317
метель	33	нахлобучить	123, 181	оголтѣлый	129
миловидный	87	нахмуриться	252	огородить	241
миновать	209, 231	небывалый	255	огородъ	283
млечный путь	185	невзгода	355	огрызаться	184
млѣть	236	невтерпежъ	263	одинокій	115
мнительный	192	невѣжа	175	одолѣвать	38
могучій	292	негодующій	34	одуматься	88
мозолистый	231	недоумѣвать	33	одумевленіе	324
молить	252	независимый	343	одѣлать	355
молкнуть	204	неизмѣнный	34	озимь	38
молодечество	102				

озираться	251	ощетиниться	60	полюбовный	88
озорникъ	284			поминки	118
озорство	161	Падкій	91	помѣяться	112
оковы	235	пазуха	251	поникнуть	185
окаленный	124	пазь	161	понитокъ	161
окладистый	299	палата	222	попричтиться	161
окликъ	294	палисадникъ	251	попущеніе	36
околица	211	паля	60	порожнякомъ	28
окрестить	255	панорама	317	пороша	129
окрестный	202	панья	118	порученіе	230
окрестъ	343	парить	201	порхать	251, 291
окрыситься	251	пасти	20	порывъ	273
окститься	174	пасмурный	71, 333	поселокъ	342
омрачать	140	первинка	283	потреба	161
омуть	284	перевалка	71	потягивать	255
опаматоваться	263	переводить	26, 332	похвальба	102
опериться	310	переглодать	293	походъ	263
опознать	65	переглядышки	255	почетной	102
опредѣлить	251	переметываться	342	почитать	88
опушить	109, 309	перемогаться	332	прахъ	181
опьяненный	342	перепархивать	227	предать	88
органъ	138	перепасаться	102	презрительно	231
оробѣть	284	перечень	223	презрѣніе	302
осанка	355	перль	204	преимущество	207
осиротѣть	301	пернатка	105	прельститься	88
оскалить	251	пестрядина	354	прельщать	252
оскомина	43	писанка	193	пренебрежительность	174
осока	71	питомецъ	251	преобразить	110
оступиться	181, 217	пищикъ	263	прибыль	299
остатный	103	плавный	231	приваль	184
осыпаться	13, 299	плакаться	284	привѣтить	50
осѣдлатъ	241	платформа	263	пригрѣвъ	231
осѣчка	193	плаха	161, 255	придавать	24
отбиться	181, 283	плескаться	221	призракъ	273
отблескъ	305	плестись	110, 206	приживалка	251
отвадить	255	плѣнить	53	пригожій	50, 88
отворотить	264	плѣсень	355	приклонить	50, 65
отвѣдать	263	плюхнуться	309	прилавокъ	34
отдаваться	332	повадиться	87, 283	приложить	282
отечество	102	поводъ	105	прильнуть	109
отзываться	54	повѣтріе	36	приникнуть	252
откосъ	317	погода	292	припасать	65, 255
отлогій	284	погребецъ	129	припасъ	273
отлучка	88	подобрить	333	присмотрѣться	343
отмель	316	подвернуться	239	припасъ	263
отмычка	252	подворотня	152, 317	пристально	272
отмять	284	поддаться	317	пристать	181
отойти	305	поди	232	присутствіе духа	181
оторопѣть	184	подлинно	228, 299	притаить	254
оторочка	239	подманить	237	притворяться	309
отощать	265	подножіе	252	приступить	218
отписывать	103	подпасокъ	145, 283	приступъ	273
отрада	60	подсѣжникъ	201	прихоть	175
отрапортовать	263	подтыкать	174	причудливый	174
отрезвлять	317	подхватить	324	пріемшь	294
отряхнуть	232	пожива	294	пріободрить	112
отуманить	239	пожитки	252	пріохотить	54
отстать	297	поить	227	пробиться	43, 230
оттыкать	91	показъ	224	провести	52
отяжелѣть	343	покой	254	провѣдать	271
отчаяніе	272	покровъ	235	прогоны	175
отчетливо	356	полати	129	проектъ	317
охапка	40, 309	полно	147	прозрачный	162
оцѣнивѣть	273	половина	343	прокараулить	161
очертаніе	332	полозья	181	проклинать	112
очутиться	59	полуденный	236	прокъ	219
очухаться	145	полынь	161, 232	пролетный	72
ошметокъ	54	полый	232	промоина	162
още	102	полюбиться	251	промыселъ	251

промышлять	64, 161	распоясаться	174	слыть	105, 130
пронзительный	60	расправа	241	смежать	50
пронизать	232	распростирать	286	смекнуть	72
пронять	120	распусить	228, 242	смрадь	152
пропалывать	272	расти	278	смутиться	103
пропитываться	303	растерянно	317	смутный	200, 343
пропойца	342	растопырить	34	смѣнить	263
проронить	343	расходиться	65, 118	смять	162
прорѣзываться	221	расцвѣсти	343	сновать	343
проселочный	118	расшить	221	собесѣдникъ	332
просторъ	304	рдѣть	42	совѣсть	61
простота	129	ревизія	263	содержать	251
проталина	139	ревниво	342	созерцаніе	273
протѣсниться	234	регуляторъ	264	солидный	332, 335
протяжный	193	рекрутъ	292	солодь	104
прыть	17	ремонтъ	264	сонный	202
прѣть	355	риза	234	соперникъ	112
прядать	184	рогатый	282	сорваться	297
прядильня	262	родимый	213	сороковка	103
прянуть	162	роковой	303	соскочить	234
прясло	283	рудникъ	272	сословіе	161
прясть	184	рухлядь	33	сосредоточить	273
пугало	92	рысь	110	состраданіе	272
пузырекъ	88, 145	рыцарь	88	сосулька	181, 193
пурга	161	рыться	355	сотрясаться	354
пукъ	263	рѣдьякъ	36	сочиться	309
путемъ	65, 299	рѣзвиться	204	спазмы	332
пухлякъ	231	рѣять	286	справиться	239, 251
пухлый	263			спросонокъ	151, 185
пучина	181	Салазки	111	спрыснуть	88
пуше	115	саламата	40	срамиться	224
пытливый	324	сафьянъ	239	срокъ	233
пыхать	304	сбывать	31	ссыпать	147
пыхтѣть	31	свалить	319	станіца	72
пышный	104	свалка	72	становище	65
Радоваться	22	сваль	317	статный	123
разбить	88, 251	свернуть	112	степенный	252
разбитый	262	свирѣпствовать	33	стлать	91
разбухать	231	сводить	141	стойка	309, 354
развилистый	22	сводъ	277	столкновеніе	332
развлеченіе	60	своеси	92	столованье	103
разворотить	193	свѣжина	69	сторожка	294
развѣять	72	свѣтець	140	сторонній	130
развѣсистый	292	свѣтъ	91	стоять	62
разгарт	42, 231	святить	234	страстный	309
разговляться	235	сглазить	161	страсть	103
разгораться	42	сдурю	283	стрекотать	21
разгуляться	91	сердечный	283, 317	стремглавъ	174, 239
раздѣлывать	232	сизый	105	стрижка	175
раздѣлаться	284	силокъ	354	струться	221, 300
разжиться	324, 355	сквозить	201	стрихнуть	175
разиня	48, 355	сквозистый	109, 201	стужа	113
разливаться	234	скирдъ	286	стусеваться	175
размахъ	333	складъ	299	сугробъ	118, 129
разогнаться	354	скоблить	161	сударь	213
разодѣтый	302	сковорода	263	суета	211
разочаровать	355	скользить	301	суетиться	194, 227
разрозненный	343	скосить	231	сумракъ	277
разубрать	175	скрести	353	сумрачный	58
разумъ	233	скрѣпить	131	сущій	91
разъярить	88	скулить	192	схватиться	207
рапортъ	272	скупать	221	сходка	211
раскалить	277	славить	61, 123	счесть	237
раскаряка	309	слега	193	сшибаться	181
раскаты	204	слегать	319	сѣжаться	72
распахнуть	174	словоохотливый	354	сѣноваль	252
расплескать	74	сломать	161	сѣнь	62
расположеніе	343	служить	114	Табель	174

тайнственный	324	ударить	91	форсить	356
тактъ	152	удила	105	фосфорическій	342
таланъ	263	удушливый	316	фыркать	283
талый	199	ужимки	223	Цвѣтъ	304
тальникъ	263	указъ	44	цыновка	129
темпъ	273	уклончиво	343	цѣлина	174
тенькать	174	украдкой	221, 252	цѣловальникъ	121
терраса	317	укромный	211	цѣпенѣть	119
толкъ	223	укротить	138	цѣнь	226
толщиться	34, 202	улаживать	139	Ч	
томить	34, 133, 273	улегаться	181, 319	Ч адо	88
томиться	221	улюлюкать	342	чанъ	69
тоня	102	умъ, безъ ума быть	132	часть	299
тонъ	332	уметь	181	чахлый	21
топтать	240	умильный	251	чаша	20
торба	184	умолкъ	106	чайтъ	34, 317
торгъ	231	умѣренность	343	черленный	103
торжествовать	110	унавоженный	192	черпать	104
тормошить	343	унимать	264	черепокъ	239
торный	36, 181	унывать	290	чесать	118
тороватый	222	унылый	242	честью	17, 88
тоска	221	унять	33	четъ	109
тощать	102	унираться	175, 282	чететка	105
трактирщикъ	34	уплетать	255	чешуйчатый	236
траурный	175	уповать	354	чиликать	263
тревожный	342	упорный	355	чирикать	232
трезвонъ	194, 239	управа	263	чудесница	74
трепетать	132, 206, 284, 293	урожай	299	чудиться	273
трепетный	38	усадба	36	чурбанъ	31
трескать	145	усвоить	343	чуръ	282
трескучій	115	уставить	145	чуткій	342
трещать	62	устилать	38	Ш	
тронуться	181	уступать	132	Ш абашъ	161
трудовай	325	уступчивость	332	шавка	224
трусить	71, 123, 174	устье	355	шарахнуться	192
трущоба	36	утверждать	130	шарить	255
тряпичникъ	354	утопать	204	шаровары	239
тугой	354	ухать	175	шастнуть	72
тужить	61	уцѣлѣть	291	шелестѣть	254
тукать	118	Х		шептать	232
тусклый	152	Х арчи	92, 161	шерстистый	343
тучный	72	хватить	219	шершавый	343
тщедушный	251, 324	хватиться	252	шествовать	199
тынь	283	хвой	184	шестерня	263
тьфу	219	хворостинка	283	шинь	181
тѣшиться	120, 123	хворость	206	шлепнуть	217
тѣсниться	317	хворь	65	шоссе	343
тюрьма	290	херувимъ	228	шпала	263
тюря	184	хлопать	31	шпандырь	145
У		хлюпать	200	шпенекъ	103
У биваться	147	хмель	105	Щ	
У бирать	278	хмельной	104	Щ екотливый	105—332
У бить	88	хоботь	297	щурить	251
У богій	279	ходить	56, 145	Э	
У боръ	236	ходь	46	Э нергія	317
У бранство	38	ходить	74, 123	Ю	
У быль	301	хоромы	27, 296	Ю ркій	145
У важить	120, 161	хранительный	286	юродивый	324
У вѣренный	355	хрипый	224	Я	
У вѣчить	294	хрусталь	87, 113	Я гдташь	309
У вязаться	283	хрустѣть	263	ядренный	25
У гнетать	272	хуторъ	309	якорь	297
У гнѣздиться	252	Ф		ямщикъ	128
У говоръ	333	Ф изиономія	138	янтарь	236
У годить	72, 118	фистула	333	ярка	192
У грюмый	303	фитиль	297	яровчатый	102
У давиться	223	фіаско	317	яровой	193
У давка	65	флигель	252		
У далой	279	форейторъ	252		

Алфавитный указатель авторовъ.

- Аксаковъ И.*—Вечеръ. 319.
Аксаковъ С.—Буранъ въ степи. 177.
Андреевъ Л.—Кусака. 333.
- Бальмонтъ К.*—Осень 13.—Къ зимъ. 109.—Млечный путь. 185.—Ручеекъ. 232.—
Гномы. 294.—За грибами. 333.
Баранцевичъ К.—На волю. 228.
Баратынский Е.—„Гдѣ сладкій шопоть?“ 111.
Бергъ О.—Зайныка. 140.
Богдановъ М.—„По гнѣзда, по яйца“. 209.
Бунинъ И.—Весна. 199.
- Вересаевъ В.*—Наступленіе ночи. 304.
Водовозовъ В.—Что думаетъ деревенская лошадка. 206.
- Гаринъ Н.*—Знаемъ. 47.—Старый колодезь. 310.
Гаршинъ В.—Сигналь. 256.
Горькій М.—Дѣтство Ильи. 346.
Грековъ Н.—Лѣтомъ. 277.—Примѣты осени. 358.
Гусевъ-Оренбургскій С.—Передъ грозой. 303.
- Даль В.*—Счастье 34.—Аюня-дурачекъ. 89.—Поймать вора. 253.—Чужой разумъ. 282.
Достоевскій О.—Наши животныя 56.—Мальчикъ у Христа на елкѣ. 147.
Дрожжинъ С.—Зимній день. 131.
- Жадовская Ю.*—Нива. 325.
- Ивановичъ П.*—Степанъ Ежикъ. 264.
Измайловъ А.—Лѣстница. 25.—Насѣдка. 26—Кукушка. 45—Козель и лисица. 279.—Со-
вѣтъ мышей. 290.
- Короленко В.*—Слѣпой и его подруга. 325.
Крыловъ П.—Бѣлка. 26.—Обезьяна. 30—Трудолюбивый медвѣдь. 31.—Лисица и виноградъ
42.—Лебедь, щука и ракъ. 46.—Ворона и лисица 51.—Крестьянинъ въ бѣдѣ 60.—
Кошка и соловей. 131.—Мельникъ. 214.—Мартышка и очки. 219.—Любопытный. 222.—
Зеркало и обезьяна. 222.—Слонъ и моська. 224.—Скворецъ. 298.
- Кольцовъ А.*—Пѣсня. 68.
К. Р.—Колокола 181.
- Лермонтовъ М.*—Казачья колыбельная пѣсня. 220.
- Майковъ А.*—Колыбельная пѣсня 18.—Весна. 198.—Весна 200.—Христосъ Воскресе! 235.—
Сѣнокошь. 278.—
- Маминъ-Сибирякъ Д.*—Зимовье на Студеной 152.—Приемышь. 292.
Мерзляковъ А.—Пѣсня. 291.
Модзалевскій Л.—Въ октябрѣ. 56.—
Морозовъ Н.—Зимой. 147.
Мятлевъ И.—Плавающая вѣтка. 32.—Розы. 252.

- Некрасовъ Н.*—Славная осень 24.—Передъ дождемъ 56.—Несжатая полоса 72.—Лѣтній вечеръ. 286.—Урожай. 299.
- Никитинъ И.*—„Ни тучи, ни вѣтра“. 302.
- Огаревъ Н.*—Деревенскій сторожъ. 114.—Изба. 133.—Дорога. 151.—„Была чудесная весна“. 215.—Засуха 304. :
- Одоевскій В.*—Бѣдный Гнѣдко 121.—Ваня шарманщикъ 134.
- Печерскій А.*—Ночевка въ лѣсу. 182.
- Плещеевъ А.*—Осень 23.—Весна 207.—Дождевыя капли 241.—Мой садикъ 241.—
- Пушкинъ А.*—На пожарѣ 32.—Осень 61.—Изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“ 73.—Изъ „Сказки о мертвой царевнѣ“ 74.—Зима 110.—Вожатый 124.—Зимняя дорога 146.—Зимнее утро 162.—Появленіе весны 202.—
- Сливицкій А.*—Бѣлячокъ. 69.
- Суриковъ И.*—Дѣтство 139.—По дорогѣ 204.
- Толстой гр. А. К.*—Осень 13.—„Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній таетъ“ 194.—„То было раннею весной“ 201. — „Колокольчики мои“ 239. — „Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы“ 284.
- Толстой гр. Л. Н.*—Два товарища 14.—Олень 21.—Бѣлка и волкъ 24.—Дикій и ручной осель 27.—Лошадь и хозяева 28.—Лгуни 29.—Тетеревъ и лисица 42.—Прыжокъ 216. Акула 296.
- Тургеневъ И.*—Материнская любовь 236.—Муму 242.—Перепелка 305.—Касьянъ съ Красивой Мечи—319.
- Тютчевъ Ѳ.* — „Зима не даромъ злится“ 195. — Весеннія воды 201. — Весенняя гроза 202.—„День вечерѣетъ“ 206.
- Туманскій Ѳ.*—Птичка 222.
- Ушинскій К.*—Тихе ѣдешь, дальше будешь 21.—Осень въ деревнѣ и въ городѣ 36.—Вѣтеръ и солнце 111. — Зима 112.—Изъ дѣтскихъ воспоминаній 194, 227, 234, 298.—Орель и кошка 207.—Дѣти въ рождѣ 224.—Пѣсня птички 286. Лѣто 301.
- Фетъ А.*—Осень 13.—„Чудная картина“ 132.—Береза 175.
- Фофановъ К.*—„Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ“ 235.
- Хемницеръ И.*—Лошадь и осель 28.—Друзья 130.—Скворецъ и кукушка 218.
- Цыгановъ Н.*—Рѣченька 300.
- Чеховъ А.*—Ванька 141.—Бѣлогорловый 185.—Весной 200.
- Чуриковъ Е.*—Коля и Колька 162.

Алфавитный указатель статей.

	Стр.		Стр.
Акула. гр. Л. Н. Толстого	296	За грибами. К. Бальмонта	333
Аеоня-дурачекъ. В. Даля	89	Зайнька. Ф. Берга	140
Береза. А. Фета	175	Засуха. Н. Огарева	304
Буранъ въ степи. С. Аксакова	177	Зеркало и обезьяна. И. Крылова	222
„Была чудесная весна“. Н. Огарева	215	Зима. А. Пушкина	110
Бѣдный Гвѣдко. Кн. В. Одоевскаго	121	Зима. К. Ушинскаго	112
Бѣлка. И. Крылова	26	„Зима не даромъ злится“ Ф. Тютчева	195
Бѣлка и волкъ. гр. Л. Н. Толстого	24	Зимнее утро. А. Пушкина	162
Бѣлоголовый. А. Чехова	185	Зимній день. С. Дрожжина	131
Бѣлячокъ. А. Сливницкаго	69	Зимняя дорога. А. Пушкина	146
Ванька. А. Чехова	141	Зимовье на Студеной. Д. Мамина-Сибиряка	152
Ваня шарманщикъ. Кн. В. Одоевскаго	134	Зимой. Н. Морозова	147
Весна. И. Бунина	199	Знаемъ. Н. Гарина	47
Весна. А. Майкова	198	Имба. Н. Огарева	133
Весна. А. Майкова	200	Изъ дѣтскихъ воспоминаній К. Ушинскаго	194, 227, 234, 298
Весна А. Плещеева	207	Изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“ А. Пушкина	73
Весенняя вода. Ф. Тютчева	201	Изъ „Сказки о мертвой царевнѣ“ А. Пушкина	74
Весенняя гроза. Ф. Тютчева	202	Казачья колыбельная пѣсня. М. Лермонтова	220
Весной. А. Чехова	200	Касьянъ съ Красивой Мечи. И. Тургенева	319
Вечеръ. И. Аксакова	319	Катанье съ горъ	123
Вожатый. А. Пушкина	124	Козель и лисица. А. Измайлова	279
Волкъ и собака	113	Колокола. К. Р.	181
Ворона и лисица. И. Крылова	51	„Колокольчики мои“ гр. А. Толстого	239
Воронъ и сорока	20	Колыбельная пѣсня. А. Майкова	18
„Вотъ ужъ снѣгъ послѣдній въ полѣ таетъ“. гр. А. Толстого	194	Коля и Колька. Е. Чирикова	162
Въ Октябрь. Л. Модзалевскаго	56	Коть, козель да баранъ. Народная сказка	63
Вѣтеръ и солнце. К. Ушинскаго	111	Котка и соловей. И. Крылова	131
Гвоздь	22	Крестьянинъ въ бѣдѣ. И. Крылова	60
„Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы“ гр. А. Толстого	284	Крошечка Харошичка. Народная сказка	48
„Гдѣ сладкій шопоть?“ Е. Баратынскаго	111	Кукушка. А. Измайлова	45
Гномы. К. Бальмонта	294	Кусака. Л. Андреева	333
Два мороза. Народная сказка	119	Къ зимѣ. К. Бальмонта	109
Два товарища. гр. Л. Толстого	14	Лгунъ. гр. Л. Толстого	29
„День вечерѣетъ“ Ф. Тютчева	206	Лебедь, щука и ракъ. И. Крылова	46
Деревенскій сторожъ. Н. Огарева	114	Левъ и мышь	15
Дикій и ручной осель. Л. Толстого	27	Лисица и виноградъ. И. Крылова	42
Дождевыя капли. А. Плещеева	241	Лисичка и кувшинъ. Народная сказка	17
Докучныя сказки	40	Лошадь и осель. И. Хемницера	28
Дорога. Н. Огарева	151	Лошадь и хозяева. гр. Л. Толстого	28
Друзья. И. Хемницера	130		
Дѣти въ рошѣ. К. Ушинскаго	224		
Дѣтская пѣсенка	44		
Дѣтство. И. Сурикова	139		
Дѣтство Ильи. М. Горькаго	346		

УИ - 14808

	Стр.		Стр.
Лутонюшка. Народная сказка	38	Поймалъ вора. В. Даля	253
Лѣстница. А. Измайлова	25	Появленіе весны. А. Пушкина	202
Лѣтній вечеръ. Н. Некрасова	286	Прибаутка	21
Лѣтомъ. Н. Грекова	277	Примѣты осени. Н. Грекова	358
Любопытный. И. Крылова	222	Приемышъ. Д. Мамина-Сибиряка	292
Мальчикъ у Христа на елкѣ		Птичка. Ѳ. Туманскаго	222
Ѳ. Достоевскаго	147	Пѣсня. А. Кольцова	68
Маргышка и очки. И. Крылова	219	Пѣсня. А. Мерзлякова	291
Материнская любовь. И. Тургенева	236	Пѣсня птички. Г. Андерсена	286
Мельникъ. И. Крылова	214	Розы. И. Мятлева	252
Млечный путь. К. Бальмонта	185	Ручеекъ. К. Бальмонта	232
Мой садикъ. А. Плещеева	241	Рѣченька. Н. Цыганова	300
Морозко. Народная сказка	116	Садко, богатый гость. Былина	92
Муму. И. Тургенева	242	Садъ. народная пѣсня	213
На волю. К. Баранцевича	228	Сигналь. В. Гаршина	256
На пожарѣ. А. Пушкина	32	Сказка объ Иванѣ царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ.	
Народная пѣсня	213	Народная сказка	75
Народные анекдоты	30, 54	Скворецъ. И. Крылова	298
Народная пѣсни	103	Скворецъ и кукушка. И. Хемницера	218
Наступленіе ночи. В. Вересаева	304	Славная осень. Н. Некрасова	24
Насѣдка. А. Измайлова	26	Слонъ и моська. И. Крылова	224
Наши животныя. Ѳ. Достоевскаго	56	Слѣпой и его подруга. В. Короленко	325
„Не всѣ сразу, господа!“	33	Совѣтъ мышей. А. Измайлова	290
Несжатая полоса. Н. Некрасова	72	Солдатская загадка. Народная сказка	53
Нива. Ю. Жадовской	325	Старый колодезь. Н. Гарина	310
„Ни тучи, ни вѣтра“ И. Никитина	302	Степанъ Ежикъ. И. Ивановича	264
Ночевка въ лѣсу. А. Печерскаго	182	Счастье. В. Даля	34
Обезьяна. И. Крылова	30	Сѣнокось. А. Майкова	278
Олень. гр. Л. Н. Толстого	22	Тетеревъ и лисица. гр. Л. Толстого	43
Орель и кошка. К. Ушинскаго	207	Тигръ и буйволы	19
Осень. К. Бальмонта	13	Тигръ ѣдешь, дальше будешь. К. Ушинскаго	21
Осень. А. Плещеева	23	„То было раннею весной“ гр. А. Толстого	201
Осень. А. Пушкина	61	Трудолюбивый медвѣдь. И. Крылова	31
Осень. гр. А. Толстого	13	Трусливый Ваня. Народная сказка	47
Осень. А. Фета	13	Убитая птичка. Д. Кайгородова	237
Осень въ деревнѣ и въ городѣ К. Ушинскаго	36	Урожай. Н. Некрасова	299
Передъ грозой. С. Гусева-Оренбургскаго	303	Хорошо да худо. Народная сказка	68
Передъ дождемъ. Н. Некрасова	56	Христось Воскресе! А. Майкова	235
Перелетная птичка. А. Пушкина	16	Что думаетъ деревенская лошадка.	
Перепелка. И. Тургенева	305	В. Водовозова	206
Плавающая вѣтка. И. Мятлева	32	„Чудная картина“. А. Фета	132
„По гнѣзда, по яйца!“ М. Богданова	209	Чужой разумъ. В. Даля	282
По дорогѣ. И. Сурикова	204		
„Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ“. К. Фофанова	235		

2015147603